

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 10

ISSN 2079-1488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

**STUDIA HISTORICA
EUROPAE ORIENTALIS**

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Основан в 2008 году

ВЫПУСК 10

Минск
РИВШ
2017

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 27 декабря 2016 г.)

Редакционная коллегия:

- А. В. Мартынюк* – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г. Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О. А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
А. А. Любая – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
М. Волощук – доктор исторических наук (Ивано-Франковск)
В. А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
О. И. Дзярнович – кандидат исторических наук (Минск)
Д. Домбровский – доктор исторических наук (Быдгощ)
Л. В. Левшун – доктор филологических наук (Минск)
А. В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И. А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
В. Нагирный – доктор истории (Краков)
Н. В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
В. А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В. А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А. И. Филлюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 10. – Минск : РИВШ, 2017. – 262 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Первый юбилей научного сборника «Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы» 5

СТАТЬИ 7

Гайденко П. И.

Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования) 9

Темушев С. Н.

Распространение дани из центра к периферии Древней Руси (на примере «установления» Ярославом Мудрым Ростовской земли) 34

Рассадзін С. Я.

Дзеячка нашага Сярэднявечча, невядомая ў Беларусі 48

Гулевич В. П.

Татары в кругу высокой европейской политики на церковном соборе в Констанце 60

Попель Р. І.

Кіеў і Кіеўская зямля ў творах чатырох замежных аўтараў XV ст. 76

Воронин В. А.

Ульяна Подберезская: история жизни 87

Ганчарэнка С. А.

Сенатарскія роды Вялікага Княства Літоўскага у 1566–1605 гг.: склад і структура 104

ИСТОЧНИКИ 125

Евстратьев О. И.

«Обещаем ехать в Норвегию»: сведения одного трудового контракта о территориальной мобильности «русаков» в XVII в. 127

Доўнар А. Б.

Рэформа кіравання горада і вёскі канца XVIII ст. у прыватных уладаннях (на прыкладзе маёнткаў Францішка Сапегі ў Заходняй Беларусі) 149

ДИСКУССИЯ	201
<i>Введенский А. М.</i> Не надо плодить Олегов! (Отклик на статью С. Н. Келембета)	203
РЕЦЕНЗИИ.....	205
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях»: альманах и его судьба (2014–2015)	207
<i>Скурко П. Д.</i> «А как попустил Бог занять Вильну» (Герасимова И. Под властью русского царя. СПб., 2015)	221
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	229
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> Что общего у света со тьмою?	231
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> Где ты, Русская земля?	241
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	251
РЕЗЮМЕ	253
SUMMARY	256
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	260

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ НАУЧНОГО СБОРНИКА «STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS = ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

В августе 2008 г. в Минске в Республиканском институте высшей школы прошла «Летняя школа молодых историков Беларуси и России», организованная при поддержке Фонда «Русский мир» (Москва). При подготовке к изданию сборника материалов летней школы у организаторов возникла спонтанная идея: поставить на обложке слова «Выпуск 1» – в надежде продолжить это издание и сделать его периодическим. Спустя десять лет можно бросить взгляд на десять выпусков, стоящих на книжной полке, и констатировать, что данная идея оказалась плодотворной.

Самым важным своим достижением редакционная коллегия считает тот факт, что удалось реализовать принцип «открытого издания»: не «сборник статей, заказанных редакцией у знакомых авторов», а полноценное периодическое издание, статьи для публикации в котором присылают исследователи из Беларуси и других стран. Важным этапом стало включение нашего сборника в перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Это не только подняло статус сборника, но и наложило на редколлегию и привлекаемых рецензентов большую ответственность за качество публикуемых статей.

Не все идеи и начинания удалось реализовать в полной мере. В первых номерах сборника наметилась филологическая составляющая, которая, к сожалению, не получила дальнейшего развития. По нашему мнению, недостаточно представлен в сборнике раздел рецензий и обзоров научных мероприятий – это, увы, слабое место большинства периодических изданий в Беларуси и соседних странах. Этому направлению редколлегия намерена уделять повышенное внимание, в том числе и путем целевого заказа соответствующих рецензий и обзоров. Тем не менее, сборник состоялся и нашел своих читателей. Сформировался и круг постоянных авторов – при том, что в каждом выпуске представлены и новые имена. Десятилетний юбилей дает повод еще раз зафиксировать основные принципы редакционной политики сборника «*Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*»:

Надрегиональный характер издания: сборник принципиально ориентирован на изучение восточноевропейского Средневековья в целом,

с целью не допустить дробления общего исследовательского поля на изолированные кластеры под названием «история Беларуси», «история Украины», «история России», «история Литвы» и т. д.

Научное качество публикаций: все без исключения поступившие статьи проходят научное рецензирование с привлечением независимых экспертов, редколлегия оставляет за собой право (и активно использует его) отклонять или направлять на доработку присланные статьи.

Принцип открытости: сборник был и остается открытым для авторов, представление статей не требует каких-либо формальных условий, оплаты и т. п. Единственными условиями публикации являются соответствие тематике сборника (история Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время) и качество представляемых статей.

В завершение ответственный редактор считает своим приятным долгом поблагодарить всех, чья помощь и поддержка обеспечивали издание научного сборника на протяжении этих десяти лет. В их числе – руководство Республиканского института высшей школы, сотрудники редакционно-издательского центра, члены редакционной коллегии и рецензенты – и, конечно же, все наши авторы, научный поиск которых и придает сборнику «*Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы» его индивидуальность!

*Ответственный редактор сборника,
Алексей Викторович Мартынюк*

СТАТЬИ

ЦЕРКОВНЫЕ СУДЫ И СУДОПРОИЗВОДСТВО В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ (ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ)

Церковный суд – одно из древнейших учреждений христианского мира. Его присутствие обнаруживается уже в т. н. «апостольский» период истории церкви. На существование в указанный период судов указывает множество прямых и косвенных указаний. Прежде всего, они представлены многочисленными поучениями и своего рода рекомендациями, встречающимися в посланиях апостолов Иакова, Петра и многочисленных творениях, связанных с именем апостола Павла (Тим. 5: 19–20; 1 Кор. 6: 1–6). Очевидно, что христианство изначально было знакомо с различными формами судопроизводства. И прежде всего это касается религиозных судов иудейского общества, с традициями которого продолжительное время был связан мир первых христиан, и римского судопроизводства. В своих проповедях Христос нередко поучал последователей наставлениями, обращавшими внимание слушателей к темам и примерам обычного и божественного суда (Мф. 5: 21; 7: 2; 12: 18; Лк. 11: 32, 42; Иоан. 3: 19; 5: 22–30; 7: 24; 8: 16; 9: 39; 12: 31; 16: 8–11). Не менее показателен пример апостола Павла, неоднократно обращавшегося к авторитету и защите римского суда и желавшего ради проповеди провозглашавшегося им учения предстать перед судом императора (Деян. 22: 25; 25: 10–12). Последователи Христа нередко прибегали к авторитету этих судебных систем, что, впрочем, не мешало христианам не менее регулярно не соглашаться с решениями названных судов. Весьма примечательно, что наиболее популярной и хорошо понятной для христианского сознания стала тема посмертного или Страшного Суда, нашедшая свое отражение как в евангельском повествовании, в апостольских наставлениях и творениях мужей апостольских, так и в тексте «Откровения» апостола Иоанна Богослова, по сути представляющего в своей книге грандиозную панораму Божьего Суда.

Уже на начальном этапе церковный суд приобрел ряд специфических черт, придавших ему неповторимое своеобразие и во многом усложнивших понимание его структуры, принципов организации и действия, а так же существенно затруднивших осознание общественной роли и целей существования данного института. Возникавшие отличия

объяснялись системой ценности древнерусского средневекового общества и господствующего в нем сознания. Так, например, при вынесении решения о компенсациях потерпевшей стороне за причиненный ей материальный или физический ущерб судья и использовавшиеся им нормы права исходили не столько из принципов возмещения и компенсации реальных утрат, сколько из требования и необходимости восполнить моральный ущерб, выразившийся в нанесенном пострадавшему оскорблении или унижении, «обида» [48, с. 240–246]. Не менее наглядно указанная сторона церковных судов выявилась в системе неминуемых противоречий, возникавших в повседневной практике. Например, при вынесении решений судья должен был руководствоваться не только буквой закона или обычая, но и еще двумя не менее антагонистическими положениями – справедливостью и милосердием. Примерами этого может служить суд Христа над блудницей, заслуживающей смерти, но в итоге оправданной и прощенной (Иоан. 8:3–11). В некотором смысле внутренний конфликт возникает уже в оправдании деятельности церковных судей, обязанных вынести свое решение. С одной стороны, их функции и статус находят оправдание в апостольских рекомендациях (1 Кор. 6: 1–6) и богатой последующей практике жизни и деятельности христианских общин [90, с. 622–655]. С другой стороны, существует вполне ясное обращение Христа о недопустимости осуждения других: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1). В традиционном понимании и в большинстве толкований упомянутый запрет касался личного осуждения. Тем не менее, при вынесении решения судья неминуемо несет личную ответственность за принимаемое им постановление, поскольку как человек может быть подвержен большей или меньшей степени пристрастности.

Не менее сложной представляется проблема формальной организации суда: его структуры, процедур, порядка вынесения решений, их обжалования или исполнения. В любом случае, в идеале, церковный суд должен был отражать божественное волеизъявление, являвшееся в соборном решении церкви, строгом следовании каноническим нормам судьи или коллегии судей или же в прямом божественном вмешательстве. В данном случае показательно новозаветное повествование, описавшее жизнь первых христиан. Некий Анания и его супруга Сапфира, вступая в общину, утаили от единоверцев часть своего богатства. За это они были испытаны Петром. Согласно «Деяниям апостолов» приговор над виновными был вынесен и приведен в исполнение не апостолами, а самим Духом Святым (Деян. 5: 1–11). При этом никакой особой строго

прописанной формальной процедуры христианского суда еще не существовало. Функции судей несли главы религиозной общины.

Независимо от того, как бы ни решался вопрос о том, из чьих рук приняла Русь христианство, из Болгарии [63, с. 32–39; 54, с. 27–30] или из Константинополя [42, с. 15–33; 30, с. 30–31; 25, с. 13–21; 78, с. 19–20], греческое или восточно-христианское влияние, сформировавшееся в условиях византийского мира, оказалось определяющим. Церковные суды домонгольской Руси можно рассматривать главным образом в качестве одного из зримых результатов византийского канонического наследия. Само древнерусское церковное сознание считало важным регулярно подчеркивать прямую связь своих канонических практик именно с восточно-христианской традицией и Константинопольской кафедрой. Свою связь с Константинополем подчеркивали самыми разными способами. Наиболее наглядно данная тенденция выражалась чрез постоянное связывание Русью своей церковной канонической традиции с Константинопольской кафедрой посредством отсылок большинства редакций церковных уставов князя Владимира и устава князя Всеволода к авторитету «греческих царей» и патриарха Фотия [84, с. 14–15, 18, 19, 21, 22, 30, 37, 42, 46, 54, 72, 76; 87 с. 154]. В несколько более позднее время в Никоновском своде подобная преемственность выводилась чрез установление неких исторических параллелей между процессами, протекавшими на Руси и событиями, происходившими в империи и в Болгарии.

Впрочем, ситуация на Руси видится более сложной. Имеющийся в распоряжении историков корпус каноническо-правовых, летописных и иных источников позволяет заключить, что церковное пространство древнерусского государства было лишено единства, а комплекс укоренявшихся в сознании и практиках общин и их пастырей христианских норм отличался эклектичностью и напластованием множества влияний. Историк древнерусской церковной организации Т. Ю. Фомина назвала возникший феномен «каноническим плюрализмом» [88]. Данное обстоятельство нашло свое выражение в ряде обстоятельств: в существенном ограничении власти киевских первосвященников, а также в периодах одновременного существования нескольких митрополичьих кафедр. Достаточно заметить, что во второй половине и конце XI века помимо Киевской отмечено существование Черниговской и Переяславской митрополий [63, с. 73, 79–80, 83; 12, с. 84–115; 45, с. 207–245]. В середине XII века в Киевской митрополии одновременно действовало два конкурировавших между собой митрополичьих

центра, формировавшихся вокруг находившегося в Киеве Климента Смолятича и бежавшего в Чернигов грека Константина [82; 2]. Не способствовало единству церковной жизни отсутствие между епископиями ясных административно-территориальных границ. Я. Н. Шапов попытался реконструировать возможные границы епархий. Однако представленная им карта не может рассматриваться как историческая действительность и должна оцениваться только в качестве некоей концепции. Столь же условны и карты, предложенные А. Н. Насоновым. В данной ситуации позиция составителей нового атласа Русской Церкви, готовившегося под редакцией Г. Н. Озеровой и призванного отразить административно-каноническое деление и ситуацию на Руси, существенно иная. Авторы этой фундаментальной и беспрецедентной по масштабам и скрупулезности работы вполне резонно отказались от пути, предложенного выдающимися российскими историками, и не стали проводить каких-либо демаркационных линий между епархиальными областями (епископиями) в отношении домонгольского периода истории Русской Церкви. Возникшая ситуация объясняется тем, что в рассматриваемый период, X – первая треть XIII века, границы между княжествами, территории которых обычно и рассматриваются в качестве канонических округов местных кафедр, были лишены желаемой конкретности и ясности [93, с. 49; 46; 57]. Наконец, при анализе сложной внутриканонической ситуации на Руси необходимо принимать во внимание присутствие на территории епископских округов канонических юрисдикций, не подотчетных архиерею: латинских, монастырских, княжеских и боярских. Эта нестабильность ясно обнаруживается и в процессах церковно-политической автономизации некоторых земель (Новгорода, Владимира, Турова) [17, с. 108–110], а также в особенностях организации церковного строя и регламентации канонической жизни местных кафедр и обителей, существенно ограничивших права митрополитов даже на их посещение [15]. Учитывая материальные противоречия, которые порой вспыхивали в церковной среде, отношения между епископами, с одной стороны, и храмами и монастырями, с другой, нередко приобретали характер неприкрытого соперничества и даже явного конфликта. В качестве примеров, подтверждающих подобное положение дел, могут рассматриваться продолжительный конфликт между Печерским монастырем и киевской первосвятительской кафедрой, а также противоречия между епископской кафедрой Новгорода и купеческой общиной храма Ивана на Опоках. В последнем случае вмешательство князя привело к огра-

ничению прав архиерея и его богослужебных наездов в церковь, приводивших к истощению общинной казны и к существенным материальным тратам ктиторов [63, с. 170, 175, 179, 187, 198, 220–222; 86, с. 160–163].

К тому же очевидно, на Руси в XI–XIII веках одновременно действовало несколько христианских миссий: во-первых, приходившие «из грек» митрополиты и византийский епископат; во-вторых, болгары, влияние которых в области создания древнерусской письменности давно стало объектом пристального исследования, и, в-третьих, западноевропейские, прежде всего ирландские монашеские миссии, присутствие и авторитет которых в Киеве и Новгороде не подлежит сомнению. Такая зависимость в области политических процессов и языка была прослежена в огромном количестве работ, среди которых наиболее значимыми считаются исследования В. М. Истрина, Г. Г. Литаврина, Д. С. Лихачева и других [31, с. 27, 37–39, 89, 94–114; 74, с. 124–133; 39, с. 438–452; 41; 83, с. 9–17, 181–234]. Столь же существенно исследовано ирландское и западноевропейское влияния в Новгороде и на Руси [76; 38; 26, с. 559–576; 44, с. 46–79; 70; 37].

Несомненно, свое влияние на формирование канонической ситуации на Руси оказывала и социальная разобщенность духовенства по достатку и происхождению, и отсутствие крепких уз между самим древнерусским епископатом. Не вызывает сомнения тот факт, что степень ответственности духовных лиц различалась как от их социального статуса и подданства, так и от политической конъюнктуры. В данном отношении показательны митрополичьи суды над новгородским архиереем Лукой Жидятой, суздальским епископом Леоном и любимцем князя Андрея Боголюбского, владыкой Феодором. Если Луку и Феодора, выходцев из местного населения, судили в Киеве в соответствии с нормами византийского права [57, стб. 182–183; 58, с. 118; 43, с. 146–152; 9, с. 536–3], то злоупотребления Леона так и не достигли княжеского суда и его дело, как грека, было передано императорскому рассмотрению [55, стб. 352]. Решения судов над обвинителями Луки и над владимирским архиереем отличались жестокостью. Так, епископ Феодор был ослеплен, лишен правой руки и языка [55, стб. 356]. Ослепление – наказание, широко употреблявшееся в Византии. Оно имело символический характер, указывая, что человек, подвергнутый столь страшной экзекуции, потерял способность различать зло и добро. К тому же к ослеплению и отсечению руки приговаривались лица, запятнавшие свою совесть воровством из алтаря или храма, а так же виновные в похищении свободного

человека и городского имущества (воровство, совершенное в городе) [91, с. 172, 175, 177]. Что касается вырывания языка, то вероятно, выбранная митрополитом расправа объясняется какими-то речами Феодора в адрес митрополита и Византии, а также какими-то взглядами, которые могли быть оценены судьями как еретические. Впрочем, Эклога предусматривала отсечение языка за ложные клятвы, данные при Евангелии (Титул VII ст. 2) [95, с. 68]. А значит, во время процесса Феодора обвинили во лжи и в заведомо ложном принесении священных клятв, какими обычно предварялось судебное заседание, ограждая участников процесса от обмана. Тесно примыкает к названным процессам и арест Иоакима Туровского, смещенного с кафедры волей киевского князя. Арест этого архиерея и его «позорный» привод в оковах в Киев [55, стб. 314; 56, стб. 330], как и дальнейшее удаление с туровской кафедры Кирилла отразили процессы политической автономизации одного из важнейших центров Киевской земли [22, с. 163–224; 79, с. 231; 34, с. 61–143; 89, с. 237–419; 88]. Не менее наглядно эти события показали и то, напряжение, какое присутствовало в церковной среде в отношениях между греками (византийцами) и русскими.

Очевидно, византийцы-клирики не могли быть судимы ни светскими, ни церковными властями Руси. Достаточно сказать, что одиозный митрополит Константин за поспешное проклятие, наложенное на князя Изяслава Мстиславича, был изгнан из Киева, но не казнен [56, стб. 503]. Именно это обстоятельство позволило опальному первосвятителю в дальнейшем весьма благополучно, при опоре на черниговскую ветвь Рюриковичей и местного епископа Антония, создать в Чернигове новый церковный центр и мирно скончаться, запомнившись в памяти потомков обстоятельствами своего необычного погребения [55, стб. 349; 40, с. 80–177]. Что же касается судеб туровской кафедры, то церковная власть в лице митрополита поддержала претензии великокняжеской власти к Турову, пойдя на явные нарушения канонов, выразившееся первоначально в закрытии по политическим мотивам на продолжительный период одной из старейших кафедр, а несколько позже, в поставлении в Туров при живом епископе Кирилле, выдающейся и незаурядной личности, слабовольного и лишенного каких-либо достоинств Леонтия [17, с. 109–110].

Весьма специфическим в системе судопроизводства оказывался институт епископов, которые по природе своей власти обладали правами судей, а рассмотрением ими каких-либо дел оценивалось как епископский суд, в значительном большинстве случаев не требовавший каких-либо

формальных действий. В результате, епископская власть оказывалась фактически неподсудной и неподконтрольной пастве и духовенству, что во многом обеспечивалось канонами, предполагавшими крайне жесткие критерии к тем, кто был готов выступить судьей, обвинителем или даже свидетелем по делу епископа. Согласно правилам, обвинение на епископа мог дать только «достойный человек» и только при свидетельстве двух или трех лиц, которые не повинны в какой-либо ереси. Епископ мог быть судим одними только епископами, причем желательно собором всех епископов области (не менее 12), и лишь при условии призвания от епископов. Более того, при невыполнении ряда сложных процедур, обвинитель мог быть сам подвергнут самым строгим наказаниям вплоть до отлучения. Но не менее примечательно то, что если кто-либо из епископов, участников суда, будет замечен в «пристрастности» к обвиненному собрату, то таковому правилами рекомендовано не являться на процесс (Ап: 74, 75; II всел: 6; VII конст.; антиох.: 14, 15; карф.: 12, 19 (28); Кирилл Алкс.: 1) [61, с. 155–158, 262–270; 62, с. 73–75, 142–143, 153–155, 165–167, 523–524]. К тому же, в случае оправдания архиерея, его обвинителям грозила самая жестокая расправа. Пример подобной расправы – наказание Дудика и его товарищей: **«Дудици же холопоу оскомины быша, оурезаша емоу носа, и роуце обе оусекоша»** [57, с. 118]. Очевидно, что Дудик был наказан за то, в чем сам обвинял епископа. Отсечение рук указывает на присвоение себе епископом церковного и храмового, в том числе алтарного, имущества, а отсечение носа – за якобы имевший место блуд с монахиней или женщинами (Титул VII ст. 23–28, 30–34) [43, с. 147–150; 95, с. 70–72]. Именно данным обстоятельством можно объяснить фактическую неподсудность епископата и крайне негативное отношение современников к архиерейским судам на Руси. При том, что церковные разбирательства настигли часть архиереев, однако в подавляющем большинстве случаев они были либо несправедливыми, либо носили характер вынужденной расправы и оказались возможными только при вмешательстве княжеской власти, как это случилось в истории Феодора Ростовского или Кирилла Ростовского [55, стб. 452]. При этом ни один епископ или митрополит, кроме, пожалуй, Феодора, так и не понес наказания за обвинения в жестокостях, материальных злоупотреблениях и симонии. Даже Кирилл был призван к ответу лишь после того, как ушел на покой в монастырь [24, с. 109; 16, с. 106–111; 52, с. 40–59]. Что касается епископских судов над мирянами и духовенством, то житие Авраамия Смоленского, сравнивавшее страдания Авраамия страстям Христовым и незаслуженным мучениям

Иоанна Златоустого, уподобляло епископский суд судам Пилата и Синедрона [27, с. 38–45]. Подобным же образом современники оценивали и события падения Киева под ударами союзных дружин, руководимых Мстиславом Андреевичем. Настигшее город бедствие и его полное разграбление объясняли «митрополичьей неправдой» в отношении Поликарпа Печерского [55, стб. 354].

Возникшая ситуация не могла ни сказаться на процессах формирования местного корпуса канонических сводов. Есть все основания полагать, что продолжительное время на Руси отсутствовали единые канонические нормы, и в своей практике духовенство руководствовалось теми сборниками, которые ему были доступны волей обстоятельств или отражали духовные искания настоятелей монастырей и архипастырей. Примеры подобного разнообразия достаточно многочисленны. Так, введение в Печерской обители Студийского устава было заслугой преподобного Феодосия и иеромонаха Ефрема, а также отчасти результатом деятельности на Руси своего рода «студийской партии», представленной группой выдающихся греческих и местных иерархов XI века [28, с. 334, 335; 50, с. 155–176; 60, с. 18–45]. Большинство иноков иных обителей подвизались своекошно. В это же время обитель Антония Римлянина изначально представляла пример общежительного монастыря, что видно из постройки трапезной. Собственно, появление «Вопрошаний» и княжеских уставов отражало не только попытки приспособить византийское церковное право к специфическим реалиям восточнославянского общества, но и изобличало незрелость канонического сознания местного христианства, находившегося только на начальной, «переходной стадии» своего развития. Данное обстоятельство весьма точно отмечено В. В. Мильковым [44, с. 297]. Кроме этого «Вопрошание Кирика» и канонические ответы митрополитов Иоанна и Георгия обнаружили неосведомленность или плохое знание местным духовенством святоотеческих канонических норм. Более того, в ряде случаев тексты «вопрошаний» свидетельствуют о пренебрежении священством и епископатом древними церковными уставами [13, с. 139–157]. Причины данного явления следует искать не только в ментальных особенностях и слабостях начатков церковной жизни Древней Руси, но и в низком образовании и сомнительной подготовке большинства пастырей, обнаруживавших самое поверхностное знакомство с каноническими нормами. В результате, далеко не всякий священнослужитель был способен оценить правомерность использования тех или иных сводов и предлагавшихся в них наставления. Появление в «Вопрошании Кирика» вопросов, связанных с использованием заказных

литургий и обилие мелких ритуальных норм, не только отражало силу влияния на местную духовническую практику ирландских и западноевропейских традиций, но и свидетельствовало о слабости богословской и канонической компетентности самих пастырей [11, с. 174–176]. Вполне возможно, Кирик формулировал свои вопросы с намерением получить вполне ожидаемые им ответы. Не исключено, что они, составив основу созданного в Новгороде свода, способствовали реформированию церковной жизни Новгорода в преодолении ирландского наследия в духовнических практиках и помогли утверждению здесь, в городе, византийских церковно-правовых, нравственных и литургических норм. Впрочем, не менее наглядны ответы митрополита Иоанна, обличающие нежелание или неспособность местных епископов контролировать каноническую ситуацию в своих округах, а так же изобличающие довольно «пеструю» нравственную атмосферу жизни духовенства и монашества [32]. Все перечисленное приводило к вторжению в жизнь епископий, обителей и мирских церквей самых разнообразных влияний, обусловленных личными способностями (или отсутствием таковых) духовных лиц, княжеской волей, местными обычаями, западноевропейскими и ирландскими церковными традициями [76, с. 175–234; 37, с. 103–190; 36, с. 145–151], а также южнославянским и византийским заимствованиями [92; 49].

Наиболее наглядным примером волевого решения, обусловленного личным желанием, служит дарение Владимиром Святославичем главному храму Киева десятины. Свой шаг князь сопровождал закланием [55, стб. 124]. Сделанная по этому случаю надпись на стене храма означала одно: решение крестителя Руси было прежде всего его личным поступком и, по всей видимости, полного одобрения ни у потомков, ни у элит поддержки не находило [51, с. 7–16; 14, с. 106–108].

Примером церковно-правовых памятников, отражающих местные традиции, служат Уставы, вносившие в канонические нормы, не известные Византии десятину, штрафы за совершавшиеся прегрешения-проступки и даже наблюдение за чистотой мер и весов. Все эти «новшества» отражали традиционные представления местного населения о том, как следует соблюдать основы нравственности и охранять чистоту веры. Не менее показательны и то, что в своем споре с Климентом Смолятичем грекофил Нифонт отказался от признания канонического решения собора, вынесшего свою волю большинством голосов, и настаивал на соблюдении вечевого принципа единогласия.

Существенное влияние на каноническую ситуацию оказывало состояние самого древнерусского государства и общества. Большинство

исследователей истории Русской Церкви вполне обоснованно высказывались за то, что по своему развитию Древняя Русь и ее социальные и политические институты значительно отставали от Византии. Поэтому вполне естественно и закономерно то, что и заимствованные из империи церковные институты должны были приспособиться к новым, во многом варварским условиям своего существования. Социально-политические, экономические, административные, правовые и мировоззренческие реалии Византии и Руси не совпадали. В возникшей ситуации ни о каком прямом переносе византийских церковно-правовых норм и их точном копировании в новых условиях не могло быть и речи. Поэтому вся возникавшая совокупность сложных и взаимосвязанных политических, социальных, экономических, ментальных и религиозных процессов, вызванных трансформациями в древнерусском государстве и восточнославянском обществе, не могла не найти своего отражение в правовой деятельности государства в лице княжеской власти [66, с. 106–126]. Естественно, что происходившие сдвиги повлияли и на формировавшиеся на Руси новые церковные институты, в том числе и институт церковного суда, придав им определенные специфические черты, существенно отличавшие их обычного суда.

В восточно-христианской и русской традициях церковный суд обладает рядом существенных черт, отличающих его от светского суда [19, с. 15–16].

Во-первых, церковный суд в условиях Древней Руси не может рассматриваться в качестве носителя государственной власти. Его сфера связана с регулированием религиозной жизни христиан. Хотя легитимность церковных судов обеспечивалась авторитетом княжеского влияния, а в некоторых случаях отражала интересы княжеских кланов. Уже само появление княжеских уставов, регламентировавших права церковных судов, наиболее наглядно демонстрировало ситуацию, при которой даже в христианской среде решения церковных судов не воспринимались в качестве обязательных без санкции князя. Впрочем, в истории Русской Церкви хорошо известны и более яркие примеры вмешательства князей в деятельность церковных судов и даже пересмотра принятых на них решений. Так, Авраамий Смоленский был спасен от епископской расправы по обвинениям, одобренным большинством городского духовенства, только тем, что князь не согласился с решением судей в отношении игумена и отказался санкционировать их волю [27, с. 44, 45]. Несколькими десятилетиями ранее Андрей Боголюбский пересмотрел решение митрополичьего суда над Поликарпом и возвел

опального игумена в киевские архимандриты [63, с. 220–221]. Нечто подобное произошло и в период противостояния Климента Смолятича и Нифонта Новгородского. Поддержав своего любимца и арестовав самонадеянного владыку, Изяслав, тем не менее, отказал митрополиту в расправе над непокорным Нифонтом [33, с. 352–353].

Во-вторых, юрисдикция церковного суда, определявшаяся князем, распространялась исключительно на христиан, церковных людей и на дела, связанные с церковной жизнью и делами нравственности [94, с. 115–135, 279–306].

В-третьих, церковные суды действовали в рамках канонического, а в некоторых случаях и «светского» права, нормы которого пересекались с интересами и практиками церкви. Примером этого может служить законодательство Византии, продолжительное время не знавшее жесткого разделения между светскими и религиозными нормами. Собственно и на Руси Эклога и Прохирон воспринимались в качестве источников не только княжеского, но и церковного права [92, с. 49–64; 91, с. 5–9; 23, с. 247–248].

В-четвертых, выносившиеся приговоры, имели характер епитимий, сугубо нравственно-религиозных наказаний, которые могли сочетаться с прещениями, заимствованными из княжеской и византийской судебной практики (в данном случае имеются в виду штрафы и членовредительные меры, которые едва ли можно рассматривать в качестве епитимий). Церковные наказания – шаги, вытекающие из внутренней необходимости религиозной жизни, выражающиеся в «лишении члена церкви церковных благ и прав» с целью вразумления, согрешившего брата, восстановления справедливости и причиненного ущерба [75, с. 12–24].

В-пятых, правосудие осуществлялось преимущественно лицами, облеченными духовным званием, как правило, епископским, хотя сама наказания могли оставаться за княжеской властью. Так, значительная часть положений Устава Ярослава помимо наказаний, налагавшихся митрополитом, оговаривала и участие в деле княжеской власти («князь казнит»: статьи 2, 3, 4, 8, 14, 30, 31, 35) [86, с. 86–89]. Не менее спорным представляется проблема того, кем приводилось в исполнение вынесенное на суде решение. Весьма сомнительно, чтобы кровавая расправа над епископом Феодором Ростовским, как «повелел» о том митрополит Константин, была совершена самими церковными людьми. Наиболее вероятно, что его экзекуцию осуществляли княжеские люди. Подобным образом княжеская власть обеспечила возвращение в епар-

хиальную казну имущество, присвоенное епископом Кириллом. Правда темница, в которой пребывал Авраамий Смоленский со своими двумя учениками, охранялась «людьми, приставленные для этого епископом» [55, стб. 356, 452; 27, с. 44, 45].

В-шестых, в древнерусской церковной организации отсутствовал институт «самостоятельных», «профессиональных» судей. Н. Заозерский высказывался по данному вопросу довольно определенно, отметив, что в восточно-христианской традиции судебная власть не была отделена ни от законодательной, ни от исполнительной властей. Она представляла собой своего рода проявление общих обязанностей по регулированию церковных отношений, а так же вразумлению и исправлению паствы [29, с. 3, 35]. Функции и обязанности судей лишь на время возлагались на должностных лиц епископий. Так, Авраамия Смоленского судили особо собранные епископом игумены и духовенство города [27, с. 44, 45]. Но наиболее наглядно данная особенность суда выразилась в природе канонической и юридической власти епископа, наделенного в границах окормляемого им округа правом судьи уже в силу своего сана [29, с. 3, 130; 77, с. 22].

Функции и принципы действия церковного суда Древней Руси во многом совпадали с целями и принципами организации и деятельности княжеских судов. Так, при вынесении приговора церковный суд учитывал социальное происхождение нарушителей права. Например, если за блуд с женщинами или многоженство мирянин мог отделаться только епитимьей, например, отлучением от причастия или даже внушением, то за эти же преступления епископ или люди из его окружения могли поплатиться не только саном, но и здоровьем и даже жизнью. В данном отношении показателен 30 вопрос Кирика: **«Вот как Клим велел давать причастие холостым на Велик День, сохранившим себя в чистоте на протяжении Великого поста: “Если только иногда согрешали — [дай], посмотрев, не было ли то с замужней женщиной, или какое большее зло. Тогда снова решится обратиться к добру”»**. За подобное преступление Эклога предполагала иное, более жесткое наказание: **«Если кто-либо вступил в связь с замужней женщиной, то и он, и она подвергнутся отрезанию носа, потому что из-за такой связи происходит развод и разорение детей и так как при этом не соблюдается заповедь господня, которая гласит, что Господь соединил их [т. е. состоящих в браке. – П. Г.] во едином теле»**. Пример Дудика, изуродованного решением церковного суда, вполне наглядно рисует ситуацию, при которой церковное лицо за блудный проступок

(или за необоснованное обвинение в блуде иного) наказывалось более строго, чем за этот же проступок понес бы ответственность обычный мирянин (Кирик: 30, 82, 84) [7, стб. 31; 58, с. 118]. Правда, необходимо отметить, что более жесткие санкции в отношении духовенства в целом были оправданны, поскольку в условиях господства языческих норм, двоеверных практик и крайне поверхностного усвоения образцов христианского учения, от пастырей, значительная часть которых была близка к своей пастве и происхождением и отношением к укоренившимся обычаям, ожидалась образцовая жизнь и незазорное поведение. Об укорененности языческих представлений в народной среде и о причастности пастырей к «освящению» народных обычаев сообщают как летописи, так и иные произведения ранней древнерусской мысли: «Слово св. Григория», «Слово некоего христороубца» и «Вопрошание Кириково» (Кирик: 11, 33, 91) [55, стб. 170, 174–181; 73, с. 286–289; 72, с. 305–309; 7, стб. 27, 31, 48; 44, с. 184–259; 67, с. 8–30; 3, с. 360–383].

Названная особенность усугублялась различием принципов наказания в византийском и древнерусском праве. Если в империи в значительной части случаев при вынесении судебного постановления господствовал принцип адекватного возмездия виновнику преступления, то в древнерусском праве, с его обилием штрафных санкций, преследовали иную цель – максимальную компенсацию ущерба пострадавшему. К тому же система штрафов выступала эффективным способом пополнения княжеской казны и оказания давления на население. Названное противоречие проявилось уже на начальном этапе распространения христианства на Руси. Попытка греческого духовенства ввиду участвовавших разбоев заменить штрафные санкции казнью не нашла поддержки в окружении Владимира Святославича. Скорее всего, разбои были направлены против церкви [55, стб. 127]. Но, так или иначе, введение византийского права было признано неудачным новшеством, ошибкой [68, с. 2902–91].

Церковные суды Древней Руси, подобно церковным судам иных эпох выполняли следующие основные функции: 1) охрана канонического порядка в церкви; 2) укрепление церковного авторитета в обществе; 3) воспитание и вразумление членов церкви [18]. Вместе с тем, в сложных условиях развития восточнославянского общества и его государства, суды решали еще две важнейшие задачи: на протяжении всего домонгольского периода они выступали одним из ключевых источников дохода для митрополичьей кафедры и епископий и одновременно являлись эффективным средством осуществления архиерейской

власти по поддержанию канонического и административного единства на территории епископских округов, хотя последнее нередко приводило к несправедливым приговорам [16, с. 111–112]. Введенные Ярославом Мудрым судебные нормы принципиально отличались от тех, которые присутствовали в Византии. Их главная особенность – наличие существенных штрафных санкций для провинившихся. С одной стороны, нельзя исключать того, что такой способ «вразумления» вчерашних язычников оказался достаточно эффективным. Огромные виры за те или иные нарушения нравственности, подкрепленные княжеской санкцией, исключавшей принцип добровольности принятия наказания и не допускавшей возможности уклонения от возмездия, могли легко «убедить» виновного более не совершать подобные проступки. С другой стороны, епископы и митрополит в своих судах вполне успешно использовали и нормы «Эклоги», и иные епитимейные сборники, введение которых в практику не предполагало княжеского вмешательства. Из этого следует, что главная цель Судного устава Ярослава для церкви – обеспечение ее материальными доходами помимо обременительной для князя и его казны десятины.

Правоприменительная практика церковного суда была ограничена церковной иерархией, духовенством, церковными людьми и всеми христианами, находившимися в канонической юрисдикции древнерусской церковной организации. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных следующим образом оговаривал круг лиц, подпадавших под власть церковного суда: **«А се люди сборныя церкви преда ны митрополитом и епископом: игоумен, игоумения, поп, попадиа, поповичеве, чернець, черница, диакон, диаконоваа, проскоурница, и кто в клиросе, пономарь, дяк и вси причетници церковней и дети их, вдовиця, калека, лечець, прощеник, задушный человек, прикладник, хромець, слепець»** [84, с. 18–19]. Перечень лиц, подпадавших под суд епископа, несколько видоизменялся в зависимости от времени и места создания списков Устава. Однако основной круг церковных людей оставался неизменным. Очевидно, что каноническая власть церкви была существенно ограничена в отношении правящего дома Рюриковичей, византийцев (подпадавших под суд императора), если те не совершали уголовных преступлений, и на инославных христиан. Так, например, отсутствует какое-либо осуждение князя Андрея Боголюбского за установление фактической церковной автономии местной епископии от Киева. Несомненно, виновником канонического конфликта необходимо считать не епископа Феодора, а князя. Тем не менее,

действия Андрея Юрьевича не вызвали какой-либо реакции со стороны иерархии. Даже осмелившийся обличить князя Кирилл Туровский, хоть и называл его «хромцом», но обещал амбициозному правителю Владимира и его жестокому любимцу спасение [64, с. 202–212]. Отсутствует прямое осуждение Андрея и за разграбление Киева, падение которого связывается лишь с Мстиславом Андреевичем и трактуется как божественная кара за несправедливости митрополита [55, стб. 354]. Не менее милостив был к Андрею и патриарх Хрисоверг [59, с. 223–230; 21, стб. 63–76]. Несколькими десятилетиями ранее подобным образом развивались события вокруг Изяслава, добившегося поставления на Киевскую первосвятительскую кафедру своего выдвиженца Климента Смолытича [56, стб. 340–341]. Даже властный Нифонт не посмел в чем-либо упрекнуть князя. Очевидно, что наложенное митрополитом Константином проклятие на покойного Изяслава не встретило поддержки ни у духовенства, ни у высшей иерархии. Не вполне ясно, насколько данный поступок первоиерарха был согласован и с владевшими на тот час киевским престолом черниговцами. Но наиболее показателен случай князя Олега Святославича, который отказался быть судимым епископами и игуменами, которых этот грозный враг Мономаха и Святополка в своей ответной речи киевскому князю поставил в один ряд со смердами [56, стб. 220]. Пожалуй, единственный случай довольно резкого осуждения поступков князя со стороны иерарха, поддержанный в том числе и в церковной среде, – отказ Нифонта Новгородского венчать князя Святослава Олеговича. Однако за этим решительным шагом, каноничность которого сомнительна, прослеживается союз Нифонта с местной знатью, имевшей к князю существенные претензии. В итоге, решение Нифонта спровоцировало покушение на Святослава [57, с. 209]. Так что в поступке святителя прослеживается не столько архипастырская ревность к соблюдению церковных канонов, сколько политическая интрига, выстроенная на оппозиционных настроениях местных элит.

Не менее интересно отношение на Руси к византийцам. Согласно договорам Руси с Византией, «христиане» (т. е. греки или византийцы), совершавшие уголовные преступления на территории Руси или наносившие здесь существенный материальный ущерб, могли наказываться на месте [55, стб. 32–37, 46–52]. Помимо отмеченного, нормы «Вопрошания Кирика» при обращении православного христианина в латинскую «божницу» предполагали наказание не немецкого священника, не отказывавшего в помощи, а пришедшей к нему за помощью «бабы» (Ил.: 16) [7, стб. 60]. Подобные признаки присутствуют

в истории Антония Римлянина и его обители. Очевидно, что до Нифонта монастырь действовал самостоятельно от кафедры и попал под власть новгородского епископа только с возведением Антония в игумены, что продолжительное время воспринималось монахами с сожалением, как вынужденная мера. Во всяком случае, в завещании Антония присутствует попытка сохранить остатки прежней автономии, что нашло свое отражение в категорическом запрете принимать игуменов от князя, епископа или кого бы то ни было [71, с. 269].

Что касается язычников, если они только не были волхвами, то оставались вне церковной юрисдикции. Однако, как долго сохранялось такое положение дел, однозначно сказать трудно. Что же касается волхвов, именование которых наверняка было заимствовано из евангельского текста, то в борьбе с ними церковь прибегала не столько к силе убеждения, сколько к помощи княжеской власти. Как бы ни интерпретировались образ жизни и деятельность этих волхвов, в их лице церковь встретила существенную угрозу. О степени этой угрозы можно судить по восстаниям, отмеченным под 1024 и 1071 гг. В условиях неурожая, политической нестабильности в Киеве и малой авторитетности церковной иерархии, эсхатологические речи языческих волхвов в Белоозере, на берегах Днепра, в ростовской земле и в Новгороде отличались убедительностью и силой воздействия на слушателей. Особенно сложной оказалась ситуация в Новгороде. Здесь проповедь волхва, выступившего против местного епископа, оказалась настолько влиятельной и нашла такую поддержку, что, по слову летописца, на сторону смутьяна, перешел едва ли не весь город. И только вмешательство князя Глеба и дружины спасло архипастыря от неминуемой расправы [55, стб. 147–148; 174–181; 28, с. 212; 5, с. 26; 81, с. 89; 80, с. 113–131; 53, с. 274; 1, с. 237–263; 8, с. 59–71; 69, с. 15–16].

Церкви были переданы дела, прежде находившиеся в ведении общины или городского суда, а именно преступления, касающиеся нравственности и примыкавшие к ним споры о наследстве. Помимо этого Новгородская церковная организация выступила хранительницей мер и весов, что должно было предупредить экономические конфликты торговых корпораций и отчасти обеспечивало внутреннюю политическую стабильность Новгорода. Передача церкви широких судебных функций, вероятно, преследовала несколько целей. Во-первых, данный шаг ослабил влияние городских элит на политическую ситуацию на Руси в середине XI века. Во-вторых, князь отчасти разрешал проблему увеличения доходов церкви без ущерба для княжеской казны. В-третьих, церковная

иерархия получала реальные рычаги влияния на свою паству. На этот раз исполнение христианской нравственности становилось делом не добровольным, а обязательным, основанным на принуждении и влекущее серьезные экономические и социальные последствия для нарушителя.

Предпринятое Ярославом Мудрым дарение прав совершения суда в целом отражало политико-правовую и экономическую реальность первой половины и середины XI века, при которой в условиях неразвитых феодально-земельных отношений основными источниками материального содержания и декларации власти выступали полюдые и суд [35, с. 189–204]. Однако князь так и не поделился с церковью правами своего суда и совершавшегося полюдья, выступавших наиболее убедительными формами легитимизации княжеской власти, оставив для духовной иерархии только десятину от вир и объездных сборов.

Тем не менее, отсутствие ясной регламентации социальных, экономических и иных отношений и слабая развитость всех государственных и общественных институтов Киевской Руси, для которой, как и для большинства государств средневекового мира в делах, касавшихся интересов суверена, была характерна неразделенность «мирского и религиозного начал», неминуемо порождали противоречия. Данное обстоятельство было ясно осознано и в Византии, и в государствах Западной Европы [4, с. 95–98].

Такое смешение сакрального и профанного приводило к пересечению и конкуренции церковной и княжеской юрисдикций. Так, великий князь мог не только переносить и утверждать новые епископии, совершая свою инвеституру и наделяя церковь правами и обязанностями, но и сохранял за собой право ограничивать действие церковного суда. Во взаимном ведении оставались некоторые споры о наследстве и имуществе. Не меньшую проблему представляли вопросы защиты духовенства от преступлений, совершавшихся против церкви. Так или иначе, на всем протяжении рассматриваемого времени продолжала существовать конкуренция княжеского и церковного [66, с. 320–323].

Организация церковного суда не вполне ясна. Создается впечатление, что организация судебного процесса, степень его открытости и ход всецело зависели от воли архиерея, инициировавшего процесс. Источники позволяют сделать предварительные общие замечания только об организации процессов, проходивших по делам, связанным с обвинениями в адрес высшего духовенства: игуменов и епископов. Так, суд над Авраамием Смоленским позволяет заключить, что рассмотрение дел священства могло происходить публично: на епископском дворе, в присутствии

князя и знати, игуменов, священнослужителей, монашества и приходивших горожан. Процесс предварялся проведением обвиняемого по улицам города для его поругания и унижения. Епископ и призывавшееся им духовенство выступали обвинителем и судьями одновременно. Обвиняемый должен был самостоятельно защищать себя, но это не исключало возможности самостоятельного прихода на суд лиц, выступавшими свидетелями защиты. Князь утверждал решение суда, либо отказывался от одобрения приговора. В таком случае обвиняемый мог быть подвергнут только епитимье на усмотрение епископа.

В некоторых случаях, когда дело могло закончиться беспорядками или политическим скандалом суд мог быть совершен «кулуарно», без соблюдения каких-либо процедур, предусмотренных святоотеческими правилами, местным и византийским правом. В подобных случаях дело рассматривалось самим митрополитом или правящим архиереем самостоятельно или с привлечением кого-либо из епископов, как правило, епископа, выносившего обвинение. Подобные примеры – осуждение игумена Поликарпа.

Дела по обвинению в адрес епископов, если те были византийцами, считались прерогативой императора. Местный епископат судился иначе. По политическим обвинениям, как это прослеживается в случае с Иоакимом Туровским, и по обвинениям, связанным с экономическими преступлениями (осуждением бывшего ростовского епископа Кирилла, 1228 г.) [55, стб. 452; 24, с. 109], епископ мог быть судим либо лично князем, либо при участии в деле князя. Как правило, такие процессы оставались закрытыми для посторонних глаз и не предполагали публичности. Даже если обвинения носили канонический характер, как это видно из истории ареста Луки Жидяты, Нифонта Новгородского и расправы над Феодором Ростовским, действия митрополита и совершенный им суд нуждались в получении санкции и в поддержке великокняжеской властью, поскольку за действующим архиереем стояли политические силы его кафедрального города, и это грозило политическими катастрофами. Н. Н. Воронин вполне обоснованно приходит к выводу, что жестокий суд над Феодором и произошедшее через год после этого разграбление Киева – взаимосвязанные события [6, с. 117–118]. В любом случае, суды над епископами – явления экстраординарные, даже несмотря на то, что злоупотребления епископата не представляли тайны ни для церковных, ни для светских лиц. В этом отношении показательны то, как описываются нравы и поступки епископов в посмертной похвале епископу Пахомию [55, стб. 439; 65, с. 150–154; 10, с. 207–225]. При-

мечательно, что источники не сохранили ни одного случая церковного суда над мирянами или представителями нижних слоев, что подталкивает к выводам: во-первых, церковный суд, вопреки византийской практике протоколирования дел, имел исключительно устный характер; во-вторых, его действия в отношении мирян или беднейших социальных слоев было ограничено. Вероятно, отмеченная особенность объясняется тем, что строгость применявшихся санкций в форме колоссальных штрафов, грозила не укреплению нравственных начал, а обратным – ростом недовольства церковью. Уже в силу перечисленного можно заключить, что, с точки зрения защиты основ христианской веры, эффективность церковного суда в домонгольской Руси оставалась невысокой, поскольку его организация несла на себе отпечаток волюнтаризма со стороны епископата, канонические нормы, на которые он опирался, отличались эклектичностью и нередко были сомнительны, а выносившиеся санкции могли применяться исключительно к представителям клира, преследуя, по большей части, не воспитательные цели, а задачи политической или административной расправы.

Список литературы

1. Алексеев, А. И. Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси в IX–XV вв. (Синхронно протекающие процессы или типологическое сходство?) / А. И. Алексеев // Исследования по русской истории и культуре: Сборник статей к 70-летию проф. И. Я. Фроянова / Отв. ред. Ю. Г. Алексеев, А. Я. Дегтярев, В. В. Пузанов. – М.: Изд. дом. «Парад», 2006. – С. 237–263.
2. Андросчук, Ф. Печати черниговского епископа Антония Гречина / Ф. Андросчук // *Ruthenica*. – Київ, 2011. – Т. 10. – С. 229–233.
3. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – М.: Академический Проект, 2009. – 538 с.
4. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М.: МГУ; Издательская группа «ИНФРА-М НОРМА», 1998. – 624 с.
5. Васильевский, В. Г. Византия и печенеги / В. Г. Васильевский // Труды. – СПб., 1908. – Т. 1. – С. 2–296.
6. Воронин, Н. Н. Андрей Боголюбский / Н. Н. Воронин. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 320 с.
7. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. – Т. 6: Памятники канонического права. – Ч. 1: Памятники XI–XV в. – СПб., 1880. – Стб. 21–62.
8. Гайденко, П. И. «Антицерковные выступления» 1071 г.: языческие волнения или рост церковного сознания? / П. И. Гайденко // Труды государственного музея истории религии: Вып. 11 / Отв. ред. Л. А. Мусиенко. – СПб.: ГМИР, 2011. – С. 59–71.

9. Гайденко, П. И. Еще раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) / П. И. Гайденко // Каптеревские чтения – 7 / Отв. ред. М. В. Бибиков. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2009. – С. 53–63.

10. Гайденко, П. И. Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества / П. И. Гайденко // Христианское чтение. – 2013. – № 1. – С. 207–225.

11. Гайденко, П. И. Место письменных наставлений и назидательных посланий духовенства в религиозно-политической жизни Киевской Руси / П. И. Гайденко // Гайденко, П. И., Фомина, Т. Ю. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. – Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). – Ч. 1: Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства / Под ред. И. Н. Данилевского и И. П. Ермолаева; рец. Н. К. Гаврюшин, А. И. Мухаммадеев, Я. В. Бухараев, Л. С. Астахова, свящ. Е. С. Харин. – Казань; Набережные Челны, 2008. – С. 163–176.

12. Гайденко, П. И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.) / П. И. Гайденко. – Казань: Тоис, 2006. – 184 с.

13. Гайденко, П. И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца / П. И. Гайденко // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. / Отв. ред. В. В. Мильков – Ч. 2. – Великий Новгород: НГУ, 2012. – С. 139–157.

14. Гайденко, П. И., Москалева, Л. А., Фомина, Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы / П. И. Гайденко, Л. А. Москалева, Т. Ю. Фомина. – М.: Университетская книга, 2013. – 150 с.

15. Гайденко, П. И., Филиппов, В. Г. Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XIV научно-богословской конференции (16–17 мая 2011 г.). – Йошкар-Ола, 2011. – С. 66–80.

16. Гайденко, П. И., Филиппов, В. Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века): несколько наблюдений / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета: История. – Выпуск 45. – 2011. – 12 (227). – С. 106–111.

17. Галимов, Т. Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв. / Т. Р. Галимов // Вестник Челябинского государственного университета: История. – Вып. 52. – 2012. – № 25 (279). – С. 109–110.

18. Гаращенко, А. Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: Автореф. дисс. к.и.н. / А. Ю. Гаращенко. – Волгоград, 2006. – 28 с.

19. Гаращенко, А. Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: Дисс. к.и.н. / А. Ю. Гаращенко. – Волгоград, 2006. – 181 с.

20. Голубинский, Е. Е. История Русской Церкви / Е. Е. Голубинский. – Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. – Ч. 1. – М., 1901. – 968 с.
21. Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому // Русская историческая библиотека. – Т. 6: Памятники канонического права. – Ч. 1: Памятники XI–XV в. – СПб., 1880. – Стб. 63–76.
22. Грушевский, М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М. С. Грушевский. – Киев, 1891. – 541 с.
23. Данилевский, И. Н. Исторические источники XI–XVII веков / И. Н. Данилевский // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – С. 171–317.
24. Дворниченко, А. Ю., Кривошеев, Ю. В., Соколов, Р. А., Шапошник, В. В. Русское православие: от крещения до патриаршества / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов, В. В. Шапошник. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 412 с.
25. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. – 936 с.
26. Живов, В. М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте / В. М. Живов // Из истории русской культуры. – Т. 1: Древняя Русь. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 552–585.
27. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 30–65, 456–459.
28. Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, перевод и комментарий О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 305–392, 456–458.
29. Заозерский, Н. О церковной власти (Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права) / Н. Заозерский. – Сергиев Посад, 1894. – 478 с.
30. Знаменский, П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2000. – 462 с.
31. Истрин, В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.) / В. М. Истрин. – М.: Академия, 2003. – 380 с.
32. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. СПб, 1880. – Т. 6. – Ч. 1. – Стб. 1–20.
33. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: XII век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2004. – С. 296–489, 641–667.
34. Клеванов, А. С. История Юго-Западной Руси от ее начало до половины XIV века / А. С. Клеванов. – М.: Либроком, 2011. – 226 с.

35. Кобищанов, Ю. М. Киевская Русь. Северная и Северо-Восточная Русь / Ю. М. Кобищанов // Полюдь: всемирно-историческое значение / Под ред. Ю. М. Кобищанова. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 189–204.
36. Костромин, К. А.. К вопросу о происхождении древнерусской церковной десятины / К. А. Костромин / Духовная жизнь региональных сообществ: история, традиции, современность: Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Казань: КазГАСУ, 2013. – С. 145–151.
37. Костромин, К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.) / К. А. Костромин. – Saarbrücken: LAP Lambert, 2012. – 257 с.
38. Кузьмин, А. Г. Крещение Руси / А. Г. Кузьмин. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. – 416 с.
39. Литаврин, Г. Г. Византия и славяне / Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2001. – 606 с.
40. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Траектория традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 208 с.
41. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – СПб.: Наука, 1999. – 204 с.
42. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви / митр. Макарий (Булгаков). – Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – 704 с.
43. Мильков, В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята / В. В. Мильков // Россия XXI, 2009. – № 2. – С. 116–155;
44. Мильков, В. В., Симонов, Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонов / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. – М.: Кругъ, 2011. – 544 с.
45. Назаренко, А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 528 с.
46. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси / А. Н. Насонов. – СПб.: Наука, 2006. – 412 с.
47. Озерова, Г. Н., Андреева, Т. А., Артемьев, Ю. М., Литвинова, М. В. Первый отечественный атлас «Русская Православная Церковь: из века в век». Современное состояние и перспективы / Г. Н. Озерова, Т. А. Андреева, Ю. М. Артемьев, М. В. Литвинова // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. / Отв. ред. акад. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2010. – С. 24–28.
48. Омельченко, С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве. России XI–XVII вв. / С. С. Омельченко // Актуальные проблемы российского права. 2008. – № 1. – С. 240–246.

49. Павлов, А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон / А. С. Павлов. – Казань, 1869. – 104 с.
50. Пентковский, А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / А. М. Пентковский. – М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. – 420 с.
51. Петр (Гайденко), иером. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» / иером. Петр (Гайденко) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия № 2: История, история русской православной церкви. – 2008. – № 1 (26). – С. 7–16.
52. Петр (Гайденко), иером., Филиппов В. Г. Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления / иером. Петр (Гайденко). В. Г. Филиппов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2012. – Вып. 2 (4). – С. 40–59.
53. Петрухин, В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры. – Т. 1: Древняя Русь. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 13–412.
54. Петрушко, В. И. История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества / В. И. Петрушко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 356 с.
55. Полное собрание русских летописей. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
56. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
57. Полное собрание русских летописей. – Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – XII, 720 с.
58. Полное собрание русских летописей. – Т. 4. – Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 728 с.
59. Полное собрание русских летописей. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 288 с.
60. Поппэ, А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря / А. Поппэ. – Київ: Інститут історії НАН України, 2011. – 150 с. (Ruthenica. Supplementum 3)
61. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. – СПб., 1912. – Т. 1. – 641 с.
62. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. – СПб., 1912. – Т. 2. – 639 с.
63. Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Наука, 2003. – 246 с.
64. Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце) // Памятники общественной мысли Древней Руси. – Т. 1.: Домонгольский период / Сост. и коммент. И. Н. Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 202–212.
65. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки / Б. А. Романов. – М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.
66. Рубаник, В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: Историко-юридический очерк / В. Е. Рубаник. – М.: Юрдитинформ, 2013. – 352 с.

67. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: София; Гелиос, 2002. – 592 с.
68. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв./ М. Б. Свердлов. – СПб.: Академический проект, 2003. – 736 с.
69. Светозарский, А. Рождение цивилизации / А. Светозарский // Фома. – 2009. – Август. – С. 15–16.
70. Симонова, А. А. Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция / А. А. Симонова. – М.: Прометей, 2017. – 354 с.
71. Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – С. 233–272.
72. Слово некоего христолюбца и ревнителя по правои вере // Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – М.: Фонд «Мир»; Академический проект, 2013. – С. 305–309.
73. Слово св. Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани сущее языци кланялися идолом и требы им клали // Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – М.: Фонд «Мир»; Академический проект, 2013. – С. 286–289.
74. Сперанский, М. История древней русской литературы / М. Сперанский. – СПб.: Лань, 2002. – 541 с.
75. Суворов, Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву / Н. С. Суворов. – М., 1876. – 345 с.
76. Суворов, Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права / Н. С. Суворов. – Ярославль, 1888. – 234, [XLIX] с.
77. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов / Под ред. В. А. Томсинова. – М., Зерцало, 2004. – 478 с.
78. Тальберг, Н. История Русской Церкви / Н. Тальберг. – Джорданвилль, 1959. – 924 с.
79. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – СПб.: Наука, 2008. – 350 с.
80. Тихомиров, М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1975. – 395 с.
81. Толочко, П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории / П. П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1987. – 246 с.
82. Толочко, П. П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» / П. П. Толочко // *Ruthenica*. – 2010. – Т. 9. – С. 17–22.
83. Турилов, А. А. *Slavia Cyrillomethodiana*: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья / А. А. Турилов. – М.: Знак, 2010. – 408 с.
84. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С. 16–19.

85. Устав князя Ярослава о церковных судах [основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С. 85–91.
86. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С. 160–163.
87. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1976. – С. 153–158.
88. Фомина, Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие / Т. Ю. Фомина. – М.: Университетская книга, 2014. – 360 с.
89. Цветков, С. Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212 / С. Э. Цветков. – М.: Центрполиграф, 2009. – 527 с.
90. Цыпин, В., прот. Каноническое право / прот. В. Цыпин. – М.: Центрполиграф, 2009. – 527 с.
91. Щапов, Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Щапов. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.
92. Щапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1978. – 292 с.
93. Щапов, Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
94. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1972. – 340 с.
95. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 225 с.

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДАНИ ИЗ ЦЕНТРА
К ПЕРИФЕРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
(НА ПРИМЕРЕ «УСТАВЛЕНИЯ» ЯРОСЛАВОМ
МУДРЫМ РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ)**

Древнейшее летописание под 1024 г. сохранило известие о серьезном социальном конфликте, случившемся в Суздале (точнее, в Суздальской или Ростовской земле) из-за голода «по всей той стране» [23, с. 65]. Рассказ о содержании конфликта, содержащийся в Повести временных лет (Лаврентьевской, Ипатьевской и др. летописях) [13, стб. 147–148; 9, стб. 135], летописи новгородско-софийского круга дополняют чрезвычайно важной информацией о его последствиях. Так, согласно Софийской I и Новгородской IV летописям, после подавления выступления волхвов Ярослав Владимирович «устави ту землю» [20, с. 112; 32, с. 124]. В Радзивилловской летописи в статье 1024 г. составитель оставил только информацию о борьбе Ярослава с Мстиславом [25, с. 64]. Между тем весьма показательна миниатюра Радзивилловской летописи (л. 85 об., внизу), иллюстрирующая понимание средневековым человеком прекращения усобиц, мятежей и установления «великой тишины» в земле (т. е. государстве): на двухсоставном рисунке можно увидеть изъявление покорности населения князю, при этом на второй части рисунка (справа), вероятно, присутствует указание на выплату дани.

В целом исследователи убеждены в достоверности данной информации. В свое время А. А. Шахматов предположил, что она восходит к Новгородскому своду 1050 г. [42, с. 621]. В настоящее время вывод А. А. Шахматова о существовании гипотетического свода Остромира опровергается [38, с. 175–180; 37, с. 42–43]. Тем не менее, дополнения статьи 1024 г., содержащиеся в позднейших новгородско-софийских сводах, принимаются ведущими специалистами по истории Средневековой Руси: А. Н. Насоновым [18, с. 161], Б. Д. Грековым [4, с. 303], Л. В. Черепнинным [41, с. 157], В. А. Кучкиным [12, с. 58], И. Я. Фрояновым [39, с. 115]. Исследователи усматривают в этом дополнении указание на осуществление Ярославом Владимировичем некоего важного мероприятия, датируемого либо тем же 1024 годом, либо более ранним временем, когда тот был ростовским князем. Была сделана попытка реконструировать содержание «уставления» князя Ярослава. Однако,

представляется необходимым внести некоторые уточнения в предложенные объяснения, связав княжеские мероприятия со становлением налогово-даннической системы Древнерусского государства, распространением системы государственного фиска на вновь осваиваемые периферийные, в том числе иноэтничные территории.

Что же обнаруживали историки в мероприятии Ярослава, косвенное упоминание о котором сохранили позднейшие летописи? А. Н. Насонов считал, что подобно тому, как в свое время княгиня Ольга «устанавливала погосты и дани в Новгородской земле, Ярослав устанавливал “погосты и дани” на Северо-востоке» [18, с. 161]. Также и Б. Д. Греков обнаруживал прямую аналогию между деятельностью Ярослава Мудрого и мероприятиями княгини Ольги. Историк писал: «По отношению к Ростово-Суздальской земле он вел, по-видимому, ту же политику, что и его не очень далекие предки по отношению к Древлянской земле и бассейнам Мсты и Луги». «Устанавливать», по мнению Б. Д. Грекова, означало «подчинять закону, вводить определенные законом нормы» [4, с. 303]. Для выяснения содержания княжеской деятельности по «установлению земли» историк предложил обратить внимание на «Устав» новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. Учитывая последний и общий характер княжеской деятельности, историк предложил видеть в «установлении земли» организацию княжеских погостов и сел, обложение населения «оброками и данями», введение «уставов и уроков» [4, с. 304–305]. В. А. Кучкин отмечал, что «установить» означает «дать устав или уставы». Пример такого «устава» историк видит в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1136/37 г., которая содержала разверстку дани на определенной территории. Сущность же рассматриваемого мероприятия Ярослава сводилась к строгой фиксации размеров дани в условиях «острого недовольства феодально-зависимого населения Ростовской земли». Кроме того, фиксация дани, по мнению В. А. Кучкина, сопровождалась точным указанием пунктов сбора этой дани, т. е. погостов [12, с. 59–60].

Ценнейшие наблюдения над сущностью происходивших в 1024 г. в Ростовской земле событий принадлежат И. Я. Фроянову. Историк связал деятельность князя Ярослава в Ростовской земле с общей ситуацией на Руси: киевский князь Ярослав Владимирович готовился к войне с Мстиславом Тмутараканским, в которой рассчитывал на наемную варяжскую дружину. В поисках дополнительных средств для оплаты наемников князь Ярослав, по мнению И. Я. Фроянова, и отправился на северо-восток для сбора дани с покоренных туземных племен. Сама же

деятельность Ярослава по «установлению» земли заключалась не в выдаче некоего письменного указа, как считал В. А. Кучкин, а в устном соглашении, скрепленном клятвой. И только в позднейшем летописании мероприятие князя Ярослава было переосмыслено в наказание волхвов-язычников [39, с. 130–131]. В работе А. Е. Леонтьева обращено внимание на сложную этническую ситуацию в Волжско-Клязьминском междуречье. Исследователь данного региона предположил, что более ранний устав – князя Олега – относился к финно-угорскому племени меря, в то же время «устав Ярослава помимо фиксации дани регулировал и территориально-земельные отношения, окончательно узаконив отторжение исконных мерянских земель» [15, с. 282]. Автор биографического описания жизни Ярослава Мудрого А. Ю. Карпов видел в данном киевским князем Суздальской земле уставе меры, которые были предприняты для недопущения впредь народных волнений. Устав предполагал более строгую фиксацию размеров дани с населения северо-восточной окраины, возможно, несколько уменьшенную. Кроме того, речь шла о точном указании пунктов сбора дани. При этом историк придает подобным уставам более широкое значение: они «ускоряли процессы огосударствления тех земель, на которые распространялось их действие, в большей мере, чем раньше, включали их в политическую и правовую систему Киевского государства» [11, с. 208–209].

Таким образом, в оценке мероприятия Ярослава в Ростовской земле исследователями были сделаны следующие выводы: 1) «установление земли» связано с организацией либо упорядочением взимания дани; 2) по своему содержанию реформы княгини Ольги и княжеские уставные грамоты XII в. аналогичны «установлению» Ярослава; 3) действия князя по обеспечению взимания с подчиненного населения дани предполагали создание погостов. Значительный интерес представляет обнаруженная связь мероприятий Ярослава на северо-восточной окраине с общей политической ситуацией в Древнерусском государстве. Положение киевского князя настоятельно требовало поиска дополнительных ресурсов для усиления своих военных возможностей, в этой связи были предприняты шаги в направлении увеличения податных обязательств подвластного населения.

Итак, не вызывает сомнений фискальный характер действий князя Ярослава по «установлению» Ростовской земли. При этом необходимо включить эти мероприятия в общий контекст становления налогово-даннической системы Древнерусского государства. Важнейший путь формирования даннических обязательств населения заключался в подчинении

военной силой отдельных племен, что хорошо прослеживается в деятельности первых киевских князей (подчинение Олегом древлян, северян, радимичей) [23, с. 14]. Вместе с тем происходило расширение территории формирующегося государства. Население, связанное данническими обязательствами с центральной властью, проживало на определенной территории, тем самым определяя границы государства. Но эти границы не были жестко ограничены. Физико-географические условия лесного и лесостепного регионов Восточной Европы не препятствовали дальнейшей миграции славянского населения. Вместе с мигрировавшим населением естественным образом должна была расширяться территория государства, а значит и область расселения податного населения. Но совершенно ясно, что это не происходило автоматически. Вполне вероятно, что одной из причин миграции населения могло выступать стремление свободных земледельцев-общинников избежать налогового бремени со стороны государства (персонифицированного в образе князя). Для принуждения мигрировавшего населения выполнять даннические обязательства требовалось провести дополнительные мероприятия: создать новые пункты сбора налогов-дани, учредить администрацию, определить размер и содержание даннических выплат, наконец, наладить коммуникации (установить определенный маршрут вывоза с целью последующей реализации материальных благ). Видимо, именно к такого рода деятельности и относилось «уставление» князя Ярослава в Ростовской земле.

Учитывая законодательную деятельность князя, указание на которую содержится в Новгородской I летописи под 1016 годом [19, с. 175], можно предположить, что на северо-восточную окраину Руси в результате княжеского «уставления» были распространены правовые нормы, уже утвержденные в Новгородской земле. Древнейший вариант Русской Правды (Правда Ярослава, или Древнейшая Правда, статьи 1–18) регулировал правоотношения в связи с преступлениями против личности и собственности [24, с. 70–71]. Принято считать, что изначально нормы Русской Правды призваны были регулировать правоотношения между восточными славянами и скандинавами в Новгородской земле; в целом этим письменным источником светского права должны были руководствоваться специально назначенные князем лица, когда сам князь отсутствовал [29, с. 387]. С большой долей вероятности «уставление» Ростовской земли князем Ярославом могло заключаться в утверждении здесь принятых ранее правовых норм.

Несомненно, что в определении объема дани, взимаемой с той или иной земли, князья руководствовались определенными закрепленными

традицией нормами. Это подтверждают даже примеры из ранней истории Древнерусского государства. Так, превышение некоего объема даннических обязательств привело к выступлению против киевского князя Игоря древлян (под условным 945 г.) [23, с. 26–27]. Возможно, конфликт киевского князя с радимичами (под условным 984 г.) [23, с. 39] также был связан с изменением содержания даннических отношений. К началу XI в. налогово-данническая система Древнерусского государства уже отошла от простейшего сбора дани в форме полюдья, возник фискальный аппарат. К сожалению, этот чрезвычайно важный для развития государственности процесс почти не прослеживается в источниках. Между тем, благодаря дошедшему до нас тексту Русской Правды хорошо известно о формировании к началу XI в. судебного аппарата. Более того, отдельная статья Русской Правды («Покон вирный», условная 42-я статья) [24, с. 73] содержит точное указание на материальное вознаграждение специальным княжеским судебным «чиновникам» – вирникам – за сбор в пользу князя виры с территории той или иной общины, в том случае, если не был обнаружен убийца [24, с. 73; 8, с. 131]. Безусловно, без вознаграждения не оставались и сборщики дани. Необходимо согласиться с тем, что «данники» (именно так в летописи называются сборщики дани) [23, с. 108 (в форме «данници»; 19, с. 183, 221] получали такое же вознаграждение, как и вирники [8, с. 131–132]. Не случайно в грамотах XI–XII вв. дань, виры и продажи указываются вместе. В уставной грамоте новгородского в то время князя Святослава Ольговича указывается, что епископу передается десятина от «дании... от вир и продаж». [22, с. 117] Грамота Ростислава Мстиславича Смоленского также указывает в одном ряду судебные и фискальные сборы: «И се даю Богородици [и] епископу десятину от всех даней Смоленских, что ся в них сходит истых [к]ун, кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья» [22, с. 39].

Важным является определение времени появления статьи Русской Правды, известной как «Покон вирный». Несмотря на то, что эта статья размещена после так называемой Правды Ярославичей, в ней самой прямо указывается на составление князем Ярославом («то ти оурокъ Ярославль») [24, с. 73]. Большинство специалистов связывает данную статью с Древнейшей Правдой и датирует временем княжения Ярослава Мудрого – 1020-ми или 1030-ми годами (И. А. Стратонов, С. В. Юшков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин) [27, с. 38; 33, с. 388; 43, с. 270; 8, с. 131; 40, с. 131–137]. Между тем М. Н. Тихомиров относил составление «Покона вирного» к более позднему времени; по мнению ученого, он «возник в церковных кругах и первоначально представлял собой устав для

какой-то определенной церковью вотчины, а позже бы приспособлен для гражданских нужд» [35, с. 73].

Учитывая общий характер деятельности князя Ярослава, представляется возможным отнести фиксацию норм «Покона вирного» к наиболее раннему периоду его правления в качестве общерусского киевского князя. Несомненно, в этот же ранний период (условно 1020-е гг.) должно было быть составлено и руководство для деятельности княжеских слуг-«данников». Так, летопись сообщает о нескольких примерах подчинения киевским князем соседних земель, на население которых должны были быть наложены определенные фискальные обязательства, кроме того, на новые земли распространялась сфера действия правовых норм Древнерусского государства. В 1030 г. Ярослав взял Белз и победил чудь, в 1031 г. вместе с Мстиславом занял червеньские города, в 1038 г. ходил на ятвягов, в 1040 г. – на литву [23, с. 65–67]. Возможно, в летописи зафиксированы не все примеры расширения территорий, подвластных киевскому князю. В один ряд с этими мероприятиями должно быть поставлено и «уставление» Ярославом Мудрым Ростовской земли.

Наряду с расширением территории Древнерусского государства происходило и упорядочение взимания дани с уже покоренного населения. Вполне вероятно, фискальные обязательства охватывали все больший круг непосредственных производителей. Выше уже высказывалось предположение, что княжеские чиновники-«данники» следовали и за мигрировавшим населением. Как бы то ни было, при организации сбора налогов-дани с той или иной территории представители княжеской администрации («данники») должны были руководствоваться какими-то указаниями и фиксированными нормами, учитывавшими также и их личное вознаграждение. Подобные указания должны были напоминать «Покон вирный», являвшейся инструкцией для судебных «чиновников». С категорическим утверждением А. П. Толочко о том, что «Покон вирный» никак не может быть частью податной грамоты (о чем в свое время утверждал А. А. Зимин), конечно, следует согласиться [36, с. 12]. Но речь не идет о признании «Покона вирного» фискальным документом: с большой долей вероятности можно лишь предположить, что зафиксированные в нем нормы распространялись и на сферу налогово-даннических отношений.

Утверждение даннических обязательств населения (всего или отдельной категории – смердов?) предполагало проведение ряда дополнительных мероприятий, которые призваны были обеспечить исправное поступление материальных благ, их систематизацию, подсчет, транспортировку,

фиксацию недоимок и т. д. Это тем более было необходимо в случае, если сбор дани осуществлялся на значительном отдалении от расположения княжеского престола. В этой связи на местах необходимо было создать определенные пункты с постоянной администрацией. Такими пунктами были, прежде всего, погосты. Но наряду с погостами, для которых характерно узкое функциональное назначение, необходимым элементом функционирования налогово-даннической системы являлись города, как административные центры, сосредотачивавшие в своих стенах власть и управление над значительной территорией.

О том, что именно города и погосты являлись пунктами сбора дани, прямо свидетельствуют письменные источники. В «уставлении» погостов заключалось основное содержание реформы княгини Ольги (в ПВЛ датируется 947 годом: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты...») [23, с. 29]), в которой видят важнейшее мероприятие в направлении развития податной системы в виде даней и оброков. В результате погосты, прежде являвшиеся местами временных остановок князя и княжих мужей с дружинами во время полюдья, были реорганизованы в центры постоянного княжеского административно-судебного управления в сельской местности [29, с. 188, 193]. Церковный устав Владимира Святославича начала XI в. недвусмысленно утверждал, что десятину церкви князь «по всем городомъ даль есмь и по погостомъ и по свободамъ» [6, с. 15]. В Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. подати, с которых десятая часть передается церкви, расписаны по городам (всего 12 поселений) и погостам (35 пунктов) [6, с. 141–143, 146]. Погосты целенаправленно создаются государственной властью для концентрации собранных от непосредственных производителей материальных благ. Мнение некоторых исследователей о том, что погосты являлись поселениями «еще дофеодалного этапа развития», было решительно опровергнуто [26, с. 345].

В целом вертикальную структуру налогово-даннической системы Древнерусского государства можно представить следующим образом: *непосредственный производитель – община (вервь) – погост – город (центр волости) – город (центр земли)*. Предполагается, что погосты с тянущей к ней округой (несколько сельских поселений), являлись промежуточным звеном между общиной и волостью («княжеством») [3, с. 89–93].

Вполне определенно погосты существовали в Ростово-Суздальской земле во второй половине XI в. Так, в летописном повествовании о кон-

фликте в «Ростовской области» указывается, что предводители восставших – волхвы – ходили «по Волзе» по погостам [23, с. 76; 13, стб. 175]. Погосты упоминаются и в начале XII в. В ростовском летописании содержалось следующее сообщение о нападении волжских болгар на Суздаль в 1107 г.: «Приидоша Болгары ратию на Суждаль и обступиша град и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от христиан» [цит. по: 31, с. 58]. Сохранилось свидетельство о существовании погостов в Суздальской земле и в первой половине XIII в. Так, рассказывая об обстоятельствах монгольского нашествия, составитель Лаврентьевской летописи записал: «татарове... взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ» [13, стб. 464].

Между тем, невозможно точно определить время появления погостов в Северо-Восточной Руси. Можно предположить, что это не было единовременное мероприятие: потребность в создании погостов возникала по мере распространения власти Киева на новые территории. Тем не менее, начало созданию погостов на северо-востоке Руси могло быть положено «установлением» Ярослава Мудрого, условно датируемым 1024 годом. Создание погостов в рамках данного мероприятия киевского на тот момент князя было обусловлено общей логикой действий по «окняжению» вновь осваиваемой территории, важнейшее содержание которого сводилось к установлению даннических обязательств населения.

Наряду с созданием погостов территориальное распространение налогово-даннической системы предполагало и основание городов. Исследователи обнаруживают несколько путей возникновения городов в Древней Руси [5, с. 46–51], однако их фискальное предназначение редко рассматривается как важнейший фактор данного процесса. Тем не менее, летописи дают несколько прямых указаний на непосредственную связь становления и распространения данничества с основанием городов. Весьма показательны в этом отношении уже первое мероприятие основателя Древнерусского государства – князя Олега – в качестве киевского князя: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новгорода гривень 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ» [23, с. 14] (В Новгородской I летописи (Начальном своде?) это мероприятие приписывается князю Игорю [19, с. 107]). Подчинение новой территории сопровождается основанием городов и в период правления Ярослава Мудрого. Летопись сообщает, что в 1030 г. Ярослав победил чудь (эстов) «и постави градъ Юрьевъ» [23, с. 65]. Еще больший интерес представляют записи под 1031 и 1032 гг.: летописец

сообщает о захвате Ярославом и Мстиславом в Польше пленных «ляхов», часть которых была поселена по реке Рось, затем «Ярославъ поча ставити города по Ръси» [23, с. 65–66]. Таким образом, подчинение новой территории с населением, облагаемым данью, требует строительства городов, являющихся важнейшими центрами власти и управления и вместе с этим – ключевым звеном налогово-даннической системы. Возможно, «уставление» Ярослава Мудрого в Ростово-Суздальской земле, датируемое летописью 1024 годом, было непосредственно связано с основанием либо серьезной перестройкой крупнейших городов Северо-Восточной Руси – Суздаля и Ярославля. Изучая истоки этих городов, исследователи давно обратили внимание на летописное известие о «восстании волхвов» 1024 г. С этим событием связывалось строительство новых укреплений (вала и рва) и увеличение городской территории до 14 га в Суздале [30, с. 50–51]. Более того, некоторые исследователи относили к этому времени возникновение города Суздаля в результате обнесения валом с тыновой оградой старого центрального поселения [1, с. 127–134]. К 1024 г. историки и краеведы относили и основание города Ярославля [16; 17; 11, с. 42–51]. И. В. Дубов считал, что Ярославль возник либо в период с 988 по 1014 г., когда Ярослав был ростовским князем, либо в 1024 г., когда князь Ярослав пришел сюда из Новгорода для подавления восстания [7, с. 76]. Как бы то ни было, создаваемые по инициативе князя города становились прочной основой утверждения его власти, важнейшей стороной которой было навязывание местному населению даннических обязательств.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное со строительством новых городов: в таких новых укрепленных поселениях безусловно господствовал восточнославянских этнический элемент. Так, исследователи отмечают, что в ранних материалах городских слоев Ярославля финно-угорские вещи отсутствуют [7, с. 77]. Таким образом, в городах следует видеть и важные опорные пункты славянской колонизации.

В мероприятиях первой четверти XI в. в Северо-Восточной Руси необходимо учитывать и этнический аспект. Хотя, как отметил И. Я. Фроянов, «этническая принадлежность участников событий 1024 г. не поддается точному определению» [39, с. 121], однако не исключено, что социальный конфликт мог быть вызван реакцией на распространение на местное финно-угорское население (мерю) данничества. Вполне вероятно, что в своей деятельности в Ростовском крае Ярослав Мудрый стремился охватить данническими отношениями и местное финно-

угорское население. Представляется, что именно с этим направлением княжеской деятельности было связано изменение этнической ситуации в рассматриваемом регионе, фиксируемое археологами. Так, А. Е. Леонтьев отмечал, что как раз первая половина XI в. была предельно допустимой датой финно-угорских археологических памятников Волжско-Клязьминского междуречья [15, с. 282]. Оценивая значение «Устава Ярослава», тот же ученый утверждал, что его утверждение привело к отторжению «исконных мерянских владений» [14, с. 41]. Археологические материалы свидетельствуют о значительном присутствии в начале XI в. в Волго-Окском междуречье славянского населения, которое потеснило местных финно-угров (мерю). Столкнувшись со славянским миграционным потоком, а затем с давлением государственной власти, местное население покидает издавна обжитые земли. Так именно к началу XI в. было заброшено Сарское городище [28, с. 158]. Опорой славянской колонизации лесного края северо-востока будущей Руси стали города Ростов, Суздаль, Клещин, Муром, Ярославль, в которых изначально доминировали восточнославянские черты. Именно вокруг этих центров создаются зоны массовой славянской колонизации с многочисленными сельскими поселениями и курганными могильниками [21, с. 46]. Эти же центры являлись важнейшим звеном налогово-даннической системы Древней Руси.

Следует также отметить отчетливо проявляющийся в социальных конфликтах на северо-восточной окраине Руси религиозный контекст: во главе народных движений непременно оказываются волхвы (так было и в 1024, и в 1071 г.). Летописные известия вполне закономерно позволяли увидеть в народных волнениях XI в. борьбу христианства с язычеством: в ситуации «общественных бедствий» среди населения «оживали старые верования и предрассудки» [2, с. 134], христианизация, насильственно проводимая князьями, вызывала «ожесточенное сопротивление» [35, с. 76]. Современные исследователи не склонны видеть в «восстании волхвов» в Суздальской земле исключительно «языческую реакцию». В этом движении видят отражение каких-то экономических противоречий между различными группами населения и синкретические представления разноэтничного происхождения [10, с. 97, 120].

Значительный интерес представляет вывод И. Я. Фроянова об отказе княжеской власти от насильственного насаждения христианства в обмен на согласие населения исправно выплачивать дань. Для доказательства данного тезиса ученый использует «Сказание о построении града Ярославля», в котором упоминается клятва населения Медвежьего угла

(предшественника Ярославля) князю в согласии «оброцы ему даяти» перед языческим богом Волосом, но с условием, чтобы князь не заставлял креститься [39, с. 132–133]. В этой связи и в «уставлении» князем Ярославом Ростово-Суздальской земли после «восстания волхвов» не следует обнаруживать утверждение христианства. Более важной для княжеской (государственной) власти оказывается исправная выплата дани, чем спасение душ язычников.

В условиях расширения функций государства и масштабов проводимых верховной властью акций в значительной большей степени требовались материальные ресурсы для поддержания военной организации и увеличивающегося административного аппарата. Применительно к 20-м гг. XI в. потребность в дополнительных средствах была обусловлена борьбой Ярослава с братом Мстиславом. Готовясь к решающей битве с тмутараканским князем, Ярослав рассчитывал на наемный варяжский контингент, за услуги которого необходимо было платить [39, с. 130]. Возможно, это обстоятельство и подтолкнуло киевского князя отправиться за данью на северо-восточную периферию. Однако не следует сводить «уставление» Ярослава к одномоментному сбору дани, вызванному конкретной потребностью в дополнительных средствах. Дальнейшее развитие государства требовало постоянного поступления средств во все большем объеме. Для решения этой задачи следовало провести целый комплекс мероприятий.

Таким образом, социальный конфликт 1024 г. в Ростово-Суздальской земле, которому летописец посчитал необходимым уделить внимание, дал косвенное свидетельство о княжеской деятельности, содержание которой должно было включать целый спектр мероприятий. С большой долей вероятности следует предположить, что важнейшей составляющей княжеского «уставления» являлось создание постоянных пунктов сбора дани (двух звеньев – погостов и городов), формирование администрации, выполняющей фискальные функции, с определением размера ее вознаграждения, к тому же точно определялся сам объем даннических обязательств подвластного населения. Возможно, в число этих мероприятий входило «окняжение» земель местного финно-угорского населения (мери) и утверждение временного компромисса между христианством и язычеством. В целом мероприятия князя Ярослава должны рассматриваться в общем контексте развития налогово-даннической системы Древней Руси, распространении даннических отношений, уже установившихся в центре государства, на периферию.

Список литературы

1. Варганов, А. Д. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) / А. Д. Варганов // Краткие сообщения Института материальной культуры. – 1946. – Вып. 12. – С. 127–134.
2. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – Харьков: Епархиальная типография, 1916. – Т. I. – 376 с.
3. Горский, А. А. От погоста к волости / А. А. Горский // Образы аграрной России IX–XVIII вв. – М.: Индрик, 2013. – С. 89–93.
4. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М.: Госполитиздат, 1953. – 568 с.
5. Даркевич, В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 46–51.
6. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М.: Наука, 1976. – 241 с.
7. Дубов, И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху Раннего средневековья (историко-археологические очерки) / И. В. Дубов. – Л.: Изд. Ленинградского университета, 1982. – 248 с.
8. Зимин, А. А. Правда Русская / А. А. Зимин. – М.: Древлехранилище, 1999. – 424 с.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
10. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках / А. В. Карпов. – СПб.: Алетейя, 2008. – 184 с.
11. Карпов, А. Ю. Ярослав Мудрый / А. Ю. Карпов. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 583 с.
12. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / В. А. Кучкин. – М.: Наука, 1984. – 349 с.
13. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
14. Леонтьев, А. Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси): Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук / А. Е. Леонтьев. – М., 1991. – 44 с.
15. Леонтьев, А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси / А. Е. Леонтьев. – М.: Геоэко, 1996. – 337 с.
16. Мейерович, М. Г. К вопросу о времени основания города Ярославля / М. Г. Мейерович // Краеведческие записки. – Ярославль, 1960. – Вып. 4. – С. 8–16.
17. Мейерович, М. Г. Так начинался Ярославль / М. Г. Мейерович // Вопросы истории. – 1978. – № 3. – С. 208–213.
18. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование / А. Н. Насонов. – М.: Наука, 2002. – 412 с.
19. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 568 с.

20. Новгородская IV летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 4. – Ч. 1. – Пг., 1915. – 320 с.
21. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 512 с.
22. Памятники русского права. – Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 442 с.
23. Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.
24. Правда Русская / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. – Т. I: Тексты. – М.; Л.: АН СССР, 1940. – 505 с.
25. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 38. – Л.: Наука, 1989. – 178 с.
26. Романов, Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского): Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков / Б. А. Романов // Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук. – М.; Л., 1960. – Вып. 2. – С. 419–476.
27. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. – Т. I. Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература., 1984. – 432 с.
28. Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки / Е. А. Рябинин. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 260 с.
29. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – СПб.: Академический проект, 2003. – 736 с.
30. Седова, М. В. Суздаль в X–XV вв. / М. В. Седова. – М.: Русский мир, 1997. – 235 с.
31. Смирнов, А. П. Древняя история чувашского народа / А. П. Смирнов. Под ред. проф. А. В. Арциховского. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. – 82 с.
32. Софийская I летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 5. – Вып. 1. – Изд. 2-е. – Л., 1925. – 240 с.
33. Стратонов, И. А. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды / И. А. Стратонов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1920. – Т. XXX. – Вып. 4. – С. 385–494.
34. Тихомиров, М. Н. Исследование о Русской правде: Происхождение текстов / М. Н. Тихомиров. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – 254 с.
35. Тихомиров, М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М.: Госполитиздат, 1955. – 280 с.
36. Толочко, А. П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста / А. П. Толочко. – К.: Институт історії НАН України, 2009. – 136 с.
37. Толочко, А. П. Очерки начальной руси / А. П. Толочко. – Киев; СПб.: Лаурис, 2015. – 336 с.

38. Толочко, П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. / П. П. Толочко. – СПб.: Алетейя, 2003. – 296 с.
39. Фроянов, И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов. – М.; СПб.: Златоуст, 1995. – 703 с.
40. Черепнин, Л. В. [Рецензия на кн.: Правда Русская. Учебное пособие. М.; Л., 1940] / Л. В. Черепнин // Исторический журнал. – 1941. – № 3. – С. 131–137.
41. Черепнин, Л. В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда / Л. В. Черепнин // Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – 477 с.
42. Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. – 687 с.
43. Юшков, С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / С. В. Юшков. Под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 352 с.

ДЗЕЯЧКА НАШАГА СЯРЭДНЯВЕЧЧА, НЕВЯДОМАЯ Ё БЕЛАРУСІ

У траўні 2015 г. ўсіх парадавала чарговая цікавая знаходка з Полацка, а менавіта вісляя свінцовая пячатка, \varnothing 2,5 см, выяўленая непасрэдна ў адной з крыптаў знакамітага Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра. На адваротным баку гэтай пячаткі добра чынаецца надпіс, апублікаваны, пакуль што, толькі ў сучасным рускім перакладзе: «Господи, помоги рабе твоей Евфросинии» (Рыс. 1:1) [1].

Рысунак 1. Еўфрасіньеўскія пячаткі: полацкая (1) і наўгародская (2)

Значэнне гэтай знаходкі таксама і ў тым, што яна, мусіць, нарэшцэ ставіць кропку ў адной старой навуковай спрэчцы. У свой час В. Л. Янін, прапанаваўшы гіпотэзу аб так зв. «полацкім матрыярхаце», фактычна паклаў у яе падмурак таксама знаходку свінцовай пячаткі – летам 1968 г., у Ноўгарадзе, на водмелі ў рацэ Волхаў (Рыс. 1:2). «Полоцкая княгиня, – пісаў ён тады, – не сидит в женской половине княжеского дворца и даже в монастыре ей нет покоя, она сносятся с отдаленными землями и правит Полоцком» [24, с. 17, 19]. Гэтак атрыбутаваная В. Л. Яніным рэч была

ў 1977 і 1995 гг. дапоўнена знаходкамі, таксама ж у Ноўгарадзе, двух уломкаў аналагічных, відавочна, пячатак [25, № 121e–ж]. Яшчэ пазней атрыбуцыя В. Л. Яніна была аргументавана аспрэчана А. В. Маёравым. У прыватнасці, ён звярнуў увагу, што, калі пры жыцці полацкай святой эпіграфікай засведчана напісанне яе імені ў форме менавіта *’Ѡфросинья* (*Офросинья*), то на разглядаемай наўгародскай пячатцы яно ўжо іншае: *’ЕФРОСІНЯ/Ефросиня*. А. В. Маёравым звернута ўвага таксама і на змену поз апосталаў у сцэне Пераўтварэння. Гэтая змена тлумачыцца ім у якасці надзейнага датуючага прызнака, таму што ў мастацтве Візантыі яна адбылася менавіта ў другой палове – у канцы XII ст., г. зн., ужо пасля смерці Еўфрасініі Полацкай [15, с. 12, 17]. Зусім не трэба быць спецыялістам ў галіне сфрагістыкі, каб пераканацца: дзьева згаданыя пячаткі відавочна адрозніваюцца паміж сабой (*Рыс. 1*). Месца знаходкі першай ужо само па сабе сведчыць, што менавіта дадзеная пячатка і належыла святой Еўфрасініі, заснавальніцы і першай ігуменні Спаса-Еўфрасіньеўскага манастыра ў Полацку. Такім чынам, насуперак В. Л. Яніну, уладальніцай другой «еўфрасіньеўскай» пячаткі, – з Ноўгарада, – была нейкая іншая асоба. Не выключана, што яна якраз і з’яўляецца пакуль што практычна невядомай, але, тым ня менш, выбітнай дзеячкай таксама і беларускай гісторыі.

А. В. Маёраў звярнуў увагу таксама і на тое, што зусім не ўлічыў у свой час В. Л. Янін. Аніводная гістарычная крыніца, – ні летапісы, ні само «Жыццё» Еўфрасініі Полацкай, – не згадвае пра якія-небудзь яе кантакты з Ноўгарадам. Згодна з А. В. Маёравым, у крыніцах німа, літаральна, «даже намёка на возможность таких контактов» [15, с. 12]. Але, з другога боку, ёсць дастаткова доказаў кантактавання з наўгародскім, у 1209–1215 гг., князем Мсціславам Мсціславычам «Удатным» другой знакамітай жанчыны, а менавіта роднай мацеры Данііла Раманавіча Галіцкага, якога яна з Мсціслававай дачкою ў 1213 г. і ажаніла. Згодна з А. В. Маёравым, Даніілаву маці таксама звалі Еўфрасіньяй. На яго думку, наўгарадская пячатка з гэтакім імем належыла менавіта ей. Знаходка ў Ноўгарадзе такой пячаткі тлумачыцца ім тым, што перад заключэннем згаданага дынастычнага шлюбу, канешне, павінна была вясціся актыўная дыпламатычная перапіска. Гэтай пячаткай і засведчвалася адна з грамат будучай Мсціслававай сваці [16, с. 78, 107].

Адзначым, што асабістае імя гэтай асобы, увогуле, дакладна невядома. Іпацьеўскі летапіс, г. зн., у дадзеным выпадку адзіная непасрэдная гістарычная крыніца, называе яе проста «княгиня

Романовая», ці «великая княгиня Романовая», маючы на ўвазе яе мужа, Рамана Мсціславіча Галіцка-Валынскага (1150–1205 гг.) [9, с. 481, 490]. Аб гэтай незвычайнай жанчыне ва ўсёй беларускай гістарыяграфіі нам удалося адшукаць толькі адзінаю згадку. «После гибели в 1204 г. в Польше галицко-волынского князя Романа Мстиславича, в состав владений которого входило и Берестье, – піша П. Ф. Лысенка, – берестяне вновь предпринимают попытку выделиться в самостоятельное княжество и просят у польского короля Лешко, взявшего на себя заботу о вдове Романа Мстиславича и его сыновьях, отпустить к ним на княжение Даниила и Василько и их мать “княгиню Романову”. Старший сын Даниил был отправлен в Венгрию к королю Андрею. Просьба была удовлетворена и на княжение был отпущен Василько с матерью» [11, с. 26]. Трэба ўдакладніць: на самой справе тады Лешак Бялы (Leszek Biały) быў зусім не каралём польскім, а толькі князем сандамірскім. Аднак, паводле «Вялікай польскай хроніцы», ён быў такі магутны ўладар, што нават самога Рамана ў свой час прызначыў галіцкім князем [2, с. 320–321]. Паводле старажытнарускага Іпатыеўскага летапісу, пасля Раманавай гібелі ён узяў на сябе галоўнаю турботу аб удаве і сіратах. У гэтым жа летапісу адлюстравана нават эмацыянальны фон адпаведнай падзеі. «И приѣхаша Берестяне ко Лестькови, – чытаем мы ў ім, – и просиша Романовыи княгини и дѣтий, бѣаста бо млада сущи: и вдасть имъ, да владѣть ими. Они же с великою радостью срътоша и, яко великаго Романа жива видящи» [9, с. 482–483]. На Бярэсце Васілька «сеў», безумоўна, толькі фармальна, таму што быў тады ніяк не старэй за тры гады. Зразумела, што ад ягонага імені на працягу каля году фактычна княжыла ягоная маці.

Але Бярэсце з Берасцейскай воласцю з’яўляліся у той час неад’емнымі часткамі вялікага княства Галіцка-Валынскага, сярод тагачасных усходнеславянскіх ці не найбуйнейшага. Ва ўсякім разе, Рамана Галіцкага Іпатыеўскі летапіс называе, літаральна, «царь в Руской земли», згадваючы яго як «самодержца бывша всей Руской земли» [9, с. 479, 536]. Заснавальнік украінскай навуковай гісторыяграфіі М. С. Грушэўскі ягонай спадкаемкай лічыў менавіта нашу гераіню. «Управу держави іменем Данила обняла його мати – молода Романова вдова», – пісаў ён у свой час [5, с. 18]. Гэтакае меркаванне пазней цалкам падзялялася, мусіць, усемі выбітнымі гісторыкамі Украіны. У прыватнасці, паводле І. П. Крыпякевіча, «Романовая» была «надзвычайно энергійна жінка, яка вперто захищала права своіх синів» [8, с. 87]. В. Л. Вайтовічам падкрэсліваецца «її, незвична як для жінки,

высока роль, яку можна порівняти хіба зі св. Ольгою...» [3, с. 32]. Відавочна, што ім маецца на ўвазе роля рэгентшаў-правіцельніц пры сваіх малалетніх сынах, адыгранная абедзвюма гістарычнымі дзеячкамі аднолькава вельмі паспяхова.

Аднак паходжанне «княгини Романовой» яшчэ больш загадкавае, чым Вользіна. Гэта, мусіць, і паслужыла адмысловай падставай для пэўных гістарыяграфічных спекуляцый. А. П. Талочка нават лічыць, увогуле, што яна была проста канкубіна. *Concubina* ў старажытным Рыме – гаспадарова сажыцелька, адпошчаная на волю ягоная былая рабыня. Дзеці ад яе лічыліся незаконнымі і не мелі права нават на бацькава імя. Гэтакі стан лічыўся ганебным і таму для сапраўднай рымлянкі, дачкі грамадзяніна, недазваляльным [23, с. 1–2]. У Старажытнай Русі найбольш вядомыя канкубіны – менавіта сажыцелькі князёў з папярэдняй галіцкай дынастыі, Яраслава Асмамысла і ягонага сына Уладзіміра, па летапісам, адпаведна, «Настасья наложница» і «жена, взятая у попа» [6, с. 281, 285]. «Схоже, – лічыць А. П. Талочка, – што ставши 1199 р. галіцкім князем, разам зі столом Роман успадкував і даўню манеру галіцкіх князів (Ярослава Володимировича, Володимира Ярославича) утримувати конкубінат». Сыходзячы з гэтага, ім робіцца наступная выснова: «можлівісьць походження Романовой з будь-якої (руської, мадярської чи візантійської) династії можна виключити» [22, с. 99]. Аднак параўноўваць, услед за А. П. Талочка, «великую княгиню Романовую» з летапіснай палюбоўніцай «Настаськой» можна толькі насуперак зусім не двухсэнсавым звесткам Іпацьеўскага летапісу, якія мы зараз між сабою і параўнуем. З аднаго боку, пад 1173 г. у ім паведамляецца аб лютай расправе над гэтай Анастасіяй, а таксама і аб пакаранні Алега «Настасьича», нягледзячы на тое, што яго вялікі князь Яраслаў Асмамысл афіцыйна прызнаваў сваім ад яе сынам. «Галічани же, – чытаем мы на гэты конт, – накладъше огнь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша...» [9, с. 385]. З другога боку, паводле таго ж самага летапісу, ва ўзнікшай ў 1204 г. унутрыдынастычнай спрэчцы наконт уладальніцкіх правоў вырашальным аргументам стала апеяцья «Романовой» да таго, што пакрыўджаны з’яўляецца менавіта яе ўласным сынам. Характэрна, што пра ягонага бацьку яна пры гэтым, паводле летапісу, нават і не згадала. «Олександръ же, – чытаем мы, – с(ъ)вѣтомъ Лестьковымъ прия Володимеръ. Княшни же Романовая, посла Мирослава ко Лестькови, глаголющи: “яко сий всю землю нашу и отчину держить, а сынъ мой во единомъ Берестыи”. Олександръ прия Угровескъ, Верещинъ, Столпъе, Комовъ, и да(л) Василкови Бѣлзъ» [9, с. 483]. Між іншым, Аляксандр Усевалодавіч Белзскі даводзіўся Лешаку Бяламу вельмі

блізкім сваяком, будучы родным братам ягонай жонкі Алены. Аднак пры гэтым абодвы князі вырашылі тады саступіць Аляксандраву стрыечнаму брату Васільку, нягледзячы на ягонае малалетства, улічыўшы, відавочна, таксама і паходжанне ягонай маці. Зразумела, што ні былой канкубінай накшталт Настасі, ні нейкай прасталюдзінкай яна, ў любым выпадку, быць проста не магла.

Увогуле, за выключэннем аднаго А. П. Талочкі, у дынастычна паўнаважнасць паходжанні «велькай княгіні Романовай», практычна ніхто не сумняваецца. Але наконт канкрэтнага варыянта гэтакага яе паходжання існуюць даволі істотныя разыходжанні, прааналізаваныя В. Л. Вайтовічам [3, с. 31]. Перавага ім першапачаткова аддаецца меркаванню менавіта Л. Я Махнаўца, згодна з якім «Романова» з'яўлялася дачкою візантыйскага імператара Ісаака II Ангела ад ягонай другой жонкі, Маргарыты-Марыі Венгерскай [10, с. 369]. Такім чынам, кароль Венгрыі Андрэй II Крыжаносец (Jeruzsálemi II András) павінны быў даводзіцца ёй родным дзядзькам па мацеры. Тут трэба звярнуцца да адной акалічнасці, якая увагі аніводнага даследчыка, мусіць, яшчэ не прыцягвала. Незразумела, чаму, паводле Іпацьеўскага летапісу, кароль называў яе сваёй братавою, – літаральна, «ятровь моя» [9, с. 486–487]. Відавочна, што тут павінен быў ужывацца тэрмін «сестричьна», які ў старажытнарускай мове і абазначаў сястрыну дачку, пляменніцу [21, с. 342]. Свяцтва ж Андрэя са ўдавою па яе нябожчыку мужу было, безумоўна, больш далёкім: гэты венгерскі кароль і Раман Мсціславіч даводзіліся адзін аднаму толькі траюраднымі братамі. Увогуле, В. Л. Вайтовіч з цягам часу мяняе сваё меркаванне наконт мацеры «велькай княгіні Романовай» і без уліку вышэй згаданай акалічнасці. «В последнее время, – чытаем мы ў яго, – стали известны письменные источники, указывающие на возможное происхождение второй жены Романа и матери Даниила от первого брака византийского императора Исаака II Ангела, позволяющие выяснить ее имя – Евфросиния» [4, с. 53–54]. Маюцца на ўвазе крыніцы, для пэўнай мэты эксклюзіўна выкарыстаныя менавіта А. В. Маёравым, і перш за ўсё – сінодзік імперскага Шпаерскага сабору, які ў другой палове XI – пачатку XIII ст. служыў пахавальняй для каралёў Германіі, у тым ліку, для Піліпа Швабскага і яго жонкі Ірыны Ангеліны. У шпаерскім сінодзіку названы візантыйскія сваякі гэтай каралевы, у тым ліку Ісаак II Анёл, бацька, і старэйшая сястра, згаданая пад 1208 г. як «Effrosina». Аднак, апроч гэтай нямецкай, звернем тут увагу яшчэ і на арыгінальную візантыйскую крыніцу, на якую А. В. Маёраў, увогуле, таксама спасылаецца [13,

с. 84, 91]. Гэта «Хроникὴ διήγησις», сакратара Ісаака II Анёла Мікіты Ханіята, дзе апісваецца гісторыя Візантыі ў 1118–1206 гг. «Царь Исаак, – чытаем мы ў Ханіята, – имел от первого брака трех детей – двух дочерей и одного сына. Старшую дочь он постриг в монахини и, с большими издержками превратив Иоанницкий дом в женский монастырь..., водворил ее в нем, посвятив Богу, как чистую агницу [17, с. 85]. Як бачым, у адрозненне ад замежнага шпаерскага сінодзіка, у візантыйскай Ханіятавай «Гісторыі» імя старэйшай Ангеліны, увогуле, не згадваецца. Такім чынам, відавочна, што А. В. Маёраў грунтуецца, галоўным чынам, не на крыніцах, а на ўласных меркаваннях. Па-першае, ён мяркуе, што пасля звяржэння яе бацікі пры наступным імператары, Аляксеі III Анёлё, які даводзіўся маладой Ангеліне родным дзядзькам, «сложилась весьма благоприятные условия для того, чтобы монашеский постриг старшей дочери Исаака II, отправленной в монастырь еще в детстве и не по своей воле, был отменен». Па-другое, мяркуе А. В. Маёроў, новы імператар вырашыў выкарыстаць пляменніцу, проста, ва ўласных знешнепалітычных мэтах: «отмена монашества для молодой девушки, которой к концу XII в. должно было исполниться немногим более двадцати лет, разумеется, открывала перспективу замужества. Политическая заинтересованность Алексея III в укреплении союза с галицко-волынским князем Романом Мстиславичем также должна была повлиять на судьбу молодой византийской принцессы. Ее дальнейшие следы, как нам кажется, нужно искать в Галицко-Волынской Руси» [13, с. 87]. Гэтакі Раманаў шлюб ужо меркаваўся, увогуле, значна раней, у прыватнасці, на падставе аднаго з паведамленняў наўгародскага архібіскупа Антонія (Дабрыні Ядрэйкавіча), які ў сваёй «Кнізе паломнік», заўважана Л. Я. Махнаўцом, «пише, що в середині 1200 р. у Константинополі було посольство від Романа Мстиславича у складі Твердяти Остромировича, Недана, Домажира і посла Негвара...». Нягледзячы на тое, што летапісы аб гэтай місіі, увогуле, маўчаць, Л. Я. Махнаўцом Антоніева звестка інтэрпрэтавалася гэтак: «Выходит, що це посольство мало насамперед шлюбний характар і ці бояри й привели Романові зовсім юну нову жону» [10, с. 369]. Але зварот непасредна да першакрыніцы сведчыць, што аб нейкай шлюбнай мэце місіі, накіраванай Раманам Мсціславічам у Візантыю «в лѣто 6708-е», «при царьстве Алексеевѣ и при патриарсе Иваннѣ» у ёй проста німа, літаральна, аніводнага слова. Такім чынам, невыпадкова аўтарытэтным выдаўцом і каментатарам «Кнігі паломнік» тагачасная задача Раманавай дыпламатыі вызначалася зусім інакш. «По свидетельству Византийских и Русских летописцев, – пісаў у свой

час П. І. Саваітаў, – Волынскі князь Роман Мстиславич, по просьбе императора Алексея III Ангела, в 1202 году, вторгся, вместе с другими Русскими князьями, в землю Половцев, опустошавших Фракию и угрожавших самому Царьграду. Этим вторжением Роман отвлек опасных врагов от нападения на Царьград... Для предварительных переговоров по этому случаю, вероятно, и было отправлено им в Царьград посольство, о котором говорит наш паломник, но молчат летописи» [19, с. 88–89, прим. 51]. Дарэчы, характэрна, што такі дасведчаны ў прыдворных справах аўтар, як Мікіта Ханіят, зусім нічога не згадваючы пра нейкі галіцкі шлюб адной з імператаравых пляменніц, адначасова даволі падрабязна паведамляе пра шкоду, што чынілі Візантыі *κομάνοι* (полаўцы), ад якіх яе ўратаваў тады «христианнейший народ русский и стоящие во главе его князья». Пры гэтым ён дзякваў, перш за ўсё, галоўнаму старажытнаруускаму саюзніку Аляксея III Анёла: «именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее» [17, с. 245–246].

Такім чынам, трэба прызнаць, што няма дастатковых бяспрэчных доказаў наконт таго, што асабістым свецкім іменем «великой княгини Романовой» было менавіта Еўфрасіння, як няма гэтакіх і наконт належнасці ёй «еўфрасіньеўскай» ноўгарадскай пячаткі, – у адрозненне ад яе відавочна выбітнай палітычнай ролі. Кам пераканацца ў апошнім, дастаткова спыніцца, дарчы, на некалькіх характэрных эпізодах яе біяграфіі.

«Тогда же великая княгини Романовая восприимши мниский чинь», – лаканічна канстатуе Іпацьеўскі летапіс пад 6721 (1213) г. Але крыху ніжэй ён робіцца ўжо больш падрабязнейшым: «Въ лѣто 6723 (1215). Божиимъ повелениемъ, прислаша князи Литовьскіи к великой княгини Романовѣ и Данилови и Василкови, миръ дающе. Бяху же имена Литовьскихъ князей: се старейшей, Живинъбудъ, Давъять, Довъспрункъ, братъ его Мидогъ...». [9, с. 490–492]. Кідаецца ў вочы, што манашка знадзаецца перад князямі, што, канешне, зусім не выпадкова. Як ужо адзначалася А. С. Кібінем, парадак пералічэння дзеячых асоб у Іпацьеўскім летапісу дакладна адлюстроўвае рэальную тагачасную іерархію [7, с. 147–148]. Такім чынам, вялікая княгіня-манашка зусім не двухсэнсова рэпэзентавана летапісам ў якасці палітычнага лідэра ўсёй сваёй дынастыі і, прытым, з вонкавым прызнаннем, у прыватнасці, з боку тагачаснай Літвы. Паводле В. Л. Вайтовіча, у манастыры наша «Романовая» апынулася «можливо, під тиском бояр» [3, с. 37]. Але

паставіць у віну «безбожнымъ Галичаномъ», як называе іх Іпацьеўскі летапіс, яшчэ і гэта, на наш погляд, проста немагчыма. Інакш чаго б тады літоўскім князям дасылаць паслоў не да гэтых летапісных «Галичкыхъ боярь», а да сасланай імі ў манастыр ўдавіцы? Дарэчы, нам удалося, мусіць, вызначыць месца знаходжання манастыра «Романовой». У польскай археалогіі ёсць спроба лакалізаваць яго ў Стоўп'і (Stołpie), што зараз у Хелмскім павеце Люблінскага ваяводства. На нашу думку, гаворка павінна ісці пра летапісны манастыр Св. Данііла у старажытнарускім горадзе Угорескь, ці Угровскь, які знаходзіўся, паводле археолагаў украінскіх, каля с. Новоугрузьке Любомльскага раёна Валынскай вобласці, дзе, дарэчы, ёсць і ўрочышча «Стовп» [20, с. 275–278]. Мы, у адрозненне ад В. Л. Вайтовіча, мяркуем, што манаства было вольным выбарам гэтай выбітнай жанчыны. Справа ў тым, што ў эпоху Старажытнай Русі паўторны шлюб быў выключаны для князевай ўдавы ў прынцыпе. Праўда, зеставаўся яшчэ, згодна з С. Г. Паляковай, яшчэ адзін варыянт: застацца пры двары аднаго са сваіх сыноў у прэстыжным статусе княгіні-маці [18]. Аднак «великая княгиня Романовая», дарэчы, захаваўшая свой тытул і ў ім, усё ж аддала перавагу манастыру. Увогуле, яе манастыр адыгрываў яшчэ і ролю аднаго з цэнтраў дзяржаўнай ўлады і, напэўна, даволі працяглы час. Мусіць, менавіта там ў 6763 (1255), г. зн., праз 42 гады ад пачатку яе манаства, вырашалася пытанне аб прыняцці Даніілам Галіцкім ад Інакенція IV каралеўскага тытулу. «Присла папа, – паведамляе пад згаданым годам Іпацьеўскі летапіс, – послы честны, носяще вѣнѣць и скипетръ и коруну, еже наречеться королевьсвѣй санѣ, рекый: “сыну! приими отъ насъ вѣнѣць королевьства”... Оному же одинако не хотящу, и убѣди его мати его, и Болеславъ и Семовить, и бояре Лядьскыѣ, рекуще: дабы приялъ бы вѣнѣць...» [9, с. 548]. Нават сам Баляслаў V Сарамлівы, тагачасны кароль Польшчы, не кажучы ўжо пра Земавіта I Мазавецкага, між іншым з князёў польскіх на той момант ці не магутнейшага, згаданы летапісцам менавіта пасля «Романовой». Такім чынам, ім быў захаваны той жа іерархічны прынцып пералічэння деючых асобаў, што і ў апісанні перамоваў з Літвой. «Как видим, – піша А. В. Маёраў – влияние матери на решение Даниила было столь велико, что летописец считает его едва ли не главной причиной согласия князя и ставит выше влияния польских союзников, обещавших военную помощь против татар в случае коронации» [14, с. 144].

Гэтакая ўплывовасць Раманавай ўдавы выглядае тым больш адметнай, калі мець на ўвазе, што тады яна дасягнула, мусіць, не менш чым 70-цігадовага ўзросту. Сапраўды, за поўстагоддзя да папскага пасольства,

у 6710 (1202) г., пад якім яна ўпершыню і згадваецца ў летапісу, гэта была ўжо, безумоўна, дарослая жанчына, маці аж двух сыноў: «княгини же Романовая вземше дѣтѣтъ свои...» [9, с. 481]. Напэўна, выдатная палітычная роля княгіні-манашкі ўскосна адлюстравалася такама і ў тым, што некаторыя даследчыкі спрабавалі прадставіць як сапраўднаю доўгажыцельку. Менавіта гэтак атрымоўваецца, калі, услед за А. В. Маёравым, атосаміць яе з Ангелінай-старэйшай, што нарадзілася, па ягоным разлікам, «незадолго после 1175 г.» [12, с. 112]. Дарэчы, насуперак ранейшаму свайму меркаванню аб нараджэнні будучай «Романовой» менавіта ў другім Ісаакавым шлюбе, дадзенае атосамленне пачаў апошнім часам падтрымоўваць таксама і В. Л. Вайтовіч. «В последнее время, – чытаем мы ў яго, – стали известны письменные источники, указывающие на возможное происхождение второй жены Романа и матери Даниила от первого брака византийского императора Исаака II Ангела, позволяющие выяснить ее имя – Евфросиния» [4, с. 53–54]. Аднак крыху раней ён жа, услед за Л. Я. Махнаўцом, лічыў, што яе мірскім іменем было Ганна. Аднак, у адрозненне ад апошняга, Л. В. Вайтовічам Раманава ўдава тады ж была атосамлена з летапіснай манашкай Аленай. «Княгиня Олена, черница, яка була на похоронах Володимира Васильовича у 1288 р. ..., напewно, була Анною-Оленою. Выходячи з цього можна датувати її смерть 1289 р.», – пісаў В. Л. Вайтовіч [3, с. 31, 37–38]. Калі ўлічыць, што ад атосамлення з гэтай Аленай «Романовой» ён, увогуле, не адмаўляўся і пазней, то артымоўваецца, што, паводле В. Л. Вайтовіча, працягласць жыцця нашай гераіні павінна набліжацца да гэтакай ў адзінкавых супердоўгажыхарак XIX–XX стст., чый падцвержаны максімальны ўзрост не перавышаў, як вядома, 115–120 гадоў.

Больш верагодна, аднак, што летапісная «княгиня Олена черница» – не сама «Романовая», а, адпаведна з меркаваннем Л. Я. Махнаўца, ўдава яе ўнука Рамана Данілавіча [10, с. 444]. Між іншым, гэты трэці сын Данііла Галіцкага другім шлюбам быў жанаты на дачцэ нейкага Глеба, што княжыў у нашым Ваўкавыску. Увогуле, для ўдакладнення сапраўднай працягласці жыцця «великой княгини Романовой» звернем увагу на адну звестку Іпацьеўскага летапісу, якая для падобнай мэты, мусіць, яшчэ не выкарыстоўвалася. «Князю же Володимеру Васильковичю великому, – сказана ў гэтым летапісу, – лежащу в болести [своей полно] 4 лѣта... И еще же ему не вельми болну, но ходяшеть и ѳздяшеть на конѣ, и розда убогымъ имѣние свое все: золото и серебро, и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемъ стяжалъ, все розда; и блюда великая

серебрянаа, и кубькы золотые и серебряные, самъ передъ своимъ очима побѣ и поля в гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля, и розъсла милостыню по всей земли; и стада роздая убогимъ людемъ, у кого то коний нѣтуть и тѣмъ, иже кто погибли в Телебузину рать». Падводле Іпацьеўскага летапісу, «великая княгиня Васильковая, именованная Олена», г. зн., Уладзімірава маці, памёрла ў 6773 (1265) г., а сам ён – «в лѣто 6797, (1289) мѣсяца декабря во 10 день» [9, с. 570, 601, 604]. Відавочна, што ў 1286/7 гг. Уладзімір Васільевіч выдаткаваў на дабрачыннасць, апрача сваёй асабістай, таксама яшчэ і вымарачную маёмасць, якая перайшла да яго пасля смерці не толькі мацеры, але і бабулі. Зразумела, цалкам выключана, што асабістыя каштоўныя ўпрыгожванні «Романовой», хай сабе тады ўжо і манашкі, былі пушчаныя ўнукам у пераплаўку яшчэ пры яе жыцці. Такім чынам, хаця дата смерці нашай гераіні і невядомая дакладна, ясна, што памёрла яна, у любым выпадку, яшчэ да гэтай масавай раздачы міласціны, засведчанай Іпацьеўскім летапісам.

Аднак, калі «великая княгиня Романовая» і не была адной з супердоўгажыхарак у гісторыі сусветнай, яна, безумоўна, з'яўляецца выбітнай дзеячкай супольнай сярэднявечнай гісторыі двух суседніх братніх народаў, украінскага і беларускага. У наш неспакойны час, мусіць, асабліва варта падкрэсліць, што пры яе жыцці дынастыя Раманавічаў унутраных міжусобіцаў проста ня ведала!

Спіс літаратуры

1. В Полоцке при раскопках обнаружили старинную актовую печать Евфросинии // Новости Мира археологии. Археологический блог. Ежедневно обновляемые новости археологии и смежных наук. Обзор прессы. Среда, 3 июня, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.archeo-news.ru/2015/06/blog-post_3.html. – Дата доступа: 20.06.2015.
2. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях / Под ред. В. Л. Янина; сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. – М.: МГУ, 1987. – 133 с.
3. Войтович, Л. В. Король Данило Романович: політик і полководець // Доба короля Данила в науці, мистецтві, літаратурі / Л. В. Войтович. – Львів: Мистецький фонд імені короля Данила, 2008. – С. 22–97.
4. Войтович, Л. В. О некоторых спорных проблемах изучения Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича и Даниила Романовича (заметки о новейшей историографии) / Л. В. Войтович // Русин. Международный исторический журнал. – 2014. – № 1 (35). – С. 52–63.
5. Грушевський, М. С. Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський. – Т. III. До року 1340 / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. – Київ: Наукова думка, 1992. – 586 с.

6. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранныя и описанныя покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. – Кн. III. – М.: при Императорском Московском Университете, 1774. – 530 с.
7. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках / А. С. Кибинь. – М.: Квадрига, 2014. – 272 с.
8. Крип'якевич, І. П. Галицько-Волинське князівство / І. П. Крип'якевич. – Київ: Наукова думка, 1984. – 176 с.
9. Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. – СПб.: Печатня В. Головина, 1871. – 616 с.
10. Літопис Руський за Іпатським списком / Пер. і комент. Л. Є. Махновця. – Київ: Дніпро, 1989. – 590 с.
11. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1989. – 159 с.
12. Майоров, А. В. К вопросу о происхождении второй жены Романа Мстиславича: дочь императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси / А. В. Майоров // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. – 2009. – Вип. 22. – С. 111–118.
13. Майоров, А. В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 1 (39). – С. 76–106.
14. Майоров, А. В. Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волынских князей / А. В. Майоров // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2011. – № 1. – С. 143–154.
15. Майоров, А. В. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода / А. В. Майоров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2. – С. 5–25.
16. Майоров, О. В. Єфросинія Галицька. Дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня і черниця / О. В. Майоров / Відп. ред. Л. В. Войтович. – Біла Церква: Вид. О. В. Пшонківський, 2013. – 224 с.
17. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. – Т. 2 (1186–1206) / Пер. с греч. под ред. проф. Н. В. Чельцова. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1862. – 540 с.
18. Полякова, С. Г. Семейный статус представительниц высшего сословия Древней Руси и ее соседней после принятия христианства / С. Г. Полякова / Русский сборник. Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета. – 2008. – Вып. 4. – С. 127–136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://histerl.ru/vse_materiali/kultura/semeinie_status_predstavitelnic_vishego_soslovia_drevnei_rusi.htm. – Дата доступа: 26.09.2015.
19. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисл. и примеч. П. И. Савvaitова. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1872. – 198 с.
20. Рассадин, С. Е. О локализации монастыря «великой княгини Романовой» / С. Е. Рассадин // Старий Луцьк. Науково-інформаційний збірник. Вип. XI.

Матэрыялы XI навуковай канферэнцыі «Любартівскі чытаньня», прысьвячонай 930-й рочніцы першай пісемнай згадкі про м. Луцьк та 30-й рочніцы створення Дзяржавнага історыка-культурнага запавідніка у м. Луцьку, м. Луцьк 22 травня 2015 р. – Луцьк: ФАП Сікачова В. А., 2015. – С. 275–278.

21. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. 3: Р–Я. – М.: Знак, 2003. – 1000 с.

22. Толочко, О. П. Як звали другу дружину Романа Мстиславича? О. П. Толочко // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність / Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича. – 2006–2007. – Вип. 15. – С. 98–102.

23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XVI (31): Конкорд – Коялович. – СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1895. – 495 с.

24. Янин, В. Л. Полоцкий матриархат / В. Л. Янин // Знание – сила. – 1970. – № 12. – С. 17–19;

25. Янин, В. Л., Гайдуков, П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. – Т. III. – М.: Интрада, 1998. – 225 с.

ТАТАРЫ В КРУГУ ВЫСОКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ЦЕРКОВНОМ СОБОРЕ В КОНСТАНЦЕ

XVI Вселенский церковный собор, заседавший в германском городе Констанц с ноября 1414 г. по апрель 1418 г., неоднократно привлекал внимание исследователей. В основном их интересовали вопросы церковной истории, а темы политического характера преимущественно оставались в стороне. В частности, пребывание на Соборе «татарской делегации» до сих пор не было объектом специального исследования, за исключением небольшой статьи Б. Н. Флори [31, с. 17–22], который в своем труде основное внимание посвятил литовско-ордынским отношениям.

Основным источником о «татарской делегации» является «Хроника Констанцкого собора». Ее автором был очевидец событий, секретарь городского совета, епископский нотариус и главный канцелярист Собора Ульрих фон Рихенталь († около 1437 г.). Хроника была написана на латыни после 1420 г., но до нас она дошла в двух редакциях и девяти списках на средневерхненемецком языке, которые имеют значительные отличия. Принято считать, что наиболее близким к авторскому оригиналу является «Олендорфский кодекс», датируемый 1438–1450 гг. Его критическое издание с разночтением по одному из списков второй редакции принадлежит немецкому исследователю М. Р. Буку [41]; это издание было использовано нами в данном исследовании. Что касается официальных документов Собора, то в них за более чем три года его работы татары упомянуты всего лишь пять раз. Четыре из них не имеют никакого отношения к ордынской политике [34, р. 392, 398; 35, р. 106; 36, р. 722, 723].

Папа Иоанн XXIII созвал Собор на 1 апреля 1412 г., но вынужден был перенести дату на декабрь 1413 г. Не дожидаясь рассылки папских приглашений, венгерский король и германский император Сигизмунд Люксембургский сам обратился к монархам Европы с предложением прибыть на Собор в Констанц или прислать своих послов [6, с. 256]. Участники Собора были разделены на четыре нации. Поляки, вместе с русинами, турками (*Türggy*), венграми, чехами, фламандцами и некоторыми другими были причислены к «германской нации», а представите-

ли «Аравии» и «Татарии» упомянуты рядом с англичанами и шотландцами [41, S. 50–51, 154]. «Татариию» же Рихенталь понимал в широком смысле, как «Великую Татарию» с семью ее императорами [41, S. 158: *die groß Tartarie da sind vii Kayser inn*]. Интересно, что современник событий немец Иоганн Шильтбергер, долгое время бывший в Орде, понимал «Великую Татарию» (*grossen Thartaria*) как Восточный Дашт-и Кыпчак [61, S. 37, 39].

Татары на Соборе были представлены не в одной, а в двух разных делегациях, цели которых не имели ничего общего между собой. Первые прибыли из Орды, вторые – в составе литовской делегации во главе с киевским митрополитом Григорием Цамблаком. Исходя из этого, возникают следующие вопросы: 1) с какой целью и когда именно ордынцы побывали на Соборе? 2) с какой целью татары были включены в состав делегации митрополита Григория Цамблака?

Ситуация в Орде в период 1414–1418 гг. неоднократно была предметом исследований [33, с. 178–183; 7, с. 403–411; 26, с. 190–193; 31, с. 19–22; 10, с. 166–197; 25, с. 713–715 и др.], поэтому нет необходимости лишний раз пересказывать эти события. Нужно лишь констатировать, что убийство Джелал ад-Дина начало отсчет финальной стадии существования Орды как государственной общности от Аральского моря до Днестра. В отличие от предыдущего периода, когда «плановая» смена ханов эмиром Едигеем почти не приводила к внутренним потрясениям в Орде, второе десятилетие XV века отмечено отчаянной борьбой за власть различных Чингизидов.

В окружении императора Сигизмунда были достаточно хорошо знакомы с татарами. В «Описании конгресса в Буде» 1412 г. среди специалистов по языкам семнадцати различных народов названы и знатоки татарского [49, р. 247: *Item von XVII landen sprache und lüte alz ... Dattern*]. На Соборе в Констанце они также присутствовали. Так, в своем письме от 29 августа 1415 г. Ягайло рекомендует Собору Федора (Теодора) Константинопольского, как знатока греческого, татарского и латинского языков [35, № 128, р. 281; 52, № 22, S. 318: *Theodorus Constantinopolitanus... peritus in Greco, Tartarico ydeomatibus et Latino*]. В конце 1415 г. Федор был на Соборе [34, р. 268], как и его брат Андрей Хрисоверг, сделавший перевод речи Цамблака с греческого на латынь [64, s. 174–175, ргзур. 7; 66, р. 5–61]. Таким образом, подлинность ордынского посольства в Констанце не вызывает сомнений.

Рекомендация Ягайла касалась, прежде всего, работы с православными, дабы склонить их принять унию. «Ибо в нашем [Польском]

королевстве – писал польский король – есть еще некоторые рутены, наши подданные, которых еще не осветил божественный свет [католической веры]». Что касается татар, то католические проповедники никогда не прекращали миссионерской деятельности среди них. По сообщению францисканцев, их деятельность в районе Каспийского моря и Кавказа имела значительный успех по обращению татар и кавказских народов в католическую веру. Минориты даже утверждали, что могли бы увеличить количество католиков среди местного населения, но этому мешала нехватка проповедников (речь идет о событиях 1391 г.) [37, р. 105]. Это донесение находит подтверждение у Иоганна Шильтбергера, который в районе *Stzulet* (вероятно, Верхний Джулат [17, с. 90–96]), встретил католическую общину, где не знали латыни и вели службу на татарском языке [61, S. 38].

Главные цели работы Констанцского собора состояли в преодолении раскола Католической церкви, ее реформировании и очищении от ересей. Вопросы миссионерской деятельности среди татар на Соборе не поднимали. И саму татарскую делегацию в Констанце вряд ли интересовали вопросы католической веры. Косвенно это подтверждает полное молчание источников об участии татар в каких-либо религиозных прениях на Соборе. Кроме того, эмир Едигей проводил в Орде достаточно жесткую политику исламизации [18, с. 144; 2, с. 140; 44, р. 336–352]. Уже во время кратковременного правления хана Сайид-Ахмета I [24, с. 48–60], которое совпало с проведением Собора в Констанце, она достигла значительного успеха [2, с. 140, прим. 38]. Таким образом, причину посещения татарами Констанца нужно искать не в религиозных делах.

По мнению российского исследователя Ильи Зайцева, Сигизмунд мог видеть в татарах вероятных союзников в войне против османов. В начале 1412 г. император высылал с таким предложением к Джелал ад-Дину посла Николаса де Геретца (Гереша/Геречи) и якобы даже получил от хана положительный ответ [11, с. 53]. И. Зайцев в своем предположении опирался на статью В. Ф. Штрומеля фон Райхенбаха [79, S. 591], который ссылался на работу Г. Хаймпеля, издавшего источник об упомянутом выше венгерском посольстве 1412 г. [55, S. 145–154]. Но оба немецких автора, а также и венгерский историк Ж. Пах, утверждали, что целью посольства было изучение возможности восстановления торговли от Китая до дунайской Килии [79, S. 591, 594; 71, Old. 21], что соответствует содержанию источника [55, S. 154–155]. Пунктом назначения посольства был не Сарай, а генуэзский город Кафа в Крыму. Только после ее посещения, чтобы навредить торговым интересам Венеции, Си-

гизмунд планировал отправить общее с кафинцами посольство к «принцу Гелебе Динхаим господину Татар» (*principi Gelebe Dinheim domini Thartarorum / Gebeledin Haan, dominum Tartarorum*). Об антитурецком венгерско-татарском союзе в источнике ничего не сказано.

Несмотря на то, что интерес Сигизмунда Люксембургского в конечном итоге носил все же антиосманский характер, в данном случае он лежал в совершенно другой плоскости. Констатируя невозможность ответить хотя бы приблизительно о цели приезда татарской делегации на Собор, можно с некоторой долей вероятности предположить, с чем она уехала из Констанца – Сигизмунд искал возможность использовать татар против своих европейских врагов, в частности, против Венеции либо же Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Трения между Венецией и Венгрией из-за Далмации были еще в XIV веке, но конфликт вспыхнул после того, как в 1407 и 1408 гг. Республика Св. Марка отказалась стать союзником венгерского короля в войне с турками и предоставить ему свой флот [67, № 105, р. 99–100, № 140, р. 136–138]. После того, как в 1410 г. Сигизмунд стал еще и германским императором, он попытался организовать блокаду Венеции, стараясь втянуть в конфликт не только европейские, но и азиатские государства. Война между ними с перерывами длилась с 1412 по 1433 год [80, р. 145–189].

В 1412 г. по просьбе польского короля Ягайла во время съезда монархов в Буде татарские послы от имени Джелал ад-Дина обещали Сигизмунду помощь в борьбе против всех его врагов. Это обрадовало императора и обеспокоило Венецию [57, s. 131]. Но вряд ли татарское посольство в Венгрии было ответом на посольство Сигизмунда в Кафу. Если Н. Герети, а с ним и Ласло из Салмавай и Якоб из Хаугара (*Nicolaus de Geretz, Ladislaum de Zalmaway et Jacobum de Haugen*) отправились в Крым весной 1412 г., то ответное посольство могло просто не успеть прибыть в Буду к маю-июню того же года, когда там пребывали Сигизмунд и Ягайло [48, Old. 94; 53, s. 59].

В начале 1414 г. Венеция отклонила предложенное Византией посредничество в урегулировании конфликта с Сигизмундом, передав право решить его папе римскому [69, р. 217]. Лишь в феврале 1416 г. Республика согласилась с предложением ехавшего в Констанц византийского посла Николая Евдемона примириться на почетных и, главное, выгодных для себя условиях [69, р. 243]. Но на Соборе византиец не застал Сигизмунда, который к тому времени уже уехал во Францию. Следующая попытка примирения состоялась лишь в начале 1420 г.

Таким образом, во время Собора император был весьма заинтересован в ослаблении Венеции, в чем ему могла помочь, в частности, и Орда.

Слабым местом Республики была далекая Тана, расположенная в устье Дона и дававшая ей немалую прибыль [13, с. 82–97]. По сведениям венецианского хрониста Марино Сануто, еще в 1410 г. хан захватил в Танае консула Д. Лоредано, убил многих венецианцев и разрушил многие здания в городе. Убытки составили 100 тыс. дукатов [76, col. 854; 74, S. 139–140; 46, p. 6]. Чуть ниже хронист добавил, что «и это [нападение] последовало 12 августа 1409 г. Татар на лошадях [тогда] было только 1800 с луками и саблями» [76, col. 854: *E questo seguì a' 12 dì Agosto del 1409. I' Tartari erano a cavallo solum 1800 con archi e scimitarre*]. Очередное нападение произошло между 13 апреля и 23 июня 1411 г., когда «новый император татар, захватив Тану, взял наших [венецианских] купцов в плен, среди которых был Стефано Контарини и многие другие, и так генуэзские купцы [тоже] были там» [76, col. 856: *L' Imperadore nuovo de' Tartari, presa la Tana, lasciò i nostri mercatanti prigioni, tra' quali fu Stefano Contarini e altri assai, e così i mercatanti Genovesi erano ivi*]. Этим «императором», скорее всего, был Джелал ад-Дин.

О тяжелых последствиях нападений на Тану, несомненно, знали и в окружении Сигизмунда. Но о разглашении переговоров католического правителя с татарами относительно нападения на христианскую Тану не могло быть и речи. Это уничтожило бы авторитет императора. Достаточно вспомнить, что отряд Джелал ад-Дина, насчитывавший под Грюнвальдом до тысячи воинов [4, с. 16], орденская пропаганда преподнесла в Европе как десятки тысяч [6, с. 91–99], чем подрывала на Соборе аргументы польской стороны во время дебатов с тевтонцами. Венецианцы же несколько раз пытались отравить Сигизмунда, поэтому еще до окончания работы Собора стало понятно, что заключенное между ними пятилетнее перемирие, срок которого истекал в 1418 г., будет неизбежно нарушено, а война – возобновится. Для удушения основы могущества Венеции – морской торговли – император задумал перерезать ее торговые пути, в том числе и черноморские [82, S. 161–167].

18 мая 1418 г. «сто тысяч татар» во главе с «императором Личебардо» (*Lichebardo Imperadore de' Tartaro*) напали на Тану, захватили город и нанесли убыток более чем на 200 тыс. дукатов [76, col. 923; 59, S. 65–77]. По мнению В. Гейда и С. П. Карпова, *Lichebardo* – это хан Керим-Берди [56, p. 378; 59, S. 65–77; со ссылкой на: 47, p. 251–266; 14, с. 32], но на самом деле он к тому времени уже был мертв. На восстановление и строительство каменных укреплений Таны в 1420–1432 гг. Сенат вы-

нужден был выделять значительные суммы [74, s. 139; 14, с. 32–34, 43; 46, р. 7; 15, с. 158–161]. Это был чувствительный удар по финансам Республики.

Второй возможной, но, на наш взгляд, менее вероятной причиной могло быть желание Сигизмунда нападением татар на польско-литовские владения ослабить позиции Ягайла и Витовта в споре с Орденом. На Соборе польский и литовский правители пытались решить и исключительно политические проблемы [40, S. 197–296; 70, s. 206–222]. Такой проблемой была для них незаконченная война с Орденом из-за Жемайтии. В последней войне 1414 г. объединенные польско-литовские силы превышали орденские. Тевтонцы вынуждены были отсиживаться в крепостях и наблюдать, как разоряют их земли [65, № 1984, Sp. 37–38; 43, № 604, р. 294]. Но 7 октября 1414 г. Ягайло подписал с Орденом перемирие сроком до 8 сентября 1416 г. [43, № 599, р. 297] и согласился на посредничество Констанцкого собора.

На Соборе удачные аргументы поляков привели к тому, что 17 января 1415 г. папа Иоанн XXIII отозвал все папские и императорские привилегии Ордену, которые касались Литвы и Руси [42, № 57, р. 67–69]. А 15 марта он даже разрешил Ягайле использовать половину польских церковных доходов на борьбу с татарами [42, № 59, р. 71–72]. Но заинтересованный в продолжении польско-литовско-тевтонского конфликта Сигизмунд 16 июля 1415 г. выдал представителям Ордена тайный документ, в котором обещал решить дело в их пользу [42, № 60, р. 72–73].

В 1416 г. Едигей совершил масштабный набег на Великое княжество Литовское. В этот раз татары нанесли удар не с юго-востока, как обычно, а с юга. Они захватили город и замок *Swyna horda* [43, № 633, р. 352–353], под которым, вероятно, следует понимать Звенигород. Сам «великий хан татар [Чокре] отправился [в поход] на князя Витовта с большой силой, и [татары] нанесли большой вред Киеву и его землям вокруг [него] так, что полякам довелось дать помощь литовцам» [58, р. 364]. Киев был захвачен, а его жители уведены в ясырь. Устоял лишь замок с гарнизоном из поляков и русинов [21, с. 80, 213; 57, s. 182–183; 58, р. 364; 12, с. 125, прим. 25; 65, № 2113, Sp. 196; 43, № 715, р. 378].

Об этом событии, которое, по всей видимости, произошло в июне, на Соборе узнали лишь осенью. Орденский прокуратор П. фон Вормдитт 9 октября 1416 г. написал магистру М. Кюхмайстру, что гнезненский архиепископ Николай Тромба сообщил «всем нациям» о татарском нападении на Польшу. И хотя оно было отбито, татары якобы готовятся напасть с еще большими силами. Поэтому Тромба просил «нации» оказать

Польше посильную помощь [36, p. 723]. Скорее всего, это нападение не было критическим, поскольку оно никак не повлияло на торговые связи между Ордой и купцами даже из далекого Вроцлава [68, S. 91]. В Констанце об этом должны были знать.

В зависимости от того, какая из двух предполагаемых версий ближе к истине, можно судить о времени пребывания татар на Соборе. В источниках даты приезда ордынцев нет, но поездка от Волги до Констанца должна была затянуться приблизительно на три месяца. Известно, что Сигизмунд прибыл на Собор лишь под конец декабря 1414 г. [48, Old. 98–99]. Там он находился с небольшими перерывами до 19 июля 1415 г., когда по церковным делам выехал сперва во Францию, а потом в Англию, и вернулся на Собор лишь 2 февраля 1417 г. [48, Old. 99–101]. Если ордынская делегация действительно прибыла для переговоров с императором, то, скорее всего, это было либо в первой половине 1415 г., либо во второй половине 1417 г. Учитывая время на возвращение из Европы, оба эти хронологических промежутка вполне вписываются как в нападение на Киев летом 1416 г., так и в нападение на Тану в мае 1418 г. Таким образом, присутствие татар в Констанце либо было запланировано изначально, либо потребность в нем возникла накануне или уже в ходе европейского «турне» Сигизмунда.

Остается неясным, как татары узнали о проведении Собора. При крайней лаконичности источников ответить на этот вопрос можно лишь гипотетически. Можно предположить несколько вариантов: приглашение было получено от венгерского посольства к хану, либо через генуэзцев, либо же через католических проповедников, например, францисканцев. Возникает вопрос, почему вопросы светского и политического характера татарская делегация не могла решить с Сигизмундом в Буде? Очевидно, что татары добрались в Констанц через Молдавию и Валахию, минуя Польское королевство. Иными словами, они первоначально могли направиться напрямик в Венгрию. И если это произошло в 1414 г., то, возможно, татары просто не застали императора в Буде и вынуждены были ехать за ним в Констанц. Если же приезд произошел позднее, то в таком случае татарская делегация двигалась тем же маршрутом, но уже напрямик в Констанц.

Перейдем к представителям татарского посольства. Рихенталь записал имена пяти правителей, «посланники» которых представляли их на Соборе, и уточнил, что все они из Орды: «*Kayser Schygro, kayser Edigon, kayser Takmatsch, kayser Soldan, kayser Schurla, all von Ordo*» [41, S. 209]. Б. Н. Флоря, справедливо заметив, что «установить под-

линное звучание приведенных Рихенталем татарских имен и отождествить их с реальными историческими лицами вряд ли возможно», тем не менее связал имя *Edigon* с эмиром Едигеем. Исследователь высказал предположение, что «послов на собор прислали правители различных улусов Золотой Орды, а “Султан” не титул, а личное имя одного из них», и допустил, что они поддерживали его в междоусобной борьбе за власть в Орде [31, с. 18].

Последний тезис может вызвать некоторое сомнение, поскольку Рихенталь упоминает о представителях «от императора султана» и «от великого хана» (*von kayser soldan, von dem groβen kan*) [41, S. 136]. В таком разделении можно было бы увидеть намек на подчиненного ордынскому хану правителя какого-нибудь улуса. Таким был, например, в Крыму «император Солхата» Бек-Суфи, но он утвердился на престоле не ранее 1419 г. [10, с. 166–197]. Также теоретически можно было бы соотнести «императора султана» с «малым Солтаном» Супрасльской летописи, которого, по просьбе татар, Витовт якобы дал им в качестве «царя» [22, с. 59]. Но это упоминание откровенно панегирического характера является не самостоятельным произведением, а переработкой смоленского списка «Слов» Исаака Сирина 1428 г. [8, с. 1–16; 9, с. 187–190; 30, с. 85–93; 28, с. 219–222].

По нашему мнению, названные Рихенталем имена все же можно идентифицировать, пусть и с некоторой долей условности. *Schygro* – это, вероятно, хан Чекре, имя которого И. Шильтбергер передал как *Tzeggra* [61, S. 39], *Edigon* – эмир Едигей, *Takmatsch* – хан Токтамыш, а *Soldan* – его сын Джелал ад-Дин Султан. Таким образом, Рихенталь, видимо не совсем понявший ответ татарских послов либо слова переводчика, записал не имена поддерживающих Едигея правителей различных улусов, а ордынских ханов с нарушенной хронологией правления. Чекре был ставленником Едигея и правил короткое время в 1413–1415 гг. Джелал ад-Дин правил до Чекре и был убит осенью 1412 г. Его отец Токтамыш погиб еще в 1408 г. Наиболее проблематичным является *Schurla*, которого сложно отождествить с кем-нибудь из ордынских правителей. Но возможно, что это хан Шадибек, взбунтовавшийся против Едигея и бежавший в Ширван в 1407 г. [20, с. 135; 23, с. 224; 27, с. 133–134], или же Шахрух, сын Тамерлана и правитель Мавераннахра, влияние которого распространялось, в том числе, и на Орду. Сам же Едигей, убитый в 1419 г., во втором десятилетии XV века все еще оставался в Орде весьма влиятельной особой, которую не посвященному в тонкости татарской политики человеку легко было перепутать с самим ханом.

Вторая группа татар появилась на Констанцском соборе лишь на финальном этапе его работы. Важно отметить, что они прибыли не как самостоятельное посольство, а в составе делегации киевского митрополита Григория Цамблака, специально высланной на Собор великим князем литовским Витовтом. Скорее всего, эти татары были из числа подданных литовского и/или польского правителей. По свидетельству участника Собора, представлявшего Парижский университет, «почтенного и осмотрительного человека», магистра теологии Жана из Ашри (*Johannes Dacherius*) [о нем см.: 81, р. 45–47; 78, р. 628]) вместе с Цамблаком было «много принцев татар и турок» [83, р. 511: *Cum hoc Archiepiscopo, ex Alba Russia, advenisse ait Dacherius multos Principes Tartaros & Turcos, nec non XIX. Episcopos Graecæ fidei*].

Цель приезда митрополита неоднократно была предметом изучения, поэтому нет необходимости пересказывать ее [32, с. 336–338; 3, с. 58–64; 72, s. 42–64; 63, s. 332–335, и др.]. Согласно «Олендорфскому кодексу», Цамблак с многочисленным пышным сопровождением прибыл в Констанц 19 февраля 1418 г., а по данным дневника кардинала Гильома Филластра, это произошло днем ранее [41, S. 133, 136; 34, р. 164]. Пребывание татар из этой делегации не оставило никаких следов в источниках, кроме самого факта их присутствия. Из Констанца представители «королевства Польши и Литвы» выехали после закрытия Собора 23 апреля 1418 г. [41, S. 150]. Спешно проехав почти тысячу километров менее чем за две недели, уже 5 мая Цамблак был в Кракове [75, р. 520]. Важно отметить, что если в 1393 г. средствами королевской казны были покрыты затраты на проезд татарского посольства от Луцка до Кракова и содержание его в польской столице [75, р. 162], то в 1418 г. никаких упоминаний о расходах казны на татар нет. Из этого можно сделать следующие выводы: 1) ордынцы возвращались иной дорогой (вероятно также через Венгрию, Валахию и Молдавию); 2) татары в составе делегации Цамблака не играли самостоятельной роли.

Зачем же понадобилось включать татар в состав делегации Цамблака? На Соборе основным вопросом для Витовта и Ягайла была все же не проблема унии православных с Римом, а территориальная принадлежность Жемайтии [51, s. 34–70; 38, s. 64–65]. Христианизация Жемайтии выставлялась польской стороной в качестве аргумента против захватнической политики Ордена с целью переноса его из Прибалтики на татарскую или турецкую границу.

Польская делегация, во главе которой стоял Н. Тромба, прибыла в Констанц 29 сентября 1415 г., а литовская с подольским старостой Геди-

гольдом – 6 февраля 1416 г. 11 мая Собор создал комиссию для рассмотрения конфликта из-за Жемайтии. В целом ситуация для польско-литовских представителей на начальном этапе работы Собора сложилась успешно. Иоанн XXIII не только отозвал все привилегии Ордена относительно Руси и Литвы, но и назначил Ягайла и Витовта викариями для Новгорода, Пскова и других земель, а также позволил пользоваться церковной десятиной для борьбы с татарами [42, № 57–59, р. 67–72; 29, № 119–120, с. 117–119]. Поляки успешно выстроили схоластическую систему обороны литовцев от нападков и обвинений Ордена [54, s. 13–14; 50]. Жалоба жемайтов на действия Ордена произвела впечатление на Соборе, участники которого убедились, что Ягайло и Витовт принесли гораздо больше пользы в деле христианизации язычников, нежели лживые тевтонцы [43, Appendix, № 6, s. 1018–1024; 45, s. 874–881; 73, s. 22–24, dod. 1, s. 84–86]. 22 октября 1417 г. Витовт основал для жемайтов отдельное епископство [43, № 743, р. 393; 77, s. 350–351], и даже Сигизмунд Люксембург вынужден был признать его успехи в христианизации Жемайтии [43, № 726, р. 385, № 756, р. 399].

Но после избрания 11 ноября 1417 г. нового единого папы римского Мартина V раскол в Католической церкви был преодолен [43, № 748, р. 395–397]. Представители Ордена подготовили свои контраргументы, которые дискредитировали Ягайла и Витовта в части использования язычников в войнах против христиан [36, р. 680–709]. Ни одна из сторон не могла убедить участников Собора в своей правоте. Представители далеких от Прибалтики государств Западной и Центральной Европы устали от польско-литовско-орденских проблем. Собор, в отличие от Сигизмунда, не особо желал разбираться в тонкостях этого противостояния и попыток Ягайла и Витовта вернуть захваченные Орденом земли. Во второй половине 1417 г. один из комтуров даже писал, что на Соборе все князья и часть прелатов убеждены в том, что Орден хочет мира, а поляки выдвигают к нему необоснованные требования.

К концу 1417 г. Ягайло и Витовт остро ощутили необходимость дополнительной акции для актуализации своих проблем. Они подняли давнишний вопрос об унии между Православной и Католической церквями, и 1 января 1418 г. Ягайло сообщил Мартину V об отправке митрополита Цамблака в Констанц. Для усиления эффекта от задуманного объединения Церкви в делегацию Цамблака были включены и татары, о планах крещения которых Витовт также заявлял [43, Appendix, № 6, s. 1012; 65, № 2359, Sp. 525–526]. Но в отличие от польского епископата, требовавшего перекрещивать православных, Ягайло и Витовт

предпочитали мягкий вариант локальной унии на основе консенсуса Рима с Православной церковью в их владениях [60, s. 175–179], не говоря уже о том, что они не сделали ни единого реального шага для крещения своих подданных – татар. Орден прекрасно понимал эту игру. П. фон Вормдитт еще 25 октября 1415 г. писал, что на Соборе целью католических неофитов Ягайла и Витовта было показать себя «добрыми христианами» [39, № 130, S. 275–277]. Нужно обратить внимание и на то, что чувствительные к литовско-татарским делам тевтонцы ни в официальных документах Собора, ни в своих хрониках не отобразили татарское присутствие в делегации Цамблака [58, S. 375], хотя и пытались выдать ее за инсценировку [40, S. 215–216].

Таким образом, татары в составе делегации Цамблака нужны были, по всей видимости, лишь для антуража, а не для решения реальных проблем их христианизации. Не исключено, что именно для них на средства королевской казны и были изготовлены «татарские шлемы» (*schlomy Tartharorum*), за которые в мае 1418 г. уплатили довольно круглую сумму денег [75, s. 521], и которые, вероятно, предназначались для большей визуализации пышности посольства Цамблака.

Что касается венгерско-ордынских отношений, то делегация в Констанце была не последним появлением татар в Европе. Согласно сведениям современника событий, чешского хрониста Лаврентия (Вавжинца) из Бржезовой, в войске Сигизмунда Люксембурга, воевавшего с гуситами в 1421 г., были и татары. Они разоряли Моравию, а также захватили город Поличку, где убили около тысячи человек [62, p. 527, 528]. Впрочем, не исключено, что в данном случае хронист мог перепутать татар с половцами либо же с ясами, достаточно компактно жившими в Венгрии еще с XIII века [19, с. 283–288; 16, с. 354–358; 1, с. 224–226].

Список литературы

1. Алемань, А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. – М., 2003.
2. Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану / Иосафат Барбаро // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. – М., 1971. – С. 113–187.
3. Бегунов, Ю. К. К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака / Ю. К. Бегунов // Советское славяноведение. – № 3. – М., 1981. – С. 58–64.
4. Бискуп, М. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409–1411 гг.) в свете новейших исследований / М. Бискуп // Вопросы истории. – № 12. – М., 1991. – С. 14–22.
5. Гагуа, Р. Б. Участие татар в 1410 году в прусской кампании объединенных войск Польши и Великого княжества Литовского в западноевропейском лето-

писании XV столетия / Р. Б. Гагуа // Золотоордынская Цивилизация. Сборник статей. – Вып. 5. – Казань, 2012. – С. 91–99.

6. Грабарь, В. Э. Вселенские соборы Западно-христианской церкви и светские конгрессы XV века / В. Э. Грабарь // Средние века. – Вып. 2. – М., 1946. – С. 253–277.

7. Греков, Б. Д., Якубовский, А. Ю. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М.-Л., 1950.

8. Грушевський, М. «Похвала в. кн. Вітовту», кілька уваг про склад найдавнішої литовсько-руської літописи / М. Грушевський // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. – Том VIII. – Кн. 4. – Львів, 1905. – С. 1–16.

9. Грушевський, М. Історія української літератури / М. Грушевський. – Том V: Культурні і літературні течії на Україні в XV–XVI вв. і перше відродження. – Кн. 1. – Київ, 1995.

10. Гулевич, В. П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг.: хронология правления и статус правителей / В. П. Гулевич // Золотоордынское обозрение. – № 4 (6). – Казань, 2014. – С. 166–197.

11. Зайцев, И. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). Очерки / И. Зайцев. – М., 2004.

12. Ісаєвич, Я. Д. Нове джерело про історичну топографію та архітектурні пам'ятки стародавнього Києва (З подорожніх записок Мартина Груневега (уривок про Київ) / Я. Д. Ісаєвич // Київська Русь: Культура. Традиції. – Київ, 1982. – С. 113–129.

13. Карпов, С. П. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. / С. П. Карпов // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 82–97.

14. Карпов, С. П. Преступление и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо / С. П. Карпов // Византийский временник. Новая серия. – № 69 (94). – М., 2010. – С. 32–43.

15. Ковалевский, М. М. К ранней истории Азова / М. М. Ковалевский // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. – Т. II. – М., 1905. – С. 109–174.

16. Кузнецов, В. А. Очерки истории алан. 2-е изд. допол. / В. А. Кузнецов. – Владикавказ, 1992.

17. Кузнецов, В. А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа / В. А. Кузнецов. – Нальчик, 2014.

18. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд (1403–1406) / Руи Гонсалес де Клавихо / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И. С. Мироковой. – М., 1990.

19. Пилипчук, Я. В. Ставати угорцем чи бути християнином (механізми асиміляції) / Я. В. Пилипчук // Наукові праці історичного факультету Запорізького Національного Університету. – Вип. 40. – Запоріжжя, 2014. – С. 283–288.

20. Полное собрание русских летописей. – Т. 6: Софийские летописи. – СПб., 1853.

21. Полное собрание русских летописей. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – М., 1975.
22. Полное собрание русских летописей. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – М., 1980.
23. Полное собрание русских летописей. – Т. 20. Первая половина: Львовская летопись. – Ч. 1. – СПб., 1910.
24. Рева, Р. Ю. Сайид-Ахмад I и Гийас ад-Дин I (историография открытия, генеалогии, новообнаруженные монетные выпуски) / Р. Ю. Рева // Нумизматика Золотой Орды. – № 4. – Казань, 2014. – С. 48–60.
25. Рева, Р. Борьба за власть в первой половине XV в. / Р. Рева // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. – С. 704–729
26. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды / М. Г. Сафаргалиев // Ученые записки Мордовского государственного университета. – Вып. XI. – Саранск, 1960.
27. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из сочинений персидских, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. – Т. II. – М.-Л., 1941.
28. Соболевский, А. Запись начала XV века / А. Соболевский // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. – Кн. 9. – Отд. II. – Киев, 1895. – С. 219–222.
29. Тургенев, А. И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из архивов и библиотек / А. И. Тургенев. – Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. – СПб., 1841.
30. Чамярыцкі, В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых звадаў / В. А. Чамярыцкі. – Мінск, 1969.
31. Флоря, Б. Н. Татарские послы на Констанцском Соборе / Б. Н. Флоря // Русское средневековье: Источники. 2000–2001. – М., 2002. – С. 17–22.
32. Флоря, Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. – М., 2007.
33. Шпулер, Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Б. Шпулер / Перевод с немец. яз. и коммент. М. С. Гатина. – Казань, 2016.
34. *Acta consilii Constanciensis*. – Bd. 2: *Konzilstagenbücher, Sermones, Reform- und Verfassungsakten* / Herausgegeben in Verbindung mit Johannes Hollnsteiner von Heinrich Finke. – Münster, 1923.
35. *Acta consilii Constanciensis*. – Bd. 3: *Die drei Päpste und das Konzil Schriften zur Papstwahl* / Herausgegeben in Verbindung mit J. Hollnsteiner und H. Heimpel von Heinrich Finke. – Münster, 1926.
36. *Acta consilii Constanciensis*. – Bd. 4 / Herausgegeben in Verbindung mit J. Hollnsteiner und H. Heimpel von Heinrich Finke. – Münster, 1928.
37. *Annales minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum auctore A.R.P. Luca Waddingo Hiberno...* – Т. IX. – Romae, 1734.

38. Banaszak, M. Chrzest Żmudzi i jego reperkusje w Konstancji / M. Banaszak // Chrzest Litwy. Geneza – Przebieg – Konsekwencje / Red. M. T. Zahajkiewicz. – Lublin, 1990. – S. 57–76.
39. Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. – Bd. II. Peter von Wormditt (1403–1419) / Bearb. von Hans Koeppen. – Göttingen, 1960.
40. Boockmann, H. Johannes Falkenberg, der Deutsche Orden und die polnische Politik. Untersuchungen zur politischen Theorie des späteren Mittelalters / H. Boockmann. – Göttingen, 1975.
41. Buck, M. R. Ulrichs von Richental Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / M. R. Buck // Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. – Bd. 158. – Tübingen, 1882.
42. Codex epistolaris seculi decimi quinti. – T. II: 1382–1445 / Coll. opera A. Lewicki // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. – T. 12. – Kraków, 1891.
43. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430 / Coll. opera A. Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. – T. VI. – Kraków, 1882.
44. DeWeese, D. A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition / D. A. DeWeese. – University Park, PA, 1994.
45. Doubek, F. A. Skarga Żmudzinów i odpowiedź Zakonu Niemieckiego z roku 1416 / F. A. Doubek // Ateneum Wileński. – R. 7. – Zesz. 3–4. – Wilno, 1930. – S. 873–892.
46. Doumerc, B. Les Vénitiens à La Tana (Azov) au XVe siècle / B. Doumerc // Cahiers du monde russe et soviétique. – Vol. 28. – № 1. Janvier-mars. – Paris, 1987. – P. 5–19.
47. Doumerc, B. «La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie?» / B. Doumerc // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / Sous la direction du M. Ballard. – Lyon, 1989. – P. 251–266.
48. Engek, P., Tóth, N. C. Itineraria regum et reginarum Hungáriáié (1382–1438) / Királyok és királynék itineráriumi (1382–1438) / P. Engek, N. C. Tóth. – Budapest, 2005.
49. Fejér, G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / G. Fejér. – T. X. – Vol. 5. – Buda, 1842.
50. Fijalek, J. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o zakonie krzyżackim. Ustęp z dziejów reformy i polityki kościelnej w wieku XV / J. Fijalek // Przegląd kościelny. – T. 1. – № 1. – Poznań, 1902. – S. 1–13; – № 2. – S. 92–104; – № 3. – S. 180–189; – № 4. – S. 258–273; – № 5. – S. 342–353.
51. Fijalek, J. Uchrześcjanienie Litwy przez Polskę i zachowanie w niej języka ludu / J. Fijalek. – Kraków, 1914.
52. Finke, H. Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils / H. Finke. – Paderborn, 1889.

53. Gąsiorowski, A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434 / A. Gąsiorowski. – Warszawa, 1972.
54. Górski, K. Z dziejów walki o pokój i sprawiedliwość międzynarodową. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o zakonie krzyżackim / K. Górski. – Toruń, 1964.
55. Heimpel, H. Zur Handelspolitik Kaiser Sigismund / H. Heimpel // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – Bd. 23. – Stuttgart, 1930. – S. 145–156.
56. Heyd, W. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge / W. Heyd. – T. 2. – Leipzig, 1886.
57. Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. – T. IV. – Ks. XI–XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego / J. Długosz. – Kraków, 1869.
58. Johann von Posilge. Chronik des Landes Preußen / J. Posilge // Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen der preußischen Vorzeit bis zum Untergang der Ordensherrschaft. – Bd. III / Hrsg. von Theodor Hirsch, Max Toeppen und Ernst Strehlke. – Leipzig, 1866. – P. 79–388.
59. Karpov, S. Black sea and the crisis of the mid XIVth century: an underestimated turning point / S. Karpov // Ανάπτυχο από τά «Θησαυρίσματα». – T. 27. – Βενετία, 1997. – Σ. 65–77.
60. Kłoczowski, J. Jagiełło i Witold wobec prawosławnych: próba ich dowartościowania w 1417 roku / J. Kłoczowski // Balticum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury XII–XVII wieku ofiarowane Marianowi Biskupowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. – Toruń, 1992. – S. 175–179.
61. Langmantel, V. Hans Schiltbergers Reisebuch nach der Nürnberger Handschrift / V. Langmantel / Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart. – CLXXII. – Tübingen, 1885.
62. Laurentii de Brzezowa. Historia hussitica / Laurentii de Brzezowa // Fontes rerum Bohemicarum. – Tom V = Prameny dějin Českých. – Díl V. – Praha, 1893. – P. 327–534.
63. Lewicki, A. Sprawa unii kościelnej za Jagiełły / A. Lewicki // Kwartalnik historyczny. – R. 11. – Lwów, 1897. – S. 310–337.
64. Likowski, H. Kwestia unii Kościoła wschodniego z zachodnim na soborze konstanckim / H. Likowski // Przegląd kościelny. – T. 9. – № 51. – Poznań, 1906. – S. 168–186.
65. Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. v. Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 5: 1414–1423. – Riga, 1867.
66. Loenertz, R.-J. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergès et les négociations pour l'union des églises grecques et latine de 1415 à 1430 / R.-J. Loenertz // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Vol. 9. – Roma, 1939. – P. 5–61.
67. Monumenta spectantia Slavorum meridionalium. – Vol. 5. – Zagreb, 1875.
68. Mosbach, A. Przyczynki do dziejów polskich z archiwum miasta Wrocławia / A. Mosbach. – Poznań, 1860.
69. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga. – T. I. – Paris, 1899.

70. Ożóg, K. Uczeni w monarchii Jadwigi Andegaweńskiej i Władysława Jagiełły (1384–1434) / K. Ożóg / Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego PAU. – T. 105. – Kraków, 2004.
71. Pach, Z. P. A Levante-kereskedelem erdélyi útvonala I. Lajos és Zsigmond korában / Z. P. Pach // Századok. – 1. Szám. – Budapest, 1975. – Old. 3–32.
72. Prochaska, A. Dążenia do unii cierkiewnej za Jagiełły / A. Prochaska // Przegląd powszechny. – T. 51. – Kraków, 1896. – S. 42–64.
73. Prochaska, A. Na soborze w Konstancji / A. Prochaska // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. – T. 35. – Ser. 2. – T. 10. – Kraków, 1898. – S. 1–100.
74. Quirini-Popławska, D. Włoski gandel czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu / D. Quirini-Popławska. – Kraków, 2002.
75. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 // Monumenta medii aevii historica res gestas Poloniae illustrantia. – T. XV. – Cracoviae, 1896.
76. Sanuto, M. Vitae ducum venetorum / M. Sanuto // Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum. – T. 22. – Mediolani, 1733.
77. Semkowicz, W. Pierwsze przywileje fundacyjne Witolda dla Kościoła na Żmudzi / W. Semkowicz // Kwartalnik historyczny. – R. 44. – Lwów, 1930. – S. 348–355.
78. Series episcoporum Ecclesiae Catholicae. Quotquot innotuerunt a beato Petro apostolo a multis adjutus / Edidit P. Pius Bonifacius Gams. – Graz, 1957.
79. Stromer von Reichenbach, W. F. König Sigmunds Gesandte in den Orient / W. F. Stromer von Reichenbach // Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971. – Zweiter Band. – Göttingen, 1972. – S. 591–609.
80. Stromer, W. von [Reichenbach]. Landmacht gegen Seemacht: Kaiser Sigmunds Kontinentalsperre gegen Venedig 1412–1433 / W. Stromer // Zeitschrift für Historische Forschung. – Vol. 22. – № 2. – Münster, 1995. – P. 145–189.
81. Sullivan, T. Parisian Licentiate in Theology, AD 1373–1500. A Biographical Register. – Vol. 2. The Secular Clergy / T. Sullivan. – Leiden, 2011.
82. Štefánik, M. Die Beschlüsse des venezianischen Consiglio dei Dieci zu den Attentatsversuchen auf Sigismund aus den Jahren 1413–1420 / M. Štefánik // Kaiser Sigismund (1368–1437). Zur Herrschaftspraxis eines europäischen Monarchen / Herausgegeben von Karel Hruza und Alexandra Kaar. – Wien-Köln-Weimar, 2011. – S. 161–173.
83. Universalis concilii Constantiensis acta et decreta pvblica de Martino V Papa in concilio electo, ac reformatione per eum conficienda. Sessione XLI–XLV // Rerum Magni Concilii Constantiensis. – T. IV. – Pars XII. – Francofurti et Lipsiae, 1699.

КІЕЎ І КІЕЎСКАЯ ЗЯМЛЯ Ў ТВОРАХ ЧАТЫРОХ ЗАМЕЖНЫХ АЎТАРАЎ XV ст.

Кіеў з часоў Старажытнай Русі з'яўляўся важным палітычным, эканамічным і культурным цэнтрам Усходняй Еўропы. Не выклікае здзіўлення, што Кіеў прыгадваецца ў творах многіх храністаў, падарожнікаў і рэлігійных дзеячаў Сярэднявечча і Ранняга Новага часу. Разам з тым, дастаткова вялікая колькасць падобных узгадак Кіева і яго апісанняў адносіцца да часоў Старажытнай Русі ці XVII ст. – эпохі казаччыны, калі аб'ём інфармацыі пра Кіеў у гістарычных крыніцах значна ўзрастае. Да вывучэння згадак пра Кіеў і Кіеўскую зямлю ў гэтыя перыяды традыцыйна прыцягнута і большая ўвага даследчыкаў. Даследаванне ўспрымання Кіева як сакральнага цэнтра ў XVII ст. прадставіла Наталля Якавенка [1, с. 52–75], Алена Русіна звярталася да некаторых аспектаў успрыняцця вобраза Кіева ў XIV–XVI стст., у т. л. у маскоўскай ідэалогіі і тагачаснай гарадской міфалогіі [2, с. 172–263]. Разам з тым, у гістарыяграфіі меншая ўвага надаецца звесткам пра Кіеў і Кіеўскую зямлю ў часы іх знаходжання ў складзе Вялікага Княства Літоўскага – з пачатка другой паловы XIV ст. да 1569 г.

У дадзеным артыкуле не ставіцца задача ўсеабдымнага аналізу звестак замежных аўтараў пра Кіеў у названы перыяд, тым не менш, прапаноўваецца спроба кароткага разгляду прыгадванняў пра Кіеў і Кіеўскую зямлю ў творах чатырох замежных аўтараў XV ст. з іх параўнаннем са звесткамі з твораў аўтараў XVI ст. У працах некаторых з названых ніжэй аўтараў Кіеў прыгадваецца літэральна ў адной-двух фразях, у некаторых адпаведнай інфармацыі больш. Аднак у любым выпадку, падобныя звесткі маюць каштоўнасць для далейшага вывучэння і знаходзяць нечаканыя паралелі ў творах наступных стагоддзяў. Пры гэтым, задачай дадзенага артыкула з'яўляецца таксама акцэнтаванне ўвагі даследчыкаў на комплексным і параўнальным вывучэнні твораў розных аўтараў Сярэднявечча і Ранняга Новага часу, якія ўтрымліваюць звесткі пра Кіеў і Кіеўскую зямлю.

Адно з першых прыгадванняў Кіева ў XV ст. належыць персідскаму храністу *Нізаму ад-Дзіну Абд ал-Васі Шамі* (памёр у 1431), прыдворнаму Цімура, які склаў у 1404 г. “Зафар-намэ” (“Кнігу перамог”) [3, с. 104–105; 4, р. 53]. Гэтая работа была напісана на фарсі па заказе Цімура незадоўга

да яго смерці і ўяўляе сабой хроніку праўлення гэтага сярэднеазіяцкага ўладара. Значную частку звестак з хронікі Нізама ад-Дзіна Шамі, у тым ліку інфармацыю пра Манкерман (так называецца ў хроніцы Кіеў), запазычыў прыдворны храніст сына Цімура эміра Шахруха **Шараф ад-Дзін Алі Яздзі** (памёр у 1454), які назваў сваю хроніку таксама “Зафар-намэ” (створана паміж 1424 і 1428 гг.) [5, с. 102–105; 6, с. 166–168, 172; 7, с. 144–145; 8, с. 188–196], таму і разглядаць гэтыя два творы мэтазгодна разам.

У “Зафар-намэ” Нізама ад-Дзіна Шамі распавядаецца пра паход Цімура летам 1395 г. на валоданні Залатой Арды, пры гэтым, “пераследуючы правае крыло войска ворагаў у бок ракі Узі [Дняпро], Цімур зноў павёў войска ў набег і калі дайшоў да мясцовасці Манкерман [Кіеў] у баку ракі Узі, разрабаваў вобласць [эміра] Бек-Ярыка і ўсю гаспадарку іх, акрамя нямногіх, якія ўратаваліся” [3, с. 121] (тут і паўсюль пераклад на беларускую мову і заўвагі аўтара артыкула). Далей гаворыцца, што потым Цімур накіраваўся да “горада Урусаў па назве Машку”, пад чым разумееца Масква [3, с. 121]. “Зафар-намэ” Шарафа ад-Дзіна Яздзі паўтарае тую ж інфармацыю, але дабаўляе, што Цімур “у мясцовасці Манкерман абрабаваў Бек-Ярык-аглана і некаторых з людзей з улуса ўзбекскага, якія там знаходзіліся, і большую частку іх скарыў” [7, с. 179]. Абедзве хронікі гавораць і пра меркаванае рабаванне Масквы. “Пераможнае войска таксама спустошыла ўсю тую вобласць, па-за горадам, разбіла і знішчыла ўсіх эміраў тамтэйшых” [7, с. 179], – распавядаецца ў творы Шарафа ад-Дзіна Яздзі. Заўважым, што самога пахода Цімура на Кіеў у рэчаіснасці ніколі не адбывалася. Але ў 1390-х гг. Цімур сапраўды здзейсніў вялікі паход на захад, разбіў хана Залатой Арды Тахтамыша і пераследаваў яго да валоданняў Маскоўскай дзяржавы. Вялікі князь маскоўскі Васіль I і вялікі князь літоўскі Вітаўт рыхтаваліся да магчымага нападу Цімура, аднак у 1395 г. ён раптоўна павярнуў назад і зыйшоў у Стэп. Такім чынам, паходаў Цімура непасрэдна ні на Кіеў, ні на Маскву не ажыццяўлялася.

На першы погляд, інфармацыя пра кіеўскі і маскоўскі паходы ў “Кнігах перамог” магла з’явіцца для вазвялічвання вайсковых подзвігаў эміра Цімура, што і было важнай задачай гэтых хронік. Разам з тым, на гэта можна паглядзець па-іншаму, калі “Манкерман” і “Машку” разумець шырэй, чым проста гарады. Тым больш, што Кіеў называецца “мясцовасцю”, а Масква – “вобласцю”, якая была разрабавана “па-за горада”. Па меркаванню, якое прадстаўляе Барыс Чаркас, на тэрыторыі Кіеўскай зямлі (ці паблізу яе?) на Левабярэжнай Украіне сапраўды

мог існаваць некi ўлус Бек-Ярыка [9, с. 267–268], супраць якога мог быць здзейснены паход войска Цімура. Хоць гэта ніяк не адмяняе і мэтанакіраванага перабольшвання “подзвігаў” Цімура ў “Зафар-намэ” (напрыклад, у рэальнасці эмір ішоў у бок валоданняў Маскоўскай дзяржавы, хоць і не ўварваўся ў іх). Так ці інакш, але абедзве “Зафар-намэ” сведчаць пра тое, што ва ўяўленні сярэднеазіяцкіх храністаў першай паловы XV ст. Кіеў і Кіеўская зямля (“Манкерман”, як бачым, разумеецца шырэй, чым проста горад Кіеў), дзе качуе “узбекскі улус”, былі шчыльна звязаны з Залатой Ардой і яе валоданнямі – вялізнай Татарыяй. У той жа час сярэдзіна 1390-х гг. – гэта сканчэнне праўлення ў Кіеўскім княстве Уладзіміра Альгердавіча і праўленне Скіргайлы Альгердавіча. Статус Кіеўскага княства як часткі ВКЛ у гэты час не выклікае сумнення, а залежнасць Кіеўскай зямлі ад ардынскіх ханаў скончылася яшчэ ў пачатку другой паловы XIV ст. [10, с. 129–131; 11, с. 48, 51]. Аднак відавочна, што персідскія храністы працягвалі захоўваць уяўленне пра Кіеўскую зямлю як вобласць татарскага ўплыву.

Пасля погляду на Кіеў з усходу закранем таксама “паўднёвы погляд”. Напэўна, не будзе перабольшаннем сказаць, што хранаграфічная спадчына візантыйскіх аўтараў дастаткова мала выкарыстоўваецца ў даследаваннях па гісторыі ВКЛ. Разам з тым, яна можа адкрыць для нас многа цікавых акалічнасцяў. Так, шмат звестак па гісторыі сярэднявечнай Усходняй Еўропы, у тым ліку Русі, утрымліваецца ў працы “Гісторыі” візантыйскага аўтара *Лаоніка Халкакандзіла* (каля 1430 – каля 1490), дзе асвятляюцца падзеі ў перыяд з 1298 да 1463 гг. [12, с. 122–126]. Да вывучэння дзейнасці Лаоніка Халкакандзіла звярталіся В. Грэку, Г. Дзітэн, А. Весялага [13, с. 43–49; 14, с. 198–210; 15, с. 51–94]. У апошні час даследаваннем звестак пра Усходнюю Еўропу ў творах Халкакандзіла займаецца Аляксей Мартынюк [12, с. 122–143]. Сачыненне Лаоніка Халкакандзіла ўтрымлівае аб’ёмны матэрыял па гісторыі ВКЛ і Русі – як яны бачыліся візантыйскаму аўтару XV ст. У “Гісторыях”, як і ў працах мусульманскіх аўтараў, выкарыстоўваецца шмат адмысловых геаграфічных назваў, якія ўвасходзяць да архаічных назваў народаў, што ў старажытнасці пражывалі ва Усходняй Еўропе. Так, татары называюцца “скіфамі”, Русь – “Сарматыяй”. Кіеў Лаонік Халкакандзіл прыгадвае ў пералічэнні гарадоў так зв. “Чорнай Сарматыі” пасля Масквы, якая называецца першай, і перад Цвер’ю [12, с. 126–127, 139]. Ад “Чорнай Сарматыі” адрозніваецца “Белая Сарматыя”, да якой адносіцца Ноўгарад [12, с. 126–127]. На думку А. Мартынюка, гаворка тут можа ісці пра Кіеў не толькі як горад, але і як княства, таксама як

і ў адносінах да іншых гарадскіх тапонімаў – Масквы, Цверы, Ноўгарада і г. д. Пры гэтым загадкавы “Харабіён” з сачынення Халкакандзіла, над лакалізацыяй якога ў гістарыяграфіі даўно ідуць спрэчкі, магчыма, можа быць вызначаны як Валынскае княства Свідрыгайлы ў складзе ВКЛ [12, с. 138–142]. І сапраўды, Валынскае княства існавала да смерці вялікага князя Свідрыгайлы ў 1452 г., у той жа час Кіеўскае княства ў складзе ВКЛ было пераўтворана Казімірам Ягелончыкам у ваяводства ў 1470 г. Існуе меркаванне, што Лаонік Халкакандзіл падчас стварэння сваёй працы меў у якасці інфарматара выхадца з ВКЛ, што дазваляла візантыйскаму гісторыку дастаткова добра разбірацца ў рэаліях ВКЛ 1440-х гг. [12, с. 135–138].

Сярод іншых “сюжэтаў” у “Гісторыях” Лаоніка Халкакандзіла, якія так ці інакш можна звязаць з Кіевам, прыгадаем звесткі пра “сармацкага кардынала” Ісідара [16, с. 440–442]. Буйны рэлігійны дзеяч сярэдзіны XIV ст., Ісідар быў мітрапалітам Кіеўскім і ўсёй Русі прыкладна ў 1436–1439 гг., а пасля прыняцця Фларэнтыйскай уніі стаў каталіцкім кардыналам. Менавіта ў такой якасці вобраз Ісідара і быў успрыняты Лаонікам Халкакандзілам, які, тым не менш, падкрэслівае “сармацкасць” кардынала. У “Гісторыях” утрымліваецца інфармацыя пра ўдзел кардынала ў абароне Канстанцінопаля ад асманаў у 1453 г., яго патрапленне ў турэцкі палон і ўцёкі адтуль, выратаванне дзякуючы таму, што султан лічыў Ісідара ўжо загінулым [16, с. 440–442]. Усё гэта адпавядае рэальным гістарычным падзеям.

Пры рэдкасці згадак пра Кіеў ў “літоўскі” перыяд з боку ўсходніх і візантыйскіх аўтараў значна больш прыгадваўся сустракаецца ў творах заходнееўрапейцаў. Праўда, большасць з іх адносіцца да XVI і, тым больш, XVII стст. Адным жа з тых, хто асабіста наведаў Кіеў XV ст. і падзяліўся ўбачаным у падарожных нататках, быў знатны венецыянец **Амброджа (Амбродзі) Кантарыні** (1429–1499). У 1474–1477 гг. ён у якасці пасланніка Рэспублікі Венецыя праехаў Польшчу, Вялікае Княства Літоўскае, наведаў Грузію і Персію з мэтай вядзення перамоваў супраць Асманскай імперыі [17, с. 87–94]. У 1474 г. Кантарыні пабываў у Кіеве, а таксама іншых гарадах Украіны – Луцку, Жытоміры, Чаркасах і інш. На зваротным шляху з Персіі ў канцы 1476 – пачатку 1477 гг. ён наведаў Маскву і быў прыняты вялікім князем Іванам III. У 1487 г. у Венецыі Кантарыні выдаў сачыненне пра свае дыпламатычныя паездкі, вядомае як “Падарожжа ў Персію” (“Viaggio de misier Ambrogio S., ambassador al gran-signore Ussum-Cassan, re di Persia”) [17, с. 87–94]. У гэтай працы пэўнае месца адводзіцца і звесткам пра Кіеў.

Амброджа Кантарыні фіксаваў даты знаходжання ў розных населеных пунктах, а таксама час, калі адбылася тая ці іншая больш-менш значная падзея яго падарожжа. У Кіеве ён знаходзіўся з 1 да 11 мая 1474 г. [17, с. 94, 211–212]. Туды ён прыехаў з Белгарада, дзе знаходзіўся 30 красавіка. Амаль адзінаццацідзённае знаходжанне ў Кіеве было для Кантарыні дастаткова доўгім тэрмінам, бо, як правіла, ён не затрымліваўся ў пэўным горадзе больш за некалькі дзён ці нават за адзін дзень. Свой прыезд у Кіеў Кантарыні апісвае так: “1 мая мы прыехалі ў горад, што называецца Кіеў, ці Маграман, які знаходзіцца па-за Ніжняй Расіі” [17, с. 211]. Па-першае, мы тут мо жам бачыць двойную назву Кіева, які называецца таксама Маграман, што адпавядае назве гэтага горада ў творах усходніх аўтараў. Падобную назву ён мае і ў рукапісах “Зафар-намэ” (“Манкерман”), якія былі напісаныя персідскімі аўтарамі больш за палову стагоддзя да выхада “Падарожжа ў Персію”. Гэта паказвае, што цюркская назва Кіева працягвала ўжывацца, нават калі выказаць меркаванне, што Кантарыні пачуў яе ад мясцовых татар. Па-другое, Кантарыні прадстаўляе ўласную версію рэгіяналістыкі Польшчы, ВКЛ і Масковіі. Пры гэтым частку ўкраінскіх земляў ён адносіць да рэгіёну “Ніжняй Расіі”, куды ўваходзяць, па ўсёй бачнасці, Валынь (Луцк), а таксама, напэўна, частка Кіеўшчыны (Жытомір, магчыма Белгарад) [17, с. 210]. Акрамя “Ніжняй Расіі” (само слова “Расія” тут, відавочна, тоесна паняццю “Русь”) А. Кантарыні вылучае таксама “Верхнюю Расію” (Маскоўская дзяржава), а Івана III называе князем “Вялікай Белай Расіі” [17, с. 211]. Як бачым, Кіеў ні да “Ніжняй Расіі”, ні да “Верхняй Расіі” ён не адносіць.

Кантарыні падкрэслівае, што Кіеў “стаіць каля межаў з Татарыяй” [17, с. 211]. Горад знаходзіцца на берагах ракі, “якую на іх мове называюць Дняпро, а на нашай – Лерэсэ”, яна “працякае каля горада і ўпадае ў Вялікае мора” [17, с. 211]. Прыгадваецца тут і пра гандлёвую актыўнасць у Кіеве, гандаль ідзе з Масковіяй і генуэзскімі калоніямі ў Крыме. Пры гэтым Кіеў пакутуе ад рабаўніцкіх нападаў татар. Так, калі ў горадзе “збіраецца некаторая колькасць купцоў з пушнінай, вывезенай з Верхняй Расіі; аб’яднаўшыся ў караваны, яны ідуць у Кафу, аднак часта бываюць захопленыя, як бараны, татарамі” [17, с. 211]. Заўважым, што гэта адно з апошніх прыгадванняў пра гандаль генуэзскай калоніі Кафы (зараз у Феадосіі) з паўночнымі ў адносінах да яе землямі. Успамінаецца і пра звычайкі мясцовых жыхароў. “З раніцы і да трох гадзін яны займаюцца сваімі справамі, затым адпраўляюцца ў карчмы і застаюцца там да ночы; нярэдка, будучы п’янымі, яны ладзяць там бойкі”, – піша Кантарыні

[17, с. 211], хоць амаль даслоўна тое ж самае ён пазней прыгадвае і пра жыхароў Масковіі [17, с. 229].

У “Падарожжы ў Персію” Амброджа Кантарыні можна знайсці звесткі і пра дзяржаўна-палітычныя рэаліі таго часу. Зразумела, што Кантарыні як пасол дастаткова добра разбіраўся ў гэтай сферы. Так, ён адрозніваў Польшчу ад “Ніжняй Расіі”, але падкрэсліваў, што яна “таксама падпарадкавана польскаму каралю” [17, с. 210]. Відавочна, што маецца на ўвазе польскі кароль і вялікі князь літоўскі Казімір Ягелончык. Кантарыні піша, што калі ён прыбыў разам з каралеўскімі праваднікамі ў Кіеў, то “гэтым горадам кіраваў некі пан Марцін, паляк-католік” [17, с. 211]. Для нас не выклікае сумненняў, што гаворка ідзе пра Марціна Гаштольда, які быў першым кіеўскім ваяводам. Па сутнасці, род Гаштольдаў быў не польскім, а літоўскім, яго прадстаўнікі лічылі сябе нашчадкамі вялікага князя Гедыміна [13, с. 14–19; 24, с. 116–126]. Аднак для Кантарыні такія падрабязнасці наўрад ці мелі асаблівае значэнне, падпарадкаванне “польскаму каралю” і каталіцкае веравызнанне давалі яму поўную падставу лічыць Гаштольда “палякам”. Адзначым, што венецыянскі пасол прыбыў у Кіеў якраз у час, калі пасля смерці яго апошняга князя Сямёна Алелькавіча Казімір Ягелончык пераўтварыў Кіеўскае княства ў ваяводства. У выніку гэтага ў 1471 г. Марцін Гаштольд і быў прызначаны кіеўскім ваяводам. А ўжо ў 1475 г. – на наступны год пасля візіту Кантарыні – Гаштольд з-за канфлікту з кіеўлянамі (у тым ліку і з-за яго каталіцкага веравызнання) быў зняты з гэтай пасады [18, с. 14–19; 19, с. 116–126].

У “кіеўскім сюжэце” сачынення Кантарыні ў сувязі з ваяводам Гаштольдам перадаецца таксама такая гісторыя. 2 мая 1474 г. Кантарыні ў суправаджэнні шляхцічаў, якіх даслаў “пан Марцін”, прыбыў да яго на ўрачысты абед. Падчас абеды, дзе “усё было ўладкавана, як належыць, і пачастункаў аказалася багацце”, Кантарыні “была аказана вялікая пашана” [17, с. 211]. Яшчэ прыгадваецца, што на застоллі прысутнічалі біскуп – брат Марціна Гаштольда, шмат шляхты, а таксама спевакі, якія весялілі прысутных. За абедам кіеўскі ваявода паведаміў, што кароль загадаў забяспечыць бесперашкодны і бяспечны праезд пасла Кантарыні праз стэп у Кафу [17, с. 211–212]. Аднак для забеспячэння гэтага неабходна было дачакацца “пасла з Літвы, які павінен ісці з дарамі да татарскага хана” [17, с. 211]. Насустрэч літоўскаму паслу хан павінен высласць “дзвесце татар-вершнікаў для суправаджэння і бяспекі”, разам з гэтай дэлегацыяй Кантарыні патрэбна было адправіцца ў Крымскае ханства. Менавіта чаканнем

адпраўлення з Кіева літоўскага пасла і тлумачылася прамаруджванне з ад'ездам Кантарыні з гэтага горада.

Кантарыні распавядае, што пакуль ён знаходзіўся ў Кіеве, ваявода Гаштольд і яго людзі добра з ім абыходзіліся і выказвалі пашану. “На працягу тых дзён, што я стаяў там, ён шмат разоў забяспечваў мяне харчаваннем, я ж падараваў яму нямецкага верхавога каня, аднаго з тых, з якімі мы выехалі з Местрэ”, – піша венецыянец [17, с. 211–212]. 11 мая 1474 г. Кантарыні разам з літоўскім пасольствам і татарамі ад'ехаў з Кіева, папярэдне гораха падзякаваўшы ваяводу Гаштольду за добры прыём і наказ паслу ВКЛ праводзіць яго да Кафы “у поўнай недатыкальнасці” [17, с. 211-212].

Утрымліваюцца ў “Падарожжы ў Персію” і цікавыя звесткі пра Кіеўскі замак. А. Кантарыні піша: “Пасля сканчэння абеда я развітаўся з яго міласцю [ваяводам Гаштольдам] і пайшоў у прадастаўленае мне жыллё, якое знаходзілася ў горадзе; ён жа застаўся ў замку, дзе была яго рэзідэнцыя. Замак пабудаваны цалкам з дрэва” [17, с. 211]. У агульным жа стан узроўню жыцця ў гэтых месцах Кантарыні адзначаў як даволі сціплы: “Калі ён [ваявода Гаштольд] даведаўся ад каралеўскіх праваднікоў пра мой прыезд, ён даў мне вельмі ўбогае памяшканне, што, зрэшты, адпавядала той краіне” [17, с. 211]. Адзначым, што інфармацыя пра драўляны замак у Кіеве (які да таго часу будзе знаходзіцца ў напаяўразбураным стане), а таксама пра дрэнны стан захавання мясцовай архітэктуры будзе часта сустракацца ў творах іншаземцаў ужо ў XVI ст.

Пасля разбору поглядаў на Кіеў і Кіеўскую зямлю чатырох аўтараў XV ст. з трох напрамкаў – “усходняга”, “паўднёвага” і “заходняга” – зробім высновы. Пры гэтым будзе цікава параўнаць звесткі названых аўтараў не толькі між сабой, але і з інфармацыяй пра Кіеў у творах замежных падарожнікаў і храністаў XVI ст. Канешне, вывучэнне падобных сведчаньняў у аўтараў XVI ст. з'яўляецца асобнай задачай. Гэтае стагоддзе пакінула нам значна больш інфармацыі пра Кіеў у творах замежнікаў, прыгадаем хаця б сачыненне Сігізмунда Герберштэйна. Разам з тым, тут будзе цікава правесці кароткае супастаўленне наймення пэўных “сюжэтаў” пра Кіеў і Кіеўскую зямлю ў творах замежнікаў XV і XVI стст.

Шчыльная звязанасць Кіева і Кіеўскай зямлі з Татарыяй. Гэтую інфармацыю мы можам знайсці ў творах усіх чатырох разгледжаных аўтараў: Нізама ад-Дзіна Шамі, Шарафа ад-Дзіна Яздзі (Кіеў на ўсходні манер называецца Манкерман, ён разумеецца як вобласць татарскага ўплыву), Лаоніка Халкакандзіла (татары-“скіфы”, Кіеў – частка “Чорнай

Сарматы”)), Амброджа Кантарыні (прыгадваецца назва Кіева Маграман, ён знаходзіцца на мяжы з Татарыяй, неаднаразова прыгадваюцца самі татары). Такім чынам, даследаванне гісторыі Кіева ў “постардынскую” эпоху сутыкаецца з цікавым парадоксам. З аднаго боку, Кіеў для нас звычайна з’яўляецца натуральна ўключаным у гісторыка-геаграфічную сферу хрысціянскай Еўропы (напрыклад, канцэптаў “Русь”, “Усходняя Еўропа” і г. д.). З другога боку, мусульманскімі, усходнімі аўтарамі Кіеў успрымаецца як частка “свайго” культурнага і палітычнага абшару, вялікага “Усходу” (зразумела, у нашым сучасным разуменні гэтага паняцця). Адзначым, што ў творах замежных аўтараў XVI ст. залежнасць Кіева ад татар не фіксуецца, сувязі Кіева з татарамі прасочваюцца, але ў меншай ступені (Сігізмунд Герберштэйн) [20, с. 185–187]. Гэта можна растлумачыць большым прамежкам часу, што прайшоў ад вызвалення Кіеўскай зямлі ад ардынскай залежнасці. Хоць часам прыгадваецца шкода, якую татары наносіць Кіеву (Эрых Лясота) [21, с. 157, 164–170; 22, с. 15–22].

Кіеў як значны палітычны і гандлёвы цэнтр. Такую інфармацыю ў адносінах XV ст. і таксама ў традыцыйным успрыняцці можна знайсці ў сачыненні Лаоніка Халкакандзіла (Кіеў пералічваецца сярод найбуйнейшых цэнтраў “Сарматы”–Русі), ажыўлены гандаль у Кіеве і кантакты з яго ваяводам прыгадвае А. Кантарыні, у “Зафар-намэ” Цімур вазвялічваецца праз прыдуманых ці напаўпрыдуманых паходы на Кіеў і Маскву. У замежнікаў XVI ст. Кіеў як важны палітычны, рэлігійны і гандлёвы цэнтр успамінаецца даволі часта, праўда, у асноўным у рэтраспектыве (Сігізмунд Герберштэйн, Аляксандр Гваньіні, Эрых Лясота і інш.) [20, с. 185; 21, с. 151–162, 183–184, 189; 22, с. 15–22; 23, с. 12–13].

У Кіеве знаходзяцца вялікія архітэктурныя пабудовы, у тым ліку драўляны замак, аднак узровень жыцця ў горадзе дастаткова сціплы. У XV ст. пра драўляны замак у Кіеве і сціпласць жылля ў горадзе прыгадвае А. Кантарыні. Гэтыя звесткі тым больш з’яўляюцца каштоўнымі, калі ўлічыць, што пачынаючы з XIII ст. маецца вельмі невялікая колькасць крыніц, якія асвятляюць стан і формы тагачаснай кіеўскай архітэктурны. Такое становішча рэчаў у агульным адпавядае сур’ёзнаму памяншэнню пісьмовых крыніц па гісторыі Русі і наогул Усходняй Еўропы ў гэты перыяд. Рэдкія, але важныя прыгаванні інфармацыі пра дадзены рэгіён у творах іншаземных аўтараў беларускі гісторык А. Мартынюк нават называе “агнямі ў кімерыйскай цемры” (перафразаваннішы М. Грушэўскага), якая накрыла Усходнюю Еўропу ў час ад мангольскага

нашэсця XIII ст. да “забытага XV ст.” [24]. Разам з тым, у XVI ст. па меры ўзрастання колькасці крыніц па гісторыі ВКЛ, становіцца больш і звестак пра кіеўскую архітэктурную і стан жыцця мясцовых жыхароў. Так, інфармацыя пра велічныя каменныя пабудовы і вялікі драўляны замак, якія сведчаць пра былую моц Кіева, але знаходзяцца ў вельмі дрэнным стане захавання, праходзіць амаль праз усе творы замежнікаў (акрамя ўсіх названых вышэй, прыгадаем хаця б Рэйнгольда Гейдэнштэйна) [25, с. 23–24].

У дадзеным артыкуле быў прадстаўлены толькі кароткі разгляд звестак пра Кіеў і Кіеўскую зямлю чатырох замежных аўтараў XV ст. Важна звярнуць ўвагу даследчыкаў на гэтыя імёны, каб працягнуць вывучэнне замежнага погляду на Кіеў, а таксама ВКЛ і Русь у цэлым, у далейшых даследаваннях.

Спіс літаратуры

1. Яковенко, Н. Символ «Богохранимаго града» у кийвській пропаганді 1620-1640-х років / Н. Яковенко // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* – Т. 4. – Київ, 1995. – С. 52–75.
2. Русина, О. В. Студії з історії Києва та Київської землі / О. В. Русина. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – 346 с.
3. Из «Книги побед» Низам-ад-Дина Шами // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1941. – С. 104–213.
4. Bartol'd, V. V., Bosworth, C. E. Turkestan down to the Mongol invasion / V. V. Bartol'd, C. E. Bosworth // *E. J. W. Gibb memorial series.* – Vol 5. – Taipei: Southern Materials Center, 1988. – 573 p.
5. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского вторжения / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. 1. – Москва: Издательство восточной литературы, 1963. – С. 43–590.
6. Бартольд, В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В. В. Бартольд // Сочинения. – Т. 5. – Москва: Издательство восточной литературы, 1968. – С. 19–192.
7. Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1941. – С. 144–189.
8. Тулибаева, Ж. М. «Зафар-наме» Шараф-ад-Дина Али Йазди как исторический источник / Ж. М. Тулибаева // *Евразийский ежегодник.* – Астана, 2005. – С. 188–196.

9. Черкас, Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.) / Б. Черкас. – Київ: Інститут історії України, 2014. – 387 с.
10. Попель, Р. І. Рэгіянальная манетная чаканка Вялікага Княства Літоўскага ў сувязі з пытаннем палітычнай аўтаноміі яго земляў / Р. І. Попель // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. – Вып. 9. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 129–143.
11. Русина, О. В. Україна під татарами і Литвою / О. В. Русина // *Україна крізь віки. У 13-ти тт.* – Київ: Альтернативи, 1998–1999. – Т. 6 / НАН України. Інститут історії України. – Київ: Альтернативи, 1998. – 320 с.
12. Мартынюк, А. В. Восточная Европа середины XV века в сочинении Лаоника Халкокондила / А. В. Мартынюк // *Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.)* / Отв. ред. А. В. Мартынюк. – Москва: Квадрига, 2015. – С. 122–143.
13. Веселаго, Е. Б. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила / Е. Б. Веселаго // *Вестник МГУ (истор. науки)*. – 1960. – № 1. – С. 43–49.
14. Греку, В. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила / В. Греку // *Византийский временник*. – 1958. – Т. XIII. – С. 198–210.
15. Диттен, Г. Известия Лаоника Халкокондила о России / Г. Диттен // *Византийский временник*. – 1962. – Т. XXI. – С. 51–94.
16. Лаоник Халкокондил. История // *Византийский временник*. – Том 7 (32). – 1953. – С. 431–444.
17. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. – Ленинград: Наука, 1971. – 275 с.
18. Казлоўскі, С. Гаштоўты – уладальнікі Ліпнішак. Нарыс гісторыі аднаго роду / С. Казлоўскі // *Ліпнішкі – 500 гадоў гісторыі (1510–2010 гг.): Рэгіянальная навуковая канферэнцыя прысвечаная 500-годдзю Ліпнішкаўскай парафіі і 400-годдзю надання мястэчку Магдэбурскага права* / Пад рэд. А. К. Гецэвіча. – Гродна, 2010. – С. 14–19.
19. Semkowicz, W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachta polska w Horodle roku 1413 / W. Semkowicz // *Rocznik Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie*. – Lwów, 1921–1923. – Т. 6. – S. 116–126.
20. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Пер. А. В. Назаренко. – Москва: МГУ, 1988. – 430 с.
21. Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева // *Мемуары, относящиеся к истории южной Руси*. – Выпуск I (XVI ст.). – Киев, 1890. – С. 137–191.
22. Эрих Ляссота 1594 г. // *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей* / В. Б. Антонович, Ф. А. Терновский. – Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1874. – С. 15–22.

23. Александр Гваньини 1581 г. // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей / В. Б. Антонович, Ф. А. Терновский. – Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1874. – С. 12–13.

24. Мартынюк, А. В. Огни в «киммерийской тьме»: путешествия по Восточной Европе в XV веке / А. В. Мартынюк // Пограничье Восточной Европы в Средневековье и раннее Новое время / Под общ. редакцией А. И. Филюшкина, И. А. Марзалюка (в печати).

25. Рейнгольд Гейденштейн 1596 // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей / В. Б. Антонович, Ф. А. Терновский. – Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1874. – С. 23–24.

УЛЬЯНА ПОДБЕРЕЗСКАЯ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

Просопографические исследования приобрели немалую популярность в современной исторической науке. Они привлекательны по целому ряду причин. И здесь играет роль не только научная сторона дела. Биографии видных исторических деятелей позволяют весьма успешно популяризировать наши знания о прошлом. Что же касается просопографии как научного подхода, то создание биографий тех или иных исторических лиц открывает большие исследовательские перспективы – хотя бы в плане сравнительного анализа. Причем это касается не только известных исторических личностей, но и тех, кого традиционно принято называть простыми людьми и кто во все эпохи и во всех странах составлял большинство. К сожалению, состояние источников по истории Беларуси приблизительно до середины XVI столетия таково, что мы имеем возможность создавать более или менее полные жизнеописания лишь представителей высшей власти – монархов и виднейших вельмож. Что же касается прочих, то мы знаем о них, как правило, очень мало. Причем это относится и к представителям привилегированных сословий. Тем большую ценность имеют эти редкие данные.

Имя княжны Ульяны Подберезской сегодня известно разве что специалистам-историкам, которые исследуют Великое княжество Литовское – государство, где Ульяна родилась и провела всю свою жизнь. А в XVI веке необычная судьба этой женщины была хорошо известна не только на родине, но и далеко за ее пределами. Однако эта известность имела совершенно особое происхождение. Ульяна не была ни властной королевой вроде ее современницы Боны Сфорца, ни влиятельной королевской любовницей. Не была она также героиней романтической истории вроде истории любви короля Сигизмунда II Августа и другой ее современницы – Барбары Радзивилл. Жизнь Ульяны Подберезской являет собой пример совсем иного рода. Эта женщина посвятила многие годы и колоссальные усилия для того, чтобы отстаивать свои собственные права и права своих детей. Однако та воля, энергия и решимость, с которой она это делала, производят не меньшее впечатление, чем неутолимая жажда власти, хитроумные придворные интриги и амурные страсти. Необычная жизнь Ульяны Подберезской представляет интерес не только сама по себе. Она вносит немало нового в наши представления о том,

какими были место и права женщины в обществе Великого княжества Литовского XVI века. И еще – в очередной раз подчеркивает, как много могут значить личные качества человека.

Княжеский род Подберезских (Ямонтовичей-Подберезских) известен с конца XIV века [29, s. 151]. Он вел происхождение от старой литовской племенной знати, однако еще на раннем этапе своей истории тесно связал себя с «русскими» землями Великого княжества Литовского. Уже первый известный представитель рода – князь Ямонт – был православным. Этой же конфессии придерживались и его потомки.

Ямонт был видной фигурой в окружении великого князя литовского Витовта и одно время даже был его смоленским наместником. Однако, значение его потомков в жизни государства неуклонно падало. Если Семен и Михаил, сыновья Ямонта, еще выступали в начале XV столетия в качестве свидетелей международных договоров, то уже их дети намного реже встречаются на страницах исторических документов. Судя по всему, они занимали гораздо более скромное место в обществе. Совсем немного нам известно также об имущественном положении представителей рода. Их земельные владения (села) были разбросаны по разным местностям Беларуси. Насколько позволяют судить документы, Ямонтовичи получили эти земли в основном в качестве пожалований от великих князей литовских. В 70–80-е годы XV века, в результате тяжбы с паном Иваном Ильиничем братья Иван и Федор Ямонтовичи смогли окончательно закрепить за собой село Подберезье [16, s. 1], расположенное в 15 км к северо-востоку от города Друцк (теперь это деревня в Волковичском сельском совете Толочинского района Витебской области). С этого времени князья Ямонтовичи стали называться также Подберезскими.

Вообще говоря, генеалогия князей Подберезских середины – второй половины XV века недостаточно выяснена. Так, автор самого полного и наиболее совершенного на сегодняшний день исследования по генеалогии титулованной знати Великого княжества Литовского Ю. Вольф упомянутых выше Ивана и Федора Ямонтовичей вообще не знает. Он ошибочно определил и личность отца героини данной статьи Ульяны Подберезской, посчитав таковым Яшко (Ямонта) Михайловича [29, s. 153]. Лишь недавно Ян Тенговский доказал, что в действительности Ульяна была дочерью Федора Ямонтовича-Подберезского [27, s. 44]. Его вывод основан на завещании Софьи Подберезской, матери Ульяны, которая называет себя «княгиня Фодорова Ямонътовича Подъберезькая» [27, s. 48; 6, с. 611]. Добавим, что сохранились и другие документы,

которые уже прямо называют Ульяну Федоровной [3, л. 1об.], а ее родного брата Семена Федоровичем [15, с. 1].

Год и место рождения Ульяны в точности неизвестны. Впервые она упоминается (правда, без указания имени) в духовной грамоте своей матери, княгини Софьи, которая датирована 20 октября 1509 г. Судя по всему, на тот момент она была уже взрослой. Этот и прочие факты, приведенные ниже, указывают на то, что Ульяна появилась на свет, скорее всего, в 80-е годы XV века.

Первым мужем Ульяны Подберезской был Михаил Сенькович – представитель старого полоцкого боярского рода Сеньковичей-Радковичей. Вполне возможно, что основателем рода был тот самый боярин Андрея Полоцкого Радко (Radeke), который погиб во время похода на Дунабург в 1375 году. Герман Вартберг в своей хронике называет его не иначе как «великий боярин из Полоцка» (*de Plotzko magnus satrapa*) и «начальник короля» (*precessor regis*) [28, р. 108]. В любом случае, в XV веке Сеньковичи-Радковичи занимали очень высокое положение в среде полоцкого боярства-шляхты. Так, Сенько Радкович был представителем полоцких бояр на переговорах о заключении торгового договора между Полоцком и Ригой в 1478 году [6, с. 356].

Михаил Сенькович в последний раз упоминается в документах конца 1510 – начала 1511 г. [17, р. 205]. По всей видимости, в скором времени он умер. Смерть Михаила оставила Ульяну вдовой, детей у них не было. Через какое-то время Ульяна вышла замуж во второй раз – за Яцко Сеньковича, младшего брата своего первого мужа. В этом браке у них родилось трое сыновей: Григорий, Иван и Семен. Однако вскоре неожиданно выяснилось, что второй брак Ульяны был заключен с нарушением церковного права. В соответствии с его канонами, женщина не могла выйти замуж за брата своего умершего мужа [1, с. 345–346, 349]. Священник совершил ошибку, обвенчав Ульяну и Яцко Сеньковича. Эта ошибка имела для их семьи фатальные последствия. Узнав об обстоятельствах заключения брака, митрополит Иосиф II Солтан (1507–1521/1522) расторг его. Однако, согласно решению митрополита, дети были признаны законными, поскольку их родители были обвенчаны. Кроме того, в судебном решении митрополита было особо подчеркнуто, что сыновья сохраняют все права на движимое и недвижимое имущество своего отца: «къ именьямъ и статкомъ Яцковымъ не маеть нихто ближышыи быти, толко они». Этот пункт имел принципиально важное значение, поскольку, согласно нормам семейного церковного права, дети, рожденные в запрещенном браке, лишались права наследовать имущества своего

отца и носить отцовскую фамилию [1, с. 139]. Одновременно племянники Яцко Сеньковича – Яцко Богданович и Андрей и Григорий Ивашковичи, – письменно признали детей Ульяны и Яцко Сеньковича своими законными братьями (двоюродными). Соответственно, они признали за Григорием, Иваном и Семеном Яцковичами также преимущественные права на имения отца. Яцко Сенькович обратился к великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду I Старому с просьбой подтвердить решения митрополита и племянников относительно его сыновей. Своим привилеем от 30 октября 1518 г. монарх признал эти решения законными [19, р. 65]. Казалось бы, проблема была решена. Однако это было лишь начало долгой и драматичной истории.

Прошло три с половиной года, и ситуация неожиданно изменилась. Вероятнее всего, непосредственным поводом к новому повороту дела стала смерть Яцко Сеньковича – по крайней мере, в приведенном ниже документе от 27 июня 1522 г. он уже назван покойным. Воспользовавшись моментом, в игру вступили другие его родственники. Это были племянник и племянница покойного боярина: сын его сестры господарский дворянин князь Семен Одинцевич и дочь брата Юхна (Олюхна) Ивашковна. Они заявили, что сыновья Яцко Сеньковича «невенъчальные, неправые», и потому якобы именно они, племянники, «к тым именьямъ ближние Яцка Сеньковича, нижли дети».

Трудность положения Ульяны заключалось, среди прочего, в том, что социальный и имущественный статус разведенной женщины не был определен в законодательстве. Причиной этого была, по всей видимости, редкость такого явления, как развод. О нем нет ни слова даже в главном юридическом кодексе государства того времени – Статуте Великого княжества Литовского. Правда, он был введен в действие несколько позже, в 1529 году. Тем не менее, Статут уделяет очень заметное внимание положению женщины. Этому вопросу посвящен один из тринадцати его разделов (четвертый).

Фактически овдовевшая во второй раз Ульяна, тем не менее, не утратила стойкости духа. Она обратилась к монарху с просьбой подтвердить прежнее свое решение. Сигизмунд Старый поручил рассмотрение дела новому митрополиту Иосифу III (1521/1522–1534). Иосиф, очевидно, был очень хорошо знаком с ситуацией, поскольку происходил из полоцкого боярства и до занятия митрополичьей кафедры был полоцким архиепископом. Решение Иосифа III полностью повторяло решение его предшественника – законность детей Ульяны была признана, а права на отцовское наследство закреплены за ними одними. Привилеем

от 27 июня 1522 г. Сигизмунд еще раз подтвердил свое решение и решения обоих митрополитов. К тому моменту один из сыновей Ульяны, Семен, очевидно, уже умер, а королевская грамота была адресована двум другим ее сыновьям – Григорию и Ивану Яцковичам [18, р. 102].

Однако даже повторное королевское решение не положило конец злосчастьям Ульяны. В мае 1525 г. Сигизмунд был вынужден снова обратиться к проблемам вдовы. Ульяна подала сразу несколько жалоб на разных лиц. Прежде всего, у нее явно не сложились отношения с полоцким воеводой – Петром Кишкой. В свое время Яцко Сенькович, второй муж Ульяны, выслужил «на вечность» село Могильное в Полоцком повете. Супруги долгое время беспрепятственно владели этим имением. Однако после смерти Яцко ситуация осложнилась. Местные крестьяне обратились к полоцкому воеводе П. Кишке и заявили, что великий князь и король якобы изменил свое решение, отнял Могильное у Ульяны и вернул его в число государственных владений. Не проверив этой информации, Кишка отнял Могильное у Ульяны. Свою вторую жалобу вдова подала на Семена Одинцевича, который не оставлял попыток поживиться за счет Ульяны и ее несовершеннолетних детей, своих двоюродных братьев. Сыновья Подберезской владели селом Семеновским, которое было купленным имением. Воевода П. Кишка – очевидно, с подачи Одинцевича – отнял Семеновское вместе с купчими грамотами на него у несовершеннолетних владельцев и передал Одинцевичу. Причем воевода даже провел процедуру «ввязания» Одинцевича во владение имением, что делало его законным собственником. И, наконец, Ульяна обратилась к королю с более общей просьбой защитить права собственности ее детей. Вдова пожаловалась, что некоторые соседи пытаются отнять имения ее сыновей. Но поскольку сыновья еще малы и в силу этого не могут самостоятельно вести судебные дела, соседи подают в суд на нее и пытаются «под нею» отсудить земли ее детей. Она же «не мает(ь) моцы именеи и людеи и земль детеи своих никому протягивати» – то есть не имеет права вести судебные дела относительно имений своих сыновей, поскольку это может привести к утрате их собственности. В связи с этим Ульяна просила короля избавить ее от вызовов в любые суды по поводу имений ее детей до тех пор, пока эти дети не достигнут совершеннолетия. Позиция вдовы состояла в том, что она не имеет права и не желает вести судебные дела об имениях своих сыновей, поскольку эти имения являются для нее фактически чужими.

По всем вопросам Сигизмунд Старый стал на сторону Ульяны [21, р. 310–311]. Он приказал Кишке вернуть ей село Могильное и предписал

ему больше не посылать туда своих урядников ни по какому поводу. Королевское решение о селе Семеновском было еще более жестким. Семен Одинцевич должен был вернуть вдове собственность и документы, а если он откажется это сделать, то великокняжеский урядник получил право отнять у него все это даже силой. Монарх издал документ, по которому Ульяна освобождалась от вызовов в любые суды по поводу имений сыновей до тех пор, пока те «леть своих доростуть». И тогда они уже сами смогут выступать в качестве ответчиков по имущественным искам, если таковые будут поданы. Наконец, король назначил Ульяне опекуна – витебского воеводу Ивана Богдановича Сопегу, «абы не дал никому безъправне ей кривдъ чинити». Выбор опекуна был обусловлен, очевидно, географическим фактором. Отношения Ульяны с полоцким воеводой Петром Кишкой были напряженными, поэтому ее опекуном стал глава соседнего витебского региона. Правда, этот выбор оказался не слишком удачным: И. Б. Сопега остро конфликтовал с влиятельной и мстительной королевой Боней [26, s. 619, 620]. В 1529 г. она добилась отрешения его от должности витебского воеводы, а позже – и от всех остальных важнейших должностей.

Ульяне довелось приложить немало усилий и проявить всю свою решимость, чтобы добиться такого результата. По всей видимости, для разрешения этих своих проблем она совершила поездку в столицу Польского королевства, где в то время находился двор монарха. Все четыре документа, посвященных делу Ульяны, вписаны в Метрике Великого княжества Литовского в группе актов, которые были изданы в Кракове. А в двух из этих четырех актов Краков конкретно назван местом их издания [21, p. 310, 311].

Прошло еще три года с небольшим, и Ульяне снова пришлось обращаться в высшие судебные инстанции. Вдова воспользовалась тем, что весной 1528 года, после долгого пребывания в Польше, Сигизмунд Старый приехал в Великое княжество Литовское, и обратилась к нему за помощью. В июле она просила господаря еще раз подтвердить ей и ее детям имущественные права на некоторые земли – имения Погост и Могильное. За время вдовства Ульяны Погост опустел, и полоцкий воевода П. Кишка передал его путному слуге Кузьме Смольнянину. А Могильное, как оказалось, Кишка так и не вернул Ульяне. И это несмотря на то, что в 1525 г. Сигизмунд принял соответствующее решение, и господарский дворянин даже «ввязал» вдову во владение этим имением. В результате, Сигизмунд приказал вернуть оба владения Ульяне и ее сыновьям [21, p. 265–266].

Но гораздо более серьезным испытанием стал для Ульяны суд господаря и панов-рады Великого княжества Литовского, который заседал в Вильно 3 ноября 1528 года. Женщина снова обратилась к Сигизмунду за правосудием. Особую значимость и широкую известность придавало делу то обстоятельство, что именно в это время в Вильно проходил общегосударственный сейм. В столицу съехались виднейшие представители знати со всех концов огромной страны. Ульяна выбрала для своей жалобы не слишком значительный, на первый взгляд, повод. Она обвинила Семена Одинцевича в том, что тот отнял у нее и ее детей имение Семеновское (как выясняется, и в этом случае королевское решение 1525 г. не возымело действия). Однако все понимали, что реальный масштаб и реальное значение дела будут иными. Действительно, на суде ответчик традиционно заявил о том, что Ульяна и ее дети не имеют права не только на это имение, но и на всю остальную собственность Яцко Сеньковича. В качестве аргумента из уст Семена снова прозвучало утверждение о том, что дети Яцко и Ульяны – незаконные. Ульяне опять пришлось рассказывать в суде всю свою историю. Можно себе представить, каким было психологическое состояние женщины и что она чувствовала в те минуты. Но Ульяна явно не упала духом и упорно боролась. Среди прочего, она пригласила на заседание одного из племянников своего бывшего мужа. Андрей Ивашкович Сенькович подтвердил, что признает Григория и Ивана законными детьми Яцко Сеньковича, «приимуючы их собе за братью». На суде также выяснилось, что Григорий и Иван Яцковичи посылали в Константинополь к патриарху с тем, чтобы он рассмотрел их непростое дело. По всей видимости, это обращение Яцковичей было направлено в Царьград при активном участии или даже по инициативе Ульяны. Из многочисленных судебных дел следует, что мать имела сильнейшее влияние на сыновей. Даже тогда, когда Григорий и Иван были уже вполне взрослыми, они по-прежнему выступали в судах вместе с матерью как один субъект правовых отношений. А во второй половине 1520-х годов они были совсем еще юными. Патриарх Иеремия I (1522–1545) подтвердил прежние решения митрополитов и короля. Он издал и собственную грамоту, в которой констатировалось, что Григорий и Иван «мають правыми дедичми и отчычами къ именьямъ и статком и спадком отца своего Яцковым быти». Ульяна предъявила суду и этот документ. Семен Одинцевич заявил о намерении оспаривать решение патриарха.

Однако мнение высокого суда было однозначным. Господарь и паны-рада оставили в силе все прежние постановления как светских,

так и духовных властей: «намъ нельзе таковых судовъ переставляти...». Григорий и Иван еще раз были признаны законными детьми Яцко Сеньковича и получили полное право на отцовские имения – они и их потомки. Что же касается Семена Одинцевича и других их родственников, то им было строго запрещено обращаться в любые судебные инстанции, в том числе и в Константинополь. Король и рада «велили ... имъ в том вечное молчанье мети, и дати и[м] в томъ покой» [22, р. 85–87; 23, р. 268–270].

Тем не менее, отдаленные отголоски этого громкого дела были еще долго слышны. Так, например, имели свое продолжение имущественные тяжбы Ульяны. Она вела эти тяжбы против разных лиц уже совместно со своими сыновьями. И им довелось потратить еще немало времени и сил для того, чтобы закрепить за собой право собственности на имения мужа и отца – Яцко Сеньковича. Не откладывая дело в долгий ящик, уже 2 марта 1529 г. Ульяна и ее дети обратились к Сигизмунду с просьбой подтвердить им права на «отчизну» рода Сеньковичей, село Погост. Король удовлетворил эту просьбу – Погост был подтвержден Ульяне и ее сыновьям «на вечность». На этот раз просьбу Ульяны поддержал своим ходатайством воевода Петр Кишка [20, р. 544]. Однако у Ульяны и ее детей оставалось к нему еще много претензий. В марте 1534 г. они вновь подали Сигизмунду жалобу на притеснения со стороны П. Кишки, который на тот момент был уже трокским каштеляном и жемайтским старостой. За время своего полоцкого воеводства Кишка купил в Полоцкой земле немало крупных имений. На этот раз Ульяна жаловалась на Кишку в связи с тем, что он якобы незаконно отнял у нее имения Селедцово и Освею и присоединил к своим землям. Согласно поданной жалобе, вельможа ей также «шкоды и грабежы великие почынилъ». Однако, король отложил рассмотрение дела, поскольку был в то время занят «великими а пильными справами» – шла подготовка к войне с Москвой [24, р. 117; 2, с. 90–91]. Сложно сказать, насколько обоснованными были эти претензии Ульяны, но Кишка владел Освеей еще по крайней мере с 1530 г., когда получил от Сигизмунда право основать здесь местечко. Возможно, конфликт и был связан с изданием этого королевского привилея: местечки имели статус особого поселения и в силу этого могли быть конкурентами соседним селам. Не исключено также, что возник спор о границах владений. Такие споры между землевладельцами были частым явлением.

Многочисленные имущественные тяжбы, которые пришлось вести Ульяне, научили ее самому внимательному и аккуратному отношению

к вопросам собственности. В июне 1537 г. она провела разграничение своих имений Обольцы, Дохнары и Пресеменец в центральной части Полоцкого воеводства с владениями соседей – Михаила Стрежа и Саввы Бернищева [3, л. 1об., 6об.].

Вообще же нужно отметить, что Ульяна и ее дети располагали довольно большими земельными владениями. Так, согласно «попису земскому» 1528 г., «пани Михайлова Сенковича» была обязана выставлять в войско 14 всадников [4, с. 154]. В силу этого ее можно отнести к числу самых значительных землевладельцев Полоцкой земли. Из них только один человек выставлял 33 всадника, тогда как все остальные – не более чем по 19. В дальнейшем же земельная собственность Ульяны и ее сыновей еще более увеличилась.

В конце 30-х годов немолодая уже Ульяна решила уйти в монастырь. Известительная королевская грамота, датированная 29 апреля 1539 г., сообщает о том, что должность игуменьи известнейшего полоцкого Спасо-Преображенского женского монастыря получила местная боярыня Михайлова Сеньковича. В документе отмечено также, что за Ульяну просили полоцкий воевода Ян Глебович, полоцкий православный архиепископ Симеон и местные бояре [8, л. 275]. Очевидно, что Ульяна пользовалась немалым авторитетом в этой среде. Она была хорошо известна и в придворных кругах – и это, несомненно, также помогло получить ей этот очень почетный «хлеб духовный». Правда, не совсем понятно, постриглась ли Ульяна к тому моменту в монашество. В дальнейшем она по-прежнему нередко выступала в документах как «полоцкая боярыня пани Михайлова Сеньковича». Это может означать, что еще, по крайней мере, некоторое время Ульяна была светским лицом. В XVI веке в Великом княжестве Литовском были известны случаи, когда православные монастыри передавались в управление светским лицам, которые получали права настоятелей.

Ульяна принадлежала к последнему поколению рода Ямонтовичей-Подберезских. У нее был лишь один брат Семен. Он достаточно часто упоминается в документах первых сорока лет XVI века. Несмотря на службу при великокняжеском дворе, Семен Ямонтович не сделал большой карьеры. Лишь в 20-е – 30-е годы он занимал довольно скромную должность керновского державцы, а в 1526 г. получил в держание две небольшие волости на Витебщине – Усвят и Озерище. Семен Подберезский умер в 1540 г. После него осталась вдова – Федора (Федя) Богдановна, урожденная княжна Жеславская. Детей у них не было. Через несколько месяцев после смерти Семена Ямонтовича Федя во второй

раз вышла замуж – за князя Андрея Одинцевича, сына неоднократно упоминавшегося выше Семена Одинцевича. Имена своего первого мужа она оставила за собой.

В марте 1541 г. Ульяна вместе с сыновьями обратилась в суд панов-рады. Она заявила, что княгиня Федя Богдановна незаконно удерживает имения ее брата и что эти имения по закону должны перейти к ней как к ближайшей родственнице покойного [25, р. 158, 160–161]. В жизни Ульяны произошел поразительный поворот. Из жертвы она неожиданно превратилась в хищницу. Причем действовала она по отношению к своей невестке очень жестко – так же, как в свое время действовали родственники по отношению к ней. Очевидно, Ульяне было прекрасно известно то, что действовавший на тот момент Первый Статут Великого княжества Литовского предусматривал всего две возможности обеспечить материальное положение бездетной вдовы. Согласно первой, женщина оставалась с тем имуществом, которое ей записал муж в качестве вена. Остальные имения она должна была вернуть родственникам покойного супруга. В соответствии со второй возможностью, бездетная вдова могла «сидеть» лишь на третьей части имений покойного мужа, если он ничего не записал ей «в вене». Остальные две трети земель она обязана была вернуть ближайшей родне супруга. В случае же нового замужества она должна была отдать родственникам покойного мужа и оставшуюся треть. Перечисленные положения четко прописаны в статьях 2 и 5 четвертого раздела Статута 1529 года. По закону, у бездетной вдовы не было практически никаких шансов сохранить за собой все имения умершего мужа. В лучшем случае, она могла претендовать лишь на их треть – согласно дополнительной статье Первого Статута, вено также было ограничено третьей частью имений мужа.

По-настоящему впечатляет та оперативность и та методичность, с которой действовала Ульяна. Брак между Феей Богдановной и Андреем Одинцевичем был заключен 2 января 1541 г. в местечке Басея недалеко от Орши. В течение каких-то нескольких недель Ульяна обратилась в суд, и уже 22 февраля была оформлена королевская судебная повестка на имя Феи Богдановны. Кстати, это была уже вторая такая повестка – первая была подписана еще раньше. 16 марта Ульяна вместе с сыновьями явилась на судебное заседание панов-рады, однако суд не состоялся из-за того, что Федя сказала больная. В соответствии с законом, суд был перенесен на более поздний срок. Ульяна оставила свою повестку в суде с тем, чтобы ее копия была внесена в судебные книги. Однако в скором времени слуга княгини Феи Богдановны забрал отсюда этот до-

кумент. При этом Федя утверждала, что она об этом ничего не знает, а ее слуга мог действовать якобы по собственной инициативе. Тогда 19 марта Ульяна направила в суд своего сына Григория, который и изложил там все эти события. Федя Богдановна была вынуждена передать в суд свою повестку, копия которой в результате и была внесена в судебные книги. Кроме того, Ульяна успела позаботиться о безопасности священника, который венчал Федору Подберезскую и Андрея Одинцевича. Дело в том, что молодожены, заинтересованные в том, чтобы их брак оставался тайным, стали угрожать священнику. Тогда тот обратился за помощью к Ульяне и получил от нее эту помощь: некоторое время он скрывался при дворе игуменьи, среди ее челяди. По настоянию Ульяны и полоцкого владыки Симеона священник явился в суд и поведал всю эту неприятную историю. По всей видимости, Ульяна получила информацию о втором браке своей бывшей невестки именно от него. По настоянию Ульяны суд назначил большой штраф (заруку), которым будут наказаны Федора и Андрей Одинцевичи в случае, если они продолжают преследовать священника [25, р. 158, 160–161].

Среди всего прочего, обращает на себя внимание то, что Ульяна действовала юридически очень грамотно. Все ее шаги и все требования строго соответствовали законодательству и всегда были подкреплены документами. Многочисленные судебные разбирательства сделали из Ульяны опытного знатока действующих законов, и она умело пользовалась своими правами. Бросается в глаза и то обстоятельство, что в судебных делах Ульяна никогда не выступала как ответчица, а только как истица. В смелости, решительности и инициативности ей никак нельзя отказать.

Жалоба Ульяны и ее сыновей на бывшую невестку была рассмотрена на судебном заседании панов-рады 25 июня 1541 г. Истцы предъявила Федоре Богдановне претензии на все имения ее покойного мужа, а также на его движимую собственность. Ульяна и ее сыновья имели на это полное право. Однако неожиданно дело приняло крайне нежелательный для Ульяны оборот. Федя предъявила суду «венный лист» своего первого мужа, датированный еще 20 ноября 1533 г. Этим документом Семен Подберезский отписал жене третью часть всех своих имений, «ничого на себе ани на жадных близких моих не оставляючи». Князь оценил эту третью часть в тысячу коп грошей – очень большие по тем временам деньги. В эту сумму он включил и приданое, которое получил за Федорой – пятьсот коп. В вено Феди вошли достаточно большие и богатые имения, среди которых были, в частности, села Подберезье

и Басея, а также часть князя Семена в Друцке. Любопытно, что в венковом листе было специально оговорено, что Федора, в случае смерти Семена, сможет пойти с этими имениями замуж. Ульяна пыталась оспорить сумму, однако судьи признали, что грамота Семена Ямонтовича составлена в соответствии с законом. Таким образом, они признали за Федей право на третью часть имений покойного мужа или на их выкуп у вдовы ближайшими родственниками князя за сумму, указанную в его венковом листе. Судьи вынесли решение провести через четыре недели раздел имений Семена Подберезского, по которому Ульяне и ее сыновьям должны быть выделены две трети имений, а Федоре – одна треть. Ульяна не стала оспаривать это решение, однако выразила намерение выкупить часть Федоры – как и было предусмотрено, за тысячу коп грошей [9, л. 86об.–88об.]. К сожалению, мы в точности не знаем, был ли произведен раздел или были заплачены деньги. Однако, судя по тому, что Подберезье в дальнейшем оказалась в руках детей Ульяны, мать и сыновья все-таки выкупили свою «отчину и дедину».

5 мая 1542 г. Ульяна передала все свои имения сыновьям, отказавшись от наследственных прав на них. В свою очередь, Григорий и Иван Яцковичи отдали матери несколько сел в пожизненное владение. Это были, в частности, села Дохнары, Обольцы и Пресеменец в Полоцкой земле. Интересно, что в соответствующем документе Григорий и Иван Яцковичи выступают уже с фамилией Подберезские [3, л. 39]. Таким образом, Подберезье на тот момент уже несомненно находилось в их руках. С другой стороны, приняв фамилию от дедовского княжеского имения, сыновья Ульяны тем самым стремились подчеркнуть свое происхождение от старинного княжеского рода, укрепить престиж своей семьи. Но, разумеется, на княжеский титул они претендовать уже не могли. 9 июля 1542 г. братья разделили между собой доставшиеся от матери имения [29, s. 152–153]. Однако вскоре отношения между Григорием и Иваном испортились. В 1547 г. они уже судились за имения Басею и Козечицы [29, s. 153, 672–673].

Спасо-Преображенский монастырь, настоятельницей которого в 1539 г. стала Ульяна, был одним из древнейших и, пожалуй, самым известным полоцким монастырем. В первой половине XVI века обитель процветала. В 1552 г. была проведена большая ревизия Полоцкого повета. Были описаны также церковные земли, и среди них – «монастырь Светого Спаса, который заведает игуменья полоцькая инока Ульяна» [5, с. 167–170]. На тот момент монастырь владел многочисленными селами в Полоцкой земле, в которых жило 299 «дымов» крестьян. Все

остальные полоцкие обители по этому показателю сильно уступали Спасскому монастырю.

К сожалению, мы очень мало знаем о деятельности Ульяны в качестве спасской игуменьи и не можем сказать, какой вклад она внесла в благосостояние монастыря. Однако Ульяна наверняка поддерживала монастырь из своих личных средств. Например, среди владений Спасского монастыря в 1552 г. значится село «на Оболи». Село с таким названием (Обольцы) было и среди личных имений Ульяны. Кроме того, точно известно, что Ульяна делала вклады в другие монастыри. Так, она записала еще одному полоцкому монастырю – Михайловскому Городецкому – трех человек с землями в своем селе «на Оболи» [5, с. 172]. Вряд ли, делая вклады в другие монастыри, она обошла бы свой собственный.

В то время Ульяне было уже немало лет, жизнь ее близилась к закату. Сан спасской игуменьи был очень привлекательным «хлебом духовным», и претендентки на него определились еще при жизни Ульяны. Сначала это была вдова господарского дворянина Тиши Быковского полоцкая боярыня Федя Галенчанка. Она обратилась к великому князю и королю Сигизмунду II Августу с сообщением о том, что игуменья Ульяна «вжо есть в старости летъ своихъ и въ немалой форобе», и с просьбой пожаловать ей должность спасской игуменьи после смерти Ульяны. 8 июля 1551 г. Сигизмунд Август издал соответствующий привилей [10, л. 20–20об.]. Однако претендентка умерла, так и не дождавшись своей очереди. Тем не менее, очень скоро появилась новая кандидатура. Королевский дворянин Михаил Мышка бил челом Сигизмунду Августу, чтобы эта должность была передана его матери Анне Хребтовне – снова-таки, после смерти Ульяны. И на этот раз господарь удовлетворил поданную просьбу: 18 января 1554 г. Анна Хребтовна получила желаемый привилей [10, л. 155об.–156].

Ульяна завершала свои последние земные дела. 23 июня 1555 г. она отписала свои имения Дохнары, Обольцы и Пресеменец «в вечное владение» сыну Ивану Яцковичу. В пересказе этого акта отмечено, что игуменья подписала соответствующий документ перед смертью («przed swoim z tego swiata zeysciem») [3, л. 39]. По всей видимости, этим документом была духовная грамота Ульяны. К сожалению, мы не знаем ее полного текста, но какую-то часть последнего имущества матери, очевидно, получил и второй ее сын – Григорий. Из грамоты Сигизмунда II Августа, которая была издана в ноябре 1555 г., мы узнаем, что Ульяна «для старости летъ своихъ» уже не могла управлять монастырем и оставила

должность игуменьи. Как и было предусмотрено, ее преемницей стала Анна Хребтовна [10, л. 242об.–243об.].

В скором времени Ульяна умерла. Судя по всему, это произошло в конце 1555 либо в начале 1556 г. Во всяком случае, указание на смерть Ульяны содержится в судебном постановлении панов-рады по делу ее сына Ивана Яцковича от 26 мая 1556 г. [11, л. 45об.].

В заключение несколько слов о том, как сложилась судьба сыновей Ульяны. Старший сын, Григорий Яцкович служил господарским дворянином. В результате раздела наследственных земель он получил принадлежавшее его дяде имение Подберезье и ряд других сел. По своему главному владению Григорий стал называться Подберезским. Его земли лежали в основном за границами Полоцкой земли. Именно по этой причине Григорий Подберезский выставлял в войско со своих полоцких сел всего лишь 2 всадников, о чем мы узнаем из ревизии 1552 года [5, с. 123]. В 1548 и 1549 гг. Григорий Яцкович отстаивал на монаршем суде свое право держать по годам замок Друцк. Такой порядок держания был определен представителями всех ветвей княжеского рода Друцких. Однако Друцкие не посчитали Григория членом своего рода. Он не участвовал в этом соглашении и, соответственно, не был включен в число тех, кто должен был держать друцкий замок. Григорий же обосновывал свои права тем, что часть Друцка досталась ему «правомъ прироженымъ по дядьку его». Дело в том, что его дядя князь Семен Ямонтович-Подберезский первым браком был женат на княжне Домниде Друцкой-Соколинской [29, s. 64, 673; 13, л. 267–267об.]. От старшего сына Ульяны ведет свое происхождение шляхетский род Подберезских.

Иван Яцкович, младший сын Ульяны, получил имения в основном в Полоцкой земле. По всей видимости, из-за конфликта с братом и в результате раздела имений он отказался от фамилии Подберезский. По одному из этих имений, Стрежову Иван Яцкович стал называться Стрежовским (Стрежевским) [29, s. 673]. В 1552 г. он выставлял со своих имений 10 всадников и, по местным меркам, был достаточно богатым человеком [5, с. 122]. В 1556 г. Ивану снова довелось судиться с крестьянами села Могильна. Но и на этот раз могильняне не смогли доказать свои права на статус государственных крестьян, в связи с чем были присуждены И. Стрежевскому [11, л. 42об.–45об.]. В том же году Ивану пришлось отстаивать также свои права на Водву – имение, которое принадлежало еще его матери [14, л. 152об.]. Интересно, что Ивану в своей жизни также пришлось столкнуться с серьезными матримониальными проблемами. Официальный документ, датированный 1 мая 1558 г., на-

зывает Ивана Стрежевского покойным [12, л. 285]. В точности неизвестно, что с ним случилось и почему его посчитали умершим, однако, как выяснилось позже, Иван не умер, а попал в московский плен [29, s. 290, 673]. Тем временем его жена Елена Васильевна, которая происходила из знаменитого полоцкого боярского рода Корсаков, снова вышла замуж – за полоцкого боярина Яцко Быстрейского – и начала распоряжаться имуществом своего первого мужа. У Ивана Стрежевского и Елены Корсаковны были дочери Авдотья и Людмила, которые вместе с матерью и поделили отцовские имения [12, л. 284об.–285об.]. В 1569 году или чуть ранее Иван Стрежевский вышел из плена [29, s. 290, 673]. О дальнейшем развитии этих интригующих событий и судьбе самого Ивана Стрежевского мы, к сожалению, ничего в точности не знаем. Но вероятнее всего, Иван Яцкович был основателем шляхетского рода Стрежевских, представители которого владели землями, в частности, в Новогрудском воеводстве [29, s. 673].

Удивительная жизнь Ульяны Подберезской рисует ее как яркую, волевою личность. Эти качества, разумеется, можно отнести к индивидуальным чертам ее характера. Однако стоит помнить, что Ульяна происходила из определенной социальной среды – а именно, княжеской. Здесь, очевидно, уже на уровне семьи и с детских лет культивировали осознание особого статуса и особой роли этого высшего слоя знати – в том числе и молодых княжон. Деятельный характер и социальная активность Ульяны относились к чертам, которые отличали и других знаменитых женщин того времени. В этом смысле Ульяну Подберезскую вполне можно отнести к типажам, характерным для эпохи Возрождения. Однако, видимо, было бы слишком большим упрощением и даже ошибкой связывать особенности ее личности только с той знаменитой эпохой. По наблюдениям Н. Л. Пушкаревой, эти же качества были свойственны также известным женщинам древнерусского времени [7, с. 65, 67]. Что стоит особо отметить для Ульяны как для женщины XVI столетия и уроженки Великого княжества Литовского, – так это высокий уровень правосознания. Именно он, наряду с прочими качествами, помог урожденной княжне Подберезской сохранить свое место в обществе, отстоять свои законные права и законные права своих детей.

Список литературы

1. Горчаков, М. И. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги / М. И. Горчаков. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1880. – IV+384+54 с.

2. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г./ Н. А. Максимейко. – Харьков: Типография А. Дарре, 1902. – IV+205 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1943. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.
4. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 444 с.
5. Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. к изд. И. И. Лаппо. – М.: Университетская типография, 1905. – XXI+236 с.
6. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. 1 / Подг. В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин; отв. ред. А. Л. Хорошкевич, зам. отв. ред. С. В. Полехов. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – 864 с.
7. Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарева. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 20.
9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 27.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 35.
11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 38.
12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 40.
13. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 237.
14. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. – Оп. 1. – Ед. хр. 248.
15. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Archiwum Radzyńskie Potockich. – Nr 300.
16. Archiwum Główne Akt Dawnych. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Nr 8415.
17. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 7 (1506–1539): Užrašymų knyga 7 / Lietuvos istorijos institutas; par. I. Pliarionė, L. Karalius ir D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. – XXX+1012 p.
18. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 10 (1440–1523): Užrašymų knyga 10 / Lietuvos istorijos institutas; par. E. Banionis ir A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 179 p.
19. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 11 (1518–1523): Užrašymų knyga 11 / Lietuvos istorijos institutas; par. A. Dubonis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 228 p.

20. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 12 (1522–1529): Užrašymų knyga 12 / Lietuvos istorijos institutas; par. D. Antanavičius ir A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 2001. – 854 p.
21. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 14 (1524–1529): Užrašymų knyga 14 / Lietuvos istorijos institutas; par. L. Karalius ir D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. – 646 p.
22. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 15 (1528–1538): Užrašymų knyga 15 / Lietuvos istorijos institutas; par. A. Dubonis. – Vilnius: Žara, 2002. – 446 p.
23. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 224 (1522–1530): 4-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1997. – CXLVIII+514 p.
24. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 227 (1533–1535): 8-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. I. Valikonytė, St. Lazutka ir N. Šlimienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1999. – XCIV+305 p.
25. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. – Кн. 229 (1540–1541): 10-oji Teismų bylų knyga / Vilniaus universitetas; par. St. Lazutka, I. Valikonytė ir S. Viskantaitė-Saviščevienė. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2003. – LXVII+264 p.
26. Michalewiczowa, M. Sapieha Iwan / M. Michalewiczowa // Polski Słownik Biograficzny. T. XXXIV. Zesz. 5 (143). – Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1993. – S. 618–621.
27. Tęgowski, J. Kilka słów o rodowodzie kniaziów Jamontowiczów Podbereskich w świetle nowych źródeł / J. Tęgowski // Zapiski Historyczne. T. LXXX. – 2015. – Zesz. 3. – S. 39–50.
28. Vartberge, Hesmarnus de. Chronicon Livoniae / Hermannus de Vartberge // Scriptorum Rerum Prussicarum. Bd. 2 / Hrsg. von E. Strehlke. – Leipzig, 1863. – P. 21–116.
29. Wolff, J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Druk J. Filipowicza, 1895. – XXV+698 s.

СЕНАТАРСКІЯ РОДЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА У 1566–1605 гг.: СКЛАД І СТРУКТУРА

Актуальнасць і мэта даследавання

Даследаванне гісторыі дзяржаўнага ладу, дзяржаўных інстытутаў і, увогуле, улады ў Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) мае надзвычай багатую гістарыяграфічную традыцыю. Яно распачалося яшчэ ў канцы XVIII ст. і паспяхова працягваецца па сённяшні дзень гісторыкамі розных краін. Натуральна, у розныя перыяды даследчыкі засяроджвалі сваю ўвагу на розных праблемах. Таму за больш чым 200 гадоў існавання навуковай гістарыяграфіі ВКЛ няцяжка заўважыць вялікую розніцу ў распрацаванасці асобных тэмаў і перыядаў. Сур'ёзныя дыспрапорцыі ў гістарыяграфіі існуюць у даследаванні прынцыпаў і механізмаў функцыянавання ўлады ў ВКЛ. Так, у рамках дадзенай праблемы, значна лепей чым перыяд існавання Княства ў межах супольнай Рэчы Паспалітай (далей – РП), вывучаны перыяд XIV – сярэдзіны XVI ст. [1–11]. Як вынік падобнай сітуацыі – пэўныя тэарэтычныя мадэлі, распрацаваныя на базе крыніц, датычных Кароны Польскай XVI–XVIII ст. (далей – КП), з лёгкасцю пераносяцца на гісторыю ВКЛ, без больш уважлівай рэфлексіі. Так, у энцыклапедыі «Вялікае княства Літоўскае», якая падводзіць пэўную рысу пад развіццём беларускай гістарыяграфіі ў першыя 15 гадоў самастойнага існавання Беларусі, дзяржаўны лад ВКЛ апісваецца з фармальнага боку, некаторыя найважнейшыя тэрміны, такія як «магнацкая алігархія», ці «шляхецкая рэспубліка», выкарыстоўваюцца механічна, без належнага тлумачэння [12–14].

Галоўнай прычынай такога стану рэчаў з'яўляецца слабая вывучанасць у навуцы такіх складаных, але пры гэтым надзвычай актуальных праблем, як нефармальныя механізмы функцыянавання ўлады ў ВКЛ і сацыяльная структура грамадства. Калі дзяржаўны лад Княства ў XVII–XVIII ст. характарызуецца як магнацкая алігархія, дзе пад «алігархіяй» мусіць разумецца палітычнае ўладкаванне дзяржавы, а пад «магнатамі» галоўны суб'ект улады, каб зразумець і даследаваць гэты дзяржаўны лад, гісторыкі мусяць дакладна, з аднаго боку, вывучыць прынцыпы функцыянавання алігархіі, а з іншага, выразна акрэсліць тую сацыяльную групу, якую прынята называць магнатэрыяй [15, s. 5–6].

Што тычыцца другой праблемы, то на вялікі жаль у гістарычнай навуцы на дадзены момант не існуе адзіных крытэрыяў вызначэння прыналежнасці той ці іншай асобы да магнатэрыі. Найчасцей наогул гэты тэрмін разумецца на інстынктыўным узроўні. Больш за тое, няма аднагалоснасці нават наконт таго, што ўяўляла сабою магнатэрыя: аднолькава часта можна сустрэць выкарыстанне тэрмінаў «саслоўе» [16; 17, s. 451], «клас» [13; 18, s. 26], а крыху радзей, «сацыяльная група» [19, p. 14–15]. Яшчэ больш сур’ёзныя праблемы існуюць пры вызначэнні крытэрыяў прыналежнасці да магнатэрыі [20–24]. Большасць гісторыкаў, аднак, робіць гэта інстынктыўна. Падобныя рознагалосці ў разуменні з’явы магнатэрыі вымушаюць, на першасным этапе, пры вывучэнні структуры вышэйшага саслоўя ВКЛ адмовіцца ад яго выкарыстання.

У дадзеным артыкуле, такім чынам, робіцца спроба даследаваць як пэўную сукупнасць тыя роды ВКЛ, якія мелі сваіх прадстаўнікоў у Сенаце РП у 1566–1605 гг. Такія роды тут называюцца «сенатарскімі». Варта зазначыць, што іх асаблівы сацыяльны статус у грамадстве знаходзіць адбітак у крыніцах [25, s. 129]. Мэта дадзенага артыкула – вызначыць наколькі гэтыя сенатарскія роды змаглі сканцэнтраваць у сваіх руках манапольнае права на непасрэдны ўдзел у ажыццяўленні ўлады праз прыналежнасць да найважнейшага органа дзяржаўнай улады – Сената РП, а таксама ў якой ступені яны адасобіліся ад рэшты шляхецкага грамадства. На перыферыі будзе таксама разгледжаная праблема ўплыву біялагічных і дэмаграфічных фактараў на змены палітычных цыклаў ва ўнутраным жыцці дзяржавы. Найперш, аднак, варта спыніцца на тэрміналогіі, храналогіі і метадалогіі дадзенага даследавання.

Тэрміналогія, храналогія і метадалогія даследавання

Што тычыцца тэрміналогіі, то варта адзначыць, што ў артыкуле ў дачыненні да інстытуту Рады ВКЛ, як правіла, выкарыстоўваецца тэрмін “Сенат”. Фармальна Рады-Сената ВКЛ пасля 1569 г. не існавала. Згодна з пастановамі Люблінскага сойму Рада ВКЛ рабілася часткаю Сената кароннага, а літоўскія ўраднікі мусілі заняць свае месцы сярод сваіх польскіх калег [26, s. 236, 239–241; 27, s. 360]. Аднак на практыцы абедзве Рады засталіся адасобленыя адна ад адной, былых Паноў раду Княства аб’ядноўвала агульная свядомасць прыналежнасці менавіта да дзяржаўнага органу ВКЛ [28; 29, s. 33, 42, 56, 166, 195]. Выбар на карысць тэрміну “Сенат” замест “Рада” быў зроблены для таго, каб вербальна акцэнтаваць розніцу паміж гэтым інстытутам да рэформаў 1560-х гг. і пасля.

Храналагічнымі межамі дадзенай працы абраныя 1566–1605 гг. Першая дата – год, калі Жыгімонт Аўгуст прызначыў асоб на новаўтвораныя

на сойме 1565–1566 гг. урады, якія давалі права на ўваходжанне ў склад Паноў рады. У канцы яго Рада ВКЛ выступіла ў новай, рэфармаванай якасці [2, с. 699, 724–728]. Другая дата не настолькі адназначная. Яе выбар ажыццёўлены з улікам шэрагу фактараў, якія мелі для ВКЛ як унутраны, так і знешні характар. Ва ўнутраным жыцці РП 1605 г. быў апошнім мірным годам напярэдадні Сандамірскага рокашу 1606–1609 гг., які значна паўплываў на ўнутраную палітыку Жыгімонта III, у тым ліку, намінацыйную [30, s. 334–335; 31, s. 233–234]. Што тычыцца непасрэдна ВКЛ, то тут у 1603 г. памёр найбольш уплывовы і, пры гэтым, апазіцыйны манарху палітык Крыштоф Радзівіл “Пярун”, ваявода віленскі і вялікі гетман літоўскі. Пасля яго смерці Жыгімонт III атрымаў магчымасць пакласці канец апазіцыі ў Княстве, прызначыўшы на вакантныя ўрады адданых сабе асоб, што ён і ажыццявіў паспяхова да 1605 г. [32, s. 133; 33, с. 72–73; 34, s. 36–38]. Характэрна, што ў Сандамірскім рокашы прынялі ўдзел толькі два сенатары ВКЛ: кашталян троцкі Ежы Радзівіл і маршалак вялікі Крыштоф Манвід Дарагастайскі [35, s. 75–80; 36]. Са знешніх фактараў, якія паўплывалі на выбар менавіта гэтага году, можна адзначыць вайну са Швецыяй, а таксама канфлікт з Маскоўскім царствам, у які ўсё больш уцягвалася РП, каб нарэшце абвесціць у 1609 г. вайну свайму ўсходняму суседу [37, s. 271–291].

Што тычыцца метадалагічнай часткі даследавання, то асноўным метадам, нароўні з традыцыйнымі, з’яўляецца прасапаграфічны метада. Асаблівую папулярнасць ён набыў сярод даследчыкаў гісторыі ВКЛ позняга сярэднявечча [5; 9–11]. Дадзены метада дазваляе даследаваць сенатарскія роды як пэўную сукупнасць, якая знаходзілася ў сталай дынаміцы. Галоўнай яго тэарэтычнай падставай з’яўляецца сцверджанне, што вывучэнне пэўнай, аб’яднай паводле нейкага крытэрыя/крытэрыяў групы, дазволіць зрабіць каштоўныя высновы як аб характарыстыках самой гэтай групы, так і асобных яе чальцоў [39, р. 46–47]. У дадзеным выпадку фармальным крытэрыем вылучэння групы з’яўляецца прыналежнасць той ці іншай асобы да Сенату РП. Улічваючы гэта, варта спыніцца на гісторыі інстытуту Рады ВКЛ, які ў 1569 г. стаў часткаю гэтага Сенату.

Эвалюцыя інстытуту Рады ВКЛ у XV – сярэдзіне XVI ст.

Інстытут рады манарха вядомы, у тым ці іншым выглядзе, ва ўсіх сярэднявечных манархіях. Само яго афармленне, усталяванне асабовага складу і акрэсленых кампетэнцый з’яўляецца найважнейшаю прыкметаю трансфармацыі сярэднявечнай манархіі. Эвалюцыя інстытуту Рады ў ВКЛ, як і ў Еўропе, адбывалася ад дарадчага да кантралюючага орга-

на, каб завершыцца ў выглядзе інстытута, які кіруе дзяржаваю разам з манархам. Адпаведна, змяняліся паўнамоцтвы і функцыі вялікага князя літоўскага [9, s. 6, 10].

Інстытуцыйнае афармленне княжацкай рады ў ВКЛ распачалося ў канцы XIV – пачатку XV ст. [9, s. 16–17]. Умоўнай датаю яе нараджэння можна лічыць 1413 г., калі ў акце Гарадзельскай уніі ўпершыню выкарыстоўваецца тэрмін «*consilium*» і агаворваецца некаторыя ўмовы яго функцыянавання [1, с. 479–480]. У наступнае стагоддзе рада паступова пашырала, спачатку свае нефармальныя паўнамоцтвы, якія пазней фіксаваліся ў заканадаўчых актах і рабіліся, такім чынам, фармальнымі. Датаю канчатковага афармлення Рады варта лічыць прывілей Аляксандра 1492 г., дапоўнены прывілеем 1506 г. і Статутам 1529 г. [9, s. 22; 40, с. 28–38].

Другая палова кіравання Жыгімонта Старога характарызуецца ўжо якасна іншым зместам палітычнага жыцця у ВКЛ. Як усё папярэдняе стагоддзе гаспадарская рада пераймала функцыі манарха, так цяпер вальны сойм, які ўсё часцей уяўляў сабою тэрытарыяльнае прадстаўніцтва ўсіх зямель ВКЛ, пачаў прэтэндаваць на ўзурпацыю многіх паўнамоцтваў гаспадара і Паноў рады. Кульмінацыя гэтай барацьбы прыходзіцца на гады кіравання Жыгімонта Аўгуста, які, урэшце рэшт, разам з Радаю ВКЛ мусіў пайсці на шматлікія саступкі шляхце, вынікам чаго стала серыя рэформаў дзяржаўнага ладу краіны ў 1560-х гг., а больш апасродкавана – Люблінская унія 1569 г. [2, с. 713–734; 40, с. 35–43, 47–52].

Рэформы 1560-х гг. у ВКЛ значна трансфармавалі дзяржаўны лад гэтай дзяржавы. Даследчыкі, якія звярталіся да іх аналізу, як правіла засяроджвалі ўвагу толькі на той іх частцы, якая ім здавалася найбольш важнай. Змены ў судовай сістэме, новы тэрытарыяльна-адміністрацыйны падзел, рэфармаванае заканадаўства і выразныя прынцыпы функцыянавання парламенцкай сістэмы дзяржавы, нарэшце, унія – усё гэтыя рэформы і падзеі былі дасягненнем дастаткова шырокага шляхецкага руху накіраванага супраць панавання магнатаў у ВКЛ [2, с. 733–734; 40, с. 39–43]. За падобным вобразам рэформаў 1560-х гг. лёгка, аднак, не заўважыць тыя змены, якія адбыліся ў інстытуце Паноў рады, чальцы якога мусілі нейкім чынам рэагаваць на ўнутраныя і знешнія ўзрушэнні. Гэтую трансфармацыю вельмі важна канстатаваць у сувязі з пастановамі Люблінскай уніі 1569 г.: наколькі новы рэфармаваны характар Рады ВКЛ у 1566–1569 гг. быў вынікам яе натуральнай трансфармацыі пад ціскам унутрыпалітычнай рэчаіснасці, настолькі яе аблічча пасля 1569 г. было навіязанае звонкі пастановамі Люблінскага сойму.

Рада ВКЛ як орган дзяржаўнай улады да пачатку 1560-х гг. мела некалькі цікавых характарыстык, якія значна адрознівалі яе ад найбольш блізкага ёй Сенату КП. Па-першае, яна мела адкрыты склад. Як адзначае Л. Корчак, гаспадарская рада ад сярэдзіны XV ст. набывае выразны ўрадніцкі характар: права ўдзелу ў яе пасяджэннях было замацаванае за пэўнымі ўраднікамі, спачатку ў сілу традыцыі, а пазней і заканадаўча. Тым не менш, разам з непасрэдным правам удзелу ў пасяджэннях Рады, замацаваных за пэўнымі пасадамі, існавала і пасрэднае права. Яно вынікала з прыналежнасці да сацыяльнай групы паноў, але ў яе маглі ўваходзіць таксама пэўныя княжацкія роды, а таксама асобы, ці роды, якія на сойм запрашаў вялікі князь сваімі лістамі па ўласнаму меркаванню [2, с. 331–335; 9, s. 45]. Яшчэ адной цікавай асаблівасцю паноў рады з’яўлялася наяўнасць інстытута гаспадарскіх маршалкаў, якія таксама ўваходзілі ў шырокі склад Рады. Яго адметнасцю было тое, што колькасць гаспадарскіх маршалкаў не была праўна ўрэгуляваная і залежала ад волі манарха. Фактычна, гаспадар мог увесці ў склад Рады любую пажаданаю праз сябе асобу, прызначыўшы яе гаспадарскім маршалкам. Натуральна, як правіла, гэтымі асобамі былі ўсё тыя ж прадстаўнікі панскіх родаў. Акрамя таго, доступ у шырокую Раду мелі дворныя і сталовыя ўраднікі, часам, пісары [2, с. 331–342, 420–421]. Гэтыя асаблівасці вялі да таго, што, з аднаго боку, гаспадар мог мець большы ўплыў на склад і характар Рады, а з іншага, яна мела выразна арыстакратычны характар. Прадстаўнікі ўплывовых родаў паноў ВКЛ маглі спадзявацца, што яны, нават не заняўшы ваяводскія, міністэрскія ўрады, ці ўрад гаспадарскага маршалка, будуць запрошаныя гаспадаром на сойм асобнымі лістамі. Так, напрыклад, прадстаўнікі панскага роду Храптовічаў, нягледзчы на тое, што пасля смерці Марціна Багданавіча Храптовіча каля 1528 г. род выпаў з ліку ўладнай эліты ВКЛ, запрашаліся ў 1560-я гг. на вальны сойм асобнымі лістамі [2, с. 154–155; 41, s. 57–64].

Усе гэтыя асаблівасці, ўласцівыя Радзе ВКЛ, былі захаваныя і ў выніку рэформаў 1560-х гг. Утварэнне новых ваяводстваў толькі павялічыла колькасць тых асоб, якія мелі фармальнае права ўдзельнічаць у пасяджэннях Паноў рады [2, с. 725–726]. Безумоўна, гэта было часткаю падрыхтоўкі да уніі з КП. Хоць уладная эліта ВКЛ, абараняючы свае інтарэсы, настойвала, перадусім, на захаванні асобных літоўскіх соймаў, але яна мусіла быць заклапочаная перспекывай таго, што яе голас на супольных соймах Княства і Кароны будзе заглушаны больш шматлікім каронным прадстаўніцтвам. Так і атрымалася. З 140 сенатарскіх годнасцяў, якія называе ўхвалены на Люблінскім сойме 1569 г. “Пара-

дак Рады Кароннай і Літоўскай”, толькі 27 (19,3%) прадстаўлялі ВКЛ. Пазнейшыя тэрытарыяльныя змены не надта змянілі гэтыя суадносіны [26, s. 239–241].

Такім чынам, асабовы склад Рады у выніку працы Люблінскага сойму ў 1568–1569 гг. скараціўся ўдвая. Калі б дапусціць, што ў Сенат РП трапілі хаця б ураднікі адарваных ад ВКЛ у 1569 г. зямель, а таксама павятовыя маршалкі (былыя гаспадарскія), якія адпавядалі ў Кароне меншым кашталіям, то прадстаўніцтва Княства ўзрасло б да 34,8%. Аднак большыя наступствы, як уяўляецца, штучнае абмежаванне колькаснага складу Сенату ВКЛ мела для ўнутрыпалітычнага жыцця гэтай дзяржавы. Магчымасці трапіць у лік уладнай эліты дзяржавы былі значна абмежаваныя. Колькасць урадаў, фактычна, стала меншаю ў параўнанні з той колькасцю родаў, якія традыцыйна складалі т. зв. “палітычны народ” [43]. Гэта, як уяўляецца, вяло да алігархізацыі Сената ВКЛ. Многія ранейшыя панскія роды вымушаныя былі альбо шукаць свайго шансу на каралеўскай службе, спадзяваючыся пад час доўгай кар’еры заваяваць ласку манарха, палітычны аўтарытэт і выслужыць маёнтак, альбо задавальняцца кар’ерай на лакальным узроўні. Звужэнне складу Сената ВКЛ прывяло, урэшце рэшт, да ўтварэння карпаратыўнай і гамагеннай сацыяльнай групы ўнутры вышэйшага стану дзяржавы, якую прынята называць магнатэрыяй.

Склад сенатарскіх родаў ВКЛ у 1566–1605 гг.

Безумоўна, галоўны уплыў на канфігурацыю палітычных сіл унутры РП меў манарх. Гэта вынікала з ягонага права раздаваць сенатарскія ўрады ў дзяржаве згодна са сваімі пажаданнямі. Фактычна, склад кароннага і літоўскага Сенату ў РП заўжды быў вынікам рашэнняў караля і вялікага князя. Манарх увесь час імкнуўся ўтварыць праз свае намінацыі найбольш прыхільны для сябе Сенат, таму смерць папярэдняга і караная кожнага новага манарха адкрывала новы этап у гісторыі гэтага органа ўлады. Адначасова, на склад Сенату РП наймацнейшы ўплыў меў фактар, над якім не мог панаваць нават кароль – біялагічны. Па той прычыне, што ўрады былі дажывотныя, манарх мог змяніць непажаданую яму асобу толькі дачакаўшыся яе смерці. Гэтыя два фактары мелі рашучы ўплыў на склад і характар Сенату РП, а значыць і на склад той невялікай групы родаў, якія мелі сваіх прадстаўнікоў у шэрагах гэтага дзяржаўнага інстытуту.

Найбольш прыдатнымі кропкамі у даследаванні дынамікі змен складу Сенату ВКЛ, з’яўляюцца наступныя моманты: смерці манарха і сур’ёзнай змены манархам сваёй палітыкі, наступствы якой для Сенату

можна ацаніць толькі праз нейкі час, калі манарх рэалізуе сваю магчымасць запоўніць пустыя сенатарскія крэслы. Для перыяду 1566–1605 гг. такімі кропкамі абраныя гады: 1566, 1572, 1586, 1594, 1605. Варта зазначыць, што для чысціні атрыманых вынікаў, было вырашана для 1566 г. не ўлічваць сенатараў тых ваяводстваў, што ў 1569 г. былі адарваны ад ВКЛ. Амаль усе яны дастаткова хутка інтэгрваліся ў каронныя эліты і іх роды ў шэрагах уладнай эліты Княства прадстаўленыя не былі. Было вырашана таксама не прымаць у разлік інфлянцкіх сенатараў, якія прадстаўлялі літвінаў. Такім чынам для ўсяго перыяду, які тут разглядаецца, улічваюцца асобы, якія займалі 27 сенатарскіх урадаў ВКЛ, а таксама, праз вялікую вагу, якая надавалася гэтым пасадам, абодва гетманства: вялікае і польнае [42]. Гэтыя асобы, а таксама іх роды, складалі тую групу ўнутры вышэйшага саслоўя ВКЛ, якая акрэсліваецца тут як “сенатарскія роды”. Яны ж, найчасцей, складалі ўладную эліту дзяржавы [44–51]. Варта адзначыць, што у спісе літаратуры прыведзеныя толькі найважнейшыя працы, з якіх бралася інфармацыя, неабходная для дадзенага даследавання, бо адлюстраванне ўсе публікацыі датычныя біяграфій 86 асоб і іх дзяцей у межах аднаго артыкула не ўяўлялася магчымым. У спісе літаратуры не былі адлюстраваныя шматлікія зборнікі крыніц, якія выдаваліся ў Расійскай Імперыі ў XIX – пачатку XX ст., некалькі дзесяткаў артыкулаў з “Польскага слоўніка біяграфічнага”, шыфры выкарыстаных архіўных справаў з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Мінску і Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве, асобныя артыкулы, якія ўтрымліваюць толькі адзінкавую інфармацыю. Прасапаграфічная база дадзеных са звесткамі, датычнымі ўсіх асобаў, што тут разглядаюцца, і спісам літаратуры, будзе апублікаваная асобна ў будучым.

Першым крытэрыем для аналізу будзе колькаснае прадстаўніцтва асобных родаў у складзе Сенату. Пры гэтым, пры аналізе атрыманых вынікаў у разлік трэба прымаць некалькі фактараў. Па-першае, пры падліках колькаснага прадстаўніцтва тых, ці іншых родаў неабходна ўлічваць дэмаграфічны чыннік: стаць чальцамі Сенату маглі толькі паўнагадовыя мужчынскія прадстаўнікі роду. Адпаведна, калі іх бракавала, нават самы ўплывовы род мог часова застацца без свайго прадстаўніцтва ў шэрагах уладнай эліты дзяржавы. Калі, аднак, за 40 гадоў (перыяд за які мусіла цалкам змяніцца два пакаленні) нейкае прозвішча раней магутнага роду не сустракаецца, гэта выразна мусіць сведчыць аб страце родам статусу сенатарскага, хоць памяць аб ранейшай пазіцыі ў родзе магла захоўвацца і культывавацца. Па-другое, варта браць пад увагу шчыльнасць сувязяў паміж носбітамі адной фаміліі –

аднолькавае прозвішча не заўжды азначала агульнасць інтарэсаў. Нарэшце, трэба ўлічваць, што ў ВКЛ існавала пэўная іерархія сенатарскіх урадаў і калі нейкі род збіраў у сваіх руках некалькі другасных кашталяній, гэта яшчэ не сведчыць аб яго вялікіх уплывах у дзяржаве. З іншага боку, палітычны прэстыж моцна залежаў ад асабістых якасцяў урадніка. Такім чынам, ніжэйшыя падлікі не заўжды могуць быць выкарыстаныя для ацэнкі ўплываў таго, ці іншага сенатарскага роду.

Для пачатку варта звярнуць увагу на тое, якія роды былі прадстаўленыя ў Сенаце ВКЛ у перыяд 1566–1605 гг. У сенатарскім крэсле за гэты час пабывала 86 чалавек, якія прадстаўлялі 43 роды. Толькі 13 родаў маглі пахваліцца больш чым адным прадстаўніком на вышэйшых урадах ВКЛ. Але да гэтых 13 родаў належала ажно 56 асоб (65,1%). Роды Радзівілаў, Хадкевічаў, Войнаў, Сапегаў і Пацаў далі 32 сенатары – 37,2% ад агульнай колькасці. Калі да іх дадаць яшчэ Валовічаў і Тышкевічаў, то атрымаецца, што 7 з 43 родаў далі амаль палову ад усіх асоб, прызначаных на сенатарскія ўрады у перыяд з 1566 па 1605 гг. Такім чынам, на сенатарскія ўрады ў ВКЛ рэкрутаваліся асобы, якія паходзілі з дастаткова вузкай групы роды. Канцэнтрацыя найважнейшых урадаў у дзяржаве ў руках невялікай колькасці сенатарскіх родаў у ВКЛ выяўляецца на шмат больш выразней, чым у КП [17, с. 461–470].

Безумоўна, аднак, не ўсе ўрады былі аднолькава прэстыжныя і пажаданыя праз усіх палітыкаў ВКЛ. Варта звярнуць увагу на тое, якія роды займалі найбольш значныя ў дзяржаве ўрады: ваяводства і кашталянію віленскую і троцкую, жамойцкае генеральнае староства, міністэрскія ўрады (апроч урада падскарбія) і абодва гетманствы. За перыяд 1566–1605 гг. 24 чалавекам, якія прадстаўлялі 13 родаў, пашчаслівілася атрымаць намінацыю на гэтыя ўрады. З 24 чалавек 13 належалі да родаў Радзівілаў і Хадкевічаў. Астатнія 11 родаў далі роўна па аднаму прадстаўнікі на вышэйшыя дзяржаўныя годнасці. Такім чынам, найбольш прэстыжныя і ўплывовыя пасады, фактычна, былі зарэзерваваныя за двума родамі. Намінацыі для астатніх родаў таксама не былі выпадковасцю. “Шчасліўцы” альбо належалі да ўплывовых і заможных родаў (Ян Глябовіч, Ян Кішка, Стэфан Збаражскі), альбо заслужылі іх талентам і шматгадовай працай пры вялікім князі (Астафей Валовіч, Леў Сапега, Раман Сангушка, Крыштоф Дарагастайскі, Габрыэль Война, Пётр Весялоўскі), або іх прызначэнне не парушала баланс сіл унутры краіны (Мікалай Тальваш, Павел Пац).

Далей, варта звярнуцца да таго, як змянялася дынаміка прадстаўніцтва тых, ці іншых родаў у Сенаце ВКЛ у 1566–1605 гг. Пры

гэтым неабходна адзначыць, што калі прадстаўнік аднаго роду займаў адначасова два ўрады, напрыклад ваяводства і канцлерства, то ў такім выпадку лічыцца, што ўрады займала дзве асобы аднаго роду.

Колькасць родаў прадстаўленых у Сенаце ВКЛ ва ўсіх 5 часавых зрэзах была прыблізна аднолькавая. Найбольш страката Паны Рада выглядала ў 1566 г. – было прадстаўлена 20 родаў. Найменш – у 1605 г., калі сенатарскай годнасцю маглі пахваліцца прадстаўнікі 17 фамілій. У дадатку да артыкулу прыведзены дадзеныя аб прадстаўніцтве розных родаў у Сенаце ВКЛ у пяці часавых зрэзах.

Аналіз табліцы, змешчанай у дадатку не з'яўляецца простаю задачай і, у адрозненні ад папярэдніх падлікаў, тут нельга абмежавацца толькі колькасным падыходам, беручы абавязкова пад увагу біялагічныя і дэмаграфічныя фактары. Першае, што кідаецца ў вочы – з 38 родаў толькі 5 могуць пахваліцца прысутнасцю сваіх прадстаўнікоў ва ўсіх пяці часавых зрэзах. Гэта роды Зяновічаў, Пацаў, Радзівілаў, Сапегаў і Тышкевічаў. Першым чатыром родам удалося захаваць свае пазіцыі, дзякуючы выразнай пераемнасці пакаленняў. У выпадку Тышкевічаў прадстаўніцтва ў Сенаце ВКЛ у 1586 г. перайшло да іншай галіны роду ў параўнанні з часамі Жыгімонта II Аўгуста. Добрай пераемнасцю пакаленняў на вышэйшых урадах могуць пахваліцца Хадкевічы, якія выпалі з ліку ўладнай эліты на 1580-я гг. Па вялікаму рахунку, аднак, абсалютна без перапынкаў у Сенаце ВКЛ былі прадстаўлены толькі роды Радзівілаў і Сапегаў і тое розныя іх галіны.

Дадзеныя лічбы зусім не ўказваюць на тое, што ўнутры эліт ВКЛ адбывалася пастаянная ратацыя. Прыведзеныя крыху раней падлікі, наадварот, указваюць на тое, што склад эліт быў дастаткова трывалым і на найбольш прэстыжныя, ці выгодныя ўрады прызначаліся асобы з вузкай групы сенатарскіх родаў. Гэтыя лічбы ўказваюць хутчэй на больш цікавую тэндэнцыю – з-за біялагічных і дэмаграфічных фактараў ні адзін род не мог гарантаваць сабе бесперапыннага знаходжання на найвышэйшых дзяржаўных урадах і, адпаведна, удзелу ў ажыццяўленні ўлады. І гэта незалежна ад бягучай палітыкі двара. Да дэмаграфічнага фактару адносіцца адносна позні тэрмін нараджэння дзяцей у мужчынскіх прадстаўнікоў уладнай эліты ВКЛ. Да біялагічных – невялікая сярэдняя працягласць жыцця ў ранні новы час, нават, сярод вышэйшых колаў насельніцтва. Так, ваявода віленскі, канцлер і вялікі маршалак Мікалай Радзівіл Чорны памёр у 50 гадоў, пакінуўшы сыноў ва ўзросце 16, 9, 7 і 6 гадоў [52, s. 392]. Ваявода віленскі Ян Глябовіч (пам. 1549) пакінуў сына Яна, якому было ўсяго 5 гадоў [53, с. 146–147].

Ваявода віцебскі Станіслаў Кішка (пам. 1544) пакінуў сыноў, якім не споўнілася і 10 гадоў [54; 55, s. 381–383]. Натуральна, можна адшукаць і іншыя прыклады. Мікалай Радзівіл Руды дажыў да моманту, калі абодва ягоныя сыны занялі сенатарскія ўрады [56, s. 586–587]. Аналагічна, адзін з 4 сыноў Мікалая Радзівіла Чорнага, Мікалай Крыштоф Сіротка, назіраў за пачаткам кар’еры сваіх сыноў [57, s. 310–311]. Леў Сапега, Мікалай Дарагастайскі, Павел Іванавіч Сапега і некаторыя іншыя асобы таксама змаглі ўбачыць сваіх дзяцей на высокіх пасадах [58, s. 394; 59; 60]. Але калі прыняць у разлік, што не так часта на сенатарскія ўрады прызначаліся асобы на трэцім дзясятку жыцця, зробіцца зразумелым, што цыклы дамінавання ў дзяржаўна-палітычным жыцці ВКЛ асобных сенатарскіх родаў абумоўленыя не толькі палітыкай двара, але моцна залежалі ад іншых фактараў, на якія ані двор, ані самі прадстаўнікі родаў не маглі мець уплыву.

Добрай ілюстрацыяй дадзенага тэзісу можа служыць эпізод у гісторыі сенатарскага роду Хадкевічаў. У 1579 г. памёр адзін з найуплывовейшых побач з Мікалаем Радзівілам Рудым палітыкаў ВКЛ 1560–1570-х гг. кашталян віленскі, староста генеральны жамойцкі і маршалак вялікі Ян Геранімавіч Хадкевіч. Дадзеная год традыцыйна лічыцца момантам перамогі Радзівілаў у змаганні за палітычныя ўплывы ў дзяржаве. Яна стала магчымай дзякуючы сваяцкім адносінам Радзівілаў з усёмагутным каронным канцлерам і вялікім гетманам Янам Замойскім. Больш чым на дзесяцігоддзе з-за няласкі манарха Хадкевічы выпадаюць з ліку ўладнай эліты дзяржавы [28, s. 320–321; 61; 62; 63, s. 41–45; 64]. Падобнае палітычнае тлумачэнне падзей шмат у чым стала магчымым дзякуючы памылцы Адама Нарушэвіча, які яшчэ ў XVIII ст. памылкова вызначыў гады народзінаў дзяцей Яна Хадкевіча Аляксандра і Яна Караля, якім на момант смерці бацькі, як высвятляецца, было каля 10 гадоў, а не 20, як уважаў слынным гісторык [65; 66, s. 6]. Адназначна, яны аніякім чынам не маглі прэтэндаваць на высокія ўрады ў дзяржаве пад час кіравання Стэфана Баторыя, а дамінаванне Радзівілаў у 1580–1590-я гг. у ВКЛ тлумачыцца не толькі палітычнымі, але і звычайнымі дэмаграфічнымі чыннікамі. Падобныя цыклы, асабліва ў выпадку не надта разгалінаваных родаў, можна назіраць і на прыкладах іншых фамілій. Варта зазначыць, што ў грамадстве існавалі пэўныя механізмы для іх пераадолення: адносіны роднасці і сваяцтва, інстытут апякунства, магчымасць стаць дваранінам манарха, сістэма прыдворных і тытулярных урадаў і г. д.

Матрыманияльныя стратэгіі сенатарскіх родаў як інструмент вывучэння структуры вышэйшага саслоўя ВКЛ

Параметрам для вывучэння структуры сенатарскіх родаў ВКЛ у 1566–1605 гг. стане даследаванне матрыманияльных стратэгіяў асоб, якія гэты Сенат складалі. Тэрмін “матрыманияльныя стратэгіі” увёў у навуковы зварот у 1970-я гг. знакаміты сацыёлаг П’ер Бурдзье. Ён прапанаваў разглядаць шлюбы з пункту гледжання канкрэтнай практыкі іх заключэння. Гэты падыход Бурдзье супрацьпаставіў ранейшаму, калі антрапологі, этнолагі і сацыёлагі даследавалі пераважна юрыдычныя нормы і правілы, а таксама звычаі, якія ў дадзенай супольнасці праўна рэгулявалі шлюбныя сувязі. Бурдзье прапанаваў разглядаць шлюбы як канкрэтныя практыкі па абмену матэрыяльным і сімвалічным капіталам паміж сем’ямі і родамі. Канчатковай мэтай гэтага абмену было захаванне або павелічэнне ўспадкаванага маёнтку, улады і прывілеяў [67, с. 186–308]. Пры гэтым: “У аснове матрыманияльных стратэгіяў ляжыць не разлік, не механістычны дэтэрмінізм эканамічнай неабходнасці, а дыспазіцыі, засвоеныя праз умовы існавання, пэўнага кшталту сацыяльна сканструяваны інстынкт, які схіляе перажываць як безумоўны загад абавязку або як непераадольную цягу пачуцця патрабаванні асаблівай формы эканоміі, якія паддаюцца аб’ектыўнаму разліку” [67, с. 311]. Даследаванне матрыманияльных стратэгіяў дае ў рукі даследчыку цудоўны інструмент для аналізу структуры таго, ці іншага грамадства.

Вывучаючы матрыманияльныя стратэгіі сенатараў ВКЛ, можна зрабіць высновы аб ступені адасобленасці сенатарскіх родаў, як прадэманстраваў у сваім даследаванні польскі гісторык Г. Літвін [17]. Безумоўна, сенатары ўсведамлялі сваю выключнасць, прыналежнасць да сенатарскага роду разглядалася, як вялікі гонар, што неаднаразова падкрэслівалася ў панегірыках, эпітафіях і іншых падобных творах. Гэта, аднак, не дазваляе ацаніць наколькі моцна адасобіліся роды, якія мелі прадстаўнікоў ў Сенаце ВКЛ, ад рэшты шляхецкага грамадства дзяржавы. Нярэдка Сенат і ВКЛ і КП разглядаюць як алігархічны орган улады. Але спробы акрэсліць межы гэтай алігархіі пакуль не мелі вялікага поспеху. На гэтыя межы, безумоўна, найвыразней павінны ўказваць матрыманияльныя стратэгіі сенатарскіх родаў ВКЛ. Калі прадстаўнікі гэтых родаў надзвычай рэдка заключалі шлюбы па-за сваім колам, то гэта можа ўказваць на вялікую ступені замкнёнасці гэтых родаў і ўтварэнне вялікай дыстанцыі паміж імі і сярэдняй і заможнай шляхта. Адпаведна, адкрытасць на шлюбы з родамі, якія не мелі свайго прадстаўніцтва ў Сенаце ВКЛ, можа ўказваць, што сацыяльныя межы ўнутры шляхецкага саслоўя былі

яшчэ дастаткова адкрытымі, што, адпаведна, сведчыць пра высокую сацыяльную мабільнасць унутры шляхты. Падобнае даследаванне польскага гісторыка ў дачыненні да КП прадэманстравала, што пры пэўнай тэндэнцыі да закрыцця межаў паміж заможнай шляхтай і магнатэрыяй, да 1668 г. гэты працэс яшчэ не перамог, і сенатары не ўтварылі асобнага саслоўя [17, s. 468–469]. Як справы выглядалі ў ВКЛ?

Для патрэбаў даследавання усе заключаныя сенатарамі і іх нашчадкамі шлюбы будуць падзеленыя на чатыры тыпы:

- шлюбы з прадстаўнікамі сенатарскіх родаў ВКЛ;
- шлюбы з прадстаўнікамі сярэдняй і дробнай шляхты ВКЛ;
- шлюбы з насельнікамі КП;
- шлюбы з замежнікамі.

Варта зазначыць, што вызначэнне працэнтаў шлюбаў прадстаўнікоў сенатарскіх родаў з каранямі дазволіць таксама ацаніць прагрэс працэсу інтэграцыі дзвюх частак федэратыўнай РП. Шлюбы, заключаныя з прадстаўнікамі ваяводстваў, далучаных да КП на Люблінскім сойме, да 1569 г. будуць разглядацца як шлюбы з элітай ВКЛ, пасля – з кароннай. Калі звестак адносна мужа/жонкі асобы не захавалася, яна ў разліках не прымалася. Балазе, такіх выпадкаў вельмі мала, таму яны не скажаюць агульную карціну.

На 81 сенатара ВКЛ (не ўлічваюцца 5 біскупаў-сенатараў) прыходзіцца 118 шлюбаў. Пры гэтым, у разлік прымаюцца шлюбы заключаныя як да 1566 г., так і пасля 1605 г. Толькі адзін з сенатараў, Астафей Серафім Тышкевіч (пам. 1590) у шлюб не ўступіў [48, s. 87]. З 118 шлюбаў 40 (33,9 %) прыходзіцца на шлюбы з прадстаўніцамі іншых сенатарскіх родаў ВКЛ, 37 (31,36%) – з прадстаўніцамі сярэдняй і заможнай шляхты ВКЛ, 33 (27,97%) – з прадстаўніцамі каронных родаў. З апошніх 33-х, 11 былі заключаныя з прадстаўніцамі сенатарскіх родаў Малой і Вялікай Польшчы, 14 – з прадстаўніцамі родаў, што паходзілі з землях адарваных ад ВКЛ у 1569 г. і 8 прыпадае на шлюбы з кароннай шляхтай. З астатніх 6-ці з 118 шлюбаў, 2 былі заключаныя з замежнікамі, а паходжанне 4 астатніх жонак высветліць не ўдалося. Такім чынам, 86 асобаў, якія займалі сенатарскія ўрады ў перыяд 1566–1605 гг. найчасцей уступалі ў шлюбы з прадстаўніцамі групы да якой самі належалі. Аднак шлюбы з прадстаўніцамі сярэдняй і дробнай шляхты не былі вялікай рэдкасцю, хутчэй наадварот, як дэманструюць лічбы, заключаліся амаль настолькі ж часта. Цікава, што амаль трэць усіх шлюбаў была заключаная з прадстаўніцамі каронных родаў. Зрэшты, дастаткова часта гэта былі шлюбы з родамі, якія раней былі шчыльна звязаныя з ВКЛ.

Перш чым рабіць нейкія высновы з прыведзеных лічбаў, варта, аднак, зазначыць, што шляхта ВКЛ у XVI–XVII ст. заключала шлюбны, як правіла, у другой палове трэцяга дзясятка жыцця. Так, напрыклад, сярэдні шлюбны ўзрост прадстаўнікоў роду Радзівілаў (даты жыцця і шлюбу якіх вядомыя) у пачатку XVI – першай палове XVII ст. складаў каля 26 гадоў [68]. Гэта значыць, што большасць асобаў, якія ўваходзяць у спіс 86 сенатараў, ажаніліся яшчэ да таго, як занялі ўрад, які даваў ім права на месца ў Сенаце РП. Шлюбны з прадстаўніцамі сярэдняй і заможнай шляхты ў асноўнай масе заключаліся сенатарамі, якія не ўзнімаліся вышэй за кашталянію і вельмі часта былі першымі і адзінымі прадстаўнікамі свайго роду ў Радзе ВКЛ. Так, 28 кашталянаў, якія тут разглядаюцца, заключылі 35 шлюбаў. З іх 9 прыходзяцца на шлюбны з сенатарскімі родамі ВКЛ, 22 – на прадстаўніц сярэдняй і заможнай шляхты ВКЛ і толькі 1 на каронны род; абранніцы трох кашталянаў засталіся невядомыя. На астатніх 53-х сенатараў прыходзіцца толькі 15 шлюбаў з прадстаўніцамі сярэдняй і заможнай шляхты. Ураднікі, якія займалі ніжэйшае месца ў іерархіі сенатарскіх урадаў ВКЛ, найчасцей маглі рэалізаваць свае матрыманыя амбіцыі ўжо толькі праз шлюбны сваіх дзяцей. Варта, такім чынам, звярнуцца да аналізу матрыманыя стратэгіі не толькі сенатараў, але і іх дзяцей, а таксама паспрабаваць ацаніць дынаміку зменаў гэтых стратэгіі за перыяд 1566–1605 гг.

Змены ў матрыманыя стратэгіях можна назіраць толькі са зменай пакаленняў, таму найбольш прыдатнымі кропкамі з’яўляюцца гады 1566 і 1605 гг. Варта зазначыць, што у выпадку найбольш уплывовых родаў, асабліва Радзівілаў і Хадкевічаў, варта звяртаць увагу не толькі на шлюбны непасрэдна сенатараў, але іх братоў і сёстраў, таксама дзяцей, якія незалежна ад таго дамагліся яны высокіх урадаў, ці не, з’яўляліся вышэйшай арыстакратыяй. Па-іншаму сітуацыя выглядае для тых сенатараў, якія займалі невысокія ўрады, ці былі адзінымі прадстаўнікамі свайго роду ў Сенаце ў дадзеным пакаленні, а іх прызначэнне магло быць адзнакай іх шматгадовых заслуг на карысць РП. У гэтым выпадку астатнія прадстаўнікі роду маглі заставацца на ўзроўні сярэдняй і заможнай шляхты, нярэдка нават не ўваходзячы ў лік лакальных эліт. Таму лагічным падалося намацаць залатую сярэдзіну: тут будуць разглядацца шлюбны канкрэтных прадстаўленых у Сенаце асоб і іх дзяцей.

У 1566 г., яшчэ да ўзнікнення супольнай РП, сенатары ВКЛ і іхныя дзеці выбіралі сабе шлюбнага партнёра сярод іншых літоўскіх сенатарскіх родаў у 45% (50 шлюбаў) выпадках. У 24,3% (27 шлюбаў) выпадках партнёр выбіраўся з ліку заможнай і сярэдняй шляхты, якая за

перыяд XVI – першай паловы XVII ст. не ўзнялася па-над узровень лакальных эліт. Нарэшце 30,6% шлюбаў (34) прыходзіцца на замежнікаў. З гэтых 34 шлюбаў адзін быў заключаны з выхадцамі з-за межаў РП, 13 – з прадстаўнікамі родаў, якія галоўныя ўладанні канцэнтраваліся ў ваяводствах, адарваных ад ВКЛ у 1569 г.

У 1605 г. сітуацыя выглядала наступным чынам: 46,2% (36) шлюбаў заключаны паміж літоўскімі сенатарскімі родамі, 20,5% (16) з выхадцамі з заможнай і сярэдняй шляхты, 33,3% (26) з замежнікамі. З апошніх, два шлюбы былі заключаныя з выхадцамі з-за межаў РП, 7 – з прадстаўнікамі ўсходніх ваяводстваў КП.

Можна, такім чынам, адзначыць, што асаблівай дынамікі за 40 гадоў мы не назіраем. Лічбы 1605 г. не надта адрозніваюцца ад лічбаў 1565 г. Ані Люблінская унія, ані згасанне некаторых родаў, ані канфесійны падзел не змаглі змяніць гэтыя суадносіны. Улічваючы, што абсалютная большасць шлюбаў з замежнікамі прыходзіцца на магутныя каронныя роды, можна сцвярджаць, што не менш за 65–70% шлюбаў уладнай эліты ВКЛ у дадзены перыяд заключалася ўнутры ўладнай эліты РП. Шлюбы, сенатарскіх родаў Княства мелі, такім чынам, дастаткова гамагамны характар. Гэта выразна ўказвае на тэндэнцыю да ўсталявання сур’ёзных сацыяльных бар’ераў паміж рознымі групамі ўнутры вышэйшага саслоўя ВКЛ.

Заклучэнне

Такім чынам, паводзячы вынікі, варта канстатаваць, што натуральнае развіццё інстытуту Рады ў ВКЛ у XV – сярэдзіне XVI ст. было гвалтоўна перапыненае пастановамі Люблінскага сойму, што, як уяўляецца, значна адбілася на структуры ўсяго вышэйшага саслоўя ВКЛ. Дакладнае і фармальнае вызначэнне ў 1569 г. канкрэтных ураднікаў Княства, якія належалі да Сенату РП, вяло да таго, што значная колькасць былога “палітычнага народу” аказалася выключанай з ліку палітычных эліт дзяржавы. Гэта, у сваю чаргу, дазваляла зусім невялікай колькасць сенатарскіх родаў канцэнтраваць у сваіх руках матэрыяльны і сімвалічны капітал. Аб адасабленні ад рэшты шляхецкага грамадства сенатарскіх родаў ВКЛ выразна сведчыць даследаванне іх складу і структуры.

Аналіз складу сенатарскіх родаў ВКЛ у 1566–1605 гг. дазваляе казаць аб вялікай канцэнтрацыі асобных родаў на вышэйшых дзяржаўных урадах. Вельмі абмежаванай колькасці фамілій за 40 гадоў удалося займець сваіх прадстаўнікоў на 27 найважнейшых пасадах. Колькасць родаў і асоб, якія можна залічыць у шэрагі ўладнай эліты ВКЛ, такім чынам, была вельмі абмежаваная. Акрамя таго, даследаванне дынамікі зменаў прадстаўніцтва асобных родаў у Сенаце РП дазваляе зрабіць цікавую

виснову, датычную функцыянавання ўлады ў ВКЛ. З-за біялагічных і дэмаграфічных фактараў непазбежнай з'яўлялася пэўная цыклічнасць гэтага прадстаўніцтва што нярэдка было адным з найважнейшых фактараў унутрыпалітычнага жыцця дзяржавы.

Вывучэнне матрыманіяльных стратэгий літоўскіх сенатараў указвае на высокую ступень замкнёнасці родаў, якія ўтваралі Сенат, ад пранікнення прадстаўнікоў менш заможных і ўплывовых родаў. Адсутнасць фармальнага межаў унутры вышэйшага стану ВКЛ не выключала магчымасці для прадстаўнікоў лакальнай эліты трапіць у лік эліты ўладнай. Аднак нефармальныя патрабаванні да паходжання, маёмаснага і сімвалічнага статусу, якія высоўваліся да кандыдата ў сенатары, строгія матрыманіяльныя імператывы, што да родавай прыналежнасці і маёнтку іх абранніка/абранніцы пры шлюбе, значна запавольвалі працэс ратацыі эліт. Найчасцей роды ў шэрагах уладных эліт змяняліся ў выніку фізічнага выгасання тых, ці іншых фамілій. Безумоўна, усё гэта дазваляе ацаніць Сенат ВКЛ як інстытут алігархічнай улады. Акрамя таго, варта канстатаваць, што для сенатарскіх родаў ВКЛ матрыманіяльны рынак КП выглядаў дастаткова перспектыўным: шлюбы з прадстаўнікамі каронных эліт не з'яўляліся вялікай рэдкасцю. Далейшае даследаванне складу і структуры сенатарскіх родаў ВКЛ дазволіць лепш зразумець дзяржаўны лад краіны, структуру грамадства, механізмы ўлады і прычыны тых загананых палітычных практык, якія здамінавалі ўнутрыпалітычнае жыццё РП ужо ў другой палове XVII ст.

Спіс літаратуры

1. Довнар-Запольский, М. В. Спорные вопросы по истории литовско-русского сейма / М. В. Довнар-Запольский // Журнал Министерства народного просвещения. – сентябрь 1901. – Часть СССXXXVII. – С. 454–498.
2. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – Москва: Университетская тип., 1900. – 1160 с.
3. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков, 1902. – 205 с.
4. Малиновский, И. А. Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России / И. А. Малиновский. – Ч. 2. Вып. 2. – Томск: Типолитография Сибирск. т-ва печатного дела, 1912. – VII, XVIII, 492, XXXV с.
5. Пятраўскас, Р. Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст. Склад – структура – улада / Р. Пятраўскас. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.
6. Czermak, W. Parlamentaryzm litewski przed unią lubelską / W. Czermak // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie r. 1901. – 1902. – nr 8. – S. 10–16.

7. Halecki, O. Dzieje unii jagiellońskiej / O. Halecki. – 2 t. – Kraków, 1919–1920.
8. Halecki, O. O początkach parlamentaryzmu litewskiego / O. Halecki // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umijętności w Krakowie. – T. 20. – Nr 8. – Sierpień – wrzesień – październik, 1915. – S. 22–27.
9. Korczak, L. Litewska rada wilkokiążęca w XV wieku / L. Korczak. – Kraków: nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1998. – 119, [1] s.
10. Korczak, L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewski w okresie wczesnojagiellońskim. / L. Korczak. – Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2008. – 207 s.
11. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka / K. Pietkiewicz. – Warszawa: Napoleon V, 2014. – 342 s.
12. Грыцкевіч, А. Дзяржаўны і палітычны лад / А. Грыцкевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2007. – С. 40–51.
13. Грыцкевіч, А. Магнаты / А. Грыцкевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2007. – С. 255.
14. Грыцкевіч, А. Шляхта / А. Грыцкевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2007. – С. 72–75.
15. Kieniewicz, L. Senat za Stefana Batorego / L. Kieniewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2000. – 328 s.
16. Скеп’ян, Н. Да пытання фармавання магнацкага саслоўя ВКЛ у XV – першай палове XVI ст. / Н. Скеп’ян // АРСНЕ. – 6–2015. – С. 26–40.
17. Litwin, H. Magnateria polska 1454–1648. Kształtowanie się stanu / H. Litwin // Przegląd Historyczny. – 1983 – T. LXXIV. Z. 3. – S. 451–470.
18. Maćzak, A. Klientela. Nieformalne systemy władzy w Polsce i Europie XVI–XVIII w. / A. Maćzak. – Warszawa: Semper, 1992. – 358 s.
19. Tereškinas, A. Imperfect communities. Identity, discourse and nation in the seventeenth-century Grand Duchy of Lithuania / A. Tereškinas. – Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2005. – 358 s.
20. Доўнар-Запольскі, М. В. Сацыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI–XVIII стагоддзях / М. В. Доўнар-Запольскі // Гістарычна-археалёгічны зборнік. – 1927. – № 1. – С. 1–66.
21. Грицкевич, А. П. Распределение магнатских и шляхетских владений в Белоруссии по их величине и этнической принадлежности владельцев (XVI в.) / А. П. Грицкевич // Вопросы истории: межвед. сб. – 1978. – С. 94–105.
22. Менжинский, В. С. Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском (По материалам Переписи войска 1528 г.) / В. С. Менжинский // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 164–178.
23. Czapliński, W., Długosz, J. Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII wieku. / W. Czapliński, J. Długosz. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1976. – 264 s.

24. Dworzaczek, W. Uwagi o genezie magnaterii / W. Dworzaczek // *Magnateria Polska jako warstwa społeczna*. – Toruń, 1974. – S. 3–8.
25. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Warszawa: Neriton, 2001. – 143 s.
26. Volumina Constitutionem. Tom II. 1550–1609. Volumen 1. 1550–1585 // Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. – Warszawa: Wydawnictwo sejmowe, 2005. – 516 s.
27. Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 // Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętność, 1932. – 571 s.
28. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588 / H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, 2002. – 457 s.
29. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. I: Okresy bezkrólewí / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, 2006. – 432 s.
30. Lulewicz, H. Skład wyznaniowy senatorów świeckich Wielkiego Księstwa Litewskiego za panowania Wazów / H. Lulewicz // *Przegląd Historyczny*. – T. LXVIII. Zesz. 3. – S. 425–445.
31. Konopczyński, W. Dzieje Polski Nowożytnej / W. Konopczyński. – Warszawa, 2003. – 795 s.
32. Łabędź, P. Konflikt Krzysztofa Radziwiłła “Pioruna” z Zygmuntem III Wazą a działania wojenne w Inflantach w latach 1600–1602 / P. Łabędź // *KLIO. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*. – 2012. – T. 20 – S. 111–140.
33. Лабэндзь, П. Крыштаф Радзівіл Пярун – першы сенатар Вялікага Княства Літоўскага / П. Лабэндзь // *ARCHE. Пачатак*. – 6–2015. – С. 46–73.
34. Żojdź, K. Klientela hetmana wielkiego litewskiego Jana Karola Chodkiewicza i jej losy po śmierci patrona / K. Żojdź // *Przegląd Historyczny*. – 2015. – T. CVI, Zesz. 1. – S. 31–68.
35. Sokołowski, W. Radziwiłłowie wobec rokoszu sandomierskiego (1606–1608) / W. Sokołowski // *Miscellanea historico-archivistic*. – T 3: Radziwiłłowie XVI–XVIII wieku. – 1989. – S. 67–83.
36. Lepszy, K. Dorohostajski Krzysztof Mikołaj z przydomkiem Moniwid, h. Leliwa (1562–1615) / K. Lepszy // *Polski Słownik Biograficzny*. – Kraków, 1939–1946. – S. 331–333.
37. Wisner, H. Zygmunt III Waza / H. Wisner. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 2006 – 295 s.
38. Szpaczyński, P. P. Mocarstwowe dążenia Zygmunta III w latach 1587–1618 / P. P. Szpaczyński. – Kraków: Universitas, 2013. – 414 s.
39. Stone, L. Prosopography / L. Stone // *Daedalus*. – 1971. – Volume 100 № 1. – P. 46–79.
40. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / А. Рахуба. – Мінск: Медысонт, 2008. – 424 с.
41. Ryżewski, G. Ród Chreptowiczów herbu Odrowąż. Dobra i kariery Chreptowiczów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV–XVIII w. / G. Ryżewski. – Kraków: AVALON, 2006. – 352 s.

42. Радаман, А. Сенат / А. Радаман // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2007. – С. 563–566.
43. Suchocki, J. Formowanie się i skład narodu politycznego w Wielkim Księstwie Litewskim późnego średniowiecza / J. Suchocki // Zapiski historyczne. – 1983. – Т. 48, zesz. 1/2. – S. 31–78.
44. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. – Kórnik: Biblioteka kórnicka, 1994 – 255 s.
45. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. – Т. I: Województwo wileńskie. XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa: DiG, 2004. – 764 s.
46. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. – Т. II: Województwo trockie XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa: DiG, 2009. – 687 s.
47. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. – Т. III: Księstwo żmudzkie XV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa: DiG, 2015. – 370 s.
48. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. – Т. IV. Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. – Warszawa: DiG, 2003. – 215 s.
49. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków: w drukarni Wł. L. Anczyca i spółki, 1885. – 354 s.
50. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy do końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: drukiem J. Filipowicza, 1895. – 698 s.
51. Рыбчонак, С. Паходжанне і радавод Валовічаў XV – пачатку XVII ст. / С. Рыбчонак // *Unus pro omnibus* : Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст. / Склад. А. М. Янушкевіч; навук. рэд. А. І. Шаланда. – Мінск: Медысонт, 2014. – С. 15–107.
52. Jasnowski, J. Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński / J. Jasnowski. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa naukowego warszawskiego z zasiłku ministerstwa W. R. I O. P., 1939. – 447 s.
53. Кэмп, Т. Ян Янавіч Глябовіч – непакорны магнат другой паловы XVI стагоддзя / Т. Кэмп // *ARCHE* Пачатак. – чэрвень 2014. – № 6: Магнатэрыя Вялікага Княства Літоўскага. – С. 145–188.
54. Tazbir, J. Kiszka Jan h. Dąbrowa (zm. 1592) / J. Tazbir // *PSB*. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966–1967. – Т. XII. – S. 507–508.
55. Zawadzki, J. Anna z Radziwiłłów Kiszczyna, 2 v Sadowska – burzliwe losy dziedziczki fortuny / J. Zawadzki // *Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*. – Białystok, 2003. – S. 381–392.
56. Ferenc, M. Mikołaj Radziwiłł “Rudy” (ok. 1515–1584). Działalność polityczna i wojskowa / M. Ferenc. – Kraków, 2008. – 671 s.
57. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka (1549–1616). Wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa: Semper, 2000. – 381 s.

58. Czwołek, A. Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. – 734 s.

59. Mienicki, R. Dorohostajski M. (1597) / R. Mienicki // Polski Słownik Biograficzny. – Kraków, 1939–1946. – T. V. – S. 333–335.

60. Lulewicz, H Sapieha (Sopieha) Paweł na Kodniu h. Lis (zm. 1579) / Lulewicz H. // Polski Słownik Biograficzny. – Warszawa-Kraków, 1994. – T. XXXV/1. Zeszyt 144. – S. 128–131.

61. Dobrowolska, W. Chodkiewicz Jan Karol, h. Gryf z mieczem (1560–1621) / W. Dobrowolska // PSB. – Kraków, 1937. – T. III. – S. 363–367.

62. Kempa, T. Rywalizacja Radziwiłłów i Chodkiewiczów o pierwsze miejsce w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 60 i 70 XVI wieku / T. Kempa // History, Culture and Language of Lithuania. – Poznań, 2000. – S. 195–219.

63. Podhorodecki, L. Dzieje rodu Chodkiewiczów / L. Podhorodecki. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen, 1997. – 212 s.

64. Michalak, H. Jan Zamoyski a Radziwiłłowie. Od suplikanta do mentora / H. Michalak // Miscellanea historico-archivistica. – Warszawa, 1989. – T. 3: Radziwiłłowie XVI–XVIII wieku. – S. 217–233.

65. Chachaj, M. O dacie urodzenia i o edukacji hetmana Jana Karola Chodkiewicza / M. Chachaj // Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wieku). – Warszawa, 2014. – S. 49–58.

66. Naruszewicz, A. Żywot Chodkiewicza wojewody wileńskiego, hetmana wielkiego W. Ks. Lit. T. I / A. Naruszewicz. – Kraków, 1858. – 268 s.

67. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые; Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. – 562 с.

68. Ганчарэнка, С. Шлюбныя стратэгіі ў родзе Радзівілаў у канцы XV – першай палове XVII стст. / С. Ганчарэнка // Acta anniversaria (у друку).

Дадатак

Колькаснае прадстаўніцтва родаў ВКЛ у Сенаце ВКЛ/РП

№	Род	1566	1572	1586	1594	1605
1	Абрамовічы				1	
2	Агрыпы			1	1	
3	Валмінскія			1	1	
4	Валовічы	3	4	2		1
5	Весялоўскія					1
6	Войны				3	3
7	Гайкі	1	1			
8	Галоўчынскія					2
9	Гарнастаі	1	1	1		
10	Гедройцы			1	1	1

№	Род	1566	1572	1586	1594	1605
11	Глябовічы		1	1		
12	Давойны	1	1			
13	Дарагастайскія			1	1	2
14	Завішы					1
15	Збаражскія	1	1			
16	Зяновічы	1	1	1	2	2
17	Кішкі			1		
18	Кміты			1		
19	Корсакі					1
20	Мялешкі					1
21	Нарушэвічы	1	1	1	1	
22	Осцікі	1	1			
23	Палубінскія			1	1	1
24	Пацы	2	3	2	1	1
25	Пратасевічы	1	1			
26	Пронскія				1	
27	Пяткевічы	1	1			
28	Радзівілы	2	4	6	4	2
29	Сакалінскія					1
30	Саламярэцкія	1	1			
31	Сапегі	1	1	3	3	3
32	Сноўскія			1		
33	Тальвашы	1	1	1	1	
34	Трызны	1				
35	Тышкевічы	2	1	1	1	1
36	Хадкевічы	5	2		2	4
37	Халецкія				1	
38	Шэметы	1			1	

ÈÑÒÎ ×Í ÈÊÈ

Евстратьев О. И.

**«ОБЕЩАЕМ ЕХАТЬ В НОРВЕГИЮ»:
СВЕДЕНИЯ ОДНОГО ТРУДОВОГО КОНТРАКТА
О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
«РУСАКОВ» В XVII В.**

«Колониальные мечты» белорусов

В отечественной историографии устоялось представление о весьма низкой территориальной мобильности «белорусских» крестьян в условиях традиционного аграрного общества раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). Даже в XIX в., после отмены крепостного права в Российской империи, «сяляне выпраўляліся з роднай вёскі на аддаленыя заробкі без асаблівага жадання. Праваслаўны святар з Гродзенскай губерні Канстанцін Макавельскі так пісаў у 1866 г. пра стаўленне да адыходніцтва на заробкі сярод мясцовых сялян: “Наш Белорус домосед, пускатся на дальние заработки он не большой охотник. Редкие крестьяне нанимаются в летнее время в другой уезд. В прошлом году смельчаки из них ходили на работу в Новогеоргиевск (крепость в Царстве Польском), и им казалось, что они удаляются от своей родины несколько не ближе, как в тридесятое государство”» [цит. по: 22, с. 121 – авторская орфография и пунктуация сохранены]. Однако, как и практически в любом социальном явлении, в данном случае обнаруживаются отклонения от нормы, демонстрирующие крайние пределы географической подвижности «белорусских» земледельцев в рассматриваемую эпоху. В Латвийском государственном историческом архиве (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*) в Риге, в фонде 554 «Курляндский герцогский архив» (*Kurzemes hercogu arhīvs*), хранится документ, содержащий сведения об одной из таких «девиаций».

Прежде чем приступить к анализу этого источника, необходимо очертить его исторический бэкграунд. Нам довелось ознакомиться с данным документом в сентябре 2016 г. в ходе подготовки кандидатской диссертации по теме «Колониальная политика герцогства Курляндия и Семигалия в XVII–XVIII вв.». Курляндское герцогство на всем протяжении своего существования в 1561–1795 гг. находилось в состоянии вассальной зависимости от правителей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Данное обстоятельство легло в основу историографических претензий некоторых польских публицистов на бывшие колонии

курляндских герцогов Якоба (годы правления 1642–1681) и Фридриха Казимира (годы правления 1682–1698) из династии Кеттлеров, чьи заокеанские владения во второй половине XVII в. находились на острове Тобаго в Карибском море и в устье реки Гамбия в Западной Африке. Их мнение на этот счет сводится к тому, что «кроме Польши от моря до моря, существовала также и такая, которая распространялась за океан», поскольку «все территории, которыми обогащались вассалы Речи Посполитой, также оказывались и под ее властью» [39; подробнее см.: 10, с. 46–47]. В последнее время к «борьбе» за курляндское «колониальное наследство» присоединилась также белорусская популярная пресса. В январе 2014 г. в газете «Аргументы и факты в Беларуси» была опубликована статья Александра Погорелого с говорящим названием «С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии» [15]. Автор с самого начала заявляет, что «пусть и недолго, но у нас тоже были свои колонии в Южной Америке и Африке», объясняя этот «необычный косвенный [для белорусов. – *О. Е.*] опыт колониальной экспансии» вассальным статусом Курляндского герцогства в отношении историографических предков современной Беларуси – Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. При этом он признает, что «у нас нет сведений, были ли среди колонистов литвины». Кроме того, в марте 2017 г. в рубрике «Кругозор» интернет-портала TUT.BY появилась статья Павла Добровольского под заголовком «В Африке и Америке. Какими заморскими колониями владела Речь Посполитая и кто их отобрал» [8]. Утверждая, что «Якоб фон Кетлер – герцог *входившей в Речь Посполитую Курляндии* [выделено нами. – *О. Е.*] – [...] владел двумя заморскими колониями в Западной Африке и Южной Америке и был в шаге от экспедиции в Австралию», автор намекает на причастность польско-литовского государства к заокеанским предприятиям своего предприимчивого вассала. Разумеется, эти очерки носят развлекательный характер и не претендуют на историческую достоверность. Тем не менее, сам факт обращения к заокеанской экспансии Курляндского герцогства как «славной странице» белорусской истории свидетельствует о возможности формирования колониального мифа в отечественном публично-историческом пространстве.

В этой связи одной из задач нашего диссертационного исследования стало выяснение того, существуют ли документальные подтверждения участия выходцев из белорусских земель в экспедициях либо же в заселении курляндских колоний на острове Тобаго и в устье реки Гамбия. Их обнаружение дало бы более надежные основания для проведения

связей между нашими историографическими предками и заокеанскими владениями курляндских герцогов, нежели состояние вассальной зависимости последних от правителей Речи Посполитой. Однако соответствующих упоминаний в источниках нам найти не удалось. В Курляндии, которая находилась вдали от морских коммуникаций, соединявших европейские метрополии с их колониями, и которая, по замечанию прибалтийско-немецкого историка Хьюго Зевига, «сама являлась объектом колонизации» [41, с. 2], отсутствовали необходимые для осуществления колониальных экспедиций специалисты. Герцогам Якобу и Фридриху Казимиру приходилось нанимать опытных матросов, солдат, колонистов, а также искать финансовую поддержку у купцов за рубежом, особенно в Нидерландах и Англии, а также в странах и городах балтийского побережья: Дании, Норвегии, Швеции, Бремене, Гамбурге, Данциге и Кёнигсберге. В силу этого среди участников заокеанских плаваний в курляндские колонии упоминаются английские, датские, немецкие, нидерландские и шведские имена и фамилии [см., например: 36, лл. 2, 21об–30, 32об, 44–45об, 47об–49, 50–50об, 53–57, 90об–92, 93–94, 104–106, 110–111об, 117–118, 122–122об, 125об–130, 136об, 175–175об; 38, с. 455]. Ни о каких латышах (как ни хотелось бы того некоторым латышским историкам [см., например: 23, с. 7, 114; 24, с. 4; 25, с. 89–90; 26, с. 77; 27, с. 17; 34, с. 37]), а тем более о славянах, речи не идет.

Северная колония курляндских герцогов

В то же время подавляющее большинство публицистов и даже многие историки, занимавшиеся рассматриваемой проблематикой, упускали из виду, что помимо заокеанских колоний курляндские герцоги имели не столь отдаленные владения, а именно гавань на острове Флеккерёй (норв. *Flekkerøy*) в проливе Скагеррак и железные рудники в Эйдсволле (норв. *Eidsvoll*; в источниках и литературе упоминается также как *Ertzwold*, *Etzwold*, *Edswold*, *Eldeßwordt* и *Eldesvorth* [32, № 21, с. 164; 38, с. 607–608, 1003]) в юго-восточной части Норвегии.

Концессию на использование гавани на острове Флеккерёй герцог Якоб приобрел у датского короля Фредерика III (годы правления 1648–1670) в 1651 г. (Норвегия в те времена принадлежала королям Дании), на заре своей заокеанской экспансии, по двум причинам [30, с. 154; 38, с. 28, 120–121]:

1. Ему нужен был безопасный опорный пункт на пути в Атлантический океан, где его корабли могли бы останавливаться для отдыха, набора экипажей и пополнения припасов, а также находить укрытие от непогоды и военных столкновений; Флеккерёй подходил для этих целей:

в 1635 г. датский король Кристиан IV (годы правления 1588–1648), отец упомянутого Фредерика III, соорудил на этом острове форт, названный в его честь Кристиансё (норв. *Christiansø festning*).

2. Арендованная у Дании гавань должна была стать отправной точкой для рыболовецких и китобойных экспедиций курляндского герцога.

Прибалтийско-немецкий историк Отто Хайнц Маттисен в своей работе, посвященной истории курляндского колониализма, подчеркивал, что Флеккерёй не соответствовал потребностям герцога в долгосрочной перспективе. Этот бесплодный, малонаселенный и каменистый остров, чья гавань была мала, но хорошо защищена от штормов, находился слишком далеко от Копенгагена, где герцог Якоб вербовал моряков и солдат для своих колониальных экспедиций. Кроме того, он был довольно сильно удален от Атлантического океана, в связи с чем герцог Якоб хотел позднее перенести свою океанскую станцию на Шетландские острова на северо-востоке Шотландии или в Берген на западном побережье Норвегии [38, с. 121, 627, 904].

Несмотря на эти недостатки, на всем протяжении активного этапа колониальной политики Курляндского герцогства в 1651–1660 гг., и даже позднее, корабли герцога, направлявшиеся в Гамбию и на Тобаго, регулярно останавливались в гавани на Флеккерёй [38, с. 121, 128, 237, 242–243, 245–246, 311, 462, 573]. В 1655 г. оттуда начались интенсивные плавания на ловлю сельди и китобойные промыслы [38, с. 382]. Однако постепенно название этого острова исчезает из курляндских источников. Права герцогского дома на него в открытой форме выражены лишь в завещании Якоба Кеттлера, подписанном 31 мая 1677 г. (здесь и далее точные даты без скобок указаны по григорианскому календарю – в том виде, в каком они приведены в первоисточнике). Предприимчивый герцог передавал этот остров, к тому моменту уже фактически не использовавшийся им, вместе с другими привилегиями от датского короля (кроме концессии на остров Флеккерёй это были права на торговлю с Исландией и железные рудники в Эйдсволле) в наследство своему сыну Александру (1658–1686) [29, с. 413; 38, с. 786]. После этого Флеккерёй был совершенно забыт и покинут курляндцами.

Более эффективно герцог Якоб распорядился другим своим приобретением в Норвегии. Железными рудниками в Эйдсволле курляндский правитель обзавелся в ходе восстановления хозяйственного благополучия своего герцогства, разоренного в годы шведской оккупации 1658–1660 гг. Будучи убежденным сторонником экономической идеологии меркантилизма, он стремился максимально сократить импорт ре-

сурсов для своей промышленности из-за рубежа. Железо, необходимое для функционирования мануфактур, строительства флота, производства оружия и другой продукции, а также для обмена на африканские товары (в те времена брусковое железо использовалось в качестве «валюты» для обмена с африканцами [38, с. 28]), герцог Якоб пытался сначала добывать в Курляндии. Однако местная болотная руда оказалась непригодной для промышленных целей, в связи с чем ему приходилось жертвовать своими меркантилистскими амбициями и закупать дорогостоящее железо в Швеции [30, с. 138; 32, № 21, с. 164; 38, с. 28].

Решение этой проблемы было найдено 12 (22) июля 1662 г. (здесь и далее в точных датах со скобками сначала приводится дата по юлианскому календарю, как она указана в первоисточнике, а в скобках – соответствующая ей дата по григорианскому календарю), когда копенгагенский фактор курляндского правителя Фридрих Пёппинг (*Friedrich Pöpping*) получил от датского короля Фредерика III согласие на предоставление герцогу Якобу концессии на железные рудники в Норвегии [38, с. 607–608]. В этом документе отдельно оговаривалось также право герцога на строительство кораблей на острове Флеккерёй или в герцогстве Гольштейн, принадлежавших королю Дании, и то обстоятельство, что рудники в Эйдсволле передавались в пользование курляндскому правителю в качестве компенсации за потопленный датчанами в 1659 г. фрегат «*Die Grosse Chur*», арендованный ими у герцога Якоба. Кроме того, в 1666 г. герцог Якоб получил от датского короля имение с крестьянами неподалеку от Эйдсволла в качестве залога за этот корабль, соответствовавший сумме в 4900 рейхсталеров [29, с. 410; 35, с. 276].

25 мая (4 июня) 1663 г. Фредерик III подготовил приказ для генерал-губернатора Норвегии Ивера Краббе (*Iver Krabbe*) и директора горной промышленности (*Oberberghauptmann*) Брострупа Гедде (*Brostrup Gedde*) о передаче посланнику курляндского правителя в Копенгагене Нильсу Андерсену (*Niels Andersen*) железных рудников, двух молотковых мельниц и трех плавильных печей, количество которых, судя по всему, впоследствии увеличилось до четырех [29, с. 407, 417], в деревнях Эйдсволл (совр. поселок Эйдсволл Варьк (норв. *Eidsvoll Verk*), который был основан на реке Андельва еще в 1624 г. королем Кристианом IV с целью добычи и обработки железной руды), Вик (норв. *Viik*) и Юлсруд (норв. *Julsrud*), находившихся на территории современной коммуны Эйдсволл (норв. *Eidsvoll*; в дальнейшем для упрощения повествования мы будем объединять все предприятия курляндских герцогов по добыче и обработке железа в Норвегии под названием Эйдсволл) в округе Акерсхус

в Восточной Норвегии немногим севернее Осло между озерами Мьёса (норв. *Mjøsa*) и Хурдал (норв. *Hurdalssjøen*). В тот же день Фредерик III дал распоряжение коменданту Гансу Юлю (*Hans Juel*) предоставить курляндскому посланнику удобное и безопасное место для сооружения склада на острове Флеккерёй: герцог Якоб заранее позаботился о создании инфраструктуры, необходимой для экспорта продукции его железных рудников в Норвегии [29, с. 404–405; 32, № 21, с. 164–165]. Спустя год, 13 (23) мая 1664 г., датский король выдал герцогу Якобу привилегию на поиск серебра, меди, железа, свинца и других металлов в Норвегии, а также на сооружение необходимых для их добычи и обработки строений и устройств [29, с. 405; 30, с. 138; 45, № 194, с. 234–235]. 4 (14) июля 1664 г. железные рудники и предприятия в Эйдсволле, Вике и Юлсруде были, наконец, непосредственно вручены уполномоченному герцога Нильсу Андерсену [29, с. 405; 32, № 21, с. 165].

Условия, на которых герцог Якоб получил концессию на рудники в Норвегии, специально оговариваются в привилегии Фредерика III от 6 (16) мая 1669 г. [подробный анализ этого документа см.: 25, с. 134–136; 29, с. 405–409]. Курляндскому правителю предоставлялось право добывать железную, медную и свинцовую руду в пределах четырех миль от старых шахт в Эйдсволле бесплатно в течение нескольких лет, по прошествии которых он должен был выплачивать в Христианию (совр. Осло) ежегодную десятину за пользование рудниками, молотковыми мельницами и плавильными печами в размере одной орты (1/4 талера) за каждый берковец (170 или 194,5 кг) произведенного там чугуна или ковкого железа [29, с. 408, 412], а также соответствующую таможенную пошлину за вывоз продукции этих рудников. Для герцога Якоба создавались все условия для налаживания работы шахт и сопутствующих предприятий: он мог использовать древесину, являвшуюся в то время крайне ценным ресурсом, жизненно необходимым для добычи и обработки металлов, из королевских и частных лесов, окружавших Эйдсволл; ему позволялось пользоваться простаивавшими кузнями, лесопилками, мельницами и плавильными печами, находившимися в отведенной ему области, а также реками и озерами, строить плотины и водяные колеса; он мог беспошлинно ввозить и продавать на рудниках товары, необходимые для удовлетворения потребностей работников шахт и функционирования предприятий. Взамен герцог Якоб должен был обеспечить эффективную эксплуатацию рудников в течение 9 месяцев в году, что, по замечанию латышского историка Эдгарса Дунсдорфса, было совершенно невозможно: даже куда более совершенные в техническом плане

шахты по добыче железа в Швеции в те времена работали в среднем от 34 до 86 суток в год. Очевидно, датский король, устанавливая столь преувеличенный срок, заботился о повышении своих доходов от некогда простаивавших рудников в Эйдсволле [29, с. 405, 407, 409].

Герцог Якоб приступил к их активной эксплуатации не раньше 1665 г. [29, с. 411]. Время, прошедшее с момента приобретения им рудников, ушло на подготовительные работы: строительство необходимых зданий, приведение в порядок плавильных печей, молотковых мельниц и т. п. Предприятия курляндского герцога по добыче и обработке железа в Эйдсволле работали лишь до 1681 г. После смерти предприимчивого Якоба Кеттлера его сын и преемник Фридрих Казимир в 1688 г. окончательно возвратил их датской короне в качестве возмещения долгов [25, с. 171–173; 29, с. 413–416]. Но уже при герцоге Якобе эти рудники работали с перебоями: в общей сложности они эксплуатировались лишь около 14 лет из 25, в течение которых действовала концессия. Десятина королю Дании выплачивалась неаккуратно, в связи с чем в 1671 г. датской стороной было решено принять ее в натуральной форме – установленным количеством продукции из чугуна (гранатами, пулями, пушками, ядрами и т. п.). Полное отсутствие прибыли на рудниках обнаружилось и в 1673 г., что датский государственный служащий Кристиан Гъедде (*Christian Gjedde*) объяснял тем, что управление шахтами велось из рук вон плохо, а их администрация тратила на свои личные нужды денег больше, чем на потребности предприятий [29, с. 412, 417; 32, № 22, с. 170]. К 1687 г. задолженность концессионера составила 4 тысячи рейхсталеров [29, с. 415].

Эффективность курляндских предприятий в Эйдсволле была невысокой. По требованию руководства датской горной промышленности, желавшей рассчитаться с герцогским домом по их задолженности, в самом начале 1683 г. был подготовлен отчет о производительности рудников за последние три года жизни герцога Якоба, который показал, что в 1679 г. там было добыто 50 берковцев чугуна и 150 берковцев ковкого железа, в 1680 г. – 40 берковцев чугуна и 100 берковцев ковкого железа, в 1681 г. – 110 берковцев чугуна и 150 берковцев ковкого железа. В общей сложности – 600 берковцев, т. е. немногим более 100 тонн железа за три года, притом, что в следующем столетии одна лишь плавильная печь в шведской провинции Верmland производила 101 тонну железа в год [29, с. 412, 417; 32, № 21, с. 164, № 22, с. 171].

В 1667–1681 гг. железо из эйдсволлских рудников регулярно, но не в полном объеме, доставлялось в Курляндию. Согласно спискам кораблей,

прошедших через Зундский пролив (совр. Эресунн) в восточном направлении, в 1667 г. в Курляндию было ввезено 218,7 берковцев железа и железных изделий, произведенных в первые два года функционирования шахт герцога Якоба в Норвегии, в 1668 г. – 47 берковцев, в 1670 г. – 80 берковцев, в 1673 г. – 2 берковца, в 1674 г. – 120 берковцев, в 1675 г. – 6 берковцев, в 1678 г. – 71 берковец, в 1680 г. – 35 берковцев и в 1681 г. – 60 берковцев. В то же время морское сообщение между Курляндией и Норвегией после приобретения герцогом Якобом рудников в Эйдсволле возросло с 9 кораблей до 22. Однако, как можно заметить, за рассмотренный период 1679–1681 гг. в Курляндское герцогство было ввезено лишь около четверти произведенной за эти годы железной продукции. Таким образом, рудники не удовлетворяли потребностей герцога Якоба в железе [29, с. 411–412, 417; см. также таблицы о проходе кораблей через Зундский пролив: 30, с. 138, 157, прил. III и V].

В контексте настоящего очерка больший интерес, нежели правовая и экономическая характеристика курляндских владений в Норвегии, представляет выяснение этнического состава их населения. В соответствии с упоминавшейся выше привилегией 1669 г., норвежские работники, занятые на рудниках герцога Якоба, освобождались от различных повинностей в пользу датской короны, за исключением налогов и военной повинности. В свою очередь, подданные курляндского правителя, проживавшие в Эйдсволле, подчинялись юрисдикции королевского управляющего горной промышленности, но через посредничество герцогского уполномоченного. Герцог Якоб обязан был оплачивать труд и проживание всех подданных и крестьян датского короля, которые жили и работали на его рудниках в Норвегии, за исключением должностных лиц правителя Дании – те не имели права обеспечивать себя за счет доходов с герцогских шахт. Однако местные жители крайне неохотно трудились на копях и литейном производстве, к тому же их услуги обходились дороже, чем рабочая сила курляндских крестьян и ремесленников [29, с. 408; 32, № 21, с. 165].

В этой связи герцог Якоб в 1664 г. заключил договоры на работу в Норвегии с мастерами из Митава (совр. Елгава, бывшая столица Курляндского герцогства): кузнецом Питто Драком (*Pitto Drack*), плотником Генрихом Персо (*Hinrich Perso*) и отцом последнего Яном (*Jaan Perso*). Они должны были построить в Эйдсволле здания, необходимые для добычи и обработки железа, а также привести в действие плавильные печи и молотковые мельницы, за что им причиталась зарплата в размере 100 рейхсталеров в год [29, с. 410]. Помимо специалистов, которые были

преимущественно курляндскими немцами, на герцогских рудниках в Норвегии работали подсобные рабочие из числа рядовых латышских крестьян, которых, по всей вероятности, мог туда доставить первый управляющий владениями Якоба в Эйдсволле Франц Вильгельм Фёлькерзам (*Franz Wilhelm Fölkersam*), представитель знатного курляндского рода. Кроме того, 6 октября 1665 г. на один год «на службу для курляндских людей на герцогских железных рудниках в Норвегии» был назначен пастор Иоганн Раутенберг (*Johannes Rautenberg*), ранее служивший в часовне Митавского замка, опять же за жалование в размере 100 рейхсталеров в год [29, с. 410, 412; 32, № 21, с. 166; 42, с. 59, пункт b]. По сообщению занимавшего в конце XVIII в. пост пастора в Эйдсволлском приходе профессора К. М. Легангера (*K. M. Leganger*), опубликованном в 1792–1793 гг., на курляндские рудники было доставлено более десяти латышских семей, о существовании которых герцоги просто-напросто забыли после возвращения рудников Дании, в связи с чем те остались в Норвегии. Во времена службы К. М. Легангера в Эйдсволле проживало 48 семей потомков этих курляндских шахтеров, включавшие в общей сложности 335 человек. К тому времени из рудокопов они большей частью превратились в земледельцев. По замечанию пастора, вплоть до конца XVIII столетия они сохраняли самобытные черты своих предков, отличавшие их от местных норвежских крестьян [29, с. 410; 32, № 22, с. 171, № 23, с. 178–179].

В этой связи уместной представляется постановка вопроса о том, можно ли считать владения курляндских герцогов в Норвегии колонией? С нашей точки зрения, с учетом специфики европейского колониализма XVII столетия, безусловно, можно. В пользу этого мнения говорят следующие аргументы:

1. В эпоху меркантилизма с ее «культом» торговли и обрабатывающей промышленности колонии практически повсеместно представляли собой изолированные торговые поселения (фактории) на океанском или морском побережье либо небольшие плантации. Следовавшая за меркантилизмом экономическая теория – физиократия – изменила лицо колониализма, но это произошло лишь в XVIII столетии. По замечанию упоминавшегося выше прибалтийско-немецкого историка Отто Хайнца Маттисена, «вслед за эпохой меркантилистских точечных колоний следовал период господства учения физиократов с его “материковыми колониями” („*Flächenkolonien*“), заселенными как можно большим количеством крестьян и фермеров. Термин “территории” (*Territorien*), а не “форты” (*Forteressen*), стал тогда чаще всего использоваться колонизаторами

в качестве ключевого слова» [38, с. 16]. В случае с владениями курляндских герцогов в Эйдсволле мы имеем как раз такую «точечную колонию», своего рода «плантацию» по добыче и обработке железа.

2. Отсутствие форта, являвшегося характерным признаком заокеанских колоний XVII в., в курляндских поселениях в Норвегии обусловлено очевидной причиной – там не было враждебно настроенных аборигенов и угрозы нападения европейских конкурентов с моря. Аналогичным образом было устроено, например, поселение голландских китобоев XVII в. под названием Смееренбург (нидерл. *Smeerenburg*) на острове Амстердам у северо-западного побережья Западного Шпицбергена, позиционирующееся в литературе как колония [см., например: 40, с. 450; 43, с. 360; 44, с. 1313].

3. Относительно владений курляндских герцогов в Норвегии наблюдается главный признак колонии как явления – наличие там поселений, управляющихся, а также частично или полностью заселенных иностранными колонистами. Управляли рудниками в Эйдсволле выходцы из Курляндии: первым администратором там был упоминавшийся выше Франц Вильгельм Фёлькерзам, последним – некий Даниэль Вольпманн (*Daniel Wolpmann*), назначенный на эту должность в 1687 г. [29, с. 412; 32, № 21, с. 165; 38, с. 904]. За духовно-нравственным состоянием колонистов следили курляндские пасторы, одним из которых был упоминавшийся выше Иоганн Раутенберг. На рудниках и сопутствующих предприятиях работали ремесленники из числа курляндских немцев и шахтеры – бывшие латышские крестьяне. О масштабах курляндских поселений в Эйдсволле интересную информацию предоставляет один из параграфов привилегии 1669 г., согласно которому содержание бедняков и сирот, а также удовлетворение потребностей пасторов и учителей там оплачивалось путем изъятия с каждого берковца добытого железа по четыре датских шиллинга [29, с. 408]. Следовательно, владения герцога Якоба в Норвегии типологически представляли собой полноценную колонию, заселенную семьями курляндских колонистов, оснащенную церковью, школой и даже приютом для нищих и сирот.

4. С юридической точки зрения, в данном случае также можно говорить о колонии. Передавать колониальные владения по концессии было довольно распространенной практикой в эпоху раннего Нового времени. Даже потомки герцога Якоба в начале XVIII в. хотели как можно выгоднее для себя «избавиться» от принадлежавшей роду Кеттлеров, но не приносившей ему к тому времени никаких доходов, колонии на острове Тобаго, передав ее англичанам по праву узуфрукта [31, лл. 185, 192об].

По этому поводу вдова герцога Фридриха Казимира, Елизавета София Бранденбургская (1674–1748), писала своему брату, прусскому королю Фридриху I (годы правления 1688–1713), в 1704 г.: «[...] лучше извлечь из этого острова хоть какую-то пользу, чем совсем ничего [...]» (*freÿlich beßer etwas als gar nichts von ermelter Insul zu ziehen*) [31, лл. 187–187об]. Аналогичными соображениями, по всей видимости, руководствовался датский король Фредерик III, передавая простаивавшие рудники в Эйдсволле курляндскому герцогу. Такая форма правоотношений, как узуфрукт, предполагает «право пользоваться чужими вещами и извлекать из них плоды с сохранением в целостности субстанции вещей» [цит. по: 4, с. 188]. Все эти условия распространялись также и на герцога Якоба относительно предприятий в Эйдсволле: их собственником оставался датский король, курляндский правитель мог пользоваться ими с целью извлечения выгоды, а также, согласно последнему пункту привилегии 1669 г., покидая рудники, он должен был вернуть их в том же состоянии, в котором он их получил, но при этом герцог был вправе требовать компенсаций за внесенные им улучшения, размер которых должен был определяться специальной оценочной комиссией [29, с. 409]. Таким образом, перед нами колония, полученная Якобом Кеттлером от короля Дании по праву узуфрукта.

5. В конце концов, применительно к владениям курляндских герцогов в Эйдсволле сложилась своего рода «историографическая традиция». По словам Отто Хайнца Маттисена, эти рудники «вместе с деревнями, крестьянами и курляндскими работниками, находившимися под опекой курляндских губернаторов и пасторов, представляли собой курляндскую колонию» [38, с. 610]. Прибалтийско-немецкий историк называет ее не иначе, как «курляндская горнодобывающая колония в Норвегии» (*kurländische Bergwerkskolonie in Norwegen*) [38, с. 28, 37, 791]. О «курляндской колонии в Норвегии» писали и латышские авторы [29, с. 410; 32, № 21, с. 164–165].

Таким образом, можно утверждать, что кроме острова Тобаго и устья реки Гамбия, герцог Якоб владел колонией также в Норвегии, на территории современной коммуны Эйдсволл.

«Rusacy» в Норвегии?

В ходе проведения исследовательской работы в Латвийском государственном историческом архиве в Риге нам удалось ознакомиться с документом из фонда 554 «Курляндский герцогский архив», позволяющим выдвинуть гипотезу об участии выходцев из белорусских земель в работе на горнодобывающих предприятиях герцога Якоба в Эйдсволле

во второй половине XVII в. Это стало возможным благодаря неоценимой помощи доктора Марите Яковлевой (*Mārīte Jakovļeva*), ведущего научного сотрудника Института истории Латвии Латвийского университета и Латвийского государственного исторического архива в Риге, блестящего знатока истории Курляндского герцогства и одного из немногих специалистов в этой области, которая любезно предоставила в наше распоряжение данный документ, а также дала ценные указания относительно локализации упоминающегося в нем населенного пункта, за что мы выражаем ей нашу глубокую признательность. Краткий доклад, посвященный данной находке, мы сделали до выхода настоящей статьи в рамках IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы источниковедения», прошедшей в Витебске 20–21 апреля 2017 г. [12].

Рассматриваемый документ [37, л. 69] написан на польском языке и представляет собой трудовой контракт, заключенный группой «русак» (вариант использования этнонима «русин», распространенный в XVII в., во множественном числе также «русцы» [21, с. 258, 260]; в данном источнике – *Rusacy*) 3 февраля 1666 г. в Митаве с герцогом Якобом относительно их участия в работах по копанию кореньев с целью получения смолы в герцогском имении Ангоры. Смола во времена парусного флота была буквально стратегическим ресурсом, поскольку ей покрывались корпуса, палубы, такелаж и рангоуты кораблей с тем, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Согласно замечанию доктора Марите Яковлевой, упомянутый в документе населенный пункт можно локализовать как современное село Энгуре (латыш. *Engure*) на северо-западе Латвии в регионе Курземе. В 1677 г. там началось строительство последней железодельной мануфактуры герцога Якоба [см.: 33]. На следующий день после заключения этого договора, т. е. 4 февраля 1666 г., он был дополнен именами новоприбывших «русак».

Однозначно славянские имена этих людей (всего 21 человек) позволяют выдвинуть предположение о том, что они (или хотя бы часть из них) происходили из белорусских земель Великого княжества Литовского: Александр Хведорович (*Alexander Chwiedorowicz*), Пахом Сташко (*Pachom Stasko*), Микула (*Mikuła*), Тышко (*Tyszko*), Хведер Крубер (*Chwieder Cruber*), Атрошка (*Atroszka*), Левон Харенкарович (*Lewon Harencarowicz*), Иван (*Iwan*), Роман (*Roman*), Сташко Лысый (*Stasko Łusy*), Грышко Хмель (*Hryszko Chmiel*), Климато Дудар (*Klimato Dudar*), Михалко (*Michalko*), Мацей (*Maciusz*), Иоахим Скрыпка (*Joachim Skrzypka*), а также прибывшие в Митаву 4 февраля 1666 г. Ян Коронев-

ский (*Jan Koroniewski*), Вильгельм (*Wilhelm*), Яшко, сын Вильгельма (*Jasko Syn Wilhelma*), Алексей Драгон (*Olexiey Dragon*) и Ивашко Стодольник (*Iwaszko Stodolnik*). Некий Каспар Дрегневич (*Kaspar Dregnie-wicz*) подписался в качестве «поручителя» за всю эту группу «русаков», как он сам их назвал (*Rusacy*).

В контракте оговаривается оплата труда названных людей по добыче смолы в имении Ангоры: за одну сажень (около 2 метров) кореньев им полагалась определенная мера ржи или других зерновых. Однако для нас куда больший интерес представляет то место в этом документе, где излагаются условия возможного участия «русаков» на работах в Норвегии в пользу курляндского правителя, куда с началом мореходного сезона могли отправиться те из них, кто того пожелает. Хочется обратить внимание, что этот контракт был заключен как раз тогда, когда заработали горнодобывающие предприятия герцога Якоба в Эйдсволле. Очевидно, в начале 1666 г. курляндскому правителю необходимо было увеличить численность шахтеров на своих рудниках. Кроме того, в 1665–1667 гг. шла англо-голландская война, значительно ослабившая главных конкурентов герцога Якоба на колониальном поприще. Герцог попытался активизировать свою морскую деятельность, и как раз в 1666 г. им было выдано исключительно много морских лицензий (разрешений на плавание), особенно в северном направлении – для охоты на китов и ловли сельди, а также в Исландию и Норвегию [38, с. 606–607]. Вероятно, отправка новой партии колонистов в Эйдсволл в лице названных «русаков» планировалась герцогом Якобом как раз в рамках обозначенной активизации северного судоходства в 1666 г. За работу на рудниках или сопутствующих предприятиях в течение трех месяцев каждому из «добровольцев» причиталось жалование в размере десяти «денег» – надо полагать, рейхсталеров, – а также продукты питания в виде трех пур ржи, четырех пур ячменя, полпуры гороха, либо же четверти ящика солонины и двух пунделей соли.

Можно заметить, что в имении Ангоры эти «русаки» были готовы трудиться буквально за еду. По поводу предполагаемой работы в Норвегии они договорились о более высокой оплате, включая деньги: за год один работник мог получить 40 рейхсталеров, что в сравнении с годовой зарплатой упоминавшихся выше курляндских специалистов-ремесленников и даже пастора в размере 100 рейхсталеров было немало. Примечательно, что в случае с работой в Ангорах «русаки» договорились, выражаясь современным языком, о сдельной оплате труда, а в случае с работой в Норвегии – о повременной оплате. Данное обстоятельство

обусловлено, скорее всего, характером работы: при добыче кореньев, вполне осязаемого и поддающегося подсчету ресурса, как работник, так и работодатель заинтересованы в максимизации количественных показателей труда; работа же на рудниках носила скорее «конвейерный» характер. Разница в доходах между обозначенными категориями колонистов в Эйдсволле свидетельствует о том, что «русаки» могли отправиться туда лишь в качестве чернорабочих, наиболее вероятно, простых шахтеров. Данное обстоятельство, а также приведенные выше имена говорят о неблагородном происхождении их носителей, которые были, скорее всего, крестьянами, готовыми к выполнению грязной и тяжелой физической работы за низкую оплату. Представляется маловероятным, что они могли происходить из числа мещан или тем более шляхты, пусть даже и мелкопоместной: первые, очевидно, владели бы какой-нибудь ремесленной специальностью, что отразилось бы в договоре на характере их труда и его оплате; вторые в основной своей массе вообще вряд ли бы согласились на такую работу в силу чувства «шляхетской годности», кроме того, они наверняка имели бы фамилии.

Относительно последнего аргумента у нас возникли некоторые сомнения по поводу упомянутого Каспара Дрегневича. Дело в том, что рассматриваемый документ написан двумя очевидно различающимися почерками. Основной текст договора мог быть подготовлен писарем при курляндском дворе, владевшим польским языком, понятным как минимум названному «поручителю». Последний, в свою очередь, оставил свою подпись, написанную гораздо менее аккуратно, нежели основной текст договора. При этом подписи остальных 20 человек, упомянутых в этом документе, отсутствуют – их имена внесены писарем. Наиболее вероятно, что Каспар Дрегневич был единственным из этих людей, кто умел писать. В этой связи можно допустить, что он происходил из рядов мещан либо околичной шляхты, и, как самый «годный» из них, взял «шефство» над всей группой «русаков». В пользу этого предположения говорит также тот факт, что он владел польским языком, которым в те времена пользовались представители высших сословий на территории Великого княжества Литовского, откуда, по всей видимости, и происходили эти «русаки», о чем будет сказано ниже.

Что же заставило этих людей в 1666 г. появиться в столице Курляндского герцогства и даже согласиться «поехать» в Норвегию с началом мореходного сезона, т. е. отправиться в столь дальнее путешествие, которое показалось бы белорусским крестьянам немыслимым даже двести лет спустя, во второй половине XIX столетия, о чем говорилось в начале

данного очерка? Известно, что герцог Якоб с радостью принимал в своем государстве беженцев из соседних стран, приносивших ему пользу своим трудом в качестве ремесленников и торговцев. Например, 12 февраля 1670 г. поселению беженцев из Полотчины под названием Слобода (*Schlabodda*), основанного ими на левом берегу Западной Двины, по всей вероятности, с началом опустошительной русско-польской войны в 1654–1655 гг., Якоб Кеттлер предоставил магдебургское право. Новый город получил название в честь герцога – Якобштадт (совр. Екабпилс). Впоследствии там появились старообрядцы и литовские евреи [3, с. 44–45; 14, с. 265–266; 45, № 205, с. 242]. Также в XVII в. там был основан православный Свято-Духовский Якобштадтский монастырь, в связи с чем город Якобштадт стал настоящим центром православия в Курляндии [11, с. 246–247]. Возможно, названные «русаки» искали в сохранявшем нейтралитет герцогстве убежища от неурядиц польско-русской 1654–1667 гг. или польско-шведской 1655–1660 гг. войн.

В этой связи можно выдвинуть предположение, что они происходили с территории современной Витебской области Республики Беларусь. В пользу этой гипотезы говорят следующие аргументы:

1. *Военный* – Витебщина в годы упомянутых военных конфликтов оказалась в центре событий, что могло побудить «русаков» покинуть свою родину в поисках более безопасного места.

2. *Логистический* – упомянутые «русаки» с легкостью могли добраться оттуда в Курляндию, сплавившись по Западной Двине.

3. *Этнонимический* – как известно, «русинами», или «русаками», как в нашем случае, в XVII в. называли православное восточнославянское население Великого княжества Литовского, включая жителей Витебщины.

4. *Ономастический* – писарь вносил в договор имена, скорее всего, на слух, т. е. в той форме, в которой они использовались самими их носителями. Произношение звука [хв] на месте /ф/, в частности, в именах типа Федор/Хведор, до сих пор широко распространено в юго-западной диалектной зоне русского языка [13, с. 98, 100; 18, с. 260; см. также карты: 7, карты 54–55]. Наблюдаемые там языковые явления отражают процессы, происходившие некогда с восточнославянскими говорами в землях Великого княжества Литовского, т. е. западные говоры южного наречия русского языка в свое время возникли совместно с примыкающими к ним восточнобелорусскими говорами, охватывающими как раз Витебскую область Республики Беларусь [6, с. 28; 18, с. 250, 257]. Данное обстоятельство определяло языковую ситуацию в регионе вплоть до недавнего времени. По замечанию авторов «Диалектологического атласа русского

языка» 1986 г., «языковые черты, свойственные в основном русскому языку, распространены в своей западной части на территории БССР, также, как и типичные для белорусского языка черты распространены в своей восточной части на территории РСФСР. Частично перекрывая друг друга, эти черты образуют достаточно широкую зону переходных говоров, квалификация которых, как русских или белорусских, во многих случаях затруднена» [6, с. 6]. Кроме того, в географическом плане [см. карты: 9, карты VII–VIII; 13, с. 97, 99, 164–167] обозначенные диалектные зоны частично соответствуют территории бывшей Витебской губернии Российской империи, в которой даже во второй половине XIX в. проживало подавляющее большинство белорусов – примерно 62% населения [20, с. 69, карта]. Согласно наблюдениям этнографа Александра Семеновича Семеновского (1821–1893), «белорусское наречие, употребляемое жителями Витебской губернии славянского племени православного и римско-католического исповеданий составляет нечто среднее между великороссийским, украинским и польским. Оно несколько разнится от наречия, которым говорят крестьяне Виленской и Минской губернии, но тождественно с говором белорусов-могилевцев, смолян и псковичей [выделено нами. – О. Е.]. В речи последних, как и витеблян, более русских слов, тогда как в речи виленских и минских белорусов больше польских» [20, с. 6]. Таким образом, даже в XIX в. люди, населявшие ныне разделяемые исключительно по политическим, а не лингвистическим, критериям [6, с. 6] юго-западную диалектную зону русского языка и северо-восточную диалектную зону белорусского языка, включающую территорию Витебской области Республики Беларусь, говорили на одном диалекте русского/белорусского языка, для которого был характерен обозначенный выше признак замены звука /ф/ на [хв]. Эту особенность с полной уверенностью можно распространять и на XVII столетие, учитывая, что «современная диалектологическая карта русского языка [в нашем случае и северо-восточного диалекта белорусского языка. – О. Е.] в своих определяющих чертах сложилась, видимо к XVII в. или XVIII в.» [6, с. 28].

5. *Метрологический* – упоминающаяся в рассматриваемом документе «пура» в качестве единицы измерения зерновых, по замечанию А. М. Семеновского, даже во второй половине XIX в. была «самой распространенной мерой в пределах Витебской губернии» [19, с. 5; см. также: 2; 16, с. 905]. Ее объем различался в зависимости от местности и составлял от 21,75 до 24 гарнцов [19, с. 6]. Употреблявшийся в Великом княжестве Литовском для розничной торговли малый (шинковый) гарнец, наименьший из всех разновидностей, равнялся приблизительно 2,8 литрам [1,

с. 514], следовательно, одна пура составляла по нынешним меркам как минимум около 60,9–67,2 литров. Также эта мера сыпучих тел была широко распространена в Восточной Прибалтике (под немецким названием *Lof, Loof* [16, с. 905; 17]). В Курляндии, в частности, в Либаве (совр. Лиепая), одна пура равнялась примерно 68,9 литрам [28, с. 280]. Однако представляется маловероятным, чтобы курляндский вариант пур использовался в рассматриваемом контракте, как незнакомый «русакам». Упомянутый в документе «пундель» также активно употреблялся как мера веса на территории Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. и равнялся 25 фунтам, т. е. около 10 кг [5, с. 69]. Очевидно, использованные в рассматриваемом документе единицы измерения, распространенные на землях Великого княжества Литовского, включая Витебщину, были известны и понятны «русакам». Таким образом, каждый из «русаков», пожелавших отправиться на работы в Норвегию, должен был получить, помимо солонины, количество которой в современных единицах измерения нам не удалось определить, как минимум около 128–141 кг ржи (если допустить, что вес одного литра ржи равняется приблизительно 700 г), 146–161 кг ячменя (один литр ячменя мы условно приравняли к 600 г), 28–31 кг гороха (при допущении, что на один литр гороха приходится 920 г) и 20 кг соли на три месяца. Для сравнения упоминавшемуся пастору Иоганну Раутенбергу, находившемуся куда выше на социальной лестнице, чем «русаки», на год пребывания в Норвегии было обещано 7 пуров, или, по курляндской мере, около 338 кг, ржи, 2 кюльмита (в Риге 1 кюльмит равнялся 3 пурам [см.: 28, с. 417]), или около 248 кг, ячменя, 2 кюльмита, или около 380 кг, гороха, 5 лисфунтов (в Курляндии один лисфунт равнялся приблизительно 8,36 кг [см.: 28, с. 280]), или 41,8 кг, соли и другие продукты [42, с. 59, пункт b]. Таким образом, в перерасчете на четверть года пастору полагалось в полтора раза меньше ржи, в два раза меньше ячменя, в два раза меньше соли, однако в три раза больше гороха, чем «русакам» – горох, видимо, считался более «благородным» продуктом, нежели рожь и ячмень. Столь крупные объемы продовольствия наталкивают на мысль, что названные лица рассчитывали переехать в Эйдсволл вместе со своими семьями, что, впрочем, неудивительно – латышских крестьян герцог Якоб отправлял в свою горнодобывающую колонию в Норвегии также целыми семьями.

Рассмотренный документ порождает множество вопросов. В конце концов, неизвестно, отправились ли упомянутые «русаки» или хотя бы часть из них в Норвегию – для выяснения этого требуются более углубленные архивные изыскания. Тем не менее представляется, что

данный эпизод достоин дальнейшего изучения, ведь участие выходцев из белорусских земель в деятельности колониального поселения герцога Якоба в Норвегии может значительно расширить наши представления о территориальной и трудовой мобильности «белорусских» крестьян в эпоху раннего Нового времени.

Список литературы

1. Анішчанка, Я. Гарнец / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя у 2 т.: 2-е выд. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2007. – Т. 1. – 2007. – С. 513–514.

2. Анішчанка, Я. Пур / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя у 2 т.: 2-е выд. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2007. – Т. 2. – 2007. – С. 476.

3. Апине, И. Место белорусов Латвии в ряду других народов / И. Апине // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый: матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г. / UNESCO, Грамадскае аб'яднанне «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў» [і інш.]; рэдкал.: Н. Давыдзенка (рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 43–46.

4. Громов, С. А. Узуфрукт: юридическая конструкция и вещное право / С. А. Громов // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сб. ст. / Исследовательский центр частного права; рук. авт. колл. и отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва, 2011. – С. 188–231.

5. Даунене, З. Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле в старом белорусском языке (По памятникам деловой письменности Великого княжества Литовского XV – начала XVII веков) / З. Даунене // *Kalbotyra XI / Lietuvos TSR, Aukštųjų mokyklų mokslo darbai*; red. kol.: R. Mironas (ats. redaktorius) [et al.]. – Vilnius, 1965. – P. 49–75.

6. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. – Выпуск I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1986. – 215 с.

7. Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. – Выпуск I. Фонетика / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. – Москва: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1986. – VI, 92 карты.

8. Добровольский, П. В Африке и Америке. Какими заморскими колониями владела Речь Посполитая и кто их отобрал [Электронный ресурс] / П. Добровольский // TUT.BY. – 18.03.2017. – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/535100.html>. – Дата доступа: 07.05.2017.

9. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; аўтарскі кал.: Р. І. Аванесаў [і інш.]. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1963. – VIII, 338 карт.

10. Евстратъев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О. И. Евстратъев // «Социально-гуманитарные знания»: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 ноября 2015 г. // РИВШ; под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–49.

11. Евстратъев, О. И. Якоб Кеттлер: «курляндский след» в истории Беларуси / О. И. Евстратъев // *Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций* / А. В. Мартынюк [и др.]; под ред. А. В. Мартынюка. – Москва: Квадрига, 2015. – С. 224–249.

12. Евстратъев, О. И. «Rusacy» в Норвегии? К проблеме критики одного «трудового контракта» XVII века / О. И. Евстратъев // «Актуальные проблемы источниковедения»: материалы IV Междунар. научно-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. // ВГУ имени П. М. Машерова; под ред. А. Н. Дулова [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 166–168.

13. Захарова К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – 2-е изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

14. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 305 с.

15. Погорелый, А. С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии [Электронный ресурс] / А. Погорелый // Аргументы и факты в Беларуси. – 21.01.2014. – Режим доступа: <http://www.aif.by/timefree/history/item/26645-vkl.html>. – Дата доступа: 07.05.2017.

16. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: в 12 т. / общ. ред. А. Ф. Рудзкий. – Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1900–1912. – Т. 5: Летучие песни – Образование почв. – 1901. – 1280 с.

17. Пура [Электронный ресурс] // *Akadēmiskā terminu datubāze AkadTerm*. – Режим доступа: <http://termini.lza.lv/term.php?term=пура&lang=RU>. – Дата доступа: 07.05.2017.

18. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; авторы: С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова [и др.]; под ред. Л. Л. Касаткина. – Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.

19. Сементовский, А. М. О мерах и весе, употребляемых в Витебской губернии / А. М. Сементовский. – Витебск: издание Витебского статистического комитета, 1874. – 19 с.

20. Сементовский, А. М. Этнографический обзор Витебской губернии / А. М. Сементовский. – Санкт-Петербург: М. Хан, 1872. – 69 с.

21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Рященко) / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под. ред. Г. А. Богатовой [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – 298 с.
22. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: БДУ, 2016. – 328 с.
23. Andersons, E. Senie kurzemnieki Amerikā un Tobāgo kolonizācija / E. Andersons. – Stockholm: Daugava, 1970. – 373 lpp.
24. Andersons, E. Tur plīvoja Kurzemes karogi / E. Andersons. – Brooklyn (New York): Grāmatu draugs, 1970. – 238 lpp.
25. Berkis, A. V. The History of the Duchy of Courland (1561–1795) / A. V. Berkis. – Towson (Maryland): The Paul M. Harrod Company, 1969. – 336 p.
26. Berkis, A. V. The Reign of Duke James in Courland (1638–1682) / A. V. Berkis. – Lincoln (Nebraska): Vaidava, 1960. – 213 p.
27. Bundurs, Ž. Senās latvju kolonijas Gambija Tobago / Ž. Bundurs. – Rīga: Lauku Dzīve, 1992. – 23 lpp.
28. Döring, E. Handbuch der Münz-, Wechsel-, Mass- und Gewichtskunde oder Erklärung der Wechsel-, Geld- und Staatspapiere-Kurszettel, der Wechsel-Usancen, Masse und Gewichte aller Länder und Handelsplätze / E. Döring. – 2. Aufl. – Koblenz: J. Hölscher, 1854. – 535 S.
29. Dunsdorfs, E. Kurzemes hercoga Jēkaba saimnieciskie pasākumi Dānijā / E. Dunsdorfs // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1937. – № 3. – 404.–423. lpp.
30. Eckert, W. Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus: Ein Beitrag zur Staats- und Wirtschaftspolitik Herzog Jakobs von Kurland (1642–1682) / W. Eckert. – Riga: G. Löffler, 1927. – XXV, 272 S.
31. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). – I. HA. Rep. 9 Polen. 7e1. – Acta der Insel Tabago (1664–1721).
32. Igals, F. Kursemneeku kolonijas Norveģijā / F. Igals // Brihwas Zemes Ilustrētais Peelikums. – 1934. – № 21–23.
33. Jakovļeva, M. Engures dzelsmanfaktūras darbība 17.–18. gadsimtā / M. Jakovļeva // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 2001. – № 1 (38). – 54.–83. lpp.
34. Jekabson-Lemanis, K. Balts in the Caribbean. The Duchy of Courland's attempts to colonize Tobago Island, 1638 to 1654 / K. Jekabson-Lemanis // Caribbean Quarterly. – 2000, June. – Vol. 46, № 2. – P. 25–44.
35. Juškevičs, J. Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē / J. Juškevičs. – Rīga: Valstspārīru spiestuves izdevums, 1931. – 671 lpp.
36. Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). – Ф. 554. Оп. 1. Д. 837. – Корабельные счета 1654–1668. Переплетенная въ пергаментъ тетрадь съ указателемъ герцогскихъ кораблей.
37. LVVA. – Ф. 554. Оп. 1. Д. 2057. – Прошения съ приложеніями 1755 г. (Январь, Мартъ, Июнь–Октябрь).
38. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – XLIII, 1015 S.

39. Olbrychski, A. Tobago: zamorskie kresy Rzeczpospolitej [Электронный ресурс] / A. Olbrychski // Histmag.org. – 20.05.2014. – Режим доступа: <http://histmag.org/Tobago-zamorskie-kresy-Rzeczpospolitej-9488>. – Дата доступа: 07.05.2017.

40. Repertorium der verhandelingen en bijdragen betreffende de geschiedenis des vaderlands in tijdschriften en mengelwerken tot op 1900 verschenen / Commissie voor Geschied- en Oudheidkunde van de Maatschappij der Nederlandsche Letterkunde te Leiden; bewerkt door L. D. Petit. – Leiden: E. J. Brill, 1907. – 1638 p.

41. Sewigh, H. Eine kurländische Colonie / H. Sewigh // Baltische Monatschrift. – 1872. – Bd. 21. – S. 1–40.

42. Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresbericht des kurländischen Provinzialmuseums aus dem Jahre 1893 / Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst; Präsident: R. von Hörner. – Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn, 1894. – 156 S.

43. Walther, F. L. Neueste Erdkunde, welche Asien, Afrika, Europa, Amerika, die Südländer oder den fünften Welttheil, und die Polarländer nebst einem Anhange von der natürlichen und wissenschaftlichen Erdkunde, aus den neuesten und zuverlässigsten Reisebeschreibungen, historischen Zeit- und andern Schriften, enthält / F. L. Walther. – Nürnberg; Altdorf: G. P. Monath, 1785. – 391 S.

44. Wijk (Roelandszoon), J. van. Algemeen aardrijkskundig woordenboek volgens de nieuwste staatkundige veranderingen, en de laatste, beste en zekerste berigten: in 11 delen / J. van Wijk (Roelandszoon). – Dordrecht: J. de Vos & comp. en J. Pluim de Jaager, 1821–1842. – 6. deel: Qual.–Thom. – 1821–1827. – P. 1017–1496.

45. Ziegenhorn, C. G. von. Staatsrecht der Herzogthümer Curland und Semgalen / C. G. von Ziegenhorn. – Königsberg: J. J. Kanter, 1772. – XLVI, 476 S.

Приложение

*Трудовой контракт между курляндским герцогом Якобом и «русаками»,
заключенный 3 февраля 1666 г.*

*[Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). – Ф. 554. Он. 1. Д. 2057. –
Прошения съ приложениями 1755 г. (Январь, Мартъ, Июнь–Октябрь), л. 69]*

My nizey pomienieni oznaymuiemy izesmy przystali na Robote do Xcia Jmsci Kurlandskiego Pana Naszego Miłosciwego, koja ma byc kopanie Korzeni na robienie Smoły w Angorach Majętnosci Xcia Jmsci, a za ieden sazen Korzenia ma my dostac za ieden Zbozem, albo inszymi leguminami. A skoro nastanie Pora Zeglowania, tedy ktorzy z nas zechcą obiecuiemy iechac do Norwegij na Robotę, za którą na Czwierc ma nas dochodzie za dziesięc pieniędzy na iedną osobę, na Strawe takze Legumina te. Zyta Purow trzy, Jęczmienia Purow cztery, Pułpura grochu, albo krzyni Czwierc Słoniny, Dwa Pundele Soli, co ma byc na iedną osobę na Czwierc Roku. Działo się w Mytawie d. 3 Februarij A° 1666.

Alexander Chwiedorowicz, Pachom Stasko, Miķuła, Tyszko, Chwieder Cruber, Atroszka, Lewon Harencarowicz, Iwan, Roman, Stasko Łysy, Hryszko Chmiel, Klimato Dudar, Michałko, Maciusz, Joachim Skrzyпка.

Ja Kaspar Dregniewicz swiadczę y przyznawam że ёi wzyżpomieni Rusacy tak Się podieli y przyobieli [подпись Каспара Дрегневича написана почерком, отличающимся от основного текста, в частности, своей неряшливостью; печатью не сопровождается. – *O. E.*].

Imionu tych ktury drugiego dnia potamtych przyszli to iest 4 Februarij, ёi takze maią według tego contractu robic, y to tez ma ich dochodzie. Jan Koroniewski, Wilchelm, Jasko Syn Wilchelma, Olexiey Dragon, Iwaszko Stodolnik.

Перевод

(выполнен автором статьи)

Мы, нижеупомянутые, сообщаем, что мы нанялись на работу к Его Светлости герцогу Курляндскому, нашему Милостивому Господину, которая заключается в копании кореньев с целью добычи смолы в имении Ангоры, принадлежащем Его Светлости герцогу, а за одну сажень кореньев нам причитается одна мера ржи или других зерновых. А как только настанет пора мореходства, обещаем – те из нас, кто того пожелает – ехать в Норвегию на работу, за которую на четверть года нам причитается доход в размере десяти денег [рейхсталеров. – *O. E.*] на одного человека, а также продовольствие в виде следующих зерновых [как хлебных, так и зернобобовых. – *O. E.*]: ржи – три пуры, ячменя – четыре пуры, гороха – полпуры, либо четверть ящика солонины, два пунделя соли, что полагается на одного человека на четверть года. Свершено в Митаве 3 февраля 1666 г.

Александр Хведорович, Пахом Сташко, Микула, Тышко, Хведер Крубер, Атрошка, Левон Харенкарович, Иван, Роман, Сташко Лысый, Грышко Хмель, Климато Дудар, Михалко, Мацей, Иоахим Скрыпка.

Я, Каспар Дрегневич, свидетельствую и признаю, что все эти вышеупомянутые русаки согласились с этими условия и приняли их.

Те, которые пришли на следующий день, т. е. 4 февраля, также обязуются выполнять работу, согласно настоящему контракту, и иметь тот же доход. Их имена Ян Короневский, Вильгельм, Яшко, сын Вильгельма, Алексей Драгон, Ивашко Стодольник.

Доўнар А. Б.

РЭФОРМА КІРАВАННЯ ГОРАДА І ВЁСКИ КАНЦА XVIII ст. У ПРЫВАТНЫХ УЛАДАННЯХ (НА ПРЫКЛАДЗЕ МАЁНТКАЎ ФРАНЦІШКА САПЕГІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ)

У адзеле рукапісаў бібліятэкі Вільнюскага ўніверсітэта захоўваецца зборнік дакументаў па адміністрацыйнай арганізацыі сацыяльнага і гаспадарчага жыцця насельніцтва ва ўладаннях магнацкага роду Сапегаў, размешчаных на тэрыторыі Заходняй Беларусі (Дзярэчын, Зэльва, Ружаны, Высокае і інш.). Матэрыялы, якія ўваходзяць у гэты зборнік, датаваны канцом XVIII – пачаткам XIX ст. Пад некаторымі дакументамі стаіць подпіс уласніка, князя Францішка Сапегі (1772–1829 гг.). Вядома, што Ф. Сапега скончыў Віленскі ўніверсітэт (Віленскую галоўную школу), быў кіраўніком нацыянальна-вызваленчага паўстання 1794 г. па тэрыторыі Слонімскага, Ваўкавыскага паветаў і ўсходняга Падляшша.

Другая палова XVIII – пачатак XIX ст. – перыяд, звязаны ў гісторыі Беларусі з распаўсюджаннем ідэалогіі Асветніцтва, для якой была, між іншым, характэрнай прапаганда свабоды асобы, абароны правоў чалавека. Важнай была і ідэя забеспячэння хаця б мінімальнага палітычных гарантый і сацыяльных і гаспадарчых правоў усіх людзей, у тым ліку мяшчанаў і сялян. Духам Асветніцтва прасякнуты і вышэйзгаданыя дакументы, падрыхтаваныя для заходнебеларускіх уладанняў Ф. Сапегі (аўтар дадзенага артыкула мяркуе, што ўвесь дакументальны комплекс быў распрацаваны па ініцыятыве Ф. Сапегі). Найбольш дэмакратычнымі і, у пэўным сэнсе кардынальнымі, з’яўляюцца тры інструкцыі канца XVIII ст.: адна «Urządzenie juryzdykcyi magdeburskiey w mieście Wysockie Litewskie nazwanym» прысвечана арганізацыі самакіравання ў горадзе Высокае Брэскага ваяводства; другая «Urządzenie kahału Wysockiego», якая раскрывае прынцыпы арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны дадзенага горада; трэцяя «Ustanowienie sądow włościanskich», звязана са становішчам сялянства – па ўвядзенню сельскіх судаў ва ўладаннях Ф. Сапегі (дадзеныя дакументы друкуюцца ў дадатку на мове арыгінала).

У Рэчы Паспалітай у канцы XVIII ст. праводзіўся цэлы шэраг рэформаў у галіне кіравання. Асаблівае месца сярод гэтых рэформаў мела гарадская рэформа. У выніку падрыхтоўкі і дзейнасці чатырохгадовага сейма

Рэчы Паспалітай 1788–1792 гг. ўзнікла ідэя аб гарадской рэформе, якая была рэалізавана ў законе аб «вольных гарадах» ад 18 красавіка 1791 г. і ў спадарожных нарматыўна-прававых актах гэтага закона [1, s. 215–219, 291–297, 301–313]. Нягледзячы на тое, што прагрэсіўныя рэформы Чатырохгадовага сейма былі адмененыя ў выніку дзейнасці Таргавіцкай канфедэрацыі і Гродзенскага сейма 1793 г., ідэя аб «вольных» гарадах захавалася і на тым жа Гродзенскім сейме 1793 г. 23 лістапада быў прыняты закон аб «вольных гарадах» у новай рэдакцыі [2, s. 197–211], які паменшыў у параўнанні з аналагічным законам 1791 г. кампетэнцыю гарадскіх органаў кіравання і іх далучанасць да агульнадзяржаўную сістэму кіравання [3; 4; 5 і інш.]. Але ідэі гарадской рэформы і яе асноўныя напрамкі, праўда, ва ўсечаным выглядзе, былі захаваныя.

Законы аб «вольных гарадах» 1791, 1793 гг. дзейнічалі ў дзяржаўных гарадах і мястэчках. Але агульны рух па рэфармаванні гарадскога жыцця быў прыкметны і ў прыватнаўласніцкіх гарадскіх паселішчах. Так, у канцы чэрвеня 1794 г. у загадзе генерала артылерыі ВКЛ Францішка Сапегі ў яго маёнтку для горада¹ Высокае Брэсцкага ваяводства была прынятая інструкцыя (ардынацыя) па арганізацыі самакіравання ў дадзеным горадзе («Urządzenie juryzdykcyi magdeburskiey w mieście Wysokie Litewskie») [6, арк. 41 – 66] (гл. Дадатак 1). Прычым гарадское самакіраванне ў дадзеным дакуменце называлася «магдэбургіяй», «магдэбургскай» ці «гарадской юрыздыкцыяй».

Разгледзім асноўныя палажэнні дадзенай інструкцыі.

Інструкцыя па арганізацыі самакіравання ў Высокім 1794 г. мела прадуманую структуру і складалася з прэамбулы і 9 раздзелаў:

Прэамбула – уводзіны, у якім давалася абгрунтаванне ўвядзення самакіравання ў горадзе;

I. – склад магістрата;

II. – парадак выбараў магістрата;

III. – функцыі магістрата;

IV. – парадак дзейнасці магістрата (16 пунктаў);

V. – гарадскія даходы і расходы (16 пунктаў);

VI. – функцыі і парадак дзейнасці гарадскога суда (11 пунктаў);

VII. – абавязкі пісара магістрата (12 пунктаў);

VIII. – павіннасці лаўнікаў (14 пунктаў);

IX. – узоры прысягі гарадскіх ураднікаў.

¹ Высокае ў крыніцах XVII–XVIII ст. называецца як «горадам», так і «мястэчкам». У сувязі з тым, што ў вышэйзгаданай Інструкцыі дадзены населены пункт названы «горадам», мы адносна Высокага ў дадзенай публікацыі будзім карыстацца тэрмінам «горад».

Раздзелы інструкцыі былі рознымі па памеру: раздзел III уяўляў сабой невялікі абзац, у якім вызначаліся асноўныя напрамкі дзейнасці магістрата горада; у той час як IV–VIII раздзелы былі падзелены на асобныя пункты, а некаторыя пункты разбіваліся на падпункты.

Асноўныя прычынамі ўвядзення самакіравання ў Высокім ў 1794 годзе былі:

- імкненне стварэння належнай сістэмы кіравання для горада;
- імкненне стварэння ўнутранага парадку і суда горада, які б адпавядаў бягучым патрабаванням часу;
- імкненне стварэння ўмовы «для ўсеагульнага дабрабыту», жаданне «ашчаслівіць» жыхароў горада;
- імкненне стварэння ўмоў для развіцця і для аздобы горада;
- неабходнасць выхаду з цяжкай эканамічнай сітуацыі горада, якая склалася з-за складанага грамадска-палітычнага палажэння («рэвалюцый») краіны [6, арк. 41 – 41 адв., прэамбула].

Прававой падставай прыняцця Інструкцыі і ўвядзення «гарадской юрысдыкцыі», быў закон/канстытуцыя Рэчы Паспалітай 1776 г., якім у дзяржаўных невялікіх гарадах і мястэчках адмянялася магдэбургскае права. Пытанне аб захаванні ці не захаванні магдэбургскага права ў прыватнаўласніцкіх гарадах і мястэчках дадзены закон пакідаў ў кампетэнцыі саміх уладальнікаў [7, s. 568 (930)]. У дадзеным выпадку аўтар вышэйпаказанай Інструкцыі права ўладальніка на захаванне магдэбургскага права ў сваіх гарадах па законе 1776 г. тлумачыў і як права ўвядзення гарадскога самакіравання ў сваіх уладаннях [6, арк. 41 – 41 адв., прэамбула].

Асноўным органам кіравання горада Высокага, у адпаведнасці з Інструкцыяй 1794 г., з'яўляўся магістрат, які павінен быў стаць «кіраўніком і гаспадаром горада» і з'яўляўся б асноўным судом першай інстанцыі [6, арк. 43 адв. – 44, раздз. III].

Магістрат Высокага павінен быў складацца з 6 чалавек: аднаго бурмістра ці прэзідэнта, чатырох радцаў або асэсараў і аднаго пісара. Дадзеныя пасады былі выбарнымі, яны абіраліся прамымі выбарамі самімі мяшчанами Высокага на пэўны тэрмін: бурмістр на 2 гады, радцы – на 1 год, пісар – на 3 гады. Пры гэтым ўводзілася правіла займання адной пасады не больш за два тэрміны. Як і забаранялася практыка сумяшчэння пасады, г. зн. адзін і той жа чалавек не мог займаць дзве пасады ў гарадской адміністрацыі. Выбары магістрата зацвярджаліся панскім дваром. Для сваёй дзейнасці магістрат прызначаў сабе ў дапамогу 2-х лаўнікаў, 2-х гарадскіх слуг

(«пахолкаў») і аднаго касіра выбіраў агульны сход мяшчан [6, арк. 42, 43 адв., раздз. I; II].

Дзейнасць магістрата падпадала пад кантроль панскай адміністрацыі (панскага двара (далей «двара»)), і ў выпадку неабходнасці двор меў права даваць папярэджанні членам магістрата аб неналежным выкананні сваіх абавязкаў. У выпадку невыпраўлення (гэта значыць, нерэагавання на тры заўвагі двара) такі член магістрата пажыццёва пазбаўляўся сваёй пасады і права быць абраным на іншую пасаду. Магістрат быў пад кантролем панскага двара і штомесячна ў пачатку месяца павінен быў даваць справаздачу аб сваёй дзейнасці [6, арк. 42 – 43 адв.; 49 адв., раздз. II; IV, п. 14].

Інструкцыя падрабязна апісвае механізм выбару магістрата горада: выбары ў магістрат Высокага павінны былі ажыццяўляцца 23 чэрвеня (г. зн. перад днём Святога Яна Хрысціцеля па каталіцкім календары). Спачатку павінна была прайсці служба ў касцёле, а затым каля 10 гадзін дня мяшчане павінны былі сабрацца ва ўстаноўленым дваром месцы ў прысутнасці прадстаўніка двара. Спачатку складваўся рэестр кандыдатаў на пасады, на кожную пасаду павінна было вылучана па тры кандыдаты: трое на бурмістраўства, дванадцаць на радзецтва, трое на пісарства і трое на касірства. Кандыдаты павінны былі:

- быць не маладзейшымі за 24 гады;
- мець нерухомую маёмасць («быць аселымі») у горадзе;
- мець пастаянныя крыніцы даходаў з зямлі, рамяства і т. д. няменш за 100 злотых у год;
- не мець раней правапарушэнняў;
- не паходзіць з аднаго роду/сям'і (кандыдаты не павінны былі быць бацькам і сынам, цесцем і зяцем, братам і шваграм) (цікава, што няма ніякіх патрабаванняў да адукацыі кандыдатаў – г. зн. адсутнічаў адукацыйны цэнс).

Пасля складання спісу кандыдатаў, ён павінен быў быць прачытаны і пачыналася сама працэдура галасавання: усё, акрамя старшыні сходу, выходзілі з памяшкання, дзе праходзілі выбары, а затым заходзілі па адным і адзначалі свой выбар крэскамі ў дадзеным спісе. Пасля чаго старшыня сходу падлічваў хто, колькі галасоў атрымаў. Кандыдат, які набраў больш галасоў лічыўся абраным і абвешчаўся гарадскім ураднікам на адпаведнай пасадзе. Пасля чаго выбраныя члены магістрата прыносілі прысягу аб вернасці горадзе і аб належным выкананні сваіх абавязкаў [6, арк. 42 – 43, раздз. II].

Выбраныя на магістрацкія пасады павінны былі быць прыкладам для мяшчан як у выкананні сваіх службовых абавязкаў, так і ў штодзённым жыцці. Выбраныя гарадскія ураднікі займалі свае пасады ўстаноўленыя тэрміны (пра што гаварылася вышэй). Прадугледжвалася і датэрміновае вызваленне ад пасады: зняцце з пасады панскім дваром (пра што гаварылася вышэй) або самаадвод. У гэтых выпадках, як і ў выпадку смерці гарадскога ўрадніка, прызначаліся выбары на дадзеную вакантную пасаду, якія павінны былі адбыцца праз тыдзень пасля абвясчэння [6, арк. 43 – 43 адв., раздз. II].

Магістрат Высокага павінен быў штотыдзень праводзіць свае пасяджэнні: кожны аўторак і чацвер з 8 да 12 гадзін дня праходзілі пасяджэнні па эканамічных пытаннях («эканамічныя сесіі»). На іх павінны быў адбывацца пошук шляхоў, сродкаў, магчымасцяў паляпшэння эканамічнага становішча горада, абмяркоўвацца розныя варыянты дзеянняў, прымацца найбольш аптымальныя, прыдатныя прапановы. Акрамя таго ў абавязкі гарадскога магістрата ўваходзіла содзейнічанне ў захаванні «добрага імя кожнага мешчаніна» для чаго магістрат меў права апекі над збяднелымі жыхарамі горада без стабільных крыніц даходу; магістрат меў права даваць канкрэтныя рэкамендацыі аб найлепшым спосабе заробку (дапамагаць знайсці сродкі да існавання бедным, але працавітым мяшчанам); магістрат меў права забіраць маёмасць пад сваю апеку ў п'яніц і г. д. Абавязкам магістрата з'яўлялася апека ўдоў і сірот. Пасля смерці мешчаніна прадстаўнікі магістрата павінны былі скласці рэстр маёмасці памерлага, прызначыць апекуноў з кола годных мяшчан. У выпадку адсутнасці тэстамента памерлага па дасягненню паўналецця яго дзяцей паміж імі размяркоўвалася маёмасць, у прапорцыі $\frac{3}{4}$ сынам, $\frac{1}{4}$ дочкам.

Магістрат меў права высыляць гультаёў з горада з мэтай зніжэння крэмінагеннай сітуацыі. Под кантролем магістарата знаходзіліся і землі горада. Магістрат павінен быў сачыць, каб усе землі апрацоўваліся і не пуставалі, правяраць правы на ўладанне і карыстання гарадскімі землямі, сачыць, каб зямельны фонд горада не памяншаўся. У выпадку выяўлення факта страты зямельных надзелаў горадам магістрат павінен быў зрабіць усе магчымае па вяртанні такіх зямель гораду [6, арк. 44 адв. – 47 адв., раздз. IV, п. 1–8].

Магістрат быў адказны за добраўпарадкаванне («ozdobu») горада. У сувязі з чым бурмістр павінен быў кожную суботу праводзіць рабочыя сходы і прымаць рапарты ад лаўнікаў аб супрацьпажарнай бяспецы. Магістрат павінен быў сачыць, каб дома ў горадзе будаваліся

ў адну лінію, на высокіх падмурках (як мінімум ад зямлі на 1,5 локця (каля 1 метра)), каб дамы былі накрыты дахоўкай, або гонтай, але ніяк не дранкай, і ні ў якім выпадку саломай. Дом ад дома павінен быў знаходзіцца як мінімум на адлегласці 5 сажняў. Перад кожным домам, а лепш вакол дома рэкамендавалася садзіць дрэвы як супрацьпажарны сродак і ўпрыгожванне горада. Дрэвы перад дамамі неабходна было спецыяльна аплятаць, каб коні, транспарт іх ня пашкодзвалі [6, арк. 47 адв. – 47 адв., 48 адв., раздз. IV, п. 9, 11, 12]. Магістрату прадпісвалася надаваць асаблівую ўвагу мерам па супрацьпажарнай бяспецы. Напрыклад, загадвалася, каб коміны рабіліся з цэгля, для чаго магістрату рэкамендавалася аднавіць гарадскую цагельню для вытворчасці цэгля.

Магістрату ўводзілася ў абавязак арганізоўваць гарадскіх рамеснікаў у брацтва або цэхі і сачыць за іх дзейнасцю; напрыклад, каб у іх праходзілі раз у месяц (4 тыдні) сходы, сачыць за аб'ёмам іх вытворчасці і продажаў [6, арк. 48 – 48 адв., раздз. IV, п. 10].

Адной з асноўных функцый гарадскога магістрата з'яўлялася правядзення суда над мяшчанами. У склад суда ўваходзіў магістрат і пісар, які не меў права голасу пры прыняцці рашэння; суд быў правамоцны пры наяўнасці трох членаў магістрата (старшынствуючага – прэзідэнта і асэсараў) і пісара. Гарадскі суд Высокага, згодна інструкцыі 1794 года), меў права разглядаць адміністрацыйныя правапарушэнні (дробныя крадзяжы, бойкі, неабаснаваныя пабоі, сваркі і г. д.), справы па гаспадарчых пытаннях, аб асабістых крыўдах, аб захаванні ўмоў найму: г. зн. бягучыя адміністрацыйныя і грамадзянскія справы. Па дадзенаму колу спраў гарадскі суд мог разглядаць і спрэчкі мяшчан-хрысціян з габрэямі. У такім выпадку прадугледжвалася прысутнасць на судзе з правам голасу двух суддзяў ад кагала. У выпадку незадаволеннасці прынятым рашэннем гарадскога суда якім-небудзь бокам судовага працэсу прадугледжвалася права на апеляцыю, якая падавалася панскаму двору. Крымінальныя справы і справы па пытаннях аб землеўладанні, маёмасці заставаліся ў падпарадкаванні панскага двара (на жаль інструкцыя 1794 г. не змяшчае інфармацыі, па якім праву павінен быў быць весціся судовы працэс і выносіцца рашэнні).

Прадугледжваўся наступны парадак судаводства. Пакрыўжаны падаваў скаргу пісару, які запісваў яе ў рээстр. За тры дні да судовага паседжання па дадзенаму пытанню пісар паведамляў аб гэтым бакам («даваў знак») і праз тры дні адбываўся суд, на якім бакі адстойвалі сваю правату, даводзілі сваю невінаватасць. Суд прымаў рашэнне па справе аднагалосна або большасцю галасоў. Прыняцце рашэння адбывалася

на закрытым нарадзе суда. Пасля прыняцце рашэнне запісвалася ў дэкрэтавую кнігу і пісар яго публічна зачытваў. Выпісы судовых дэкрэтаў выдаваў пісар. Для зацвярджэння дэкрэтаў, рашэнняў магістрата пісару надавалася гарадская пячатка з гербам горада: вобразам Святога Яна Хрысціцеля з запісам вакол пячаці «Пячаць горада Высокага Літоўскага» («Pieczęć miasta Wysokiego Litt(ewskiego)») [6, арк. 56 – 58 адв., раздз. VI].

Высокае як асобная адміністрацыйна-гаспадарчая адзінка мела сваю касу/бюджэт: свае артыкулы даходу і расходу. За збор гарадскіх даходаў адказваў касір, які запісваў даходы ў спецыяльную кнігу. Выбары касіра гарадской абшчынай прадугледжваліся штогод. Пры чым яго можна было мяняць ці пакідаць на наступны тэрмін (абмежаванняў тэрмінаў заняцця дадзенай пасады не прадугледжвалася). Непасрэдна даходы горада збіраў касір з памочнікам, якога прызначаў магістрат. Гарадская каса захоўвалася ў спецыяльнаабсталяванай скрынцы, для адкрыцця якой неабходна было тры ключы. Пры чым дадзеныя ключы захоўваліся ў розных асоб: адзін у прадстаўніка панскага двара, другі ў аднаго прадстаўніка з магістрата (па чарзе), трэці ў касіра. У адпаведнасці з Інструкцыяй ў гарадскую касу павінна было паступаць ад кожнага злотага паземельнага чыншу, які ішоў на карысць панскага двара, па 3 грошы (10%), і 5% (1/20 частка) ад чыстага даходу гараджан (рамеснікаў, наёмных рабочых і г. д.). У гарадскую касу паступалі і судовыя штрафы, узносы цэхаў, ахвяраванні мяшчан і г. д. Акрамя гэтага магістрат меў права ўсталёўваць і свае зборы. На першай сесіі магістрат павінен быў правесці перапіс ўсіх жыхароў горада і вызначыць колькі і калі кожны мешчанін павінен плаціць падаткаў дзяржаве, пану, гораду. Пасля прыняцця рашэння магістратам аб увядзенні пабора ў гарадскі бюджэт лаўнік з двума мяшчанамі павінны былі абысці горад і ўсім паведаміць аб дадзеным паборы. Пры гэтым лаўнік павінен быў запісаць на сцэне дома, што кожны мешчанін павінен даваць у гарадскі бюджэт. Магістрат меў права ажыццяўляць крэдытныя аперацыі, перш за ўсё для сваіх мяшчан (крэдыты выдаваліся пасля праверкі неабходнасці такога і плацежазольнасці крэдытаатрымальніка, пры наяўнасці двух паручыцеляў). Крэдыты выдаваліся не больш чым на паўгода з працэнтнай стаўкай на паўгода 4% (г. зн. 8% гадавых), пры неабходнасці магістрат мог падоўжыць тэрмін крэдыту яшчэ на паўгода, але ўжо з працэнтнай стаўкай – 12% гадавых (для яўрэяў прадугледжваліся больш высокія стаўкі крэдыту – 12 і 16% гадавых адпаведна). У выпадку невяртання крэдыту – прадугледжвалася спаганне сумы крэдыту

і працэнтаў па ім з маёмасці крэдытаатрымальніка і яго паручыцеляў. За расходаванне сродкаў гарадской касы адказваў магістрат. Ён прымаў рашэнні, на якія мэты расходаваць гарадскія грошы. Пасля чаго выдавалася пісьмовая пастанова ад магістрата аб мэтавым выдзяленні сродкаў, якое зацвярджалася панскім дваром. Па такім пастановах грашовыя сродкі выдаваў касір горада. У выпадку парушэння парадку выдачы гарадскіх сродкаў касір нёс персанальную адказнасць і павінен быў пакрыць шкоду гарадскому бюджэту ўдвая. Прадугледжвалася штогадовая фінансавая справаздача касіра і магістрата аб зборы і расходванні гарадскога бюджэту, якая адбывалася на агульным сходзе мяшчан пры прысутнасці прадстаўніка панскага двара. Фінансавую справаздачу заслухоўвалася і абмяркоўвалася перад новымі выбарамі магістрата: г. зн. 22 чэрвеня [6, арк. 50 адв. – 56, раздз. V].

Важнае месца ў органах кіравання Высокага прадугледжвалася для гарадскога пісара, які вёў ўсё справаводства магістрата і суда. У наглядзе ў пісара павінны былі знаходзіцца гарадская канцылярыя і архіў. У канцылярыі горада павінны былі весціся некалькі відаў кніг справаводства магістрата:

- кніга пратаколаў пасяджэнняў магістрата. Кожная сесія магістрата, як эканамічная, так і судовая, звычайная і экскрэнная, павінна была запісвацца ў кнігу пратаколаў і падпісвацца старшынёй сходу і асэсарамі (пры чым кожны мог запісаць сваё асаблівае меркаванне па вызначаным пытанні);

- кніга для запісу мяшчанскіх спраў; у першую чаргу, спраў, якія датычыліся актаў куплі-продажу, арэнды, залогу нерухомасці, маёмасці, грашовых пазыкаў г. д. (такія справы адносіліся да «вечных спраў») («*spraw wieczystych*»);

- кніга для запісу прызнанняў, скаргаў (у тым ліку і судовых), здзелак, кантрактаў і г. д.;

- кніга рэгістрацыі і запісу распараджэнняў дзяржаўных органаў кіравання, панскага двара, пастаноў-статутаў магістрата аб унутраным парадку горада;

- дэкрэтавая кніга суда магістрата.

Гарадскі пісар вёў кнігі, і асабіста адказваў за іх захаванне. Для архіва яму павінна было быць выдзелена асобнае памяшканне без даступа вільгаці, шкоднікаў і г. д., ключы ад якога знаходзіліся толькі ў пісара. Пісар за свае сродкі павінен быў забяспечваць асвятленне і ацяпленне (для падтрымання неабходнага мікраклімата для захоўвання дакументаў) архіва. У канцы кожнага квартала ён падаваў рахунак сваіх

выдаткаў на гэтыя мэты магістрату, а магістрат, праверыўшы пададзеныя звесткі, павінен быў выдаць асігнацыю касіру аб кампенсацыі дадзеных выдаткаў. Пры гадавой справаздачы магістрата пісар падаваў рэестры сваіх выдаткаў і справаздачу аб сваёй дзейнасці – а сход мяшчан павінен быў яму выдзяліць заслужаную ўзнагароду.

Справы аб маёмасных здзелках пісар павінен быў прымаць толькі пры наяўнасці подпіса двара, г. зн. пасля зацвярджэнне такіх зделак дваром. Інструкцыя арганізацыі самакіравання ў Высокім ўсталёўвала і памер аплаты за паслугі пісара:

- ад ліста дэкрэта – 15 гр.;
- ад выкліку ў суд і за ўпісанне дэкрэта ў гарадскія кнігі – 3 гр.;
- ад прыняцця прыватнага дакумента ў гарадскія кнігі – 1 зл.;
- ад выдачы выпісу з гарадскіх кніг – 10 гр. [6, арк. 59 – 61 адв, раздз. VII].

Лаўнікі сачылі за спраўным станам пячных труб як ў дамах мяшчан-хрысціян, так і яўрэяў, за тым, каб пячныя трубы перыядычна чысціліся (летам раз у тры тыдні, зімой – раз у два тыдні), наглядалі за наяўнасцю драбін на дахах, супрацьпажарнага інвентару, бочак, кадей з вада ў двары кожнага дома. Пры чым кожную суботу павінны дакладваць бурмістру аб стане супрацьпажарнай бяспекі у горадзе. Прычым штотыднёвыя суботнія рапарты лаўнікаў раз у два тыдні павінен быў правяраць прызначаны прадстаўнік магістрата [6, арк. 48 адв., 62, 64 адв., раздз. IV, п. 11, раздз. VIII, п. 2, 9]².

Акрамя гэтага лаўнікі ажыццяўлялі непасрэдны нагляд за правільнасцю будаўніцтва, за нясеннем начной варты, за правапарадам у горадзе (адсутнасцю злодзеяў, непарушэннем правіл гандлю і г. д.). Лаўнікі адказвалі за арганізацыю тушэння пажараў, за давядзенне да ведама жыхароў пастаноў дзяржавы, пана, магістрата. Яны ж сачылі за паводзінамі мяшчан у мястэчку і ў сваіх дамах, адносінамі ў сем'ях, за уборкай смецця перад дамамі і крамамі і г. д. [6, арк. 61 адв. – 64 адв., раздз. VIII].

Хутчэй за ўсё, увядзення самакіравання, аналагічнага як ў Высокім, як сродак паляпшэння грамадскага, эканамічнага становішча планаваўся Францішкам Салегам і ў іншых сваіх гарадах. Пра гэта сведчыць

² За кожным домаўладальнікам замацоўваўся пэўны комплекс супрацьпажарнага інвентару, склад якога запісваўся на спецыяльную таблічку, якая прымацоўвалася да дома. Ваду ў бочках, кадзях у двары дома прадпісвалася мяняць летам кожныя два тыдні, каб вада не затухала і не пагаршаўся санітарна-эпідэмілагічны стан горада [6, арк. 48 адв. раздз. IV, п. 11].

аналагічная інструкцыя (ардынацыя) па арганізацыі самакіравання іншага гарада Ф. Сапегі – Дзярэчына: «Urządzenie juryzdykcyi magdeburkskiej w mieście Dereczyn nazwanym» ад 1 лістапада 1795 г., якая была падпісаны генеральным камісарам уладанняў Ф. Сапегі Янам Зарыцкім. Дадзеная інструкцыя захавалася ў арыгінале і ў цяперашні час захоўваецца ў Бібліятэцы Акадэміі навук Літвы [8, с. 117–147].

Аналіз інструкцыі па арганізацыі самакіравання ў Высокім 1794 г. і Дзярэчыне 1795 г. дазваляе сцвярджаць, што аднымі з крыніц дадзеных дакументаў былі законы «Аб вольных гарадах» Рэчы Паспалітай 1791 і 1793 гг. Так, нормы вышэйзгаданых інструкцый адносна тэрміналогіі, складу магістрата, парадку выбараў у горадзе, абавязкаў магістрата, касіра, пісара, неабходнага колькаснага складу для правамоцнасці суда адпавядалі нормам закона «Аб вольных гарадах» 1791 г. і пастаноў, якія яго дапаўнялі. А пралажэнні інструкцый аб удзеле ў выбарах магістрата ўсіх мяшчан, патрабаванні да кандыдатаў на магістрацкія пасады – адпавядаў нормам закона «Аб вольных гарадах» 1793 г. Разам з тым у дадзеных інструкцыях ёсць пункты адрозныя ад законаў «Аб вольных гарадах»: лаўнікаў павінен быў выбіраць магістрат, а не мяшчане; касіра выбіралі штогод, а не пажыццёва; абавязкі лаўнікаў былі больш шырокімі; у кампетэнцыі гарадскога суда не ўваходзілі пытанні аб зямлі, маёмасці і крымінальныя справы, магістрат Высокага і Дзярэчына знаходзіўся пад кантролем панскага двара, які павінен быў зацвярджаць асноўныя рашэнні гарадскога органа кіравання [8, с. 117–122].

Характэрна, што вышэйназваная рэформа задумвалася як комплексная, г. зн. яна закранала ўсе сферы жыццядзейнасці мяшчан Высокага і ўсяго горада. А так як складовай часткай мястэчка была яго яўрэйская абшчына, то і яна падлягала рэфармаванню (неабходна адзначыць, што ў гэты час, у 90-я гады XVIII ст., у грамадстве Рэчы Паспалітай ішлі інтэнсіўныя спрэчкі, дыскусіі аб становішчы яўрэяў, іх статусе ў дзяржаве [9; 10]). Яўрэйская абшчына Высокага 24 чэрвеня 1794 г. атрымала інструкцыю аналагічную гарадской – інструкцыю па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага («Urządzenie kahału Wysockiego» [6, арк. 66 – 80 адв.] (гл. Дадатак 2).

Інструкцыя па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага 1794 г., як і гарадская інструкцыя, мела прадуманую структуру. Яна складалася з прэамбулы і 5 раздзелаў:

Прэамбула – увядзенне, у якім давалася абгрунтаванне і мэты ўвядзення гэтай інструкцыі для кагала;

- I. – абавязкі кагала;
- II. – склад кагала (10 пунктаў);
- III. – парадак дзейнасці кагала (9 пунктаў);
- IV. – парадак дзейнасці суда кагала (7 пунктаў);
- V. – даходы і выдаткі кагала (15 пунктаў).

Неабходна адзначыць што, калі інструкцыя па арганізацыі самакіравання ў горадзе Высокае 1794 г. ўводзіла самакіравання для мяшчан-хрысціян, то інструкцыю па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага гаворыць пра рэфармаванне, рэгламентацыю самакіравання яўрэйскай абшчыны. Неабходнасць такой рэгламентацыі тлумачылася як склаўшайся цяжкай эканамічнай сітуацыяй у горадзе (што было аналагічна з аргументамі ўвядзення самакіравання для мяшчан), так і злоўжываннямі з боку ранейшага кагала Высокага [6, арк. 66 адв. – 67, прэамбула].

Інструкцыя па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага 1794 г. адзначала, што кагал (тут і далей слова «кагал» абазначае орган самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага) павінен з'яўляцца «кіраўнікамі і гаспадарамі горада і прыналежнай да сябе парафіі», распараджальнікамі кагалных даходаў і суддзямі, адпаведна сваёй кампітэнцыі [6, арк. 67 адв., раздз. I]. Вырашэнне эканамічных пытанняў павінна было стаць асноўным зместам дзейнасці кагала [гл. 6, арк. 71, раздз. III]. Кагал павінен быў памятаць, што «агульны дабрабыт складаецца з дабрабыту і добрага стану маёмасці кожнага асобнага жыхара», і таму павінен быў сачыць за даходамі кожнага члена яўрэйскай абшчыны і, пры неабходнасці, раіць найлепшыя шляхі прыбыткаў [6, арк. 71, раздз. III, п. 3]. У сваёй судовай дзейнасці кагал павінен быў карыстацца сваімі даўнімі звычаямі і правамі; у выпадку нязгоды з рашэннем суда кагала апеляцыя паступала панскаму двару [6, арк. 75 – 76, раздз. IV].

Выбары кагала прызначаліся на 1 ліпеня. Выбарчы сход павінен быў адбывацца ў сінагозе («кагалным доме ці школе») і на ім члены яўрэйскай абшчыны павінны былі выбіраць кандыдатаў у кагал. Кандыдаты ў кагал павінны былі быць вылучаны з добрых гаспадароў-яўрэяў, якія мелі нерухомасць у Высокім і добра ведалі яўрэйскія правы і звычаі. Акрамя гэтага вышэйзгаданыя кандыдаты павінны былі:

- быць не маладзейшымі за 24 гады;
- уносіць у кагал не менш 10 польскіх злотых гадавога даходу;
- не паходзіць з аднаго роду (кандыдаты не павінны былі быць бацькам і сынам, цесцем і зяцем, братам і шваграм);

– кандыдатамі ў кагал не маглі стаць кагальныя слугі і яўрэі-арандары [6, арк. 68, раздз. II, п. 1, 2].

Вылучаныя кандыдаты ў кагал запісваліся ў асобны рэестр, які перадаваўся панскаму двару. Двор, параіўшыся з найбольш уплывовымі і слушнымі членамі яўрэйскай абшчыны аб здольнасцях кожнага вылучанага кандыдата, выбіраў (падкрэслівалі у рэестры) 12 асоб, якія і складалі кагал на працягу года. Першыя чатыры з выбраных дванадцці з’яўляліся б старшымі кагальнымі і астатнія восем з’яўляліся асэсарамі кагала. Звычайны склад кагала складаўся з аднаго старшага і чатырох асэсараў, якія засядалі па чарзе напрацягу аднаго кварталу. Звычайныя пасяджэнні кагала павінны былі адбывацца па аўторках і чацвяргах з 15 па 18 гадзін (у выпадку патрэбы засядаць можна было б і даўжэй). У выпадку неабходнасці правядзення звычайных пасяджэнняў кагала ў іншыя дні, ці правядзення надзвычайных пасяджэнняў, на якія склікаўся б поўны склад кагала, аб часе такіх пасяджэнняў патрэбна было паведаць удзельнікам будачай нарады перадачай пэўнага знаку упаўнаважаным кагала («кагальным бегуном»). Член кагала не меў права прапусціць пасяджэння кагала. Для працы кагала за ім замацоўваўся «пісар ці школьнік», які павінен быў весці як прапаколы пасяджэнняў кагала так і ўсё яго справаводства [6, арк. 68 адв. – 69 адв., раздз. II, п. 3–9]. Штогод 30 чэрвеня кагал павінен быў рабіць справаздачу аб сваёй дзейнасці, у першую чаргу фінансавую, на агульным сходзе яўрэйскай абшчыны гарада ў прысутнасці прадстаўнікоў панскага двара. У выпадку выяўлення злоўжыванняў: выкарыстанне касы кагала у сваіх асабістых мэтах, утайванне нейкага дахода і г. д. – вінаваты павінен быў удвая кампенсавать шкоду і павінен быў быць дваром адхілены ад пасады і ад магчымасці быць членамі кагала напрацягу чатырох год [6, арк. 70, раздз. II, п. 10].

Кагал меў свае дахода і расходы [гл. 6, арк. 76 адв. – 77 адв., раздз. V, арт. 1–5]. Для распараджэння кагальнымі прыходамі і расходамі яўрэйская абшчына павінна была штогод выбіраць касіра, які меў бы асобную кнігу, дзе сапісваліся б усе даходы і расходы. Для захоўвання сваіх даходаў кагал павінен быў мець спецыяльную скрыню – «кассу» з трыма асобнымі замкамі: адзін з якіх быў у панскай адміністрацыі, другі – ў старшага кагальнага, трэці – у касіра. Грошы з кассы касір павінен быў выдаваць толькі па спецыяльнай асігнацыі кагала, якая павінна была быць зацверджана панскім дваром [6, арк. 76 адв. – 80, раздз. V].

У цэлым, можна канстатаваць, што Інструкцыя па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага 1794 г. мела на мэце

арганізацыю самакіравання на новых прынцыпах пад шчыльным кантролем панскага двара.

Нягледзячы на тое, што ў інструкцыі па арганізацыі гарадскога самакіравання ў Высокім 1794 г. адсутнічае канкрэтная дата, можна меркаваць, што яна была складзена прыкладна ў адзін і той жа час з інструкцыяй па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны дадзенага горада, час прыняцця якой вядома – 24 чэрвеня 1794 г.

Узнікае пытанне: ці былі рэалізаваны вышэйзгаданыя інструкцыі па ўвядзення самакіравання мяшчан і яўрэяў Высокага 1794 г.? Прамых дадзеных па гэты конт пакуль не выяўлена. Але ўскосныя дадзеныя дазваляюць адказаць на гэта пытанне сцвярдзальна. Само існаванне інструкцый кажа, што яны ствараліся для ўвядзення ў жыццё. Акрамя таго наяўнасць аналагічнай інструкцыі для мястэчка (горада) Дзярэчын за 1795 г. дазваляе сцвярджаць, што палажэнні дадзенай інструкцыі распрацоўваліся не толькі для аднаго населенага пункта, аднаго валодання Сапегаў – Высокага, а для некалькіх уладанняў (па меншай меры тых, якія знаходзіліся ў аналагічным становішчы, г. зн. размяшчаліся ў дадзеным рэгіёне і не мелі раней самакіравання, як, напрыклад Ражаны). Можна меркаваць, што акрамя Высокага і Дзярэчыне, аналагічныя інструкцыі магла атрымаць Зэльва.

Ёсць і прамыя доказы дзеянні дадзеных інструкцый ў гарадах Францішка Сапегі (прынамсі, адносна яўрэйскага самакіравання). Так, у скарге на зэльвенскі кагал ад 12 ліпеня 1797 г. сцвярджалася, што ў яго склад быў абраны яўрэй 20-гадовага ўзросту, у той час як «інструкцыя (ардынацыя) для кагала» патрабала, каб у кагале не было асоб, маладзейшых за 24 гады [11, арк. 21], г. зн. тут мы бачым веданне палажэнняў інструкцыі па ўвядзення самакіравання яўрэйскай абшчыны. Як і ў дакуменце ад 19 мая 1794 г. упамінаецца «месячны і старшынствуючы (прэзідэнцтвуючы) кагальны ражанскі» Шмойла Лейбавіч. А ў просьбе вышэйпаказанага Шмойлы першай чвэрці XIX ст. аб дапамозе да пана, у якасці аднаго з довадаў, аргументаў атрымання дапамогі значылася, што ён «пункты ардынацыі для кагала стараўся наймацней выконваць па волі пана і ніколі ў гэтым не меў заўваг» [12, арк. 30 – 30 адв.]. У іншым дакуменце Шмойла Лейбавіч ухваляў і дзякаваў пана, які быў «фундатарам ардынацыі і артыкулаў ражанскага кагала, дзякуючы якім кагал прыйшоў да добрага парадку і стана («сітуацыі»)» [12, арк. 50 – 51].

Адносна ўвядзення самакіравання ў гарадах інфармацыя пакуль не выяўлена. Але цікава, што ліст дзярэчынскіх мяшчан у Парадкавую камісію Слонімскага павета ад 1/12 верасня 1796 г. падпісалі

дзярэчынскі вайт Вінцэнт Юхневіч і дзярэчынскі падвойскі Вінцэнт Таранеўскі [11, арк. 13]. Дадзеныя пасады адсутнічаюць у інструкцыі па ўвядзенні магдэбургіі ў Дзярэчыне ад 1795 года, што можа сведчыць як пра нерэалізацыю вышэйзгаданай інструкцыі, так і пра магчымае паралельнае існаванне старых (войта, падвойскага) і новых (магістрата і г. д.) органаў кіравання горада, якія маглі ўзаемадапаўняць адзін аднаго. А ў скарзе зэльвенскага кагала пачатку 20-х гадоў XIX ст. гаворыцца аб наяўнасці ў Зэльве «гарадскога пісара», якому кагал прымушалі выдаваць грашовае ўтрыманне ў 312 злотых у год [13, арк. 24 (рашэннем панскай адміністрацыі маёнтка дадзеная выплата зэльвенскага кагала на карысць зэльвенскага гарадскога пісара была адменена (1822 г.)). Улічваючы вялікі часовы прамежак паміж дадзенымі звесткамі і часам выдання інструкцыі аб увядзенні гарадскога самакіравання ва ўладаннях Францішка Сапегі ў сярэдзіне 90-х гадоў XVIII ст., гэтыя дадзеныя можна лічыць толькі ўскосным доказам ўвядзення ў жыццё палажэнняў дадзеных інструкцый).

14 красавіка 1795 г. у Ружанах Ф. Сапега падпісаў інструкцыю па ўвядзенню сельскіх судоў у сваіх уладаннях – «Увядзенне сельскіх судоў» [6, арк. 93 адв. – 96 адв.] (гл. Дадатак 3). Канкрэтныя ўладанні не названы, але вядома, што Ф. Сапегу, як прадстаўніку чарэйска-ружанскай лініі гэтага магнацкага роду, належалі на захадзе Беларусі маёнткі Ружаны (Ражаная), Дзярэчын, Зэльва, Высокае і інш.

Ідэя ўстанаўлення сельскіх судоў («sądow włościansk[ich]») узнікла ў сувязі з тым, што складальнік інструкцыі рэальна ацэньваў існуючую сітуацыю ў сялянскім асяроддзі і адзначыў гэта ў тэксце: колькі б адміністрацыя не клапацілася аб паляпшэнні становішча сялян, яны не любяць панскі двор, нянавісць да якога «ўсмоктваюць яшчэ з мацярынскім малаком». Прычынамі гэтага была як малая інфармаванасць сялян аб клопатах панскай адміністрацыі пра іх лёс, так і тое, што часта з сялянамі абыходзіліся не як з людзьмі, «а горш, чым з хатняй жывёлай (быдлам)». Таму аўтар дакумента лічыў, што сяляне маюць падставы адмоўна адносіцца да дваровай адміністрацыі і, каб не дазваляць аканомам несправядліва судзіць і караць сялян, землеўласнік уводзіў у сваіх уладаннях інстытут (менавіта для сялян) судоў [6, арк. 93 адв. – 94 адв.].

У дакуменце адзначалася, што ў сувязі з гэтым, і ўлічваючы, што:

- «не бывае чалавека без віны, а таму і начальства ўстаноўлена ад Бога, каб кожная, нават найменшая, правіннасць была без развагі і шкадавання пакарана»;

- «селянін целама і душой роўны кожнаму чалавеку, якога Бог узнагародзіў розумам і даў яму магчымасць усведамляць, што ёсць добрае, і што ёсць дрэннае»;
- зрабіць селяніна законапаслухмяным можна рознымі сродкамі, «найперш асветай людзей», а не толькі «неміласэрным біццём»;
- «клапоцячыся пра здароўе і дабрабыт сялян», землеўласнік, як «пан і дабрадзеі для сваіх падданных» уводзіць гэтыя сельскія суды, якія павінны складацца з сялян і разглядаць сялянскія справы.

Узначальваць такі суд павінен быў вясковы вайт, які выбіраўся сялянамі і зацвярджаўся панскай адміністрацыяй («такім чынам ён стане першым гаспадаром і першым суддзёй той грамады, у якой з'яўляецца вайтам») [6, арк. 94 адв., п. 1].

У дапамогу вайту ў кожнай вёсцы планавалася выбіраць па 2 гаспадары «богабаязных і вартых даверу, якія б разам з вайтам судзілі розныя справы, што ўзнікнуць у іх вёсках» [6, арк. 94 адв., п. 2].

Месцам правядзення суда вызначаўся дом вайта, а на судовых пасяджэннях павінны былі прысутнічаць як абвінаваўцы, так і абвінавачаныя [6, арк. 94 адв. – 95, п. 3].

Ініцыятарамі («donosicielami») узбуджэння спраў у сельскім судзе павінны былі быць дзесятнікі. Суд надзяляўся паўнамоцтвамі разглядаць практычна ўсе справы, якія маглі ўзнікнуць у вёсцы: ад крадзяжоў і скалечання чалавека да забойства і бунтаў. Разам з тым, рашэнні такіх сельскіх судоў павінны былі зацвярджацца адміністрацыяй уладання.

Правапарушэнні сялян адной вёскі (крадзяжы, бойкі, сваркі, шкоды, зробленыя суседзямі) павінны былі разглядацца судом гэтай жа вёскі. Калі справа тычылася сялян з розных вёсак, але аднаго фальварку, яна разглядалася судом вёскі большай па плошчы і колькасці насельніцтва [6, арк. 95 – 95 адв., п. 5].

Селяніна, які прычыніў якую-небудзь шкоду падчас работы ў панскім двары, павінен быў судзіць суд яго вёскі, а не адміністрацыя. Справу таксама прадстаўляў дзесятнік, які быў абавязаны дамагацца справядлівага пакарання вінаватага [6, арк. 95 адв., п. 6].

У выпадку спрэчкі селяніна з вайтам, памочнікамі-суддзямі, дзесятнікамі, справа павінна была разглядацца ў судзе самай вялікай вёскі маёнтка. Калі селянін сам жыў у такой вёсцы, то ён звяртаўся да адміністрацыі ўладання, якая для разгляду справы збірала суд з трох мясцовых сялян-суддзяў [6, арк. 95 адв. – 96, п. 7].

Апеляцыі на рашэнні сельскіх судоў падаваліся ў панскі двор, дзе разглядаліся пратэсты па нязначных справах. Пры апеляцыях «аб

важнейших правіннасцях», якія патрабавалі суролага пакарання (за крадзёж у буйных памерах, калецтва ці забойства чалавека, заклікі да бунту, выдзіранне чужых пчол, падпал лесу і інш.), адміністратар уладання павінен быў запісаць сутнасць справы, довады бакоў, пастанову суда, адаслаць справу да вышэйшага мясцовага кіраўніцтва і чакаць пацвярджэння, змянення або адмены прысуду [6, арк. 96, п. 8].

У інструкцыі асабліва падкрэслівалася, што гультай і марнатраўцы, якія «праз ляготу ці п'янства нішчаць сваю маёмасць», павінны быць пакараны самым суровым чынам [6, арк. 96 адв., п. 10].

У гэтым інструкцыі па ўвядзенні сельскіх судаў падкрэслівалася, што злачынствы і правапарушэнні бываюць розныя, таму і пакаранні павінны адрознівацца і быць адэкватнымі здзейсненым учынкам. Пры гэтым адзначалася, што трэба імкнуцца не ўжываць «біццё», што ўжо ўвайшло ў звычай, а прымяняць дадзены від пакарання толькі ў надзвычайных выпадках. Аўтар інструкцыі заклікаў выкарыстоўваць пакаранні, якія прысаромліваюць чалавека і пераконваюць яго ў шкоднасці парушэнняў, спрыяюць паляпшэнню жыцця («звычай») і «робяць селяніна дабрадзейным».

Да такіх пакаранняў адносіліся:

- ляжанне ў царкве ці касцёле крыжам пад час набажэнства;
- выплата ў вясковую касу штрафу;
- выключэнне «з кампаніі, калі ўся грамада весяліцца»;
- адпрацоўка паншчыны крыўдзіцелем за пакрыўджанага [6, арк. 96 – 96 адв., п. 9] і інш.

Пры ўзбуджэнні і разглядзе судовых спраў важная роля належала ніжэйшым асобам вясковай адміністрацыі – дзесятнікам. У інструкцыі па ўвядзенні сельскіх судаў у адносінах да дзесятнікаў падкрэслівалася, што ў абавязкі апошніх уваходзіла паведамляць адміністрацыі ўладання пра тое, якія сем'і з яго дзесятка жывуць у нязгодзе; у чыіх дамах часцей лаюцца, праклінаюць адзін аднаго, амаральна сябе паводзяць; хто з сялян не клапоціцца пра сваю маёмасць, нішчыць гаспадарку праз гультайства ці п'янства; хто не слухае і не выконвае распараджэнняў сваіх дзесятнікаў ці панскай адміністрацыі; хто не сочыць за сваёй гаспадаркай і не хоча працаваць; хто не забяспечвае матэрыяльна свае сем'і, пасылае малых дзяцей у іншыя вёскі «па хлеб»; хто распрадае маёмасць, ураджай, жыўнасць – «да яўрэя крадком выносіць»; хто несвоечасова і дрэнна апрацоўвае зямлю, «а тое, што яму ўродзіць зямля», не збірае ў час і інш. [6, арк. 95, п. 4].

Неабходна адзначыць, што палажэнні вышэйадзначанай інструкцыі па ўвядзенню сельскіх судаў былі рэалізаваны ў жыццё. Пра гэта сведчыць

тое, што ў дакуменце канца XVIII ст. згадваецца адзін з сялянскіх суддзяў Зэльвенскага маёнтка Юзаф Мацеевіч, які быў абраны суддзёй у 1795 г. і быў ім на працягу як мінімум двух з паловай гадоў [14]. А ў дакументах 1797 г. згадваюцца дзясятнікі в. Алекшыцы Зэльвенскага маёнтка: Якуб Наглы, Дамінік Качуг, Якуб Маралін, Міхаіл Бучна [11, арк. 23].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што выданне інструкцыі аб увядзенні гарадскога самакіравання і самакіравання яўрэйскай абшчыны ў Высокім 1794 года было ажыццёўлена з мэтай стварэння ўмоў для найхутнейшага эканамічнага аднаўлення і дынамічнага развіцця горада. Дадзеная інструкцыі ўводзілі ў Высокім арыгінальныя сістэмы самакіравання ў горада для мяшчан і для яўрэяў.

На змест інструкцыі аб увядзенні гарадскога Высокага 1794 г. аказала ўплыў агульнагарадское заканадаўства Рэчы Паспалітай 90-х гадоў XVIII ст. Можна сказаць, што дадзеная інструкцыя з'яўляецца адаптацыяй законаў аб вольных гарадах Рэчы Паспалітай 1791, 1793 гг. пад умовы прыватнага мястэчка, што выявілася ў інстытуце кантролю і вышэйшай улады над гарадскімі органамі кіравання з боку панскага двара. Магістрат Высокага быў адміністрацыйна-распарадчым і судовым органам. Права выбіраць асноўных гарадскіх чыноўнікаў атрымлівалі мяшчане, другарадных – магістрат. Істотна абмяжоўваліся правы суда, як і распарадчая дзейнасць магістрата ставілася пад поўны кантроль двара.

А Інструкцыя па арганізацыі самакіравання яўрэйскай абшчыны Высокага 1794 г. мела на мэце арганізацыю самакіравання кагала на новых прынцыпах і падпарадкаванне яго кантролю панскага двара.

Як і прыведзеныя матэрыялы сведчаць, што ў канцы XVIII ст. рабіліся спробы змяніць да лепшага становішча сялянства. Прычым рабілася гэта зыходзячы з меркавання аб лепшым землеўласніку, а не земляроба. Рэгламентацыя сацыяльнага жыцця сельскага насельніцтва разумелася як радыкальнае паляпшэнне іх становішча. Інструкцыя аб увядзенні сельскіх судаў была накіравана на такое «паляпшэнне» становішча сельскага насельніцтва, паляпшэння ў разуменні паноў, а не саміх сялян.

Дадаткі

Правілы перадачы тэксту: Тэкст перадаецца без зменаў, памылкі, няправільнае напісанне слоў у арыгінале захаваны. Вылучэнне тлустым шрыфтам, прапіснымі літарамі, падкрэсліваннем пры наборы перадаюцца, кустод (рэкламант) не адзначаецца. Прапушчаныя літары ў скарачаных словах бяруцца ў круглыя дужкі «()». Літары, якія напісаны над радком, набраны курсівам. У квадратных дужках «[]» запісваюцца аўтарскія ўстаўкі. Знакі прыпынку растаўлены

ў адпаведнасці з сучаснымі правіламі пунктуацыі. Канец радка адзначаецца вертыкальнай лініяй, канец старонкі – двума вертыкальнымі лініямі. Нумар ліста даецца ў квадратных дужках курсівам.

Дадатак 1

1794 г. ?. Высокое. – Інструкцыя па арганізацыі самакіравання
(магдэбургіі) ў горадзе Высокае Брэскага ваяводства.

[41] URZĄDZENIE |
juryzdykcyi magdeburskiey |
w mieście |
Wysokie Litewskie |
NAZWANYM. |

[Preambula.] Gdy stany Rz(eczy)p(ospo)l(i)tey na seym ordynaryiny roku | 1776-(g)o w Warszawie zgromadzone, uchylaiąc po | niektórych miastach i miasteczkach przywilejami | nadane magdeburgie dozwolily dziedzicom | w miastach swoich utrzymywanie lub ufundowanie tych że magdeburgii, ile do we wnętrznego | porządku, i potocznego sądu, potrzeba wyciągać będzie; przeto uważaiąc tak wiele w każdym | politycznym ciele rząd przyzwoity, || [41 *adv.*] i do ocalenia powczechnego dobra, i do uszczęśliwieienia każdego w szczegulności mieszkanca pomaga, | przed się wziętem w mieście Wysokie Litt(ewsk)ie nazwanym³ | ufundować juryzdykcyą mieyską, czyli magdeburgią, i osobom do ney wybranym następuiące przepisać ustawy. |

[I.] Osoby magistrat składaiące. |

W tey juryzdykcyi mieyskiey, czyli magdeburgii, | zasiadac będzie osob szesc, to iest burmistrz czyli | prezydent miasta, czterech ossessorow czyli radzcow i ieden pisarz mieyski.

Osoby te wybrane będą od calego miasta i gminu | większością głosow, w przytomności zwierzchnosci mieyscowey, lub zesłaney ze dworu osoby, | to iest burmistrz czyli prezydent na lat dwie, | assessorowie czyli radzcy na rok ieden; pisarz | zas mieyski na lat trzy. |

Wybrane i od dworu potwierdzone osoby, maią | od wszystkich powinne zawsze odbierac uszanowanie i należyte urzędowi posłuszenstwo, a | kto by kolwiek zasiadaiącego w tey juryzdykcyi, ważył się lzyć, obelgę iakową czynic, za dońsieniem dworowi, naysurowiey karany będzie. || [42] Wzajemnie wybrani do tey juryzdykcyi, iako przez to samo, | staią się pierwszymi w mieście, tak oraz powinni bydz | przykładem dla wszystkich w przyzwoitym zachowaniu się i wiernym do pełnianiu obowiązkow swoich, równie i rozkazow zwierzchnosci tak kraiowey, | iako i mieyscowey. |

³ м нап. подстрочным шрифтом

Do pomocy i posługi swoiey magistrat wybierze lu|dzi rozsądných dwóch na ławnikow i dwóch na | pachółkow mieyskich, ktorým i obowiązki sto|sowne do teraznieyszego urz|ądzenia przepiszei | i nadgrode przyzwoit|ą oznaczy.

Aby miasto skł|adki i dochody swoie po r|óżnych | r|ękach, nie miało rozrzucone, wybierze sobie w cza|siej elekcyi magistratu, iednego z obywatelow | słuszných, cnotliwych powszechnie zaufanie maiących, za kassyera; przez kt|órego i dochody | zbierane, i wydatek podług obiasnienia ponizsze|go czyniony b|ędzie. Kassyer corocznie odmienia|ny lub potwierdzany, i na zawsze ieden utrzymy|wany bydz może, według zdatości, wierności | i cnoty iego.

[II.] Elekcyja magistratu. |

Każdego roku dnia 23-(g)o czerwca, czyli w wigil[i]ą S(więtego) || [42 *adv.*] Jana Chrz(es)ciciela święta rzymskiego, po wysłuchaney w kościele mszy świętey udadzą się wszys|cy około godziny dziesiątey z rana na mieysce | od dworu wyznaczone, i tam w obcenosci zwierzchnika, lub zesłanego od dworu, nayprzod prze|czytany b|ędzie registrandydatow, trzech do | burmistrzowstwa czyli prezydencyi, dwónas|tu do assessorstwa czyli radzieictwa; trzech do | pisarstwa i trzech do kassyerstwa podług wakuiących w którym czasie urzędow. |

Kandydatem do magistratu bydz nie może:

1-*mo*. Kt|ó|ry nie ma skonczonych lat 24-*ch* wieku.

2-*go*. Kt|ó|ry | nie iest osiadły w mieście; i nie ma dochodu pe|wnego z gruntu lub rzemiosła przynajmniej | złotych sto.

3-*tio*. Kt|ó|ry iest notowany o iaki | publiczny występ|ek, na ostatek dwóch z iedney | familii, iako to oyciec z synem, teść z zięciem, | brat z szwagrem, w kandydacyi umeiszczeni | bydz nie mogą.

Po przeczytaniu kandydatow i podaniu prezy|dującemu na elekcyi regestru obywatelow | w mieście znaydujących się nawet i czeladzi, | wynidą wszyscy z izby, a potym porz|ądkiem | za wotami do dawania kresek wchodzić po ied|nemu b|ędą, maiąc uwagę w dawaniu kresek na || [43] zdatność i przyzwoite zachowanie wybieraiącey się | osoby. |

Po wotowaniu czyli po spisaniu przez prezy|dującego | kresek przez obywatel|e dawanych, kt|ó|rzy większość | głosow za sobą miec b|ędą, ci urz|ędnikami magi|stratowemi ogł|oszeni zostan|ą, i natychmiast przy|się|gę w obcenosci wszystkich, na wierne powinno|sci swoich odbywanie podług przepisanej rot|y | wykonać b|ędą powinini. |

Cnotliwie przez czas zamierzony sprawuiący się na | urz|ędach, gdy nowa elekcyja nast|ąpi, mogą bydz | na teź same urz|ędy wybrani, czyli potwierdzeni | na dalsze lata, tak iednak, aby po dw|ó|krotnym | urz|ędownianiu ciągłym, trzeci raz obranemi zaraz | nie byli, lecz chyba przepusciwszy iedną elekcy|ą. | To

iest prezydent nie może bydź dłużej ciągiem | iak lat cztery, assessor lat dwie, a pisarz | lat sześć. |

Wzajemnie iesli by który z magistratowych nie za|chował się przyzwocie, nie dochował obowiązkow zaprzysięzonych, lub też władzy sobie | dozwołoney nad granice rozciągał, a bardziej | ieszcze z uciemieniem ludu, takowy po | dwókrrotnym od dworu upomnieniu, ieżeli | by się nie poprawił, za trzecim doniesieniem || [43 *ad v.*] zrucony z urędu będzie, tym z większą dla niego | hanbą że na potym do żadney magistratowey | funkcyi, poko żyć będzie wybrany nie zostanie. |

Jeżeliby któren z magistratowych w ciągu urzędowa|nia swojego, albo dni zycia swojego ukonczył, albo dla przewinienia swego z urędu złożony | został, miasto naydaley w tydzien za uwiadomieniem dworu, sposobem o elekcyi przepi|sanym, innego na to mieysce z poszrodka sie|bie wybierze. |

Dwóch urzędow magistratowych, ani nawet kas|syerstwa, iedna osoba razem miec nie moze, bo | to iest i z krzywdą zdatnych, i trudność dopełnic nalezycie dwa oddzelne obowiązki. |

[III.] Powinnosci magistratu. |

Magistrat czyli osoby do tego składu wybra|ne są rządzcami i gospodarzami całego mia|sta, są zawiadowcami cieszko zapracowanego, | a chętnie od każdego z obywatelow na po|trzebę publiczną offiaruiącego się grosza, są || [44] na ostatek sędziami w sprawach między obywa|telami wydarzonemi ; ztąd troiakię dla nich wy|pływaią obowiązki, a które wyszczegulniaią się. |

[IV.] Co do rządu miasta.

Nietayno powszechności, a pewnie nie ieden z zyiących | ieszcze obywateli z smutkiem wspomina, że miasto | Wysokie Litt(ewsk)ie i w mieszkańcach liczne i w handlach | zamozne, i w rzemieslnikach niegdyś obfite, dzis zdrob|niałe zniszczone i z wszelkiego mienia ogołocone, za|ledwo nosic może postac i nazwisko miasta. Po|zwalam że do upadku miasta przyczynili się w więk|szej części nieszczęścia kraiove, lecz zaprzeczyci | temu nie można, że własny nierząd, niecierpienie, | zadney nad sobą władzy, a w naywiększa zbytek | niepomiarkowany w zyciu domowym, sciągneły | obywatelow do ostatniego ubostwa, a ich po|tomstwo do istotney nędzy.

Przywieść mias|to w tym czasie do pierwszej swietności iest rzeczą | niepodobną, usiłować zas, aby choc w latach po|zniejszych, miasto przyszło do wzrostu i ozdoby; obowiązkiem magistratu będzie koniecznym, || [44 *ad v.*] a to w ten sposob. |

1-*mo.* W każdym tygodniu we wtorek i czwartek od godziny | osmey z rana, do godziny dwunastey, magistrat miec | będzie sessye ekonomiczne,

na których zgłębiac ko|niecznie będzie przyczyny, dla których miasto tak | zubożało, obmyślać będzie szrodki do usanięcia | złego, a poprawienia losu całego miasta |

2-*do*. Uszczęśliwienie ogulne składa się z szczęśliwości i do|brego mienia kazdego wszczegule obywatela, za|czym obowiązkiem będzie magistratu na sessyach | ekonomicznych rozważać pilnie iak się zarządza | w domu każdy mieszkaniec: iakie może mieć przy|zwoite zyski z gruntu, który posiada, z rzemio|sła, handlu, lub przemysłu uczciwego, którym się | bawi: i w zaiem iakie, konieczne, ma wydatki w ro|ku; na wyżywienie siebie i rodziny, na wychowa|nie i edukacją dzieci, na utrzymanie czeladzi | i służących: na opłate podatkow publicznych | i dworowi. |

3-*tio*. Jeżeliby który z obywatelow przez opuszczenie | się w gospodarstwie; za niedbanie rzemiosła, | lub handlu, czy też przemysłu uczciwego, albo też przez piałstwa i zbytki niszczył dom, marnotrawił zebrany, lub zebrac się mogący || [45] majątek; magistrat baczne oko na takiego mieć po|winien, i wczesnie zaradzać temu chociaż by odie|ciem mu w domu rządu, aby zebrany mają|tek dla zony i dzieci w całości pozostał. Prze|ciwnie jeżeli by rządny i cnotliwy obywatel, ale | ubogi, przy nayusilniejszym staraniu i pracy nie | mógł ulepszyć losu swojego, winien będzie magi|strat podać mu sposoby i pomagać, ile w mocy | iego będzie.

W obydwóch jednak przypadkach | ma się znosic z zwierzchnością dwor|ną, i nic bez | dozwolenia na piśmie wydanego nie czynic. |

4-*io*. Opieka wdow i sierot do magistratu należec | będzie, dla czego skoro który gospodarz, lub za|mieszkały w mieście obywatel z tym się swia|tem pozegna, natychmiast magistrat:

Nay|przod. Przyzwie starszego i czterech brackich, | z niemi ułoży porządek pogrzebu, wyznaczy | co ma kosztować, światło i posługa bracka, | co ma bydz zapłaconą xiędzu za pochowa|nie; tak iednak miarkuiąc, aby cały koszt po|grzebowy nie więcey wynosił nad procent trze|ci od sta całego pozostałego po zmarłym | obywatelu majątku, a wyznaczona wielość | na obchod pogrzebowy ma bydz natychmiast || [45 *адв.*] zapisana do protokołu dziennego magistratowego | z podpisem magistratowych i osob brackich na | tey sessyi zasiadaiących. Pieniądze zaś oznaczone | kassyerowi mieyskiemu oddane bydz powinny.

Po|wtore. Magistrat cały zebrany [wybierze] z po między siebie | dwóch, który razem z pisarzem i dodanym ze | dworu widzu, poydą do domu zmarłego, majątek iego cały ruchomy i nieruchomy, najmniey|szej rzeczy nieopuszczaiąc spiszą i registr ta|kowy z podpisem wszystkich do zakonnoto|wa|nia zwierzchności miajscowey podadzą.

Potrzenie. Po spisaniu majątku zmarłego obywatela magistrat w⁴ zupełnym komplecie jednego z pokrewnych zmarłego, a gdy by tych nie było, jednego z słusznych, cnotliwych i majątkiem zmarłemu dorównyujących gospodarzy miasta wybierze za opiekuna zonie i małoletnim dzieciom, onemu dozor nad majątkiem pozostałym, opiekę nad sierotami zleci, | pod warunkiem, aby za dościslem lat osieroczonych dzieci zdał najszybszy rachunek | z zawiadywanego majątku.

Poczwarte. | Jeżeli by potrzeba konieczna wyciągała, albo rzeczy pozostałe, nim dzieci do lat zupełnych || [46] przyjdą ruinie zepsuciu, lub zniszczeniu podpadać | by mogły, w takowym zdarzeniu wolno będzie magistratowi przez aukcją sprzedać, sumę zebrałą w pewnych ręku ulokować, z niego sierotom | pozostałym na edukacją, wyżywienie i opatrzenie przyzwoite do wzrostu ich zupełnego, a zaś | matce-wdowie do życia iey, lub powtórzenia małżeństwa obmyślać, gospodarstwo domowe utrzymywac; a całą czynność czyli urządzenie majątku zmarłego obywatela pod approbatę zwierzchności miejscowej podać. |

5-to. Doświadczenie poucza, że synowie i córki po | śmierci oycy swojego nie mogą się podzielić | majątkiem pozostałym, a z tąd kłótnie i wyniszczenie sierot, przeto obowiązkiem będzie magistratu, spisawszy cały majątek, tak go podzielić, aby trzy części dostawały się synom, a czwartą corkom. Ze zaś w mieście Wysokim Litt(ewsk)im | znajduje się szkoła parafialna i różni rzemieślnicy; za czym powinnością będzie opiekuna, aby nim przyjdą do gospodarstwa synowie, pozostali niegdzie indziej, iak tylo w mieście brali edukacją. Corki zaś czy to przez | służbę, czy przez naukę robot ręcznych ||[46 adw.] starali się oprzymnozenie majątku, i stać się w czasie dobrą gospodynią. |

6-to. Uszanowanie i wdzięczność zawsze należą od dzieci | rodzicom, za czym gdy oyciec odumrze, matka wdowa pozostała, powinna mieć od dzieci pożywienie, przytulenie i opatrzenie; dla czego magistrat czuwać nad tym powinien, wyznaczyć dla wdowy | pomieszkanie i opatrzenie od dzieci; a opiekun | nieposłusznych w tej okoliczności dzieci magistratowi i dworowi donosić będzie powinien. |

7-mo. Wiele jest w mieście, którzy ani handlem, ani | rzemiosłem, ani żadną przyzwoitą nie zatrudniają się pracą, owszem nie mając domu, ni gospodarstwa, próżniactwem, pijatryką i oszukanstwem bawią się. Wielu, którzy uciekając pracy rolnej, przyjmują służby u żydów, aby | przepatrzawszy dobrze w mieście, nieostrożnego skradali gospodarza. Wielu i takich, | który pod pozorem ubóstwa, kalectwa żebranino się bawią; aby wzbudzono w dru-

⁴ в выпр. з инш. літары (з)

gich | litoscią, ukrzepczali swoje lenistwo do pracy. | Tacy wszyscy rozumiani bydz maią za wło|cengow i niegodnych obywatelstwa; a za tym || [47] z miasta wypędzani bydz maią, a magistratu bę|dzie powinnością, czuwać naybardziej, aby każdy, | w miescie znayduiący się, nie był bez roboty i pew|nego sposobu do zycia. |

8-vo. Grunta mieyskie przez iednych obywatelow po|zastawiane, przez drugich posprzedawane, przez | jnych opuszczone, odłogiem leżąc, miastu zad|nego nie czynią uzytku. Rządny magistrat | zatrudnic się tym, koniecznie, powinien; aby własność | powszechności odzyskana była. Dla czego weyrzy | w szczeguły, za iakim prawem, kto z kolwiek on iest | posiada grunta, miastu od dziedzicow nadane, | oderwane grunta odzyskać, zastawne wykupic, odłogiem leżące zarabiac na uzytek powszechny | starac się będzie; zawsze iednak za wiedzą i za | zniesieniem się z dworem. |

9-no. W niedawnym bardza czasie miasto Wysokie, | miało swoją⁵ cegielnie, potrzeby utrzymywania | oney nie trzeba wypisywać, zna powszechność, | że w całym prawie miescie kominy pozapadali, | grożą wszystkim mieszkancom zniszczeniem | od pożaru. Zaradzić temu skarb ieden nie | wystarczy; obywatel zaś wymawia się że || [47 adw.] dostać cegeł nie moze; lecz magistrat będzie utrzymy|wać cegielnie, ochroni powszechność od pożaru, | i znaczną do kassy mieyskiey przysporzy jntra|te. |

10-mo. Bractwa czyli cechy miewaią co cztery niedzie|le swoje schodzki, i na nich czynione bywaią | składki, które iako się obracały i na czyi uzytek | niewiadomo. Nie iest myślą moią uwłaczać | w czym kolwiek ustawom, lub przepisom tym | bractwom czyli cechom, od dziedzicow nada|nym, owszem we wszystkich punktach we|dle przywileiow, aby były dochowane. Miec | chcę i zalecam, lecz że grosz sztrofowy z skła|dek wybierany, iest groszem powszechności; | przeto by publicznemu, a nieszczegulnemu | służył dobru następujące czynię urządzenie: |

1-mo. Na początku każdego miesiąca brac|two czyli cechy będą miały swoje zwyczaj|ne schadzki w izbie i w przytomności ma|gistratowych. Starsi bratcy zasiądą ra|zem z magistratowemi, inni dalsze miey|sta obeymą.

2-do. Po rozpoczęciu sessyi | każdej, starszy poda na pismie stan | swojego cechu czy kunsztu, wiele wzeszłym || [48] miesiącu wyrobili i sprzedali towarow: wiele | do wyrobienia lub sprzedania miec mogą; który | rzemieślnik lub czeladnik pracowicie stara się o | pomnożenie swojego kunsztu, a który gnusny i | niepracuiący; czy utrzymywana była iedność, zgoda i | bogoboyność między małzenstwem, familią i czeladzią; iakie uszanowanie czyniły dzieci dla rodzicow; a ia|ką rodzice okazywali miłość ku dzieciom.

⁵ s выпр. з інш. літары

Czy | czeladka w domu była posłuszna gospodarzom | swoim; i czy gospodarze nie ukrzywdzali w czym | czeladzi swojej. Jakie użytki miał każdy gospo|darz; i iaka składka do kassy publiczney od | nich się należy.

3-*tio*. Magistrat odebrawszy na | piśmie powyższe przełożenia, razem z starszemi | brackimi naradzać się będzie gruntownie, iak by | dobro ulepszyć, złe usmierzyc, cnotliwego zachęcić | występnego poprawić, krnąbrnego przełamać, a | złośliwego ukarać, i te wszystkie uwagi czyli po|stanowienia na udzielnym papierze wypisaw|szy, zwierzchności mieyscowey do approbaty | poda, a potem do dyaryuszu swojego wciągn|wszy, publiczności ogłosi.

4-*to*. Jezeliby któ|ry z brackich był oprzewinienia iakowe za|skarżony, magistrat powinien wysłuchać || [48 *αδβ.*] jego usprawiedliwienia i podług sprawiedliwości | wydać na piśmie swój wyrok, a pieniądze bądź | z składek cechowych, bądź z zasądzenia sztrofow | zebrane, do kassy generalney mieyskiej natych|miast oddane bydz mają. |

11-*mo*. Magistrat będąc rządcą i gospodarzem cale|go miasta rownie o dobro mienić, iako też o | czułość i ozdobe onego dbać zawsze powinien. | Dla czego przydujący kazdey soboty, przez | ławnikow odbierać będzie rapport: czy | w kazdym domu tak chrzescianskim, iako | zydowskim kominy nalezycie nad dach są | wyprowadzone, we szrodku dobrze opatrzone, lub też popękale, i z tynku opadłe; czy każ|dy gospodarz starasie mieć wytarte kominy | zimą w tygodni dwa, latem w tygodni trzy; czy u kazdego gospodarza są postawione dra|biny na dach do ratowania w przypadku | zaięcia się; czy u kazdego znajduie się porządek | ogniowy na tablicie nad domem przybi|tey wyrazony; czy niezepsuty, czy nadorędziu | lożący, aby w czasie potrzeby rychle z naczy|niem oznaczonym stanął u ognia; czy przed | kazdym domem stoią kadzie wodą nalane, || [49] a co dwie niedziele latem woda odmieniana, aby | nie zatenchła i zarazy miastu nie przynosiła |

12-*do*. Dostrzegać i tego magistrat powinien, aby buduią|cy się stawiali domy w linie proste na podmuro|waniu wysokim, przynamniey od ziemi na poł|tora łokcia; pokryte dachowką, a przynamniey | gętami, nigdy zaś dranicami, tym bardziey sło|mą; aby dom od domu był przynamniey | odległy na sązni pięć; aby przed kazdym do|mem, a chocby i koło domu były zasadzone | drzewa, które by rozłozysteścią swoją i ochronie | w pożarze domowi i ozdobe miastu przyno|siły. Aby takowe drzewa koszykami oplecione | do kołow grubych przywiązane, byli ieszcze ko|bylicami od ulicy zasłonięte, aby przeiezdaią|cy i kołami drzew nie psuli i koni do nich nie | przywiązywali. |

13-*tio*. Magistrat i przez ławnikow, i ze strony często | wywiadywać się będzie obowiązany: czyli iaka | podeyrzana osoba w którym się domu nie

tai | jeżeli iaki występек gorszący w mieście popełniony; nie iest utaionym przed zwierzchnością | mieyscową: jeżeliby nie było albo nie masz iałkowych przechodzących, przeiezdziających osob || [49 adw.] bez paszportow, bez służby, bez sposobu żadnego | do zycia, a tym samym podeyrzanych, że łatwo na | kradzież, zaboy lub podpalenie miasta odwazyc się | mogą. Jeżeli takowy włocenga był przeięty przy|trzymany, dworowi opowiedziany, lub przeciwnie | bez wiedzy zwierzchności z miasta wypuszczony, | albo też do ucieczki ułatwionym został.

Straż | nocna tak chrzescianska iako i zydowska, czy od|bywa swoy obowiązek pilnie; słowem magistrat | scisle i często wywiadywac się o tym powinien, co | tylo do porządku, ozdoby, bezpieczenstwa i całości | miasta nalezy; a nie spuszcziąc się na doniesienia | i rapporta ławnikow, które często omylne bydz | mogą; magistrat co dwa tygodnie wybierze z po|między siebie iednego, aby odwiedził wszystkie | mieysca i domy, a tym samym daswiadczył, | czyli rapporta ławnikow są wierne i rzetelne. |

14-o. Na początku każdego miesiąca cały urząd ma|gistratowy będzie winien stawic się przed zwierzch|noscią dworną, złożyć rapporta tygodnio|we od ławnikow podawane, podać xięgi do za|konnotowania i przelozyc na piśmie, czemu | w zesłym miesiącu zaradzili, co rozsądzili, | lub zaspokoiли: a na co ieszcze pomocy dwor|ney potrzebią. ||

[50] 15-to. W czasie strzez Boże ognia opatry wszędzie i na | wszystko dozor pilniejszy magistrat miec powi|nien. Gdy więc postrzezony zostanie ogien, na|tychmiast wysłać ma ławnikow i sług mieyskich | do wypędzenia ludzi z domow z naczyniami każ|demu przepisanemi, zostawiwszy w każdym do|mu osobę rostopną i uważną dla pilnowania | własnego majątku od kradziezy; w takim przypad|ku nayczęsciey wydarzaiącey się. Przezydent zaś | uda się do zwierzchności dworney, dla odebrania | rozkazow w takim razie potrzebnych. Cały zaś | magistrat nieodstępny bydz powinien, aż | ogien zupełnie ugaszony zostanie. |

16-to. Uniwersały Kraiowe, lub zalecenia dworu | co do porządku, ozdoby i bezpieczenstwa mia|sta, lub potrzeb kraiowych, magistrat odebraw|szy, natychmiast do xięgi udzielney wpisać ie | rozkaże; o wyszłych zaleceniach przez ław|nikow całe miasto uwiadomi, a gdy skutecz|nione zostaną doniesie zwierzchnosci, lub przy|czyny nieuskutecznienia opowie. |

[V.] Co do przychodow i wydat|kow mieyskich. ||

[50 adw.] Nie ma w prawdzie miasto żadnego udzielnego fundu|szu, z którego by trwale potrzeby miasta opatry|wane bydz mogly. Lecz gdy by zyski uboczne, iałkie są z składek cechowych i mieyskich, sztrofow | lub przysądzanych win, były poświęcane do|bru powszechnemu. Miało by do tąd

miasto znaćne zapasy, a przemysłem i wiernym zarządza|niem powiększało by co raz dochody swoje. |

Poprawiać błędy, lepiej iest choc późno, iak | nigdy. Dla czego względem dochodow miey|skich następane daie prawidła.

1-*mo*. Jeden z maitnych i cnotliwych obywateli ma bydz | od calego miasta, iako się wy[s]zey rzekło wybrany za | kassyera na rok ieden lub i więcej podług doznaney | wiernosci i zdatności. |

2-*do*. Kassyer będzie miał udzielną xięgę, w którą wszelkie | przychody i wydatki miasta pod dattami wier|nie zapisywać będzie. |

3-*tio*. Kosztem miasta będzie zrobiona skrzynia czyli | kassa z otworem w gorze, aby przez niego mog|ly bydz wkładane roznego gatunku pieniądze | z trzema udzielnemi kluczami, z których ieden u | zwierzchności mieyscowey, drugi u iednego z ma|gistratowych według kolei, trzeci u kassyera || [51] znaydowac się powinien. |

4-*to*. Rzekło się wyszey że wiele gruntu posiadaią obcy, a z którego miasta żadnego uzytku nie ma; prze|to magistrat odzyskawszy własność swoią tak | ułoży, iż by po zapłaceniu należności dworowi, | reszta użytku służyła miastu, iuż co przez wyda|nie kontraktow urzędownych od siebie, iuż przez | obmyślanie sposobu, aby najmniejszy kawałek | gruntu odłogiem nie leżał. |

5-*to*. Składki brackie czyli cechow rzemieslnicznych, | sztrofy i zasądzone na przestępnych oplaty pie|niężne rownie w cechach, iako i sądach magistra|towych oznaczona wielość na obchod pogrzebo|wy, w kupna do cechow i tym podobne; przy|chody do kassy generalney wnoszone bydz | powinny, z odebrania których, podług przysła|ney na pismie od magistratu specyffikacyi, | kassyer wnoszącego zakwituie, a nie czyniące|go dosyc wyrokowi dworowi doniesie, dla | zyskania exekucyi, i wybrania dwoie tyle co | będzie zasądzaną. |

6-*to*. Na pierwszey zaraz sessyi magistrat spi|sze ragestr wszystkich obywatelow chrzescian, | z wyszczegulnieniem wiele który powinien || [51 *adv.*] zapłacić podatka publicznego, wiele dworowi, wie|le miastu. Wyznaczy potym dwóch z poszrodku | siebie, który razem z ławnikiem poydą do domu | każdego gospodarza, nieopuszczaiąc i siebie, uwia|domią o należney opłacie, dzien wnoszenia do kas|sy mieyskiej ogłoszą, a dla pamięci na scianie | tak wielość podatku, iako i dzien którego wno|sie się maia, u każdego gospodarza zapiszą. |

7-*mo*. Ławnik czyli kto inny za poborce do⁶ magistra|tu wybrany w dniu, który do wybierania po|datku przez magistrat będzie wyznaczony, na|każe obywatelem wnosić do siebie należność, wno|szącego zakwituie, i zabrane pieniądze do kassy miey|skiej wniesie. |

⁶ так у ркп., треба чытаць од

8-vo. Po wyszłym terminie do znoszenia podatkow po|borca wypisze re-
gestr u których zalega z wyszcze|gulnieniem, którzy przez krnąbrność, a któ-
ry | przez niemożność podatku nie addali, i takowy | magistratowi dla zyskania
exekucyi poda. Co nay|szczegulnief ma się rozumiec o podatkach publicz-
nych, iako to podymnym, uchwałach etcete(ra), | który dwóma przynajmniey
tygodniami zebra|ne i wczesnie do kancellaryow wniesione bydz | powinny,
nie czekaiąc exekucyi woyskowej. || [52] exekutne bowiem nie z kassy gene-
ralney, lecz | z własnego magistratowych maiątku zaliczone | będzie. |

9-no. Dla uformowania w czas przyszły kassy miey|skiej magistrat we-
społ z starszemi brackimi | i cechowemi tudzież z słusznemi gospodrzami,
| niepierwiey⁷ obliczą kassy cechowe i brackie, po|tym ułożą składkę z dobro-
wolney offiary na ten | raz tylko, do której przykładaiąc się dwor od|stępuie
na zawsze magistratowi kwitowe zwyk|łe przy czynszach wybierane. |

10-mo. Aby takowa kassa co raz większy wzrost bra|ła, ustanawiaią się
prawidła:

1-mo. W każdym | roku opłacaiaący czynsz do dworu, od każdego | wno-
szącego się złotego zaliczy do kassy miey|skiej po groszy miedzianych trzy.

2-do. Cze|ladnicy płatni, komornicy bawiaący się handlem, rzemiosłem
lub iakim kolwiek uczciwym prze|mysłem, w proporcją zysku, który w
miescie | maią oddadzą do kassy mieyskiej w każdym | roku część dwu-
dziesta zysku.

3-tio. Potrze|buiący obywatel na handel, polepszenie go|spodarstwa, rze-
miosła, postawienie doma | i jnne przyzwoite zyski pieniędzy, ma się | udać ||
[52 adw.] do magistratu z prozbą na piśmie o pozyczenie | z kassy mieyskiej
pieniędzy z wyznaczeniem ter|minu, którego ma oddać, i z postanowieniem
dwóch | za siebie paręcznikow. Magistrat uznawszy po|trzebe i bezpieczenstwo
wyda assygnacją do kassy | generalney na pożyczkę żądanych pieniędzy. |

4-to. Po uzyskaney assygnacyi od magistratu | pozyczaiący pieniędzy z
dwóma poręcznika|mi poydzie do kassy i na tey że assygnacyi zapi|sze: iak
wiele bierze pieniędzy, do którego czasu, | i takowy zapis podpisom swoim
i paręcznikow, | chociaż by krzyzykami, utwierdziwszy, odbierze ża|dane
pieniądze, i od nich zaraz zapłaci procentu | cztery od sta.

5-to. Termin pożyczki dłuższy | bydz nie może nad sześć miesięcy, a
ieżeli by po | upłynionym takowym terminie pozyczaiący | nie był w stanie
oddania wziętych z kassy pie|niędzy, magistrat może mu ieszcze kredy-
to|wać na drugie sześć miesięcy, ale iuż na drugie | pułrocze nie cztery
lecz sześć od sta pro|centu zapłaci. Gdy by zaś i na drugim ter|minie po-
życzonych pieniędzy nie oddawał, | w takowym zdarzeniu i pozyczaiący

⁷ так у ркп., трэба чытаць напярвей

i pa| ręcznicy z osob i majątkow swoich || [53] odpowiadać będą powinni, pod nayscisleyszą dworu | exekucją. |

11-*mo*. Żydzi mieszkańcy Wysocey, jeżeli by w kassie miey|skiey pożyczają pieniędzy chcieli, według przepisu | powyższego, mogą być uczestnikami tego dobra|dzieystwa, lecz zapłaci prowizyi w pierwszym | terminie sześć od sta, a w drugim osm od sta, pod | karą iako wyszey na nieoddającego w terminie. |

12-*do*. Kassyer żadnych wydatkow czynić nie może, poko | nie odbierze na piśmie wydanej assygnacyi przez | magistrat podpisanej, a przez dwor utwier|dzony, a jeżeliby tej ostrożności nie użył, albo | magistratowych pieniędzy na swoją potrzebe | użył, albo nie potrzebny wydatek uczynił, tedy | we dwoie z majątku swojego wrócić będzie po|winien. Podobnie że gdy by za wydaną assy|gnacją opłacił summe, a kwitu od biorącego | pieniądze, lub obligu od pożyczającego nie | wzięł, tedy wydatek takowy przyjęty mu nie | będzie. Dla czego na początku każdego mie|siąca powinien będzie przynieść księgę, w któ|rą przychody i wydatki codziennie, i drugą, | w której pożyczkę pieniędzy zapisuje, z wy|szczegulnieniem którego roku, dnia || [53 *ad v.*] i miesiąca, komu, iak wiele, za czyją paręką, na iaki | termin, iaki opłacony procent, i czy oddana na termi|nie summą, lub nie. A to dla zakonnotowania przez | magistrat i zwierzchność dworną. |

13-*io*. Wydatkow miasta dwa są nayznaczniejsze rodzaje: to jest podymne i czynsze dworne; pierwsze | podług lustracyi od chrześcian tylko, drugie zaś | od chrześcian i od żydow podług rejestru bircze|go wybrane, i w czasie przyzwoitym, tam gdzie | należy, oddawane za kwitami być mają. Inne | wydatki, gdy magistrat czynić zechce, nie ina|czey to czynić może, aż za iednomyslnym na | sessyi udecydowaniem i approbatą dworu. |

14-*to*. Ponieważ składki brackie od tąd do kassy | mieyskiej wpływać będą powinny, przeto wy|datki na światło do kościoła i cerkwiow po|dług ustawow i zwyczajow dawnych z tej że | kassy czynione być mają; oszczędność ied|nak we wszystkim zachowana być ma, a | grosz ieden z kassy poruszony przyjęty nie | będzie, dopóko konieczność wydatku, przez | magistrat uznana, a przez dwor na piśmie || [54] utwierdzona nie zostanie. Szanuję ja religią i święte | jej obrządki, lecz nauczony od psalmisty, że Bóg | w całopaleniach się nie kocha i nie chce, aby na ołtarz | jego kładzione były cielce, przeto znosząc zbytkującą, a powszechność i krzywdzącą i gorszącą, gor|liwosc stanowie:

1-*mo*. Magistrat każe do siebie przy|nieść wszystkie brackie księgi, rozrząśnie i wyexa|minuje scisle, gdzie się podziała (aż do wycięczenia | miasta) uczyniona składka, na wystawienie do|mu dla prezbitera w ulicy

Wyhanowskiey, a na|wet i zrab w tey ze ulicy stoący: co kaźdego roku | na poprawe i ozdobe cerkwi dawalo bractwo i | miasto.

2-do. Odwazyć rozkaże воск wszystkich | bracki w cerkwi znayduiący się, z niego do koscio|ła i cerkwiow odda na ołtarze, podług ustawy | dawney swiece. Ręczne zaś czyli do processyow | według potrzeby sporzadzisz, pod zamknię|ciem trzymać rozkaże. Wydatek na dokupienie | wrocne wo-sku, w proporcją potrzeby przyięty będzie.

3-tio. Było zwyczajem i do tych czas | się zachowuie, iż w czasie znacz-niejszych uro|czystosci, kosztem bractwa dawane bywały dla || [54 adw.] zgromadzonych na praźniki prezbiterow, | obiady i uczty. Zwyczaj ten od tąd na zawsze zno|szę, a grosz ieden z kassy mieyscowey na takowe | bie-siady poruszony we troynasob za nayscisleyszą | exekucją z maiątku osob magistratowych od|zyskany bydz ma.

4-to. Rzekło się wyszey, że sko|ro któren z mieszkancow dni zycia swo-iego u|konczy, magistrat winien zatrudnie się ułożeniem | porządku pogrze-bowego i oznaczeniem kosztu. | Pamiętny bydz musi uniwersał zeszłego j(asna)o(świaczonego) | xięcia j(ego) m(iłość)ci Alexandra Sapiehy kancle-rza w(ielkeg)o | W(ielkeg)o X(ięstw)a L(i)tt(ewskiego)o pod rokiem 1778-m do wszystkich | miast dziedzicznych wydany i ustawu wzglę|dem opłaty od pogrzebów, a iesli poszedł w za|pomnienie, ja ponawiam, że od pogrzebu oby|watela moźniejszego złotych trzy, od uboźszego | złoty ieden groszy piętnascie, a niewięcey bra|no i dawano bydz ma xiędzu. W cale zaś | ubogi darmo pochowany bydz powinien. | Ustawie takowey powodowała słu-szość, xię|za albowiem maiący dostarczaiący fundusz | na wyzywienie sie-bie, i opatrzenie koscielnych | potrzeb, ani maią, ani miec mogą prawo do || [55] wymagania od paraffian udzielney, za powin|ność nadgrody. |

15-to. W czasie przechodu lub konsystencyi żołnierza kra|jowego czy ob-cego, gdy będą brane podwody, | furaże, prowiannty i inne tym podobne, słu-szość sama wyciąga, a żeby wydatek na to nie | przez kassę mieyską, lecz przez całe miasto | był łożony. Dla czego w wydarzoney takowey | oko-liczności magistrat, zniósłszy się z zwierzch|noscią dworną, zastąpi z kassy mieyskiej, | lub przez wczesne urządzenie, gwałtowną potrze|be ułatwi; a zniósłszy wydatek miesięczny, u|czyni za wiadomością i approbatą dworu, roz|kład pomiarkowany rownie na czrzcescian iako | i zydw, tak aby ciężar publiczny wszyst|kich obywatelów iednostaynie dotykał, i zwra|cał koszt z kassy mieyskiej podięty. |

16-o. W wigilią elekcyi nowego magistratu, to jest | dnia 22-o czerwca, kassyer i magistrat w przy|tomności całego miasta, złożą przed zwierzch|no-scią dworną rachunek roczny z przy|chodów i roschodów, niemniey zdadzą

spra|wę ze wszelkich czynności swoich, a || [55 *ad v.*] zwierzchność, gdy znajdzie wszystko przyzwoicie | udziałano, wyda kwit na piśmie z pochwałą i przy|zwoitym zaswiadczeniem osobom magistrat skła|daiącym i onym do nowego wyboru zaleci. A lu|bo cnota, sła|wa, ufność i miłość w obywatelstwie, | najzyskownieyszą dla każdego dobrze myślącego | bywają nadgro|dą; ieżeli by iednak który z magi|stratowych potrzebował i co do majątku zapomo|żenia; zwierzchność dworna razem z miastem | wynaydzie sposoby, któremi by praca i cnota oby|watelska przyzwoicie zasilone bydz mogły. Wza|jemnie gdy by z rachunkow okazało się, iż oso|by magistratowie na własne lub mniej potrzeb|ne wydatki brac z kassy meyskiej pieniądze | wazyli się, albo przychod iakowy by też nay|mniej utaili, lub też wydatek powiększyli, | w takim zdarzeniu zwierzchność dworu opisaw|szy jch niewierność i niegodziwość czynow, wyda | rozkaz, aby wzięte pieniądze z kassy mieyskiej, | lub marnie strwonione, natychmiast z majątku | osob magistrat składaiących we troynasob | były odzyskane. A same osoby za niezdatne | utrzymywania rządu w magistracie, na lat | cztery ogłoszone zostaną.

Miło zapewna || [56] będzie kazdemu by też nayubozszemu, grosz iak mo|wią od gęby odiyty nieść do składki i offiary publicz|ney, gdy każdy w szczegulności, przez zdawanie pu|blicznych rachunkow przekonany zostanie, iż | ten nie naprywatne zyski, lecz na konieczne miasta | potrzeby iest obrucony. A z tą dla zawiaduiących dochodami pomnażac się będzie coraz w obywa|telach ufność, szacunek i wdzięczność, iako dla spraw|cow ogulnego i szczegulnego uszczęśliwienia. |

[VI.] Co do sądow magistratowych. |

Dla porządku miasta i dla rychłyszego załatwienia spo|row, często między obywatelami wydarzaiących się, daje się moc tey juryzdykcji sądenia spraw z pier|wszey instancyi, z wolną iednak zawsze ukrzywdzo|nemu do dworu appellacyą, a to w ten sposob: |

1-*mo.* Czuiący krzywdę obywatel od obywatela ma na|tychmiast udac sie do pisarza sądowego, przeło|żyć krzywdę swoją, a pisarz da znak, aby oskar|żony trzeciego dnia po odebranym znaku sta|wił się u sądu. |

2-*do.* Jeżeli by oskarżony za danym sobie ad pisa|rza znakiem nie stawił się u sądu w czasie || [56 *ad v.*] wyznaczonym, za takowe nieposłuszeństwo w pierwszym | razie ukarany bydz ma zapłaceniem do karbony są|dowey złoty ieden, za drugim razem zapłaci złotych | dwa, a za trzecim – złotych cztery i dworowi zastanie | doniesiony, od którego będzie wyznaczona kara na | upornie sprzeciwiaiącego się. |

3-*tio.* Gdy obiedwie strony staną u sądu ma nayprzod | oskarzaiący powiedziec krzywdę swoją lub na pi|smie podać, a potem toż samą uczyni oskar-

żony, | a kiedy obiedwie strony przelożą iuż dostatecznie | rzecz swoją, każą wszystkim ustąpic, a prezydent | z assessorami i pisarzem, zostawszy w jzbie zam|kniętey, roztrząsać zaczną wszystkie okolicznosci, i | iako jm sumnienie, rozsądek, złożone z obu stron | dowody lub świadectwa, a nadewszystko wyko|nana przysięga doradzać będą, tak zadecyduią | iednomyslnie lub większością głosow. Pisarz | zaś natychmiast wyrok sądu w protokule za|pisze. |

4-to. Po zapisanym w protokule iednomyslnie | lub większością głosow zapadłego wyroku, ma|ią strony przywołać do jzby, a pisarz de|czyzą sądu głośno onym przeczyta. Po || [57] przeczytaniu zas, iesli by strony niekotentowały się | wyrokiem, i odwołały się do zwierzchnosci dwor|ney, ma jm to sąd dopuscic, a pisarz zapi|sze w protokule, że appellowali. Wszakże czy|li strony będo sie⁸ kontentowały dekre|tem, czyli nie⁹, pisarz ma jm wy|dac z xiąg¹⁰ dekret pod pieczę|cią mieyską, któ¹¹ra ma miec obraz | świętego Jana Chrz[s]ciciela z napisem około: | «Pieczęć miasta Wysokiego Litt(ewskiego)». |

5-to. Gdy by która osoba z urzędnikow, miała spra|we w juryzdykcyi mieyskiej na ten czas sa|ma zasiadać nie powinna, ale iesliby prezy|dent, naprzykład, sam buł zapozwany, miey|sce jego pierwszy z assessorow zasiądzie. Pi|sarza też assessor ieden w takowym razie | zastąpic powinien. |

6-to. Komplet sądowy składać się ma zawsze z trzech | magistratowych i pisarza, który decydo|wać nie może, tyło wyroki sądu wiernie za|pisywać powinien, iako o tym niżej. Wszak|że ieszeli by chcieli wszyscy razem zasiadać | w sądzie, wolno jm to będzie. ||

[57 adw.] 7-mo. Każdy obywatel czuiący od wspol obywatela krzyw|de najpierwiey rozprawic się będzie powinien w są|dzie mieyskim, a dopiero przez appellacyą przycho|dzie do dworu. Sprawy zaś, które w tey juryzdyk|cyi roztrząsane bydz maia są następujące, iako to:

- | o nieuszanie rodzicow przez dzieci;
- nie|posłuszeństwo czeladzi ku gospodarzom, czeladni|kow ku maystrom;
- zabor w szkodzie byd|ła lub ptastwa;
- szkody w polach, łąkach | i ogrodach poczynione;
- zatrzymanie należ|ney opłaty czeladzi;
- pobicie wzajemne, lub | o pobicie, a ieszcze bez przyczyn,y czeladzi przez | gospodarzow;
- kłotnie między małzenstwem, | familią somsiedztwem;

⁸ *далее месяца для малюнка герба, герб не намалюваны*

⁹ *далее месяца для малюнка герба*

¹⁰ *далее месяца для малюнка герба*

¹¹ *далее месяца для малюнка герба*

• obelgi, bicia, drobne kradzieże, piiatyki, niszczenie lub niepilnowanie gospodarstwa, równie o nieutrzymanie przed domami i w domach ochędostwa;

- zaniedbanie wycierznia kominow podług oznaczenia;
- zaniedbanie poprawy budynkow, lub gdy może nowych stanowanie;
- nie zasadzanie drzew przed domami i onych nieopatrywanie;
- niedochowanie w całości porządkow ogniowych na tabliczce || [58] każdego domu oznaczonych, a bardziey o nieztawienie się rychłe w czasie (strzeż Boże) pożaru z naczyniem wyznaczonym do ognia, i inne tym¹² podobne, które do zachowania wspolney spokojnosci, utrzymywania porządku, ochędostwa i bezpieczeństwa miasta, oddania co komu sprawiedliwie należy, ubezpieczenia i uszczęśliwienia każdego obywatela i słusność i potrzeba okaza. |

8-vo. Jeżeli by wydarzały się sprawy o przedaż, lub zamiane gruntu, placow, domow, abo o dział lub rozrządzenie iakiegokolwiek majątku obywatelskiego, tym bardziey sprawy kryminalne – te wszystkie dwor sam rozsądzać będzie. | A magistrat przyjmować onych i do juryzdukcji swojej podciągać nie będzie mocen. |

9-no. Sprawy w punkcie siodmym wyrażone, gdy będą wynikać między chrzescianinem a chrzeszczianinem, sam magistrat w komplecie złożony rozsądzać będzie. Jeżeli by zaś była sprawa między chrzescianinem a zydem, po dowczas przez sługę mieyskiego, ma bydz uwiadomiony kahał, aby dwóch z pomiędzy siebie przysłał do magistratu, którzy || [58 adw.] wespoł z prezydującym i dwoma assessorami rozsądzą sprawę między chrzescianinem a zydem | wynikła. |

10-mo. Grzywny, sztrofy i inne kary pieniężne, które na zawinionych sądzone będą, te do kassy mieyskiej oddawane bydz powinny; pisarz tylo utrzymywać będzie registr porządny i zapisywać | wiele, którego dnia i przez kogo zaliczone iest | win sądowych. |

11-mo. Każda sessya bądź sądowa, bądź ekonomiczna konczyc się będzie podpisem prezydującego i zasiadających assessorow w protokule | dziennym wszelkich czynności na tey sessyi | zdziałanych. Wolno iednak będzie każdemu | odpisać w tym ze protokule zdanie swoje, jeżeli | by miał przeciwne udziałaney czynności i przyczy, dla których się nie zgadza, wypisać. |

[VII.] Powinności pisarza magistratowego. |

1-mo. Pisarz od całego miasta obrany, wykonawszy | zaraz po obraniu przysięgę, urząd ten sprawować będzie przez lat trzy nieprzerwanie po | sobie idące, a po upłynieniu tych może bydz || [59] na drugie trzy lata wybrany,

¹² т нап. надрядковым шрифтам

iesli się miastu podo|ba, [ale nie iuz na trzecie lat trzy]¹³, chyba w czwartym roku od ostatniego urzędowania. A lubo na sądach i wszystkich sessy|ach zasiadać powinien; decyzji iednak swoiey | dawac nie może, lecz tylo zapisze w protokuł wier|nie magistratowy wyrok, iednąmyslnością, lub | większością głosow zapadły. Zdanie iednak swo|ie sposobem doradzaiącym, lub oswiecającym | urząd przelożyć zawsze może. |

2-do. Jeżeli by pisarz miał w tych sądach sprawę, | wyniść przed decyzją z jzby będzie powi|nien, a ieden z assessorow w takim zdarzeniu | miejsce pisarza zastąpi, daiąc przy tym i zdanie swoie. |

3-tio. Nayistotnieyszą pisarza powinnością utrzy|mywać porządnie kancelaryą, i dla tego po|winien miec miejsce dobrze opatrzone od og|nia, złodzieia i robactwa, popiery psuiące, | bezpieczne. Nie ma też jch trzymać nadorędziu | i otwacie, aby dzieci nie podarli, lecz były | zamknięte w szafie i nie na wilgoci. |

4-to. Pisarz pod kluczem swoim powinien utrzy|mywać wszystkie papiery miastu || [59 adw.] służące, a nad to protokuł dzienny, w którym | porządkiem zapisywać będzie sessye sądowe | i gospodarskie, ordynaryine lub extraordy|naryine, z wyszczegulnieniem osob, którzy na | niey zasiadali. Drugą xięgę do wpisow | spraw. Trzecią do przyięcia przyznian, oblat, | i wszelkich tranzakcyi przez mieszczan czy|nie się mogących. Czwartą do wpisywania | wszystkich uniwersałow kraioowych, zaleceń | dworu, i wszelkich ustaw dobrego porząd|ku w miescie, w którą to xięgę i ta ordyna|cyja na początku umieszczona bydz powinna. | A dla dokładniejszego obowiązkow poięcia | daią się w szczegulności obiasnienia. |

5-to. Gdy obywatel przyidzie ze skargą natych|miast pisarz powinien skarzającemu się dać | karteczkę z tym naprzykład napisem. Piotr | skarzy ciebie Pawle o pobicie, czy połaianie, | czy grabież i tam daley. Przeto dnia tego i | tego masz stawać na rosprawę przed są|dem magistratowym, a odesławszy przez | sługę mieyskiego takowo karteczkę oskarzo|nemu, sam zaraz zapisze do xięgi wpisow || [60] spraw, ze Piotr ma sprawę z Pawłem. |

6-to. Cdy dzien wyznaczony przyidzie, i sędziowie | zasiadą około stołu przywoła strony do rozpra|wy przez przeczytanie aktoratu, czyli przez og|łoszenie czyia i z kim sprawa przychodzi. A | iako zapisywać aktoraty tym porządkiem po|winien, ktorym strony na skargę przychodzą | tak i w czytaniu ten sam porządek zachowywać | ma, ktorym są zapisane nie opuszczaiąc żadne|go, a kiedy po przelozeniu obustronem sprawy, i po ustąpieniu wszystkich z jzby, sąd zade|cyduie, zaraz tam ze na sądach wyrok jch | do xięgi dekretowej wiernie zapisze i sądo|wi do podpisania poda, a za przywołaniem |

¹³ Рэканструявана па: [5, с. 139; LMAB RS. – F-18. – Справа 21. – Арк. 18].

stron do jzby, iaka decyzya sądu nastąpiła głośno przeczyta. Po przeczytaniu zaś, | znowo zapyta głośno, czy strony kontentu|ią się wyrokiem sądu, a jeżeli by odpowiedzia|no że nie, tedy przy tym że dekrete w pro|tokule zapisze te słowa: «Od takowey decy|zyi sądu, strona lub strony appellowali | do dworu, i ta jm jest dozwo|lona». |

7-mo. Dekreta wszystkie, czy to od strony przyięte, || [60 *ad b.*] czy za appellowane, ma pisarz tego ż dnia lub | na zaiutrz wiernie z xięgi dekretowey wypisać, | wyrazawszy o co była sprawa, iakie oskarżony | i oskarżający składali dowody, i iaka sądu na|stąpiła decyzya. Wypisanie takowe ręką | własną podpisze, i pieczęć mieyską, która przy | pisarzu zawsze będzie przycisnie. |

8-vo. Wyrazono iest w obowiązku sądu, że sprawy | o przedaż, zamiane gruntow, placow, należeć | nie mają do magistratu, za czym jeżeli by kto | rozrządzenie majątku swojego bez wiadomości | dworu uczynił, takowe do akt mieyskich | przyjmowane bydz nie powinno. Ale gdy przy|niesie prawo zastawne, przedazne, zamienne, | darowane lub iakiekolwiek podpisem dworney | zwierzchności stwierdzone, ma bydz natych|miast do xiąg mieyskich przyięte i słowo | w słowo wpisane, zapisawszy na oryginale te | słowa: «Roku, miesiąca i dnia tego i tego | dokument ten do xiąg mieyskich iest przy|jęty i wpisany». a pod takowym zapisaniem pi|sarz ma się podpisać. |

9-no. Co miesiąc razem z całym urzędem ma się sta|wic przed zwierzchnością dworną, pisarz || [61] złożyć xięgi i dać do zakonnotowania zwierzchno|sci. A gdy zakonczy czas przepisany urzędowa|nia swojego, ma nowo obranemu pisarzowi | zdać pod registrem, wszystkie akta i papiery | mieyskie u siebie do tąd będące, i takowy registr przez siebie pisany i podpisany, poda | do zakonnotowania, całemu pod ten czas będą|cemu urzędowi. |

10-mo. Żeby strony przycodzące do akt, opłatą | kancelaryi ucisnione nie były ustanawia się ce|na w ten sposob:

od arkusza dekretu	gr. 15
od pozwu i wpisu w registr	gr. 3
od przyięcia do akt wszelkich tran zakcyi	zł. 1
od wypisu z akt wszelkiej tranzakcyi	gr. 10

Nad którą ustanowe pisarz brać więcey nie bę|dzie mógł pod karą dworną, a wzięte pie|niądze wiernie do rejestru swojego wpisaw|szy, przy koncu ka|dego miesiąca, za kwi|tem kassyerowi odda. |

11-mo. Xięgi aby były porządnie oprawione, po|dzielone na gatunki i wszystko w nich wier|ne pod dattami aby było zapisywano, || [61 *ad b.*] nie skrobane, nie podarte, nie pozaliwane; zaleca się | najmocniej; to bowiem bę|dzie dowodem jego | pilności i stopniem do uzyskania wzglę|dow i | nadgrody. |

12-*do*. Ponieważ na oprawe xiąg, utrzymywanie kan|cellaryi, tudzież swiatło, papier i opał, po|trzebny iest wydatek. Przeto w każdym kwar|tale, poda magistratowi wyszczegulnienie po|niesioney expensy, który przeexaminowawszy, | należność zaassygnuie do kassy, a w czasie elek|cyi¹⁴ nowego magistratu i zdawanych rachun|kow, miasto dla pisarza według zasługi | obmysli przyzwoitą nagrodę. |

[VIII.] Powinności ławnikow. |

Rzekłosię na samym wstępie, iż magistrat do | pomocy wybierze z ludzi rozsądnych dwóch na | ławnikow, i onych obowiązki przepisze, tu więc | wazniejsze dołączaią się:

1-*mo*. Poniewież dozor, straż i exekucya ustaw miey|skich szczegulniey należeć będzie do ławnikow, | przeto ile kroć sessya ekonomiczna zło|na zostanie, ławnicy iako blizey znaiący || [62] potrzebe miasta zawsze znajdo- wać się powin|ni dla opowiedzenia aktualnego stanu i dania | jnformacyi. |

2-*do*. Jch powinnością dostrzegać, aby kominy po do|mach były dobrze opatrzone, latem co trzy ty|godnie, zimą co dwie niedzieli wycierane, dra|bi- ny przy każdym domu na dach zaciąg|nione. Porządek ogniowy żeby u każ- dego | gospodarza znajdował się w całości i na dorę|dziu leżał. Aby w czasie (strzeż Boże) ognia, | każdy z naczyniem swoim wychodził z do|mu zosta- wiwszy iedną osobę roztro|pną | i uważną, dla pilnowania własnego domu | od kradziezy. W takim razie nacyję wy|darzaiącey się, aby przed każdym domem | latem stały dwie kadzie wodą nalane, i aby | też woda co dwa tygo- dnie była odmienia|na. |

3-*tio*. Gdy się któren z obywatelow budować zechce, | dopilnuią ławnicy, aby domy w linią, sta|wiane były, w odległości ieden od drugiego | najmniey na sążni pięć, dachy gdy nie | mogą bydz z dachowkami, powinne | bydz z gątów, nie dozwalaiąc nikomu kryć || [62 *adv.*] dranicami, tym bardziey sło- mą. Przed każdym | domem maią bydz zasadzone najmniey cztery | drzewa, zawsze dobrze od gospodarzow opatrywa|ne, do kołow przywiązywane, ko- szykami oplecio|ne paręczami gdy można pomalowanemi za|grozione, aby przeiezdaiący nie lamali drzew | przywiązywaniem koni i bydła. |

4-*to*. Dostrzegać ieszcze będą ławnicy, czy iaki wy|stępek nie iest ukry- ty przed zwierzchnością | dworu i miasta. Czy nie kryie się iaka oso|ba po- deyrzana w miescie. Czy gospodarze nie tracą maiątku na grach, piiatykach i niepo|trzebnych zbytkach. Czy małženstwa, somsiedz|twa i familie zyią w zgodzie. Czy rodzice i | gospodarze odbieraią od dzieci, lub czeladzi | należyte uszanowanie i posłuszenstwo, czy na|wzaiem gospodarze nie krzywdzą cze- ladzi, a | rodzice lub opiekunowie marnotrawstwem | nie uszczuplaią maiątku

¹⁴ elek *нап. больш цёмнымі (інтэнсіўнымі) чарніламі*

dziecinnego. Czy nie | włączą się po miescie, a bardziej czy nie miesz|kaia po domach ludzie lozni bez służby, | bez rzemiosła, a tym samym bez sposobu do|zycia, przez których nayczęstsze wydarzaią || [63] się kradzieże, boie, a częstokroć podpały | miasta słowem dostrzegać tego będą powinni nay|czu-ley co do porządku, ozdoby i bezpieczeństwa | miasta, do uszczęśliwienia i iedności obywatelów | nalezec moze, a starać się wczesnie przez donie|sienie dworowi i magistratowi zapobiegać temu, co zgubę miastu i utratę w szcze-gulno|sci kazdemu niesie. |

5-to. Aby te obowiązki łatwiej dopełnili, powinno|ścią ławnikow będzie, czynic na przemiane | rewizyą chociaz by codzienną, po domach | tak chrze-sciańskich iako i zydowskich, i uwa|zać pilne czy wszystko iest zachowaną, co | do porządku i ozdoby, spokoyności i bezpie|czenstwa miasta należy. A iezeli by szcze|gulniey w domach zydowskich znalezi | przed budynkiem wyrzucone smiecie lub | leżące gnoie, wywieszane na ulicy brudy, i chus|ty, krowy, cielęta w sieniach i jzbach chowane, | albo na ulicy stawiane, latem na pasze z in|nemi nie wysyłane, a zimą po chlewach i obo|rach nie zamykane. Drzewa przed domami | nie zasadzone i nie pilnowane, kominy || [63 *adv.*] nie wycierane, z żarem lub luczywą po ulicach cho|dzących, ognie po do-mach ile w szabas długo | się palące i nie pogaszone. Hultaiow i ubogich | w ich domach tulaiących się, lub ukrytych; smie|cie przed domami chrze-scianskimi co sobota, | a zydowskimi co piątek niezmięcione i w kupy | nie poskładane; rynek co sobota i kramy przez browarnikow i podkomornych nie oczyszczzo|ne z plugawstwa, słowem w czym tylko postrze|gą wykroczenie, przeciwko porządkowi, ochędo|stwa i bezpieczenstwa miasta, za pierwszym | razem przezstrzedz, za drugim upomniec, a za | trzecim po ukaranie do ma-gistratu, każdego | przestępnego zapozwać będą powinni. |

6-to. W dni targowe ławnicy dostrzegać maią pil|nie, aby przyjezdziący na targi, stawali po|rządnie na rynku, zostawuiąc wolny przejazd | każde-mu podroźnemu lub domowemu, aby za|den ani przedawał, ani kupował, iak tylko na | wagę i miarę mieyską, aby po domach tak | chrzesciznskich iako zydowskich, tym bardziej | za miastem nie zakładano targow, lecz każ|dy w rynku, a nie pokątnie nabywał || [64] zywnosci, lub innych potrzeb, pod od-powiedzią | w sądzie mieyskim karą tak na kupuiącego iako i przedaiącego. |

7-mo. Podług okoliczności, czasu, urodzaiow, dowozu na | targi gdy bę-dzie ogłoszona przez zwierzchność | mieyscową taxą na mięsiwa, trunki, chleby, obarzanki i tym podobne do zywności potrzeb|ne produkta; ławnicy dostrzegać maią, aby ied|nostayną ceną wszendy i przedawane i kupowa|ne były, a drożey lub taniey przedaiący czy | kupuiący, zwierzchności ma bydz doniesiony. |

8-vo. Maią miec spisany registr wszystkich koni | tak chrzescianskich iako i zydowskich w mies|cie znajdujących się, aby w dawaniu podwod | i stoiek, rowny na wszystkich rozkład wypadał. Dla czego gdy z nakazu kraiowego lub | zwierzchnosci będą z miasta brane furman|ki, zaraz ławnicy zapiszą w registr, od kto|rego gospodarza, kiedy, w iak daleką drogę, na | czyią potrzebę i wiele koni, aby ciężar rownie | wszystkich dotykał, i trzymający koni mieli | ulgę w jnych podatkach lub powinnos|ciach ||

[64 адв.] 9-no. Każdey soboty oddadzą ławnicy na pismie rap|port prezydującemu w magistracie, co uczynili | w zeszłym tygodniu, czemu zabieгли: iakie kłot|nie między chzescianami zaspokoili (między zy|dami albowiem do sądu kagalnego należy) | na ostatek w czym doradzenia potrzebują. A | jeżeli by iakiey wielkiey wagi wydarzył się | jnteres, tedy nie czekaiąc soboty natychmiast | sądowi, a w ważnieyszych rzeczach dworo|wi donosic maią. |

10-mo. Na początku każdego miesiąca stawic się będą | przed zwierzchnością dworną razem z urzędem i oddadzą na pismie rapport w szelkich | czynności zeszłego miesiąca. |

11-mo. Rozkazy bądźz od narodu, bądźz od dworu | iakie do magistratu przysyłane będą, tyczą|ce się całego miasta, te natychmiast wszyst|kim mieszkancom ogłoscic powinni, i aby | naydokładniey były dopełnione, sami dopil|nuią, bo sami za złe odbycie odwiadać | będą. |

12-do. W przypadku, strzeż Boże, pożaru, natych|miast tak chzescian iako i zydow wysy|łać maią do ratunku z naczyniami || [65] oznaczonemi, zastawiwszy iako się rzekło w każdym | domu osobę uważną i roztropną, oraz sami | przytomni z sudzmi bydz powinni, dopoko | ogien zupełnie ugaszony nie zostanie. |

13-io. Jeżeli by dostrzegli, że który z obywatelow przy|szedłszy do ubostwa, lub zabrnowszy w długi | chce się wynosic z miasta, maią natychmiast | donieść dworowi i magistratowi, aby pilniey|sze na nich było oko, i sposoby podzwignie|nia, gdy to bydz może, obmyslono. |

14-to. Gdy na dozorze i wierności ławnikow zalezy | po większey części, całość, spokoyność, ozdo|ba i bezpieczenstwo miasta; przeto aby pra|ca i cnotliwe sprawowania się miały silną za|chęte, magistrat przyzwoitą zasługom ob|mysli nadgrode. |

[IX. Przysięga dla miejskich urzednikow.]

Przysięga dla osob magistratowych. |

Ja NN przysięgam Panu Bogu wszechmogącemu | w Troycy Świętey jedynemu na tym, iako wy|branym będąc do magistratu, wiernie, poczci|wie i sprawiedliwie sprawowac się będę, nie || [65 адв.] uwodzając się w sędzie ani zemstą dla nieprzyia|cioł, ani przyiaznią dla przyiacioł i krewnych. Darow

žadnych ani obietnic przed sprawą | i po sprawie przyjmować nie będę, i
 kazde funkcyi | moiey obowiązki starac się będę iak nayzupel|niey dopełniać,
 i we wszystkim sprawowac się, | iako poczciewemu chrzescianinowi i obywa-
 celowi | należy. Tak mnie Panie Boże dopomóż. |

Przysięga dla pisarza.

Ja NN przysięgam Panu Bogu wszechmogą|cemu w Troycy Świętey jedy-
 nemu, iako urząd | pisarza mieyskiego na mnie włożony, wiernie | i poczc-
 wie sprawować, wpisy według swego | porządku do przywołania podawać
 będę. Pod|ług wyrokow zapadłych, dekret napiszę, nie | zazywając obojęt-
 nosci słow, ani krywdę którey|kolwiek strony. Papiery mieyskie i wszelkie
 | akta w swoim ocaleniu zachowam, i każdy | funkcyi moiey obowiązek tak
 zachowam, ia|ko poczciewemu człowiekowi przynależy. Tak | mnie Panie Boże
 dopomóż. ||

[66] Takowe ustawy dla osob juryzdykcyą¹⁵ w miescie | Wysokim Lit-
 t(owski)m¹⁶ składających do zachowania | pilnego podawszy z mocy mnie
 powierzoneiy | podpisem własnym utwierdzam.

Działo | się w Wysokim Litt(owski)m roku 1794-o. |

Падрыхтавана да друку па [6, арк. 41–66].

Дадатак 2

*1794 г. июня 24. Высокое. – Інструкцыя па арганізацыі самакіравання
 яўрэйскай абшчыны Высокае Брэскага ваяводства.*

[66] URZADZENIE |

kała Wysockiego. |

[**Preambuła.**] Ciągłe nieszczęścia kraiove, lubo niemało przyczyni|li się
 do zubożenia i upatku handlowego, nieg|dyś i dość maiętnego miasta dzie-
 dzicznego | j(aśne) o(świaczone) xięcia j(ego) m(iłość)ci Franciszka Sapie-
 hy genera|ła artyleryi litewskiej Wysokie Litewskie | nazwanego, nie bez
 żalu iednak, i wnętrzne|go wzruszenia wyznać należy, że sami mie|szkan-
 cy obywatele miasta do zguby swo|iey dali naysilnieysze powody. Zaufani
 | od rodni synowie w maiątek, który jm || [66 *adv.*] cnotliwi rodzice pracą
 i uczciwym staraniem obfi|cie zebrali i zostawili, nie myśleli by najmniey
 o | pomnożenie onego, lecz przesudzając się w stroiach, | zbytkach i emula-
 cyach, ieden nad drugiego, zda|ie się, że iedynie do tego dążyli, aby siebie i
 po|tomstwo swoje uczynie nieszczęśliwemu, a kiedy | nieumiarkowanym ich

¹⁵ фраза «уставы для особ juryздыкcyя» падкрэслена чырвоным алоўкам (канец XIX – пачатак XX ст.)

¹⁶ назва горада падкрэслена сінім алоўкам (канец XIX – пачатак XX ст.)

wydatkom, szczupłe | nador ich przychody dostarczać iuż nie mogły, | rzucili się do zaciągania po stronach krydy|tow, podobno dla tego, aże by czego nie utracili | przez zbytek, postradali na reszcie przez pro|cedera i exekusyę prawne. Smutnym to iest | nader wspomnieniem, że tyle wszczegulności | majątnych kiedyś obywateli, zaledwo wyzy|wienie dzis dla siebie znajduią. Lecz smac|niey nierównie doswiadczać i spoglądać | w ogule na cale miasto zubozone, zniszczo|ne, i zaledwo kilku tylko mające mieszkancow, których by słusznie obywatelami na|zwać można było, a co¹⁷ naysmutniey, że ta|kowe zburzenie i upadek miasta, nie przez | obcych, lub nieprzyjaciół, lecz przez włas|nych a niegodnych, jmienia mieszkancow | iest poczynione. Grusni, nie-spokoyni, i || [67] samym oszukanstwem zyiący, tumilianci przocz | forsy, intrygi, a częstokroć i promocyi dworu | wysadzali siebie na przełożonych kahalnych, | a dobrawszy w pomoc starą radę rownie z nie|mi myślącą, a zawsze z pokrewnoną nakła|dali podatki na gminnych pod płaszczan | iakowey koniecznie miasta potrzeby, zaciągali na kagał u postronnych długi, dzie|lili między siebie offiarowany dobrą wiarą | przez pospolstwo grosz, iak mówią od gę|by odiyty, niepamiętaiąc, że nie ten to dobrze urodzo|nym, lecz ten co pracą i uczciwym staraniem przy|kłada się do uszczęśliwienia miasta, i prawdziwym¹⁸ | iest obywatelem i naywyższego od każdego wart | iest szacunku. Przywrócić dawnią swietność mia|stu, ile w terazniejszym smutnych dla kraiu o|kolicznosciach, trzeba by szczegulniejszego dzieła | naywyższey istności zapobiegać, wszakże znisz|czeniu dalszemu i obmyslac srzodki przyzwoi|ce do podzwignienia za czasem miasta, i mocą | i powinnością iest dworu. Dla czego z wła|dzy mnie powierzoney, wchodząc co rozpozna|nie przyczyn, które miasto Wyokie Litewskie || [67 adw.] do zniszczenia przywiodło, następne dla kahału Wy|sockiego zostawiaę urzządzenia. |

[I.] Powinność kahału Wysockiego. |

Kahał czyli osoby do tego składu wybrane, są rząd|cam ii gospodarzami całego miasta i paraffii | do siebie należney, są zawiadowcami ciężko za|pracowanego, a chętnie od każdego obywatela na | potrzebę publiczną offiaruiącego się grosza, są na | ostatek sędziami w sprawach do siebie należnych. | A z tą iako każdy obywatel winien dla osob, ka|hał składających, przyzwoite uszanowanie, wy|rokom i rozrządzeniom kahału należyte posłu|szeństwo pod karą dworu, za naymnieyszą | zniewagę, obelgę, krnąbrność, lub wyłamywanie | się z pod władzy kahałem zarządzających, | tak rownie osoby, kahał składające, powinny | bydz w zaleceniach swoich skromni, uwazni, | w zarządzaniu dochodami miasta, wierni | i oszczędni

¹⁷ со выпр. з іні. літары

¹⁸ т нап. падрадкавым шрыфтам

w wydawaniu wyrokow swoich | bez stronni i summienni w całym postę-
po|waniu swoim, łagodni, cnotliwi i przykładni || [68] z tych powodow
oznaczają się powinności szczegulne. |

[II.] Co do składu kahału. |

1-*mo*. Dnia 1-*o* lipca podług kalendarza przymskie|go, będzie czyniona
elekcya osob kahalnych | tym sposobem: zgromadzone miasto do do|mu ka-
halnego lub szkoły wiebierze kandyda|tow z gospodarzy słusznych, dobrze
osiadłych, | cnotliwych, prawa i zwyczajow obrządku swoje|go znaiących. |

2-*do*. Kandydatem do kahału bydz nie może: 1-*mo*. Kto | nie będzie miał
lat dwudziestu czterech. 2-*do*. Kto|ry nie płaci do kahału rocznego dochodu,
przy|najmniey dziesięć złotych polskich. 3-*tio*. Słu|dzy kahalni i wiernicy
arędarscy do kandy|dacji iść nie mogą. 4-*o*. Dwie osoby z iedney | rodziny,
czyli syn z oycem, teść z zięciem, | brat z szwagrem, nie powinni bydz umie-
sz|czani między kandydatami. |

3-*tio*. Wybrani od całego zgromadzenia kandyda|ci mają bydz podani na
regestrz || [68 *adB.*] zwierzchności dworney, która naradziwszy się | z obywa-
telami słusznymi, o zdatności każdego kan|dydata, podkreśli w tym że rege-
strze osob dwa|nascie, z tych czterech pierwszych będą starsze|mi kahalnemi,
a osmiu pozostałych assessorami. |

4-*to*. Tak obrany i przez zwierzchność potwierdzony | kahał sam ieden
przez rok cały zawiadywać | będzie interessami kahalnemi, a stara rada | czyli
ktokolwiek pod innym jmieniem, do rzą|du by najmniey wtrącać się nie ma. |

5-*to*. Wybrani do kahału na pierwszej sessyi ułożą mię|dzy sobą porządek
zasiadania, taka by komplet | niemniey iak z pięciu osob, to iest z iednego
star|szego i czterech kahalnych składał się. |

6-*to*. W każdym tygodniu, wtorek i czwartek oznacza | się na sessye or-
dynaryine kahału, na któ|rych starszy miesięczny z czterma dodanemi | sobie
kahalnemi, od godziny trzeciej z połud|nia, do godziny szostey, a gdy by
potrzeba | wyciągała i dłuzej znaydować się powinni. |

7-*mo*. Żaden z starszych i jemu dodanych kahal|nych od zasiadania w swo-
im miesiącu wy|łamywac się nie ma, chyba by chorobą był || [69] złożony,
tedy inny z porządku mieysce iego za|stąpi. A ieżeli by jnteressa wyciągały
którego, | w miesiącu swoim odiechac, ma całemu kaha|łowi przełożyć po-
trzebę, wziąć od niego do|zwolenie wyiazdu na pismie z oznaczeniem | czasu
na powrot i innego do zastępstwa na | swoim mieyscu uprosic. |

8-*vo*. W extraordinarynych i gwałtownych przy|padkach prędkey re-
zolucyi potrzebujących, | wszyscy kahalni za daniem znaku przez | biegu-
na kahalnego, zbierać się powinni, | dla ułatwienie wypadłego jnteressu.
Po|dobnież i sessye ordynaryine w inne dni | iak są pod punktem szostym

oznaczone, | mogą budz składane, iezeli by tego koniecz|nie wyciągała okoliczność. |

9-no. Pisarz kahalny czyli szkolnik na każdej | sessyi bądź ordynaryiney, bądź extraor|dynaryiney znaydować się ma. Powinnoś|cią zaś tego będzie protokół dzienny u|trzymywać, sessye odprawywane zapisy|wać z wyrażeniem, którzy kahalni na tey | sessyi zasiadali. Rezolucye, dekreta, || [69 *adv.*] assygnacyi i wszelkie czynności kahalne pod nu|merami w xięgę zapisywac i z nich wypisane po|trzebuiącej stronie z podpisem swoim wydać, a | każda sessya czy to ordynaryina, czy extra|ordynaryina konczyc się będzie podpisem | w protokule wszelkich czynności, na tey ses|syi zdziałanych przez zasiadaiących kahal|nych. Wolno iednak będzie odpisać w tym że | protokule zdanie swoje; iezeli by miał prze|ciwne udziałaney czynności, i przyczyny dla | których się nie zgadza wypisać. |

10-mo. Dnia 24-o czerwca czyli w dzien s(więteg)o Jana | wszystkie kontrakta od kahału wydane, ko|niec swój wezmą, a nowe w tym dniu na | rok przysły od kahału starego wydane | bydz powinny, dla czego ostatni tydzień | to iest vel dnia 24-o czerwca pozostanie | kahalnym na obrachowanie się zupełne | z całego roku, na obliczenie dokładne | pieniędzy w kassie pozostałych, na wyda|nie kontraktow na rok przysły, i ukon|czenie wszystkich czynności swoich, tak | aby nowemu kahałowi stan zupełnie opi|sany podali.

W wigilią zaś elekeyi || [70] nowego kahału, to iest dnia 30 czerwca w przy|tomności całego miasta złożą, przed zwierzch|nością dworu, rachunki roczne przychodow | i wydatkow, oraz wszelkich czynności swoich, | a zwierzchność gdy znaydzie wszystko na|lezycie udziałano, wyda na pismie z pochwa|ła i przyzwoitym zaswiadczeniem kwit oso|bom, kahał składaiącym, i onych do nawego | wyboru zaleci wzajemnie. Jeżeli by się okaza|ło w rachunkach, że zawiaduiący kahałem, | na własne, lub mniej wydatki potrzebne, wa|zyli się brac z kassy generalney pieniądze, albo przychod iakowy utaili; więc z opisa|niem takowey ich niegodziwey czynności wy|da zwierzchność rozkaz, aże by wzięte pienią|dze w sowit z własnego jch majątku na|tychmiast były oddane, a same osoby za | niezdolne utrzymywania rządu w kahale | na lat cztery ogłosi. Miło bowiem będzie | każdemu obywatelowi choc by nayuboż|szemu, nieść na offiarę publiczną grosz | iak mówią od gęby odiyty, gdy wszczegul|ności każdy przekonany zostanie, przez | zdawanie publiczne rachunkow, że ten nie || [70 *adv.*] na zyski przywatne, lecz na konieczne mia|sta całego potrzeby iest obruconym. Pomna|zac się będzie oraz w obywatelach ufność, sza|cunek i uszanowanie dla osob, kahał składaiących, gdy ich pracą i staraniem zoba|czą siebie wydzwignionych z ubostwa i uci|sku kredytorow. |

[III.] Co do rządu miasta. |

Gdy kahał iest rządcą i gospodarzem całego mia|sta, równie i partykularzy do niego należąc|ych, winien zatym miec baczość, niemniey na | dobro powszechne iako i nauszczęśliwienie | każdego szczegulne a więc:

1-*mo.* Każda ordynaryina sessya tym się zatrud|nie i owszem od tego zacząnac się powinna, | czyli podług urz|ądzenia raz nazawsze posta|nowionego wszystko i należycie iest dopeł|nione. |

2-*do.* Wchodziec powinien w przyczyny dla czego | miasto tak zubozało, a doszedłszy || [71] prawdziwych rzrodeł, z których wypływa ubo|stwo miasta, obmyslic powinni sposoby do | podzwignienia onego, a iakowe swoje uwagi, | na pismie zwierzchności mieyscowey podać. |

3-*tio.* Uszczęśliwienie ogulne składa się z częsliwości i do|brego mienia każdego w szczegulności obywatela, za czym obowiązkiem iest kahału miec oko, | iak się zarządza każdy mieszkaniec, iakie może | miec przyzwoite zyski, a iakie koniecznie wydat|ki, a iezeli by który przez marnotrawstwo i złe | zarządzenie niszczył swóy maiątek, wczesnie | temu zaradzic powinni; wzaiemnie iezeli by | rządny i cnotliwy obywatel nie mógł nayu|silniejszym staraniem i pracą ulepszyć lo|su swojego, winien kahał podać mu spo|soby i pomodz ile mozna. W obydwóch | iednak przypadkach, ma się znosic z zwierzch|nością dworną i nie bez dozwolecia na | pismie nie czynic. |

4-*to.* Opieka wdow i sierot bez mężow i ro|dzicow pozostałych do nich należy, dla cze|go po smierci każdego z obywatelow, nay|przed starszy kahalny miesięczny z || [71 *adw.*] czterma assessorami przyzwie do rady osob pięć | z bractwa, i z onemi wespoł ułożą porządek po|grzebu, ustanowią opłatę od pochowania w pro|porcyą maiątku zmarłego obywatela, tak ied|nak, aby nie przechodziło więcey nad trzy od | sta, a wyznaczona zapłata od pogrzebu ma na|tychmiast bydz zapisana do protokułu dzien|nego kahalnego z podpisem kahalnych, i osob | brackich na tey sessyi zasiadaiących, pienią|dze zaś kasjerowi oddane bydz powinny.

Po|wtóre kahał cały zebrany wybierze z poszrod|ku siebie dwóch kahalnych, którzy razem z pi|sarzem kahalnym przy dodanym ze dworu | widzu maiątek cały ruchomy i nieruchomy | zmarłego obywatela, naymnieyszey rzeczy nie | opuszczaiąc, w polskim i hebrayskim języku | zpiszą. Registr takowy przez siebie i widza, | ze dworu dodanego, podpisany, zwierzchno|ści mieyscowey do zakonnotowania podadzą. |

Potrzenie: Po spisaniu maiątku zmarłego | obywatela kahał w zupełnym komplecie ied|nego z słusznych, cnotliwych i maiątkiem | zmarłemu dorownywiających gospodarzy mia|sta, wybierze za opiekuna pozostałey zonie || [72] i małoletnim dzieciom, onemu rząd nad maiątkiem, opiekę nad sierota-

mi zleci, pod warunkiem, | a ze by za doysciem lat osieroconych dzieci, zdał | nayscisleyszy rachunek z zawiadywania ma|iątku.

Poczwarte: Jeżeli by potrzeba koniecz|na wyciągała, aby rzeczy pozosta|łe nim dzie|ci do lat zupełnych przyidą, rownie zepsu|ciu lub zniszczeniu podpadac by mogły; w ta|kowym zdarzeniu, wolno będzie kahałowi | przez aukcyą sprzedać, summę zebraną | w pewnych ręku na procent ulokować. Z nie|go sierotom pozostałym na edukacyą, | wyzywienie i opatrzenie przyzwoite do | zwrostu jch zupełnego, a zaś matce wdo|wie do zycia, lub poyscia zamąż, obmysłać | gospodarstwo domowe, lub handel nale|zyty utrzymywac, długi zmarłego opłacać, | a cale czynność czyli urządzenie maiątku | zmarłego obywatela pod approbatę zwierzch|nosci mieyscowey podać. |

5-to. Doswiadczenie poucza, że wielu z obywa|teli umiera, nieczyniwszy testamentowey | dyspozycyi wsgłędem zony i dzieci iuż | dorosłych, żonatyh lub zamąż wydanych, || [72 *adб.*] w takim zdarzeniu kahał spisawszy cały ma|iątek zmarłego bez testamentu, podzieli go na | cztery części rowne, trzy części pozostałego ma|iątku odda synom, a czwartą córkom wyznacz | na posag i wyprawę z domu, ieżeli by żadna | z nich nie była zamężna. A gdy by choc iedna | z córek za zycia oycy była zamąż wydana, | tedy siostrom pozostałym w domu niezamężnym bracia z swoich części taki maią | wydzielic posag i wyprawę, iako innym sios|trom zamież iuż wydanym od rodzicow iest | dana lub wyznaczona. |

6-to. Uszanowanie i wdzięczność zawsze od dzieci | należy rodzicom, przeto po smierci oycy, | matka wdowa pozostała, powinna miec od | dzieci przytulenie, pozywienie i opatrzenie | przyzwoite, dla czego kahał oznaczy potrzebę wdowy, przyzwoite dla nieypomieszkanie | w domu syna, lub zięcia, który sobie wy|bierze, i przykaże naysurowiey, aby każdy | syn, zięc, lub córka z maiątku po oycu | ich pozostałego, w miarę wziętego maiątku, || [73] dawał wyznaczone od kahału częście do zycia | iey, lub po yscia zamąż. Nieposłusznych w tey | mierze, opiekuni zwierzchnosci mieyscowey | doniosą, i o ukaranie dopomno się. |

7-mo. Wielu iest w miescie i na partykularzach, | którzy ani handlem, ani rzemiosłom, ani żad|ną przyzwoitą niezatrudnia się pracą, owszem | nie maiąc domu ni gospodaratwa, proznic|twem, oszukaniem, złodzieystwem i zdradą | dla kraiu bawią się. Tacy gdy są ciężarem | miasta, i przykład gorszący innym podaią | z miasta wypędzeni bydz powinni, a kahału będzie powinnością czuwać naybardziej, | aby każdy w miescie nayduiący się nie był | bez raboty, i pewnego sposobu do zycia. |

8-vo. Uciężmizliwością iest dla miasta, ze handluia|cy trunkami, mięsiwem, chlebem, obarzan|kami, krupami, drwami i tym podobnymi | do wygo-

dy mieszkanca i do żywności potrzeb|nemi produktami, wybiegaią za miasto, | zakupią żywność, aby potym choc w tan|nym czasie, drożey potrzebuią-
cym || [73 *adv.*] sprzedawali i cudzym uciskiem swoje powiększa|li korzyści,
są i tacy którzy przeżdzaiących | na targi sprowadzaią do domow, tam oszu-
kan|stwom wydrwiwaią przywiezione dla całego mia|sta produkta. Postępek
takowy niszczy targi, | krywdzi blizniego, hańbi obywatela.

A za tym | kahału będzie obowiązkiem:

Nayprzed. Do|strzegać pod odpowiedzialnością z osob i maiątkow | swoich, aby
żaden z obywatelow nie kupował | nie w domu, tym bardzies nie wybiegał
za | miasto dla nabycia produktow, lecz każdy | co potrzebuie, powinien to
kupować na ryn|ku podług wagi i miary mieyskiej.

Powtore. | Według okoliczności, czsow, urodzaiow i dowozu | na targi
kahał ułożywszy się z zwierzchno|ścią dworu, ogłosi cene na wszelkie pro-
duk|ta: chleb, trunki, mięsiwa, obarzanki, ryby | i tym podobne do żywno-
ści potrzeby, a każ|dy co by się wazył albo drożey przedawać, | albo innych
podkupować, a tym samym po|drażac produktu, albo za miastem, albo po |
domach kupować, i nie podług miary i wa|gi mieyskiej, nie tylo towar nabyty
utraci, | lecz nad to zapłaci sztrofu do kassy || [74] kahalney dwoie tego, co
rzecz kosztowała, a to za | nayscisleyszą dworu exekucją. |

9-no. Niemało przyczyniło do zubożenie miasta od|powiadanie kahału w
rozmaitych sądach, za | długi przywatnych obywateli, ma iuż kahał | przepi-
sany obowiązek w punkcie trzecim, aby | czule miał zawsze oko na każdego
w szczegul|ności obywatela, iak się zarządza i czyli hul|taystwem niemarn-
notrawi, albo zaciąganem | kredytu ni obciąża maiątku. Tu dodaie się sko|ro
będzie podany pozew po którego w miescie, | lub na partykularzach mieszka-
jącego obywa|tela, natychmiast kahał wybrawszy dwóch z po|między siebie,
prosic będzie zwierzchności | dworney o dodanie burmistrza, a na wsiach |
dyspozytera, z którym dway wybrani z kahału, poydą do domu zapozwane-
go, maiątek | iego cały ruchomy i nieruchomy, nic nie opusz|czaiąc, spiszą i
otaxuią, a takowy registr przez | siebie wiernie spisany i podpisany podadzą
| zwierzchności dworu i kahałowi, do zakon|notowania. Jeżeli z otaxowania
maiątku | pokaże się bydz zapozwany o stanie || [74 *adv.*] opłacenia długu
kahału tylko powinnością bę|dzie dopilnować, aby zapozwany stanął na te-
r|minie u sądu. Na pretenzyą kredytora skutecz|nie odpowiedział. Maiątku
spisanego i nabywa|wającego¹⁹ nie tracił, i dekretowi iaki wypadnie | przy-
zwoitą uczynił satysfakcją, a moznali bę|dzie przed dekretem uczynic iako-
we z kredyto|rem przyiacielskie umiarkowanie, lub rozłożenie | na raty o to
przy pomocy dworney starać | się będą, i zawarta konwencya we wszystkich

¹⁹ так у ркп.

| punktach nayscisley dopołniona była, czule | dostrzegać maią do zupełnego zaspokoienia długu.

Jeżeli zaś z rejestru spisane go i | otaxowanego maiątku pokazuje się, że za|pozwany nie iest w stanie zaspokoienia kredy|tora i bydz nie może, ma natychmiast kahał | za wiedzą dworu uczynic oswiadczenie, ze | pozwanego maiątku i osoby nie zastania, a|le na każdą rekwizycyą nawet przed dekretami kredytorowi oddaie, a gdy by kredytor | przed dekretem i zyda zapozwanego i ma|iątku jego przyimować, ani też żadnego | przyiacielskiego umiarkowania czynic nie || [75] chciał, kahał powinien będzie stawic na ter|minie u sądu zapozwanego, złożyć registr | całego jego maiątku i publicznie tak osoby | i całej ruchomości oswiadczyć zrzeczenie, u|wolni się tym sposobem kahał od pieni, i nie|potrzebnych a kosztownych na procedera | wydatkow, a każdy wszczegulności obywa|tel będzie ostróźniejszy w zaciąganiu krydy|tow, oszcządniejszy w zarządzaniu swoim | zbiorem, gdy zobaczy że praca tylko i cnot|liwe zachowanie się znaydą względy i och|rone, a próżniactwo i mar-notrawstwo z mia|sta i wszelkich granic, chcę miec na za|wsze wypędzone. |

[IV.] Co do sądow Kahalnych. |

1-*mo*. Sądy odprawować maią podług praw i | dawnych zwyczaiov swoich, nayszuley do|strzegaiąc, aby każdemu rychła, i należy|ta sprawiedliwość oddawana była bez | względow na iakie bądź osoby. |

2-*do*. Jeżeli by starszy, lub który z kahalnych w || [75 *адв.*] miesiącu swoim miał z którym obywatelem spra|wę, tedy inny mieysce iego zasiąc powinien, a za|den własney sprawy sądzic nie ma. |

3-*tio*. Podobnie ż gdy by sprawa przychodziła wierni|ka arędarskiego, poborcy krobki cherymowey, | lub innego officyalisty, a kontraktuiący czyli | pan tego wiernika tego miesiąca | w kahale, ma wyniść i sprawy officyalisty | swego sądzic nie powinien. |

4-*to*. Wszystkie sprawy, iednomyslnością, lub więk|szoscią głosow odbywane będą, a gdy by row|ność zdan nastąpiła, tedy przeżydujący czyli | starszy kahalny przydaniem kreski swoiey | rozwiąże równość, każdy iednak przy decy|zyi w protokule, zdanie swoje zapisac powinien. |

5-*to*. Jeżeli by strona czuła uciążliwość przez wyrok | sądowy, tedy appela-cya do dworu, nie tyle | broniona bydz nie ma, lecz owszem pisarz | kahalny, opisawszy nalezycie obustronne do|wody, powinien z protokulu wiernie wy-|pisać dekret, i stronie appelluiącyey z pod|pisem swoim wydać, a dwor albo wyrok | podniesie albo odmieni, albo utwierdziwszy || [76] winy appellacy-ine na niesłusznie sąd oskarza|jącym wskaże. |

6-*to*. Kto by nieposłusznym był wyrokowi sądu, lub | zapozwany nie stawał, a naybardziej ieszcze, | gdy by osoby kahał składaiące lzył i nie

szanował, takowy za doniesieniem zwierzchności | dworney, bez najmniejszego względu | w proporcją występku, ukaranym bydz powinien, a co się powiedziało o sądach kałhalnych, to ż samo ma się rozumiec o sądach duchownych. |

7-mo. To co się powiedziało o sądach kałhalnych | i duchownych ma się rozumiec tylko o sprawach między zydem a zydem wydarzających się. Jeżeli by zaś był spor między | czrzcianinem a zydem, w takowym razie | sprawa przez magistrat ma bydz rozsądzana, a kałhal uwiadomiony o zapozwie | zyda do magistratu, dwóch wyznaczy | z poszodka siebie, którzy wespoł z magistratowemi rozsądzać będą spor między | chrzcianinem a zydem zasłanym. ||

[76 adw.] [V.] **Co do przychodow i wydatkow kałhalnych.** |

Nayistotniejsza przyczyna, że kałhal Wysocki | licznemi długami został obciążony, iest niewierne zawiadywanie dochodami kałhalnymi; z tąd | poszło wycięczenie ludu przez składki, zaciąganie po stronach sum, dla szczególnych a | niepowszechnych potrzeb. Naostatek to przez | pokrewienstwa, to przez przyiazn, to przez | wspolne potrzeby i różne związki, połączo | ny kałhal z obywatelami zatnieyszemi, lub | maiętnieyszemi, niszczył prywatnych mieszkan | cow, a siebie i całe miasto do upadku przy | wiedł. Za czym poprawuiąc omytki stanowie:

1-mo. Jeden z maiętnych i cnotliwych obywatelow, | ma bydz od całego zgromadzenia wybrany | kassyer, i każdego roku w czasie elekcyi kałhalu, potwierdzany nadaley, lub na no | wo obierany. |

2-do. Kosztem kałhalu będzie zrobiona skrzynia, | czyli kassa z otworem w gorze tak, aby przez || [77] niego mogła bydz układane, różnego gatunku | pieniądze, z trzema udzielnemi kluczami, z ktor | ych ieden u zwierzchnika hrabstwa Wy | sockiego, drugi u starszego kałhalnego mie | siącznego, trzeci u kassyera znajdować się | powinien. |

3-tio. Kassyer będzie miał udzielną xięgę, w ktor | rą wydatki i przychody kałhalu, pod dat | tami wiernie zapisywać powinien. |

4-to. Dochody zakontraktowane, podług opisanych | rat odbierać do siebie będzie, wnoszącego | zakwitue, i o tym kałhal uwiadomi, a jeżeli by | który z kontraktujących raty należney w ter | minie nie oddał, ma natychmiast donieść o tym | kałhalowi i zwierzchności dworney. Pie | nią do kassy odbierać będzie złotem | ważnym obrączkowym, lub monetą kurs | w kraiu maiącą, a nadewszystką polską | i w takim że gatunku podatki i należność | każdemu opłacać powinien. |

5-to. Żadnych wudatkow czynic nie może, poki | nie podbierze na pismie wydaney od kałhalu assygnacyi, a przez dwór || [77 adw.] potwierdzoney, a

ieżeli by tey ostróżności nie użył | albo zahalnych pieniędzy na swoje potrzeby | wzięł, albo niepotrzebny wydatek uczynił, tedy | w sowit własnego majątku wrócić będzie powinien. | Podobnie ż gdy by za wydaną assygnacją | opłacił summę, a kwitu od biorącego pieniądze nie wzięł, tedy wydatek takowy przyjętym | mieć nie będzie. |

6-to. Każdego miesiąca powinien przynieśc xiążkę, w którą codziennie przychody i wydatki zapisuie, i podać do zakonnotowania całtemu kahałowi i zwierzchności dworney. |

7-mo. Skoro kahał wybranym zastanie, zaraz na | pierwszy lub drugiey sessyi, rozkaże napisać po hebraysku registr bierczy | pogłownego i podymnego, i ony podpisem swoim utwierdzi, potym z poszrodka siebie wyznaczą dwóch kahalnych, czyli więcej, którzy razem z szkolnikiem poydą do domu kóždego gospodarza uwiadomią wiele na ratę półroczną sam i podkomorniego, mają zapłacić pogłownego | i podymnego. Dzień wnoszenia || [78] pieniędzy ogłoszą, i dla pamięci tak wielość | wnosie się mającego podatku, iako też dzień, | którego koniecznie wnosic powinni; na scienie | u każdego gospodarza zapiszą, a takowy | porządek każdego półrocza ma bydz zachowany i dworowi opowiadany. |

8-vo. Poborca od kahału do wybierania oznaczy, | i wybrany powinien koždemu obywatelowi | dać na piśmie swiactwo, iako w tym a | w tym dniu odebrał podatku tyle a tyle, | bez żądania najmnieyszey za to opłaty, | a wybrane pieniądze natychmiast za | kwitem kassyerowi odda. |

9-no. Po wyszłym ostatnim terminie, do znoszenia podatkow publicznych, naydaley trzema tygodnia|mi przed wnoszeniem do kancellaryow powiatowych, kahał wypisać każe registr osob, u | których zalega i dołożywszy, którzy przez | krąbrność, a którzy przez niemożność podatkow nie oddali, podpisany podać zwierzchności dla zyskania dworney exekucyi. |

10-mo. Dochody kahalne iedne są za kontraktami²⁰, drugie pod dozor i wybor kahału || [78 *адв.*] oddane, te które są zakonnotowane odbierac będzie kassyer w ratach przepisanych i oddającego zakwituie, te zaś które są przypadkowe, i pod wybor kahału zostawione, iako to | od jabka rayskiego, sztrofow, pogrzebów | i innych tym podobnych; zgromadzony | w komplecie kahał na sessyi o wielości tego dochodu stanowic powinien i większością głosów za decydować, wiele od czego | ma bydz płaconą. Pieniądze zaś natychmiast kassyerowi mają bydz oddane, i do | dyaryuszu czyli protokołu codziennego | wpisane, a kahał przy sobie najmnieyszego szeląga utrzymywać nie może. |

11-mo. Kontraktujący krobkę cherymową i inne | dochody kahału ma zaraz przy wzięciu kontraktu złożyć oblig u kassyera | na całą summę, iaka

²⁰ так у ркп.

w kontrakcie bę|dzie umieszczona, który po opłaceniu zu|pełnym pomienio-
nych ratach wróco|ny kontraktuiącemu zostanie, a jeżeli | by podług umowy
w kontrakcie opisa|ney, raty którey nie opłacił, tedy kahał || [79] ma zanieść
przozbę do zwierzchności o wysła|nie exekucyi na wybor calkowitey sum-
my | w obligu zapisany, chociaż by znacznieyszą | część ratami powyższemi
zaliczył. |

12-*do*. Gdy potrzebna iest wiadomość, iak wiele kon|traktuiący dochody
kahałne mają zysku, lub | straty, przeto wierniey, chazan i pod iakim | tytułem
poborca, bądź krobki cherymowey, | bądź innych dochodow mają registra
| swoje co mieciąc wiernie kahałowi do pod|pisu dawac; nic żeby summa
w kontrak|cie zapisana mogła bydz podwyższona, | i naddatku w tym roku
żadaną od kontrak|tującego, lecz żeby kahał był przeswiad|czony, iak w dal-
szym czasie tymi docho|dami ma zarządzać. |

13-*io*. Dość przez się zubożony kahał, ucisniony, | więcey ieszcze zosta-
wał wymaganiem pre|zentow na święta, przyiazdy i inne o|koliczności, albo
też kahał czyniąc grzech|ność rozdawał dobrowolnie offiary i po|darunki
zwierzchnikom, officyalistym i | innym, a nawet postronnym, tym samym
|| [79 *adē.*] marnotrawił dochody kahałne. Ten zwycay na | zawsze kasuie
i naysurowiey postanawiam, że ieże|li by kahałnym było dowiedziono, że
to czy zwierzch|nikowi, czy officyaliscie, czy samemu nawet dzie|dzicowi,
nakoniec komukolwiek bądź tuteyszemu, | bądź obcemu dawane bywały
prezenta w cukrze, kawie, cytrynach i tym podobnych z docho|dow kahał-
nych, natychmiast pod nayscisley|szą exekucyą ci którzy którzy offiarowali
zapłacie bę|dą powinni, do kassy kahałney troie tyle, ile | na prezenta ruszyli
kahałnych pieniędzy, | a nad to wykraczaiący przeciw temu zaka|zowi, na lat
trzy od zasiadania w kahale u|suniętemi zastaną. |

14-*to*. W czasie przechodu żołnierza kraiowego lub | obcego, wybrane
będą podwody i zywno|sci z miasta, słuszność sama wyciąga, a że|by wy-
datek nad to, nie przez kahał ieden | lecz przez całe miasto był złożony, za
czym | w wydarzoney takowey potrzebie, kahał | ma zawsze uwiadamiać
zwierzchność dwo|ru, a dwór zniósłszy²¹ wydatek na pod|wody, lub zywność
dostarczoną kwartałami || [80] czy rocznie uczyni rozkład pomiarkowany,
tak na | chrzesciań, iako i zydow, aby publiczny ciężar ro|wnie wszystkich
obywateli dotykał. |

15-*to*. Lubo wielość przychodu i wydatku rocznego | do kahału Wysoc-
kiego, ieszcze wyiasniona nie | iest, wnoszę iednak z niektórych zrzodeł, że
| dzis nawet są dostarczaiącemi na potrzeby | kahału, a w dalszym czasie
cnotliwym zarzą|dzieniem, powiększone bydz mogą, dla czego | wszystkie

²¹ так у ркп.

składki do tąd praktykowane za|kazuią się chyba by gwałtowna i nieprze-
wi|dziana wypadła okoliczność, wtedy za do|zwoleniem na piśmie dworu,
czynione bydz | mogą. |

Takowe urządzenie, co do składu kahału, rządu | miasta, odprawowania
sądów, zawiadywa|nia dochodów przezemnie uczynione, aby | od dnia zaraz
dzisiejszego²² w nayczulszey | było exekucyi, pod odpowiedzialią z majątk|ku i
osob obranych teraz na kahal|nych zalecam.

Działo się w Wyso|kim Litewskim roku 1794-o miesiąca | czerwca 24-o
dnia. |

Копія. |

Падрыхтавана да друку па [6, арк. 66–80].

Дадатак 3

1795 г. красавіка 14. Ружаны. – Інструкцыя па ўвядзенню ў маёнтках
Дзярэчын, Зэльва, Ружаны, Высокае сельскіх судоў.

|| [93 адв.] **Ustanowienie sądów włościansk(ich)** |

Ciąglym²³ doswiadczeniem nauczeni iesteśmy, iż cho|ciaż by Rząd był
nayıagodnieyszym y naytros|kliwszym o polepszenie losu rolnika, włościa-
|nik iednak z mlekiem prawie wysysaiąc niena|wisć do dworu, s pogląda za-
wsze na rzad|ców, iako na okrutników i uciemieżyciolołow swo|ich. Przyznaię
że to pochodzi może z nieo|swiecenia ludu, lecz wyznać i to, chociaż ze |
wstydem należy, iż sami zarządzaiący || [94] włościaninami daią do ohydy
siebie, nayistotniey|sze przyczyny obchodząc się z obywatelami, nie iak | z
ludźmi, lecz gorzey częstokroć iak z Bydłętami. |

Nie masz w prawdzie człowieka bez winy, lecz | czylisz rząd na to od
Boga postanowiony, aby | każde, by też naymniejsze przewinienie bez
ro|zwagi i litości karał. Czyliż włościanin co do | ciała i duszy, nie jest
każdemu rowien człowiekowi, czylisz nie obdarzył go Bóg rozumem |
przyrodzonym, i nie dał mu poięcia, co iest do|brego lub złego, za což in-
nemi szrodkami poha|mowany od występku, lub naprostowany na | drogę
prawdziwą bydz nie może, iak tyło nie|milosierdnym biciem, a szęstokroć
bezwinnym. | Niezałuymy tyło pracy w częstym oswieca|niu ludu, przez
łagodne przełożenie, albo do|broci tey rzeczy, która się zaleca, abo złych |
skutkow, które z niedopelnienia rozkazow wy|pływać mogą. Mieymy czułą
troskliwość | o jch majątku i zdrowiu, zaradzaymy | wcześniej i ile bydz
może skutecznie onych | potrsebom, doprowadzaymy jch do pozna|nia
istotnego, co iest własność, i że utracać | one, z krzywdą potomstwa iest

²² другое і вытр. з ініш. літары (магчыма з s)

²³ насупраць на левым полі знак X

grzechem || [94 adw.] nieodpuszczonym, a zaręczam że włościanin, by | też najciemniejszy, poznawszy że się z nim ob|chodzą iako z człowiekiem, wyzue się z wrodzo|ney ku dworowi nienawiści, a przy oblecze sie|bie w miłość i uszanowanie ku rządzącym, dziel|niey wykonywaiąc rozkazy przez własną | chęć, iak z musu i bicia dopełniał. Dla cze|go odeymując wszystkim jch mościam) pp(ana)m ekonomom, | i pod iakimkolwiek tytu|łem włościaninami za|rządaiącym, moc samowolnego sądenia | tym bar|dziey karania, ustanawiam sądy | włościańskie w następującym składzie: |

1-*mo*. Wóyt každy wsi, od tąd przez włościań wy|bierany, a od dworu po|twardzony, iako prez | to samo staie się pierwszym we włości go|spodarzem, tak też i pierwszym będzie sędzią | gromady tey wsi, którey iest woytem. |

2-*do*. Do wóyta w každy wsi będą wybrani i | prydani dway gospodarze słuszni Boga | się boiący, i zaufanie we włości maiący, | którzy razem z woytem rozsądzać będą | sprawy w jch wsiach wydarzone. |

3-*tio*. Dom woyta będzie mieyscem sądown, a || [95] czas každy, w którym kto pokrzywdzonym lub | obwinionym zostanie.

4-*to*. Dziesiętnicy iako szczegulnieysi dozorczy, gospo|darzy sobie odda|nych pod dozorowanie, będą | donosicielami do woytowskiego sądu:

- które | małżeństwa nie żyją z sobą w zgodzie;
- w któ|rych domach dzieią się przekłestwa, złorzecze|nia albo zgorszenia;
- który gospodarz traci | majątek przez hultajstwo, albo piałstwo;
- któ|ry nie iest posłusznym dziesiętnikowi, albo | dworowi;
- który nie pilnując gospodarstwa, | abo nie chąc prawować, opuszcza dom, wy|chodzi na żebranine, albo dzieci słaszczą | dorastaiących za chle|bom ze wsi wysyła; |
- który wyprzedaie dobytek lub żywność, albo | do żyda ukradkiem wynosi;
- który wczynie | i dobrze nie zarabia gruntu, a to co mu uro|dzi ziemia, nie zbiera lub gnoi w polu i | tam daley.

5-*to*. Kradzież w iedney wsi, albo też szkody po|czynione sąsiadowi, czy to w polu, czy | w ogrodzie, czy w domowym zabudowa|niu poczynione, niemniey bitwy i klotnie || [95 adw.] między ludzmi wydarzone, w sądzie woytowskim | swoiey wsi mają bydz rozsądzone, ale ieżeli by się | trafiło że włościanin z iedney wsi pokrzywdził | by w czym włościanina, w drugiey wsi miesz|kaiącego, a te obydwie wsie należały by do ied|nego folwarku, w tedy obydwie poydą do są|du tey wsi, która będzie między niemi nay|znaczniey|sza i nayludnieysza. |

6-*to*. Włościanin na powinność nieidący, albo nied|bałe odbywaiący, aloli też uszkodzenie iako|we we dworze czyniący, odtąd ani sądo|ny, ani karany

przez dwor nie będzie, lecz | ma bydz dziesiętnikowi doniesiony, a ten | z oskarżonym powinien isć do sądu wsi | swoiey, dowieść iego przewinienia i osądze|nia domagac się. |

7-*mo*. Jeżeli by woyt albo sędziowe miejscowi, albo | dziesiętnik pokrzywdził którego włościani|na, powinien skrzywdzony udać się do sądu wsi najsilniejszey swojego folwarku, | a jeżeliby sam był z tey że wsi najsilniejszey, w takim razie udasie pokrzywdzony | do dworu, który uwiadomiwszy o tako|wym przypadku zwierzchność miejscową, || [96] za iey urzędzeniem, z jnych wsi | zbierze trzech sędziow, i w przytomności swo|iey rozsądzić każe sprawę między skarżącym | się a obwinionemi. |

8-*to*. Jakikolwiek od sądu wiejskiego wypadnie | wyrok, ten niepierwiewy może bydz exekwowany, | aż ode dworu zostanie potwierdzony i to | w pomniejszych wykroczeniach lub karach, | w ważniejszych zaś przewinieniach, iako to | o kradzież znaczną, skaleczenie, abo zabicie | człowieka, podniesienie buntu, stracenie lub | wyprzedanie majątku, opuszczenie się ze wszystkim w gospodarstwie, wybranie cu|dzych pszczoł, zapalenie lasow lub do|mow i tym podobnym występku, dwor | wypisawszy rzecz cała i dowody, tudzież | wyrok włościańskiego sądu ma odesłać | do zwierzchności miejscowej, czekając od | niey potwierdzenia, poprawienia, lub od|rzucenia dekretu włościańskiego. |

9-*tio*. Jako rozmaite są występki, tak też i kary | iednostaynie bydz nie mogą; starać się iednak | o to najsilniey trzeba, aby wprowadzony | zwyczaj okrutny bicia ludzi, chyba w || [96ad6.] najsilniejszych raziech był używany, lecz mo|gą bydz używane kary, które zawstydzając człowieka | i przekonywając go o wykroczeniu, potrafią ulepszać | obyczaje i czynić włościanina cnotliwym. Naprzy|kład:

- leżenie w cerkwi lub kosciele krzyżem czasiu na|bożeństwa;
- zapłacenie do kasy wiejskiej sztrofu; |
- wyłączenie od kompanii, gdy się cała Gromada bawi;
- nakazanie roboty swoich dni na użytek | tego, którego pokrzywdził i tam daley. |

10-*mo*. Hultaie i Marnotrawcy, którzy albo przez lenistwo, | albo przez piałstwo niszczą swóy majątek, nay|strożey przez sąd wiejski powinni bydz karani. | Pobłażenie bowiem zatwardzi go w hultaystwie, | a jnni tym przykładem pogorszeni, opuszczają | zaczynają Ręce, spuszczac się na dwor, a tym samym | stawać się uciążliwemi dla cnotliwych i majątnych | gospodarzy.

Dattu w Rożaney 1795-*o* | roku m(iesią)ca kwietnia 23 dnia. |

Падрыхтавана да друку на [6, арк. 93 адв. – 96 адв.]. Апублікована: [15].

Спіс літаратуры

1. *Volumina legum* (Далее – VL). – Т. 9. – Kraków, 1889. – 503 s.
2. VL. – Т. 10. – Poznań. 1952. – 749 s.
3. Wąsicki, J. *Konfederacja targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 roku: (studium historyczno-prawne)* / J. Wąsicki. – Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1952. – 194 s.
4. Стрэнкоўскі, С. П. Рэформы гарадскога самакіравання Беларусі ў 90-я гады XVIII стагоддзя = *Self-government reforms in Belarusian cities in the 90-s of XVIII century* / С. П. Стрэнкоўскі // Учен. зап. Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2011. – Т. 12. – С. 75–84.
5. Стрэнкоўскі, С. П. Гарадская рэформа апошняга Гродзенскага сейма / С. П. Стрэнкоўскі // *Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. ст. – Минск, 2012. – Вып. 12, ч. 1: Исторические и психолого-педагогические науки* / [под ред. В.Ф. Беркова]. – С. 282–289.
6. *Vilniaus Universiteto Bibliotekos Rankraščiu Skyrius* (Бібліятэка Вільнюскага ўніверсітэта, Адзел рукапісаў). – F 4. – Справа 12069 (A-257). – Арк. 41–66.
7. VL. – Т. 8. – Petersburg, 1860. – 590 s.
8. Стрэнкоўскі, С. П. Самакіраванне мястэчка Дзярэчын у канцы XVIII ст. (па «Арганізацыі магдэбургскай юрысдыкцыі ў горадзе, які названы Дзярэчын») / С. П. Стрэнкоўскі // *Капыль: гісторыя горада і рэгіёна: да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права: зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі* [уклад.: А. А. Скеп'ян, А. Б. Доўнар, І. В. Соркіна; рэдкал.: А. А. Каваленя і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 117–147.
9. Zieñkowska, K. *Obywatele czy mieszkańcy? Nieudana próba reformy statusu żydów polskich w czasie Sejmu Czteroletniego* / K. Zieñkowska // *Sejm Czteroletni i jego tradycje* / Pod redakcją J. Kowieckiego. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. – S. 152–166.
10. *Materialy do dziejow Sejmu Czteroletniego.* – Т. VI. – Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969. – S. 130.
11. *Lieuvos mokslų akademijos biblioteka Rankraščiu Skyrius* (Бібліятэка акадэміі навук Літвы, Адзел Рукапісаў) (Далей – LMAV RS). – F. 17. – Справа 87. – Арк. 13, 21, 23.
12. LMAV RS. – F. 17. – Справа 74. – Арк. 30, 30 адв., 50–51.
13. LMAV RS. – F. 17. – Справа 77. – Арк. 24.
14. LMAV RS. – F. 17. – Справа 90. – S. 87.
15. Голубеў, В. Ф. Новыя дакументы пра арганізацыю сацыяльна-эканамічнага жыцця ва ўладаннях князёў Сапег у канцы XVIII ст. (стварэнне сельскіх судоў і рэгламентацыя абавязкаў сялянскіх дзесятнікаў) / В. Ф. Голубеў, А. Б. Доўнар // *Соціально-эканамічныя трансфармацыі в Украіні та Білорусі в XVI–XVIII ст.: фактор реформ.* – Київ., Інститут історыі Украіны НАН Украіны, 2016. – С. 221–223.

ÄÈÑÊÓÑÑÈß

НЕ НАДО ПЛОДИТЬ ОЛЕГОВ!

(Отклик на статью С. Н. Келембета)

В восьмом выпуске (2015 г.) данного научного сборника была опубликована статья С. Н. Келембета, посвященная Олегу Вещему. Автор предлагает изящную концепцию о существовании в IX–X вв. на Руси двух киевских князей по имени Олег.

Один из них, по мнению автора, правил в 860-е гг., и возглавлял один из походов на Константинополь, который в Повести временных лет (далее – ПВЛ) приписан Аскольду и Диру, а второй Олег в 911 году заключил договор с Византией.

К такому интересному выводу С. Н. Келембета подтолкнули три летописных известия: поход русского войска на Византию в 860 году, который в Начальном своде не связан с именами Аскольда и Диры, наличие летописных свидетельств о нескольких могилах Олега и не фиксируемый в византийских хрониках поход Олега 907 года.

Анализируя приведенные выше данные, автор статьи приходит к выводу, что если поход 907 года, приписываемый русскими летописями Олегу, не зафиксирован в других письменных традициях, то «трудно согласиться с полным вымыслом, пусть и в устном предании, самого успешного похода Олега на Византийскую столицу». А, следовательно, его надо отнести к 860 году – именно под этим годом читаем о походе в византийских источниках. Возможность того, что было два Олега, подтверждается, на взгляд автора, тем фактом, что в летописях фиксируется разноречивых мнений о могиле Олега.

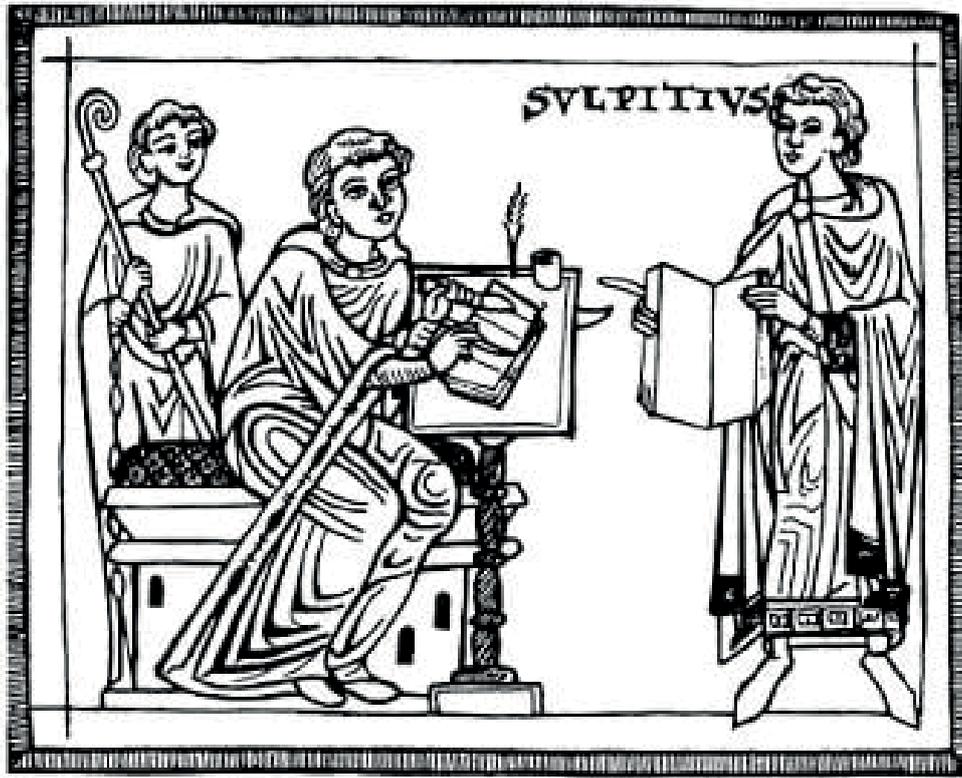
Предположение С. Н. Келембета на первый взгляд может показаться вполне логичным, но, на наш взгляд, в этой гипотезе есть два существенных изъяна.

Автор считает, вслед за некоторыми другими исследователями, что такой удачный поход Олега не мог не отразиться в византийских источниках, однако, никак не объясняет наличие договора 911 года, который зафиксировала ПВЛ. То есть, почему был заключен договор, если похода на Константинополь не было? Ведь после похода Игоря, как и после похода Святослава, такие договоры имели место. На этот вопрос исследователь не отвечает.

Непонятным остается и объяснение нескольких могил Олега в данном контексте. Наличие могил в Ладоге и в Киеве скорее говорит о существовании противоречивых нарративов о месте погребения такого значительного князя, нежели о существовании нескольких Олегов. Сходные свидетельства о различных местах погребения известных людей, в особенности властителей, встречается во многих европейских традициях.

Схожие сведения мы встречаем и в ПВЛ не один раз. Разные мнения о месте крещения Владимира не говорят о том, что речь идет о разных Владимирях. Противоречивые сведения о Кие тоже не свидетельствует о том, что один из них был «перевозником», а «другой» основал Киев.

Эти два замечания представляются нам существенными для принятия концепции С. Н. Келембета.

РЕЦЕНЗИИ

Подберезкин Ф. Д.

«ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ВО ВРЕМЕНИ, В ЛИЧНОСТЯХ, В ИДЕЯХ»: АЛЬМАНАХ И ЕГО СУДЬБА (2014–2015)

Et quicumque eam legerint veniunt ad dextram Dei vivi. Amen.
Wigand Marburgensis

Для любителей русских древностей весть о появлении нового научного сборника, посвященного древнерусской старине, вызывает в наши дни и радость, и скепсис. Во-первых, тематических изданий по Древней Руси не так уж и много. Во-вторых, от нового издания ждут, как минимум подобного научного уровня публикаций, «громких» авторов и, главное – новой тематической и концептуальной направленности. Если с первым требованием «отцы-основатели» нового сборника пообещали справиться («основной девиз альманаха – качество»), то касательно второго они декларировали концептуальный плюрализм, пожелали создать «открытую площадку для исследователей русского средневековья», сохраняя при этом общую церковно-историческую направленность. Перед нами четыре выпуска альманаха «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» за 2014–2015 гг. (на данный момент на сайте издания есть информация уже о восьми выпусках; к сожалению, выпуски 5–8 пока недоступны для нас). Это значит, что альманах уже имеет свою историю и идеологию. «Старт» изданию дали своей статьей известные медиевисты Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина. Смогут ли издатели реализовать задуманное? Какой скрытый тематический ключ («скопус») лежит в содержательном основании сборника? Какие перспективы у издания? Ниже мы рассмотрим каждый выпуск и, по возможности, каждую статью, а затем попытаемся ответить на заданные вопросы.

Отбор материалов в **первом выпуске** альманаха (2014 г.) соответствует основной концепции издания: изучение древнерусского наследия сразу на нескольких уровнях – событийном, историографическом, историософском и даже «лирическом». В выпуске широко представлен компаративистский подход: сравнительный метод используется в статье **А. Ф. Литвиной** и **Ф. Б. Успенского** («Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти»), **К. А. Костромина** («Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги»), **А. А. Симоновой**

(«Основание Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Западные параллели»), **Б. И. Чибисова** («Термин “латиняне” в византийских и древнерусских письменных источниках (до начала XIII в.)»). Вероятно, такое направление публикаций вызвано не только предпочтениями издателей: здесь сочетаются как увлечение сравнительным приемом, так и общий характер современных исследований – склонность к включению локальных феноменов в контекст «большой» общехристианской традиции. В качестве некоего концептуального противовеса (попытки объяснения церковно-исторических феноменов из собственно русских культурных реалий) являются статьи **П. И. Гайдено** («Смерть древнерусских архиереев (X – середина XII в.): обстоятельства и закономерности»), **Н. И. Петрова** («Культ св. Николая Чудотворца в юго-западной Руси XI–XIII в.»), **Ю. С. Старикова** («Учение о монашестве в сочинениях митрополита Московского Даниила»), **Д. Б. Терешкиной** («Егда душа от тела нуждею разлучается, ужасна тайна всем и страшна (смерть в синодике Новоезерского монастыря)»). Последние справились со своей задачей лучше первых: текстологические сопоставления и выявление сюжетных и литературных параллелей в локальных масштабах удалось куда больше (например, в статье магистранта Ю. С. Старикова), чем фиксирование подобия понятий и учреждений «Запада» и Древней Руси без убедительных аргументов в пользу их преемственности или зависимости (статьи К. А. Костромина и Б. И. Чибисова).

Жанровое разнообразие в сборник вносят научная биография Евгения Болховитинова (**Н. Н. Жервэ**: «Усердный ревнитель просвещения»), исследовательский портрет С. В. Бондаря (**В. В. Мильков**: «С. В. Бондарь как исследователь»), «научная лирика» на тему династии Романовых **Ю. А. Соколова**. Текст последнего «Династия Романовых в контексте проблематики российской истории Нового времени» выступает в сборнике в качестве «пробного камня». Неуверенность в наличии данной «краски» в «общей палитре» выражена в словах предисловия к выпуску: «В несколько особом положении оказался труд Ю. А. Соколова. Его взгляд на наследие русского средневековья представлен через призму последующих эпох. Надеемся, что особенность труда не только не нарушила общей концепции альманаха, но и придала ей некоторую динамичность. Она настраивает читателя на лирический лад и заставляет мыслить». Действительно, отсутствие четких хронологических рамок, обилие оценочных суждений, диалектическое философствование и пр. выводят данный труд за рамки классических критериев научного текста. Центральной темой становится презентация российской истории

эпохи Романовых в образе музыкальной увертюры – от *allegro con brio* через *dissonance*, «инерции» и «агонии». Текст представляет собой национальную онтологию – жанр, давно забытый со времен «Философических писем» П. Я. Чаадаева.

В конце выпуска публикуется часть незавершенного труда известного украинского исследователя **С. В. Бондаря** «Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке». Данный текст, как и любое исследование историко-философского характера, является во всех отношениях спорным: существует трудно решаемая методологическая проблема разделения элементов общехристианской традиции в писаниях св. Кирилла от его собственных взглядов. Публикация очерка осуществляется впервые и декларируется как прелюдия к серии неизданного наследия: «впредь в альманахе будут публиковаться и иные, ранее не издававшиеся работы как этого исследователя, так и иных ученых, чьи статьи и заметки в силу каких-либо причин пока остаются упрятыми в архивных ящиках и папках».

Второй выпуск альманаха – тематический, составлен по материалам научной конференции «Преподобный Сергей Радонежский: личность в контексте эпохи и история его почитания» (Санкт-Петербург, 1–3 октября 2014 г.). Как можно предположить из фотографий, размещенных в сборнике и на сайте издания, конференция была камерной, что позволило пятнадцати докладчикам опубликовать объемные статьи. Удачным является, на наш взгляд, разделение сборника на три тематических блока: «Преподобный Сергей и его эпоха», «Память о преподобном Сергии в XIX–XX веках», «Осмысление духовного пути Троицкого игумена». Такое деление позволяет рассуждать о феномене преп. Сергия на историческом, историографическом и историософском уровне соответственно.

Большинство статей в сборнике выполнено на высоком научном уровне. Однако начнем наш обзор с некоторых замечаний. Среди недостатков издания можно отметить слабую проработку теоретических проблем: в публикациях сплошь и рядом фигурируют понятия «религиозность», «память» и пр., без попыток рефлексии над этими терминами – осмысленными в работах Мирче Элиаде, Арона Гуевича и Арнольда Ангенендта (религиозность), а также в историографии «мест памяти». Хотелось бы увидеть больше полноценных сравнительно-биографических исследований Сергия и других святых Запада и Востока – ведь агиография св. Сергия имеет для этого все перспективы. Поэтому несколько одиноко смотрится статья **архимандрита**

Августина (Никитина) («Преподобный Сергей Радонежский и св. Франциск Ассизский в отечественной мысли XIX–XX веков»).

По нашему мнению, недостаточно был раскрыт феномен Сергея Радонежского в русской истории в первой тематической части («Преподобный Сергей и его эпоха»): помимо двух статей о рецепции наследия святого (**В. И. Петрушко**: «Преподобный Сергей Радонежский и его влияние на развитие русского монашества в конце XIV – начале XV в.», **К. А. Костромин**: «Преподобный Сергей Радонежский и рождение московской литературной традиции»), остальные три текста (**Р. А. Наливайко**: «Русско-ордынские отношения XIII–XV вв. в “Анналах Польши” Яна Длугоша», **А. В. Петров**: «Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их “распря”», **В. В. Шапошник**: «Митрополит Даниил в придворной борьбе 30-х годов XVI в.») прямого отношению к преподобному не имеют. Статья В. И. Петрушко является, по-видимому, расширенным вариантом конспекта хвалебной речи святому на конференции – это ясно как из стилистических особенностей текста, похожего на расширенный вариант ораторских заготовок, так из отсутствия исследовательской новизны: в своих выводах автор целиком опирается на исследование жития преподобного, написанного Б. М. Клоссом (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергея Радонежского. М., 1998). Некоторые тезисы вызывают скептицизм: например, о планах св. Сергея возродить на Руси иноческую общежительную традицию – вряд ли стоит навязывать святому старцу мышление в общерусских категориях. Автор также не учел не потерявшее своей актуальности исследование Н. С. Борисова (Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986), в котором специально затронут вопрос о сотрудничестве монашества и власти в конце XIV века.

Весомым вкладом в изучение русской книжности является статья К. А. Костромина. Казалось бы, св. Сергей ничего не писал и повлиять на литературную традицию не мог – однако Костромин, опираясь на наследие учеников преподобного, смог привести убедительные косвенные доводы в пользу обратного. Несколько уступает в этом отношении статья Р. А. Наливайко. Автор использует устаревшие и некритические издания польских хроник, в рассуждении о датировке битвы на Ворскле не привлекает ценных данных прусских хроник, опубликованных в IV томе «*Scriptores Rerum Prussicarum*». В целом текст представляет собой выборку сведений Длугоша о довольно длинном хронологическом отрезке русско-ордынских отношений XIII–XV вв. Смешанное впечатление произвела статья А. В. Петрова. Названная статья скорее пред-

ставляет собой тезисное изложение взглядов автора на «древнейший социум»: текст изобилует почти недоказуемыми догматическими конструкциями («древнейший социум делился на две половины», «деление Новгорода на две автономные части стадиально старше кончанского деления», «кенотепическое начало»). Трудно согласиться с основным выводом автора: «сплава язычества с христианством в средневековой Руси не было», – не нужно глубокого культурологического исследования, чтобы доказать, что привнесенная религия всегда и везде вступает в синтез с местными верованиями. Самим новгородским юродивым Николаю Кочанову и Федору в статье посвящен один абзац.

Интересную попытку пересмотра взглядов М. М. Крома на придворную борьбу 30-х гг. XVI в. сделал В. В. Шапошник. По мнению последнего, митрополит Даниил, приняв сторону князя И. Ф. Бельского, перестал играть роль «миротворца» во «вдовствующем царстве» и поддерживал интересы «своей группы». Суммируя: в первой части хотелось бы увидеть больше статей, связанных с вопросами биографии самого преп. Сергия Радонежского, политических и церковных событий, связанных с ним.

Более удачно выглядит вторая тематическая часть («Память о преподобном Сергии в XIX–XX веках»). Апологией исторического богословия Московской духовной академии XIX – начала XX века является статья **Н. Ю. Суховой** («Преподобный Сергий и его обитель в исследованиях преподавателей и студентов Московской духовной академии (1840–1910-е гг.)). В пику известным взглядам некоторой части современного православного духовенства (выраженных в лекциях профессора МДА А. И. Осипова), согласно которым русское богословие «забыло» свои восточные «корни» и предалось латинской схоластике, Н. Ю. Сухова на примере изучения наследия св. Сергия убедительно показывает, что «отдаленность от молитвенно-аскетического богословия, в котором порой обвиняют духовную школу, является мнимой». Таким образом, ставится под сомнение «зависимость» русской богословской традиции XVIII–XIX вв. от католичества. Хотелось бы увидеть дальнейшее развитие историографических данных штудий исследовательницы. Во второй части присутствуют статьи, посвященные атрибутике святости преподобного (**М. В. Шкаровский**: «Храмы преподобного Сергия Радонежского в Санкт-Петербурге», **А. Н. Кашеваров**: «Судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в контексте “мощейной эпопеи” советской власти»), а также истории монашества и влиянии сергианской традиции в XX в. (**А. А. Кострюков**: «Влияние русского монашества на

церковную жизнь Болгарии в 1920–40-е гг.», **свящ. А. Мазырин**: «Подвиг св. Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия: к вопросу об оправданности сопоставления», **И. В. Петров**: «Сергий Радонежский и русские святые в восприятии оккупационной прессы в 1941–1944 гг.»). Необходимыми для отечественной науки, на наш взгляд, являются публикации, подобные статье священника А. Мазырина: не опускаясь до вкусовщины, основываясь на политических документах самого местоблюстителя Сергия, автор доказал неправомочность исторического сопоставления Сергия Старгородского и Сергия Радонежского, которым «грешили» некоторые представители интеллектуальных кругов российской эмиграции. Казалось бы, разбирать вопрос о возможности анахроничного сопоставления – не дело историка-ученого. Однако текст свящ. А. Мазырина является убедительным примером актуальности реакции историка на общественный запрос.

Историософский раздел «Осмысление духовного пути Троицкого игумена» представили четыре статьи (**архим. Августин (Никитин)**: «Преподобный Сергий Радонежский и св. Франциск Ассизский в отечественной мысли XIX–XX веков», **К. А. Махлак**: «Духовный путь преподобного Сергия в контексте иосифлянства и нестяжательства», **Е. А. Евдокимова**: «Личность преподобного Сергия Радонежского в прозе Бориса Зайцева», **А. В. Моторин**: «Преподобный Сергий Радонежский и развитие духовных начал русской государственности»). Статья архим. Августина является суммированием многих попыток сравнительных исторических исследований св. Франциска и св. Сергия в российской академической науке. Удачной попыткой компаративистской штудии является статья К. А. Махлака. Научная значимость его текста, на наш взгляд, состоит в том, что автору удалось выделить адекватные природе жанра агиографии критерии сравнения византийской традиции (Симеон Новый Богослов и его ученики) с русской (Сергий и его последователи): ортодоксальная мистика и визионерство, сходный опыт видений, богословский экзистенциализм, простота и универсализм. В итоге автор выявил в обеих традициях диалектику развития монашеской традиции от отца-основателя до кризиса в контексте основанного им направления: личное мистическое призвание (Сергия и Симеона) – богословское утверждение и интерпретация этого призвания – кризис в отношениях партий, возникших в русле одной традиции.

Несколько поверхностной и тенденциозной выглядит статья А. В. Моторина. Автор строит логическую цепочку на изначально спорном тезисе о том, что преп. Сергий «делом и словом раскрыл таинственное

действие образов Пресвятой Троицы в историческом устройении Русского государства как мировой державы». Вне сомнения значение богословия Троицы в жизни самого преподобного. Однако житие, написанное Епифанием Премудрым, как и другие ранние письменные источники, не дают никаких оснований увидеть в деятельности святого и его понимании Троицы государственнические мотивы. Авторская тенденциозность раскрывается в его осуждении критиков иконного почитания Троицы как «иностранных агентов»: автор одобряет казнь дьяка Ивана Висковатого в 1570 г. Посещение президентом РФ Владимиром Путиным храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах в Москве в сентябре 2014 г. и его молитва за Новороссию увязывается автором с «поразительным свидетельством возрождения троических начал российской государственности». Статья А. В. Моторина является логическим продолжением статьи Ю. А. Соколова в первом выпуске – однако, в отличие от последнего, автор нарушил тонкую грань между историософией и исторической пропагандой.

Третий выпуск альманаха является публикацией материалов научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации», прошедшей в Санкт-Петербурге 23–24 сентября 2015 г. Третий выпуск является идейным продолжением второго – и содержательно, и структурно. Первая часть посвящена самому святому и контексту эпохи, восприятию его образа («Равноапостольный князь Владимир и его эпоха»), вторая посвящена проблемам культуры – «Князь Владимир в искусстве и книжной культуре», третья – историографическому и сакральному наследию («Наследие князя Владимира в XIX–XX веках»). Отсутствует историософская часть: в данном выпуске решили сосредоточиться на чисто исторических текстах. Вместо историософии присутствует историко-культурная часть, посвященная образу Владимира в церковном искусстве и книжной культуре. Нужно учитывать и общий контекст издания: альманах был издан во время острых общественно-политических дискуссий по поводу памятника князю Владимиру в Москве, а также в контексте украинского кризиса. Отчасти это объясняет, почему среди авторов нет украинских коллег, а также локальный характер издания – подавляющее большинство текстов принадлежит питерским исследователям.

В первой части делается попытка по-новому рассматривать вопросы, имеющие богатую историографическую традицию (А. В. Петров: «Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса», Т. Ю. Фомина: «Появление русских епископий при князе Владимире»,

К. А. Костромин: «Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века», **А. Ю. Дворниченко:** «Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества», **П. И. Гайденко:** «Несколько шагов к портрету древнерусского монашества, или что могут рассказать церковные пенитенциарные нормы Древней Руси», **Н. И. Петров:** «Почитание св. Николая Чудотворца на Руси в контексте борисоглебского культа»). По нашему мнению, при создании своих исследовательских конструктов, некоторые авторы пренебрегали деталями либо привносили в них противоречия. Так, обосновывая необходимость новых научных подходов (И. П. Еремина и И. Н. Данилевского) к летописным текстам помимо «шахматовской школы», А. В. Петров сам грешит политизацией («в летописях легенда о призвании варягов была приспособлена к обслуживанию морально-политических концепций современности»). Слабо обоснованной выглядит и мысль автора о бытовании «руси» как идейного концепта после падения собственно «Русского каганата». В статье К. А. Костромина критикуется «новоевропейская» идея монополизации церковной жизни – однако, отвергнув сообщение о первом митрополите Михаиле как сравнительно позднее (позднее сообщение еще не довод в пользу его недостоверности. – *Ф. П.*), исследователь не предложил новых версий истории митрополии. Спорным выглядит и тезис автора о византийском миссионерстве: «нет никаких исторических примеров, когда Византия организовывала бы масштабные миссионерские проекты в странах, которые считала слишком слабо развитыми по сравнению с собой». На наш взгляд, исторически и терминологически неверно отрывать византийское миссионерство от общехристианской традиции – ведь миссионеры из Римской империи как раз и занимались крещением малокультурных германцев и т. п. Однако, несмотря на недостатки в конкретных деталях, обе концепции заслуживают дальнейшего исследовательского внимания. В концепции А. В. Петрова подчеркивается необходимость многогранного исследования литературных тенденций, в рамках которых развивались летописные сюжеты о варягах: таким образом «норманнская проблема» может быть поднята на «новый уровень сложности». Также интересен вывод К. А. Костромина о поликонфессиональности (лучше, вероятно, было бы говорить о полииерархичности. – *Ф. П.*) церковной жизни на Руси в начале XI века: на основании широкого сравнительного изучения русских, византийских и западных источников автор приходит к выводу о сосуществовании на Руси четырех церковных юрисдикций – автокефальной, латинской, болгарской и византийской. В своей статье А. Ю. Дворниченко также при-

носит факт в жертву общего конструкта. У автора все симптомы болезни «историка-корифея» – истинность его построений обуславливается его опытностью: «Можно ли сравнивать Киевскую Русь и Литву? В моей научной жизни мне пришлось заниматься и историей Киевской Руси, и судьбами Великого княжества Литовского. Могу со всей ответственностью заявить – можно!» Безусловно, посыл сравнивать и находить сравниваемое достоин похвалы. Однако в вопросе исследования церковно-исторических феноменов критерий, как правило, более строг, чем в «чисто исторических» текстах. В данном случае критерием являются наличие городов и городской культуры – христианство есть городская религия, а Литва XIII века представляла собой политический конгломерат «лесных разбойников», не знавших развитой городской жизни. Что в корне уничтожает возможность сравнения русского и литовского феноменов.

Вторая часть («Князь Владимир в искусстве и книжной культуре») носит преимущественно историко-филологический характер (**В. М. Кириллин**: «Характер личности благоверного князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях», **В. В. Василик**: «Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии», **Е. А. Ляховицкий**: «Царские речи в составе Стоглава и их место в композиции памятника», **архимандрит Августин (Никитин)**: «Князь Владимир, святой, равноапостольный... (из истории русско-скандинавских церковно-литературных связей XVII–XVIII в.)»). Особо следует отметить статью В. М. Кириллина. При всей изученности приводимых автором источников, никто еще не ставил вопрос о кочующем во времени из текста в текст художественном образе князя Владимира, начиная от известных сочинений митрополита Илариона и Иакова Мниха. Следует обратить внимание авторов на подобные исследования традиций восприятия исторических фигур, которые проводятся в современной немецкой историографии (например, работы Йоханнеса Фрида о Карле Великом, Клауса Герберса об апостоле Иакове, Вальтера Хауга о короле Артуре, Петера Динцельбемера о страдающем Христе). При этом следует отметить, что В. М. Кириллин применяет и удачно сочетает в своем исследовании метод библейского тематического ключа, идею литературного канона и фольклорную традицию.

В последнем тематическом разделе («Наследие князя Владимира в XIX–XX веках») представлены четыре статьи (**Н. Ю. Сухова**: «Крещение св. князя Владимира и Русской земли: научно-критическое осмысление русским “школьным” богословием (1880–1910-е г.)»,

М. В. Шкаровский: «Князь-Владимирский собор Санкт-Петербурга в 1917–1941 гг.», **иеродиакон Дионисий (Хмыров):** «Образ князя Владимира в восприятии русской православной эмиграции (по материалам журнала “Церковные ведомости”, 1930 год)», **А. Н. Кашеваров:** «Журнал “Русское Возрождение” – орган Комиссии по подготовке празднования в русском зарубежье 1000-летия Крещения Руси»). Особенно отметим здесь статью Н. Ю. Суховой. Автор продолжает свои историографические штудии восприятия церковной истории и агиографии историками. Исследовательница сумела увлекательно передать противоречивость восприятия истории Русской Церкви – борьбу между «исторической мастерской» Е. Е. Голубинского и «богословием истории», конфессиональным богословием и научно-критическим методом, конфессиональностью и аконфессиональностью. Автор не только констатирует наличие этой диалектичности в развитии «школьного» богословия, но и утверждает, что эти проблемы не были решены и нуждаются в пересмотре и разрешении в свете современной науки. В целом же, как этот вопрос, так и почти все затронутые в выпуске проблемы являются почвой для научной дискуссии и полемики – такой жанр, к сожалению, в издании отсутствует.

В отличие от двух предыдущих **четвертый выпуск** альманаха «представляет собой конволют различных тематик». Большая часть сборника (9 статей) посвящена различным церковно-историческим аспектам, кроме того, в рубрике «Наследие» публикуются неизданные работы трех авторов. Первая статья основного раздела (**Е. Н. Луняк:** «Элементы сказочности и удивительности в произведениях французских авторов XI–XVII вв. о Южной Руси») несколько выбивается из общего церковно-исторического контекста. Автор вряд ли осознал трудность, с которой всегда сталкиваются подобные исследования средневековых представлений: необходимость найти концепцию, которая могла бы обобщить и таким образом объяснить разрозненные свидетельства. Этому ему сделать не удалось: статья представляет собой перечисление «сказочных» сюжетов в известных автору французских источниках XI–XVII веков под «соусом» рационализма с довольно очевидным выводом в конце: «можно наблюдать за тем, как развитие науки приводит в мыслительной сфере к постепенному вытеснению мистических представлений... не подтверждающихся конкретными фактами». Средневековью (XI век) посвящена только одна страница (сюжет с «Псалтырью Одальрика»), остальные упоминаемые авторы относятся преимущественно к XVII веку. Автор не объясняет, что он понимает под «сказочностью»

и «удивительностью» и как он их отличает. Подобные претензии концептуального порядка можно предъявить и к статье **Л. В. Мининковой** «Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание». Ссылаясь на А. Я. Гуревича, исследовательница, тем не менее, не ставит вопрос о том, как работал институт *give and take* на русской почве, имеет ли смысл сравнивать западноевропейский и русский институт дара и т. п. На наш взгляд, феномен дара в летописной традиции следует изучать с позиций литературной критики, как это делал, например, И. Н. Данилевский касательно сюжета о даре императора Константина VII княгине Ольге. Концептуальная бедность такого рода исследований обуславливает выводы общего характера в конце статьи («дары имели большое общественно-политическое значение» и проч.).

Историко-правовую направленность имеют статьи **П. И. Гайденко** («Сколько стоила “жизнь” инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков)»), **Е. Ю. Калининой** («“Суды божьи” как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании)»), **С. Б. Чебаненко** («Киевская община в межкняжеских конфликтах конца 11 в.: суд веча»). Постановкой проблемы о правовом статусе древнерусского духовенства (цена «жизни» и смерти) является статья П. И. Гайденко. В силу того, что русские канонические источники не позволяют делать однозначных суждений по поводу стоимости «жизни» (здоровья и имущества) духовенства, автору пришлось разбирать отдельные казусы, упомянутые в летописях. В итоге он пришел к выводу, что «жизнь древнерусского монаха... не была защищена ни церковным, ни княжеским правом». Эту мысль можно поставить под сомнение тезисом о том, что в летописях по понятным причинам особое внимание уделяется правонарушениям, связанным с духовенством – в то же самое время так же редко упоминается о наказании убийц других категорий населения (князей и прочих). Тем не менее, статья П. И. Гайденко является первой постановкой проблемы такого рода и потому открывает новые исследовательские горизонты в историографии древнерусской иерархии. Попыткой историко-сравнительного исследования является статья Е. Ю. Калининой. Важным видится предостережение исследовательницы о недопустимости «высокомерной позиции» исследователей XIX в. по отношению к религиозным ритуалам в правовой практике. Автор подчеркнула схожесть судебных ордалий на Руси и в Испании, отметив трудности в объяснении причин для участия в оных. Осталось, однако, неопределенным, каким образом на практике

можно применить намеченный автором метод «вживания» в «культурное пограничье». В статье С. Б. Чебаненко автор концентрирует внимание на возвышении роли веча во время княжения Святополка Изяславича и приходит к выводу о том, что «сами Рюриковичи создавали прецеденты вечевого суда над князьями». Агиографическая тематика представлена статьями **Н. И. Петрова** («Агиографический контекст распространения имени Николай в домонгольской Руси») и **А. С. Ищенко** («Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе»). В суждениях обоих авторов очевидны признаки мифологической школы («рецепция домонгольской Русью имени Николай была усилена... агиографическими нарративами, помещавшими св. Николая в окружение многочисленных тезок»; «вытеснение образа Владимира Мономаха из исторической памяти образами других святых»). В своем очередном «историко-психологическом эссе» **Ю. А. Соколов** пытается выяснить мотивы «большой междоусобной войны» («Дядя против племянника (первые страницы агонии Киевской державы)»). Выяснить их не удалось – эссе представляет собой художественный текст, где автор мастерски вкладывает свои мысли и мотивы в головы Юрия Суздальского и Изяслава Мстиславича. В статье **Т. Р. Галимова** («Еще раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV в.)») делается попытка представить миссионерскую «активность» сарайской епископии как исследовательское клише. Тезис об отсутствии прозелитизма в деятельности сарайских епископов является одним из основных и в кандидатской диссертации автора, защищенной в 2017 году. Однако он основан на том, что автор в той же диссертации некорректно увязывает концепцию о «казнях Божьих» с миссионерской пассивностью. Факты крещения монгольской знати (частично обсуждаемые в статье) как раз говорят об обратном. Христианство – религия прозелитизма по самой своей сути. Скорее стоит говорить о подобии ситуации в Сарае с теми ограничениями, которые наложил на христианские ордена в Литве великий князь Гедимин в начале XIV века. Это, однако, не мешало францисканцам и доминиканцам вести там свою миссионерскую деятельность. Что касается Русской церкви, то в нашем распоряжении есть пример Ливонии, миссионерская активность в которой была слабой, так как не носила политического характера. Все вышесказанное говорит о широком круге проблем, к рассмотрению и сравнительному изучению которых подталкивает данная статья. Это можно отнести к достоинствам работы Т. М. Галимова.

В рубрике «Наследие» в продолжение традиции первого выпуска публикуется работы ушедших в лучший мир ученых: **Н. Д. Успенского**

(«К истории обряда святого огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме. Актовая речь, произнесенная 9 октября 1949 г.»), **Л. Мюллера** («Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства») и продолжение историко-философского исследования **С. В. Бондаря** («Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке (продолжение)»). Характеристику труда С. В. Бондаря мы уже дали выше, рассуждая о первом выпуске. Другие высоконаучные и вместе с тем малоизвестные публикации – Н. Д. Успенского и Л. Мюллера – стоят того, чтобы читатель обратился к ним самостоятельно и составил собственное мнение.

Итак, подведем итоги. Субъективно выделяя положительные и отрицательные стороны издания, трудно найти их «виновника» – ведь на качество материала влияет не только доброе имя и способности автора, но также и отбор, производимый издателями по своим критериям. С другой стороны, данное обстоятельство помогает найти точку соприкосновения научных интересов и критериев качества авторов и издателей, а значит дает основание для самых общих оценок. Стал ли сборник «открытой площадкой»? Пока говорить об этом рано: нужна большая временная перспектива, а издатели еще находятся в творческих поисках. Однако открытая площадка предполагает дискуссии, коих не было ни в качестве тематической рубрики, ни в виде полемического задела в отдельных статьях. Здесь – общая беда современного русскоязычного интеллектуального пространства, где научная критика и ответы на нее, популярные в изданиях дореволюционной эпохи, стали редким публицистическим жанром. Помимо полемичности «открытая площадка» подразумевает конкуренцию концептуальных подходов. Они представлены в издании в недостаточной степени – во многом вследствие теоретико-концептуальной бедности российского гуманитарного ландшафта, что было подчеркнуто нами на примере некоторых статей с очаровывающей постановкой вопроса и разочарованием в детальном его решении. Однако данный пробел компенсируется разнообразием научных жанров – от историософии до историографического портрета. Может быть, это и имелось в виду под «открытой площадкой»? Открытое интеллектуальное пространство также предполагает географическую широту привлечения интеллектуальных сил. К сожалению, сборник еще пока не носит «общерусский» характер: около половины авторов являются представителями петербургского духовенства и петербургской исторической школы, а в третьем выпуске, посвященном святому князю Владимиру, вообще не были представлены украинские коллеги, хотя

тематика явно требовала этого. Однако данное обстоятельство объективно – локальная и региональная ограниченность является «болезнью роста» любого начинающего издания. Главное, чтобы эта немощь не стала хронической. И все же, несмотря на перечисленные недостатки, в основном издание выполнило свою задачу и потому имеет будущее: общий научный уровень публикаций высок, поиск новых тем и подходов, жанровое разнообразие и очевидные корпоративные связи между светскими и духовными учреждениями Санкт-Петербурга составляют залог «живучести» и качества сборника.

В чем же состоит основная идея (σκοπός) издания в целом? Можно ли ее вычленивать из всего разнообразия публикаций? На наш взгляд, эта идея выражается в понятиях «православие и народность» как в частях известной формулы графа С. С. Уварова. Именно в русле данной формулы осуществляется полноценное историко-богословское исследование, в рамках которого открываются новые горизонты исторического познания, изначально секулярного и потому находящегося в кризисе. Примеры отдельных статей (К. А. Костромина и некоторых других), публикации текстов почти забытых исследователей и др. показали эвристический потенциал и крепость традиции в рамках указанной формулы. Если удастся соединить эрудицию и концептуальное богатство классического богословия («православие») с лучшими силами русской светской исторической науки («народность»), добавить туда полемический жанр и расширить географический ареал привлечения исследователей – то издание может превратиться в такую интеллектуальную площадку, которой еще не было со времен Российской империи. А значит, альманах «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» будет жить и найдет свое место на пространстве восточноевропейских гуманитарных исследований.

Скурко П. Д.

«А КАК ПОПУСТИЛ БОГ ЗАНЯТЬ ВИЛЬНУ»

(рецензия на книгу Ирины Герасимовой «Под властью русского царя». Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 344 с.)

У пачатку лета 1658 года віленская мяшчанка Ганна Ядзешка заявіла мужу, што ён для яе негадзяшчы (“*Tu mnie nie godzien, chlopie prosty!*”) і сышла ад мужа да расійскага паручніка, з якім пазнаёмілася на рынку, а, можа, зачাপілася поглядам на Замкавай. Цяпер паручнік дарыў Ганне сукенкі, чаравічкі і паяскі. У паручнікавым доме Ганна цяпер прыбірала і для ягоных гасцей накрывала стол.

Ганнін муж Маціс, збяднелы за час вайны вытворца соладу, застаўся адзін з двума дзецьмі і не ведаў, што рабіць. Казацкія разбоі, эпідэмія чумы – найбольшыя беды ўжо мінулі – так меркаваў ён, пакуль Ганна не растаптала мужаў гонар. Маціс памчаўся да суперніка разбірацца, але толькі сам атрымаў шабляй пад лапатку. Раней ён бы прыгразіў жонцы судом – за здраду па Статуце пагражала “*каранне горлам*”. Але цяпер усё змянілася, куды ісці? Які шанец, што расійскія чыноўнікі з судовай ізбы прымуць меры супраць свайго ж?

Ці абярнулася гэтая драма трагедыяй, невядома. Але нават на ўзроўні драмы выпадак сям’і Ядзешкаў – яркая ілюстрацыя паўсядзённага жыцця пад уладай чужынцаў: няўтульнага, няўпэўненага, беднага. Расійскі гісторык Ірына Герасімава напісала кнігу, у якой на прыкладзе віленчукоў сярэдзіны XVII стагоддзя паказала практыкі і стратэгіі, альтэрнатывы і схемы мыслення чалавека пад уладай чужой дзяржавы.

Ірына Герасімава – кампазітар і музыказнаўца, якая пасля заканчэння кансерваторыі і абароны кандыдацкай па гісторыі расійскай музыкі XVII стагоддзя скончыла гістарычны факультэт Еўрапейскага ўніверсітэта ў Санкт-Пецярбургу і абараніла дысертацыю па гісторыі расійскай панавання ў Вільні ў 1655–1661 гадах. Другая дысертацыя і лягла ў аснову кнігі, выдадзенай у 2015 годзе ў выдавецтве Еўрапейскага ўніверсітэта. Кніга пачынаецца з прысвячэння – памяці бабуляў. Значыць – якаснае даследаванне: блія кнігі такімі прысвячэннямі наўрад ці суправаджаюць.

Вільня – удзячны прыклад для даследавання. Полікультурны і поліканфесійны горад, як ён перажыў выпрабаванне – спусташэнне,

беднасць, бяспраўнасць? І ці былі гараджане пад уладай расійскага цара такімі ўжо бяспраўнымі? А якой Вільня выйшла пасля гэтых падзей, як змяніліся адносіны ўнутры лакальнай супольнасці? На гэтыя пытанні І. Герасімава спрабуе даць адказ.

У кнізе сем глаў. У першых чатырох прадстаўленыя этапы жыцця Вільні пад уладай расійскага цара: захоп, прысяга віленчукоў на вернасць цару, прыстасаванне гараджан да новай улады, абвастрэнне адносін і вяртанне горада пад уладу Рэчы Паспалітай. Тры апошнія главы – пра культурна-антрапалагічныя аспекты: працу судовых органаў пры новай уладзе, эміграцыю з Вільні ў Расію і дэпартацыі ды рэквізіцыі, што праводзілі расійскія войскі.

Манаграфія з’яўляецца наватарскай не толькі таму, што гэта першая кніга на тэму вайны ў Вільні (раней выходзілі хіба артыкулы А. Рахубы, Э. Мейлуса, Д. Фрыка), але яшчэ і таму, што аўтарка імкнулася неперадузята, не ў нацыянальным, але ў антрапалагічным гледзішчы паглядзець на Вільню пад расійскім пратэктаратам.

Значную частку ўводзінаў Ірына Герасімава прысвяціла разгляду лексікі, выкарыстанай у гістарыяграфіі для абазначэння захопу Вільні расійскімі войскамі: “захоп”, “напад”, “маскоўскі Патоп”, “акупацыя” (польская і літоўская гістарыяграфіі); “рускае кіраванне”, “маскоўскае кіраванне”, “ваяводскае кіраванне”, “пад рускай уладай”, “пад рускім пратэктаратам” (расійскія гісторыкі).

Тэрмін “акупацыя” адносна апісаных падзей упершыню быў прыменены польскімі гісторыкам А. Рахубам у 1994 г. і затым падхоплены літоўскімі і польскімі даследчыкамі. З аднаго боку, каментуе аўтарка, тэрмін “акупацыя” і блізкія да яго ацэнкі падзей былі ў тагачасных крыніцах (напрыклад, у прывілеі вялікага князя 1665 г. горад называецца “вызваленым ад цяжкага ярма маскоўскай няволі”). Да таго ж, згаджаецца аўтарка, гэты тэрмін дазваляе ярка і даступна паказаць значэнне гэтых шасці гадоў у гісторыі Вільні: у гэты перыяд амаль увесь горад быў разбураны, а больш за палову жыхароў загінулі.

У той жа час, цяперашняе значэнне “акупацыі” (як “часовага заняцця ўзброенымі сіламі тэрыторыі праціўніка”) узнікла ў канцы XIX ст., адзначае аўтарка. Яна ўказвае на некарэктнасць прымянення гэтага тэрміну да падзей Новага часу (так, “расійскі цар прыйшоў не на пэўны час, а разлічваў утрымаць свой пратэктарат на заваяваных тэрыторыях”). Таксама І. Герасімава спасылаецца на ўстаноўку сучаснай гістарычнай антрапалогіі “даследаваць аб’ект з дапамогай той мовы і тых слоў, якімі карыстаюцца ў супольнасцях”, што даследуе

гісторык. А супольнасці разглядалі падзеі ў прызме Божай волі: “а как попустил Бог занять Вильну” (віленскія месцічы), “с Божьей помощью Вильну взяли” (расійскія ўлады).

Але, як аказваецца, і тэрмін “маскоўскае кіраванне” таксама недакладна адлюстроўвае стан рэчаў. Ці кіраваў расійскі ваявода ў поўнай меры? Або сам прыстасоўваўся да векавых гарадскіх парадкаў? Ці ўсе высілкі расійскай адміністрацыі былі нацэленыя толькі на забіранне рэсурсаў? Гэтыя пытанні ставіць аўтарка ў пачатку кнігі, але далей сыходзіць ад адказу: стараецца пазбягаць спрэчных тэрмінаў у тэксце і актыўна ўжывае канструкцыю, вынесеную ў заглавак – “пад уладай рускага цара”.

Кніга пачынаецца з апісання таго, што папярэднічала захопу Вільні расійскімі войскамі. Аказваецца, віленчукі і не ўяўлялі, што з імі можа адбыцца нешта падобнае! Стагоддзямі ўсе іх катаклізмы абмяжоўваліся пажарамі і эпідэміямі. І цяпер горад быў неўмацаваны, гарадскія сцены стаялі занядбаныя і гнілыя. Канечне, узяць такі горад не было цяжка.

Ірына Герасімава спрабуе падлічыць страты сярод мірнага насельніцтва і прыходзіць да высновы, што пакуль гэта зрабіць немагчыма – бо невядомая нават колькасць жыхароў Вільні да вайны: лічба загіблых вагаецца ад 7 да 25 тысяч, прытым ніхто з тых, хто займаўся падлікамі раней, заўважае аўтарка, не ўлічваў бежанцаў з іншых гарадоў, якія беглі са сваіх занятых ужо гарадоў і знайшлі прытулак у Вільні. Напрыклад, палачане ўцякалі ад расійскага войска на платах і чоўнах. Жонка полацкага пісара Яна Дзясгілевіча ўспамянала, як на каменным мосце праз Вілію ўзнік тлум, бо ўсе ўцякалі разам з маёмасцю, пагружанай на вазы – але былі спыненыя “ратыю царскога величества”. Людзі гінулі ў даўцы, падалі з моста і тапіліся ў Віліі.

Шчасліўцам пашанцавала ўцячы: у Коўна, Кейданы, Варшаву і далей на захад, на незахопленыя тэрыторыі; пратэстанты (не менш за 1640 чалавек) ехалі ў Прусію, дзе прысягнулі на вернасць брандэнбургскаму курфюрсту і шведскаму каралю; некаторыя, напрыклад, віленскія езуіты, дабраліся нават да Вены. Засталіся ў Вільні, або ўцяклі, а потым вярнуліся і прысягнулі рускаму цару, па падліках аўтаркі, каля шасці тысяч чалавек. У лік іх уваходзяць і 43 яўрэйскія сям’і – прыблізна сёмая частка ўсіх віленскіх яўрэяў: частка здолела эміграваць, але большасць былі забітыя падчас захопу горада.

Цікавы лёс уніятаў: Аляксей Міхайлавіч лічыў іх вераадступнікамі і загадаў перахрышчваць, аднак незразумелым чынам (хаця насамрэч зразумелым: дэкларацыі часта розняцца ад рэальнага стану рэчаў)

уніяты на працягу пяці гадоў здолелі легальна захоўваць свае традыцыі і культ. Стаўленне цара да каталікоў таксама заўважна змянілася пасля ўсталявання расійскай улады ў Вільні: палове касцёлаў дазволілі працягваць існаванне, а прадстаўнікі манаскіх ордэнаў, пабачыўшы, што пагроза нібы мінула, сталі вяртацца з эміграцыі.

Цар Аляксей Міхайлавіч, узяўшы сталіцу ВКЛ, змяніў тытул на “царя Великия, Малыя и Белья России” (за няправільнае напісанне якога дзякам пагражалі розгі). І трохкі пра любоў да жывёл: канечне, палонныя і зброя цікавілі цара, але не настолькі, як яго зацікавілі віленскія зубры (“вялікія буйвалы”), якіх ён ніколі раней не бачыў, і замкавыя вослікі. У выніку 20 зуброў адправілі як падарунак патрыярху Нікану, аслы ж пераехалі ў царскія стайні.

Адна з асноўных крыніц для Ірыны Герасімавай – прысягі на вернасць цару, зафіксаваныя ў крыжапрымовных кнігах: яны дазваляюць прасачыць лёсы каля сямі тысяч віленчукоў, прыкладна паловы даваеннага насельніцтва горада. Прычым не толькі тых, хто не змог уцячы, але і тых, хто з часам вярнуўся. Нагодай для вяртання для многіх стаў клопат пра пакінутую маёмасць: вопратка, каштоўнасці, кнігі. І многіх рэчы не дачакаліся: былі разрабаваныя войскам ці гараджанамі або сялянамі з павету, якія на рынку мянялі здабытае на ежу. У выпадку, калі ўласнік пазнаваў скрадзеную рэч, праводзілася следства і рэч яму, як правіла, вярталі. Што праўда, свет віленчукоў пашырыўся і дазваляў ісці на неўласцівыя раней махінацыі: каб не быць абвінавачанымі ў крадзяжы, падсудныя маглі сказаць, што самі купілі гэту рэч на рынку ў “невядомага рускага салдата”, а ён адкуль яе ўзяў – невядома.

Рынак – месца, дзе віравала жыццё, расійскімі ўладамі ахоўваўся адмыслова, а ў выпадку канфліктаў каравульныя вялі зваднікаў у судную ізбу. Большасць інцыдэнтаў, як паказвае аўтарка, вынікалі з голаду і п’янства расійскіх салдат, якія не атрымаўшы дастаткова харчу, ішлі па крамах і кралі хлеб, баранкі, мяса, масла, селядзец... З іншага боку, працягваліся і канфлікты па старых схемах: вось, напрыклад, незадаволеныя цаной на сукно, шляхціц Рафаіл Корсак замахнуўся шабляй на прадаўца Крыштапа Шчаснага і параніў таму галаву. Шчасны пацягнуў шляхціца на суд. Суд новы, а праблемы ранейшыя.

Такія прыклады са штодзённага жыцця падаюцца галоўнай каштоўнасцю кнігі. Антрапалаг Кліфард Гірц у 1973 годзе прапанаваў этнаграфіі метада насычанага апісання: яго ідэя была, што даследчык павінен не толькі фіксаваць, канстатаваць дзеянні і падзеі, але падрабязна паглыбляцца ў кантэкст учынкаў, у сімвалічнае значэнне

дзеянняў. Бо за фактам, можа стаяць зусім не тое, што мы бачым: каб убачыць яго сапраўднае значэнне для таго грамадства, у якім ён мае месца, трэба ақунуцца ў культурныя коды гэтай супольнасці. Канечне, ёсць небяспека, папярэджаў Гірц, што чым глыбей даследчык капае, тым больш адрываецца ад надзённых сфер палітычнага, эканамічнага і сацыяльнага, і адзіная магчымасць гэтага пазбегнуць – засноўваць аналіз менавіта на гэтых сферах.

Так і робіць Ірына Герасімава. З дапамогай гэтага самага насычанага апісання яна стварае кантэкст падзей, паказвае адчуванні, матывацыі і рэакцыі бакоў, і чым яны былі абумоўленыя; аўтарка дазваляе чытачу зазірнуць праз шчыліну ў аканіцах і да віленскага крамніка, і ў кампанію расійскіх салдат, якія сноўдаюць, не ведаючы, куды прыткнуцца ў гэтым чужым горадзе.

А, бадай, самая драматычная і эмацыйна насычаная глава – пра чуму. Раздзел чытаеш як мастацкую прозу, але адчуванні яшчэ памножаныя на тую самую асалоду ад сапраўднасці, пра якую пісаў Марк Блок. Вось, напрыклад, страх смерці, які адчуваў Аляксей Міхайлавіч, дайшоў праз стагоддзі: адпіскі, якія прыходзілі цару з Вільні, павінны былі перапісвацца дарогай 7 разоў (на віленскай заставае, на дзвюх заставах пад Барысавам, у Барысаве, у Смаленску і двойчы ў Маскве).

Дзевяць месяцаў чумы не аб'ядналі, а яшчэ больш раз'ядналі віленчукоў і расійскую адміністрацыю. Кожны быў за сябе, і хто меў куды ад'ехаць – ехаў: першы месяц хваробы выезд з горада быў зачынены, але ў канцы мая дазволілі выязджаць пад падпіску, што не будзеш уцякаць далёка ад Вільні. За горад выехалі і большасць салдат, вымушаных карміцца з навакольных вёсак. А нейкая частка вайскоўцаў зусім разбеглася. А тыя, хто застаўся ў горадзе, адпявалі сваіх памерлых: гараджане – сваіх, салдаты – сваіх (хоць, піша І. Герасімава, былі выпадкі, калі хворых выкідалі паміраць за сцены гарнізону). Ваявода ж быў заняты перапіскай з царом. Толькі адзінкі ў горадзе перажылі чуму.

Пасля чумы ў горад прыйшла новая трасца: цар, незадаволены тым, што Ян Казімір ніяк не арганізуе сейм, на якім Аляксея Міхайлавіча абралі б наступным каралём Рэчы Паспалітай, рашыўся на новыя перамовы і адправіў у Вільню для ўмацавання горада пяць новых палкоў. Тыя паводзілі сябе агрэсіўна: высялялі гараджан з дамоў, секлі двары на дровы. “Няхай ездзяць па дровы ў лес, як тыя, што жывуць у замку!” – прасілі месцічы ў ваяводы Шахоўскага. Як зазначае І. Герасімава, той заваяваў у гараджан аўтарытэт, бо моцна імкнуўся “лаской и приветом” выклікаць у іх лаяльнасць да новых уладаў.

І калі месцічы прыбеглі ў судную ізбу і “в словесном де челобитье” паведамлілі, што новапрыбылыя салдаты напалі на рынак, адымаюць грошы ды забіраюць “хлеб и колачи, и рыбу”, то Шахоўскі адрэагаваў: пакараў батагамі паручыка і прапаршчыка, якія бачылі сітуацыю, але не спынялі гвалт, а таксама самага актыўнага хулігана. А пасля, не чакаючы ўказу, ваявода выдаў з казны па ефімку на салдата. Ён разумеў: салдацкая агрэсія тлумачылася не столькі адчуваннем ўсёдазволенасці, колькі голадам.

Гісторыя панавання ў Вільні пачыналася шматабяцальна для расійскага цара. Ён паставіў спрытнага адміністратара, які ўмеў і застрашыць войска, і падтрымаць парадак у горадзе. Ён трымаў руку на пульсе што да патрэбаў гараджан і дэклараваў, што выканае іх просьбы. Ён прымусіў войска Рэчы Паспалітай уцякаць. Падаецца, Аляксей Міхайлавіч разлічваў, што Вільня цяпер ягоная. Але “гэта было назаўжды пакуль не скончылася”. Пасля пяці гадоў пад уладай расійскага цара віленчукі, стомленыя паводзінамі расійскіх салдат, беспарадам, а таксама ігнараваннем іх просьбаў да адміністрацыі, сталі дапамагаць войску Рэчы Паспалітай увайсці ў горад: секлі зачыненыя гарадскія брамы, масцілі масты праз Вілію (каго лавілі за гэтымі заняткамі, каралі смерцю і турмой).

Улада караля аднавілася ў Вільні ў 1660 годзе. Віленчукі бралі на пастой жаўнераў, удзельнічалі ў рыцці акопаў. Па прыходзе ў горад Паўла Сапегі з войскам віленскі магістрат выдаў яму грошай на розныя патрэбы і прыпраў (“*korzenia*”) (!) на 32 капы. І. Герасімава паказвае неверагодны прыклад самаарганізацыі: апошні год вайны месцічы збіралі падаткі самі з сябе і размяркоўвалі іх так, каб падтрымаць горад у пераходны час. Паўтара года існавала ўнікальная сітуацыя: органы ўлады і суд ужо вярнуліся ў падпарадкаванне Рэчы Паспалітай, але ў замку ўсё яшчэ жыла былая адміністрацыя. Замак узялі пасля пяцімесячнай аблогі ў лістападзе 1661 года. Ваяводу Мышэцкага павесілі ў прысутнасці Яна Казіміра на віленскай плошчы і пахавалі ў Свята-Духавым манастыры. Няўдалае кіраванне Мышэцкага, якога даслалі на змену Шахоўскаму ў жніўні 1659 года, І. Герасімава звязвае з яго манерай кіравання і стаўленнем да мясцовых. Шахоўскі заключаў дамовы – Мышэцкі запужваў і караў, не кіраваў, а ваяваў, за што атрымаў ад віленчукоў мянушку “тыран”.

Ян Казімір амністыраваў віленчукоў за прысягу цару і вызваліў ад вайсковых пабораў. Праўда, на практыцы прыходзілася некалькі разоў нагадваць пра гэта вайскоўцам Рэчы Паспалітай у Вільні.

Паводле Андрусаўскага перамер'я Расія абавязвалася вярнуць Рэчы Паспалітай усе рэчы, вывезеныя з разрабаваных касцёлаў і дамоў. Вывозілі вазамі, але вярнуць аказалася няпроста: рэчы ўжо разышліся па краіне. У адказ на заклікі ваяводаў прынесці ўсё незаконна здабытае ў час вайны расійскія гараджане абвяшчалі, што трафeyaў не маюць, а калі і ёсць у горадзе “украсы церковные”, “книги церковные, а печатаны в Киеве, Вильне а в иных городах”, а таксама царкоўныя званы з подпісамі “литовского языка”, аднак усе гэтыя рэчы яны не вывозілі, а купілі на сваёй зямлі за ўласныя грошы – “а войною ли, государь, те колокола ис Польши взяты – про то неведомо”. А ва Украіне, заўважае аўтарка, існаваў асабліва вялікі рынак трафейных рэчаў, да “черкесов” спецыяльна ездзілі, каб купіць танней.

У час вайны вывозілі і людзей, але забаўна, што пры спрыяльным раскладзе ад вярбоўкі можна было адкупіцца. Адночы віленчукі падкупілі царскага пасланца, які прыехаў адбіраць сталяроў: паілі, кармілі, абдароўвалі – усё для таго, каб не пазабіраў усіх рамеснікаў. Былі і такія, хто выязджаў у Маскву самастойна, адзначае аўтар кнігі. Частка майстроў пасля перамер'я засталася ў Маскве, частка вярнулася. У Маскве асабліва цанілі майстроў зброі: у перадваенны час гандаль зброяй паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай быў забаронены абодвума бакамі. Затое з 1654 года з'явілася магчымасць абмяняцца досведам: за 1655–1661 гг. колькасць работнікаў Аружэйнай палаты вырасла ў тры разы – да 100 чалавек, сярод якіх было 53 замежнікі.

Надзвычай цікава чытаць развагі аўтара пра блізкае і, відаць, любімае – музыку. Ірына Герасімава паказала, як музыка можа стаць гістарычнай крыніцай нароўні з тэкстам, калі толькі ўмець яе прачытаць. У кнізе дадзены падрабязны аналіз расійскага перакладу польскамоўнай песні 1670-х гг., што апісвае жыццё і дзейнасць гетмана Януша Радзівіла – прычым не ў найлепшым святле. Аўтарка выявіла, што музыка была запазычаная з папулярнага ў той час і ў Рэчы Паспалітай, і ў Расіі канта, у тэксце якога апісваюцца пакаёныя пачуцці блуднага сына, які хоча вярнуцца ў бацькоўскі дом. Без гэтай акалічнасці немагчыма зразумець пасыл песні пра Януша Радзівіла, а значыць інтэрпрэтаваць гістарычную крыніцу. Аўтарка знайшла ў кантах не толькі меладычную, але і тэкставую паралель паміж блудным сынам і Янушам Радзівілам, і выявіла, што аўтар песні – невядомы шляхціц-каталік, актыўны ў палітычным жыцці, які ўспрыняў прысягу гетмана шведскаму каралю як здраду Айчыне. А праз аналіз іншых польскамоўных песень, што бытавалі ў Расіі пасля вайны (іх спявалі без перакладу, часта не

разумеючы тэксту ці перайначваючы словы), аўтарка выяўляе досыць дзіўную модную тэндэнцыю – на засваенне культуры заваяванага народа.

У кнізе Ірына Герасімава зрабіла акцэнт на культурніцкі, каштоўнасны аспект жыцця ў час вайны. Яна выкарыстала такі сабе прымірэнчы дыскурс і паказала суіснаванне не столькі ўладных сістэм, колькі прадстаўнікоў розных культур і носьбіты розных сімвалічных сістэм. Але праз гэта вымалёўваецца і многа агульначалавечых момантаў: і калабарацыя, і патрыятызм (лакальны, дзяржаўны), і нават каханне, якое таксама мае свае гістарычныя формы.

Таксама “Под властью русского царя” паказвае, якім чынам Вільня стала тым горадам, якім яна ёсць цяпер. Калі чытаеш у даведніку гісторыі віленскіх храмаў, то ад будынка да будынка вандруе адзін факт “біяграфіі”: знішчаны ў сярэдзіне XVII ст., у канцы XVII – пачатку XVIII ст. узноўлены. Кніга І. Герасімавай, несумненна, будзе цікавая не толькі гісторыкам, але і ўсім аматарам літоўскай сталіцы.

Узнятая ў кнізе тэма настолькі вялікая, такая шматслойная, што, бадай, у адной кнізе немагчыма адказаць на ўсе пытанні. Многія аспекты чакаюць будучых даследчыкаў.

Сярод недахопаў кнігі можна назваць хіба тое, што яна не заўжды ўспрымаецца як цэласны тэкст. Некаторыя главы напісаныя паэтычна, з вялікай страсцю – ды так і чытаюцца. Іншыя ж нагадваюць хутчэй крыніцазнаўчыя артыкулы, ад чаго трохі церпіць антрапалагічны падыход, “чалавекацэнтрычнасць”, абазначаная аўтарам як метадалагічны падыход. Часам таксама не хапае тых падагульненняў, якія дае спадарыня Герасімава ў канцы глаў, пасля прывядзення фантастычна цікавых сюжэтаў, адшуканых ёю ў крыніцах. Хочацца яшчэ больш разгорнутага аналізу гэтых выпадкаў, хочацца лепш зразумець, што ж яны значылі, пра што сведчылі ў гэтым гістарычным кантэксте.

Кніга “Под властью русского царя” выйшла накладам 700 асобнікаў. Ні ў крамах, ні ў бібліятэках Беларусі яе няма і, верагодна, ужо не будзе. Магчыма, беларускім гісторыкам і выдаўцам варта паклапаціцца пра перавыданне кнігі пра гісторыю “крывіцкай Меккі” для мясцовага чытача.

Í À Ó × Í À ß

Æ È Ç Í Ü

Подберезкин Ф. Д.

ЧТО ОБЩЕГО У СВЕТА СО ТЬМОЮ?

(VII Международная научная конференция из серии *Colloquia Russica*: «Русь и мир кочевников (вторая половина IX – XVI в.)», Пльзень, 23–26 ноября 2016 г.)

«Если наука когда-либо и расцветала в нашем городе, так это сейчас, в наши времена», – говорил незабвенный Эпиктет, рассуждая о Риме его дней. Подобное говорил о родном Пльзене доктор Павел Варека, декан философского факультета Западночешского университета, в дни международной конференции «Русь и мир кочевников», очередной из серии *Colloquia Russica* (23–26 ноября 2016 г.). И действительно, в сравнении с предыдущим форумом в Кракове (2015 г.) VII конференция *Colloquia Russica* в Пльзене собрала гораздо больше медиевистов из Центральной и Восточной Европы – как по направлениям научных интересов (исследователи генеалогии, антропоники, специалисты по Галицко-Волынской Руси, русско-половецким связям, русско-германским контактам, исторической географии, летописной герменевтике и проч.), так и по географическому ареалу (от Рейкьявика до Казани и от Оулу до Стамбула), а также по «видовому разнообразию» участников (партия археологов в этот раз составила существенный «противовес» партии историков). Такой интерес к конференции объясняется несколькими причинами. Разноликую публику объединяло стремление ответить, в сущности, на один вопрос: как на основании ограниченного и в целом тенденциозного комплекса письменных источников можно объективно реконструировать историю взаимоотношений христианской Руси и «поганой» Степи – или, используя слова апостола Павла из послания к коринфянам: «что общего у света со тьмою?»

Традиционно во время конференции чередовалось несколько форм работы: пленарные доклады, доклады по секциям, дискуссии и дебаты, насыщенная культурная программа. Особенно следует отметить круглые столы – настоящую «изюминку» проекта *Colloquia Russica*; именно на них высказывались новые смелые идеи и разгорались наиболее жаркие дебаты. Высокий научный уровень работы в здании университета, а также мастерское руководство во время культурных мероприятий обеспечивала плеяда известных историков от реки Эльбы на западе до реки Волги на востоке: Федор Успенский, Дариуш Домбровский, Игорь

Данилевский, Мирослав Волощук, Виталий Нагирный, Алексей Мартынюк, Борис Черкас, Адриан Юсупович, Леонтий Войтович, Анета Голембовска-Тобиаш. Главным организатором и идейным вдохновителем традиционно являлся доктор Виталий Нагирный (Ягеллонский университет в Кракове).

День первый: 23 ноября

Интеллектуальный старт конференции был дан концептуально насыщенный доклад Федора Успенского «“Русские” имена половецких князей: династические браки, военно-политические союзы и антропонимическая мода в XII веке». Исследователь отошел от устоявшегося представления об имени как знаке отличия, исходя из возможностей сближения династов и династий посредством «антропонимического донорства». На основании исследования русского «микрономастико-на» представителей половецких родов в письменных источниках ученый показал, какие новые горизонты исследования русско-половецких связей таит в себе, казалось бы, хорошо изученная русская летописная традиция. Во время последовавшей кофе-паузы молодые историки, обсуждая доклад профессора Федора Успенского, отметили: настоящего профессионала отличает способность увидеть новые горизонты уже давно протоптанной дороги.

Интересным и противоречивым показался доклад киевского археолога Алексея Комара «Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в отражении современной археологии». Исследователь выделил несколько групп «археологических событий» (динамика арабских кладов, новые типы погребений, соотнесение новых крепостей салтовской культуры с данными о происхождении крепости Саркел и проч.), изучение которых, по его мнению, может привести к изменению наших представлений о политической ситуации в Поднепровье во второй половине IX века. В частности, Алексей Комар утверждает, что археологические данные заставляют нас выделить древних венгров в качестве самостоятельного политического игрока. В то же время, трудно поддержать скептицизм автора относительно письменных источников по проблеме (приведем характерные высказывания докладчика: «ресурс письменных источников о событиях IX века в Поднепровье давно исчерпан», «политическая ситуация в регионе была сложнее, чем это отражено в письменных источниках» и т. п.). В свое время профессор Игорь Данилевский на примере загадки о «хазарской дани» показал, как много уровней значений скрывается за, казалось бы, скупыми извести-

ями летописи. В то же время очевидно, что историческая реальность действительно сложнее, чем это отражено в источниках – письменных или археологических. Да и вряд ли перечисленные автором «археологические события» действительно приведут к пересмотру наших (летописных) представлений о политической истории IX века.

Немалый интерес вызвал доклад молодой исследовательницы из Рейкьявика Дарьи Глебовой «Загадка как нарративный прием в Повести временных лет: хазарская дань и византийский визит княгини Ольги». Постановка и способ решения проблемы характеризуют Дарью Глебову как последовательницу герменевтического подхода Игоря Данилевского (поиск решения летописной загадки с помощью привлечения источников, гипотетически связанных с ПВЛ и характерных для интеллектуального мира ко времени написания сюжета с загадкой). Новаторской была попытка докладчицы перенести внимание историков с попыток разгадки значения загадок на их структуру. Важным оказался вывод о сюжетном подобии загадки княгини Ольги византийскому императору с известным на Руси апокрифическим памятником «Беседа трех святителей». В то же время осталось неясным, какие исследовательские перспективы открываются с перенесением нашего внимания со значения на структуру загадки – сможем ли мы таким образом «выудить» новые смыслы из источника или просто ограничимся характеристикой литературного жанра?

В докладе запорожского археолога Алевтины Плешивенко «Русь и печенеги в свете археологических памятников Нижнего Поднепровья» была сделана интересная попытка рассмотреть за «глобальными» событиями русско-печенежских контактов повседневность их соседства, взаимодействия и взаимовлияния. На основании данных курганных захоронений, материалов подводных исследований, находок оружия, курганной топонимики и пр. Исследовательница сделала вывод о существовании в Нижнем Поднепровье особой контактной зоны, где оседлое население и кочевники жили по-соседски и «в согласии». В то же время автор не смогла ясно ответить на вопрос, какие группы археологических источников могли бы однозначно свидетельствовать о мирных контактах между Русью и Степью во времена господства там печенегов.

Во время кофе-пауз и последующего обеда в ресторане «Швейк» Дарья Глебова продолжила для интересующихся рассказ о литературных особенностях летописных загадок, а Алексей Комар дал пару хороших советов, как приготовить настоящий украинский борщ.

Среди докладов второй половины дня хотелось бы отметить выступления Александра Пароня, Алексея Мартынюка и Натальи Рудики. Попыткой пересмотра отношений Руси с печенегами в X–XI веках был доклад вроцлавского историка Александра Пароня «Защитники против сил Хаоса или обычные агрессоры? Политика русских правителей по отношению к печенегам на рубеже X и XI веков». На основании нового критического анализа ряда известных по письменным источникам событий (разгром хазар, захват русскими Тмутаракани и устья Днепра, нападение на Херсонес) автор сделал вывод о «спровоцированной» агрессии кочевников на Русь, которые таким образом защищали свои интересы. Однако против такой позиции можно высказать несколько соображений. Во-первых, во всех письменных источниках (русских, византийских и западноевропейских) присутствует негативное отношение к кочевникам, что было вызвано естественными причинами (грабеж со стороны последних), а не только конфессиональной тенденциозностью хронистов и летописцев. Во-вторых, вряд ли на основании письменных источников можно утверждать, что «развитие государства Рюриковичей требовало экспансии в степь», так же как и захват Тмутаракани и Херсонеса вряд ли каким-либо образом затрагивал интересы кочевников.

Результатом нового прочтения известного сочинения арабского географа Мухаммада ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» был доклад Алексея Мартынюка «Народ ан-н.бариййа у ал-Идриси: простое решение сложной проблемы». Проблема идентификации народа «ан-н.бариййа» действительно вызвала широкое обсуждение в историографии: трудности вызывали как широкие возможности отождествления арабских географических названий с восточноевропейскими эквивалентами, так и отсутствие рассказа об «ан-н.бариййа» в основной версии трактата. Однако, как выяснилось из рассказа самого Алексея Мартынюка, наибольшие трудности представляли методологические приемы самих исследователей: внося в текст источника конъектуры и делая гипотетические отождествления, историки искусственно расширили поле толкования географических названий в трактате. Докладчик предложил просто заново вчитаться в источник. Затем, как бы следуя святоотеческому принципу «толковать Писание из самого Писания», историк реконструировал сюжетно-географическую канву рассказа арабского писателя и выяснил, кто такие «ан-н.бариййа»: по его мнению – это берендеи, главное племя военного союза черных клобуков в середине XII века. Несмотря на то, что проблеме «ан-н.бариййа» при этом нельзя считать закрытой (речь идет о большей или меньшей сте-

пени гипотетичности), тезисы Алексея Мартынюка, апеллирующего к «принципу экономности» источника, выглядят более убедительными по сравнению с выводами предыдущих историков.

Весьма удачную попытку рассмотрения русского культурного влияния на половцев предприняла киевский археолог Наталья Рудика («Русское влияние на ювелирные изделия половцев (на примере подвесок-сережек»)). На основании конкретных критериев (в частности, распространения подвесок с круглыми бусинами) исследовательница довольно точно выявила заимствования кочевниками русских ювелирных украшений XI–XII вв., определив тем самым векторы культурных трансфертов в степной зоне.

По окончании первого дня конференции участники имели удовольствие насладиться средневековым ужином, устроенным для них организаторами конференции. Заслуженные медиевисты сидели во главе дубовых столов в двух средневековых залах (XV век) в помещении деканата Философского факультета, окруженные молодыми историками. Специфически средневековая атмосфера с бочонками местного пива, огромное количество мясной пищи, отсутствие столовых приборов и внешний вид «бывалых» воинов (например, тевтонский крест на футболке профессора Дариуша Домбровского) – все это напоминало о доблестных рыцарях короля Артура из романов Томаса Мэлори. За столом продолжилось обсуждение минувших и еще грядущих докладов.

День второй: 24 ноября

Касательно второго дня конференции хотелось бы отметить высокий уровень докладов молодых историков – Марии Лавренченко и Андрея Стасюка, а также киевского татароведа Владислава Гулевича.

Неизвестный по русским летописям сюжет побратимства с ордынцем был рассмотрен в докладе московской исследовательницы Марии Лавренченко («Побратимство с татаринном: социальные практики и их восприятие»). В центре внимания докладчицы оказалась русская «Повесть о Петре, царевиче Ордынском». Интерес у слушателей вызвала параллель, проведенная между сюжетом «Повести» и византийскими агиографическими рассказами о побратимстве лиц с высоким духовным авторитетом и светских лиц. Выбор сюжета с побратимством и конструированием родства, попытка выделения контекстуальных параллелей с агиографической литературой свидетельствует о творческом влиянии идей «мэтров» московской исторической школы – Игоря Данилевского и Федора Успенского. На основании сравнительного текстуального анализа Марии

Лавренченко удалось доказать, что сюжет с конфликтом потомков побратимов – царевича Петра и ростовского князя – не является уникальным: сходный мотив встречается в некоторых скандинавских и византийских источниках, а также в рассказе Киево-Печерского патерика о Сергии и Иоанне.

Малоисследованная проблематика была затронута в докладе украинского историка Андрея Стасюка («Монгольские и татарские походы на Русь в свете “*Annales Minorum*” Люка Ваддингга»). «*Annales*» Люка Ваддингга – довольно поздний источник (автор писал свое произведение во второй половине XVII в.), однако по ряду причин он может быть интересным для современного исследователя. Часть информации этого источника о нападениях кочевников на Русь основывалась на исторических документах, доступных братьям Ордена францисканцев. Андрей Стасюк не дал окончательного ответа о значимости и репрезентативности данного источника для изучения монгольских походов на Русь, однако хорошо обосновал необходимость верификации сведений данного текста. Хочется верить, что данная работа будет проведена, а результаты будут представлены уже к следующей конференции *Colloquia Russica* в 2017 г.

Больше вопросов, нежели ответов вызвал доклад Владислава Гулевича («Несколько наблюдений относительно проблем “пожалования” русских земель Казимиру IV в ярлыках крымских ханов Хаджи Гирея 1461 г. и Менгли Гирея 1472 г.»). Докладчик поставил под сомнение устоявшиеся представления о политике великого князя литовского Казимира IV в Восточной Европе, основанные на текстах ярлыков о «пожаловании» крымскими ханами русских земель литовскому князю. На основании анализа событийного ряда Владислав Гулевич ставит под сомнение датировку ярлыков Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея Казимиру, а также ставит вопрос о том, кто был инициатором выдачи ярлыков. По мнению исследователя, инициатором первого ярлыка был сам хан, а второго – правящая верхушка Великого княжества Литовского (а не сам Казимир). В то же время исследователь не объясняет причин выдачи ярлыков Казимиру и сам устанавливает будущие исследовательские перспективы: «ответ на вопрос, зачем литовской правящей верхушке понадобился ярлык для Казимира IV даст ответ на то, какой статус в глазах Литвы имели крымские ханы».

Второй день конференции закончился культурной программой в Музее пивоварения в Пльзене. Участники ознакомились с техникой изготовления лучшего в мире пльзенского пива, а в конце экскурсии

дегустировали его. В конце второго дня конференции видный белорусский медиевист Алексей Мартынюк собрал молодых коллег из Беларуси и России – Родиона Попеля, Филиппа Подберезкина, Каролину Гуревич – и за кружкой доброго пива раздавал им мудрые поучения.

День третий: 25 ноября

В этот день большой интерес вызвали доклады Светланы Валиулиной, Рустама Бегеулова и Норберта Мики, а также новинка *Colloquia Russica* – секция постеров «Русь и кочевники в свете археологических находок и летописей».

Новонайденную «Трою» представила казанский археолог Светлана Валиулина в докладе «Русские в татарском городе XV века и ногаи у его стен. Проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое». В докладе были показаны результаты последних исследований неизвестного ранее города XV века, практически не сохранившегося в исторической памяти и не запечатленного в письменных источниках. Раскопанный археологами город отличается богатством материальной культуры, что является свидетельством развитых международных связей и наличием полиэтничного населения. Исследовательница подчеркнула схожесть вещевого комплекса города с материалами археологических памятников Вятской земли – города-феномена средневековой Руси. Впечатляет объем привлеченных археологами смежных источников, в том числе сведения Сигизмунда Герберштейна. Город был уничтожен примерно в конце XV века – по всей видимости, в результате нашествия ногайской орды. Короткая история жизни и падения города чем-то напоминает гомеровскую Троию. Хотелось бы пожелать казанским археологам дальнейших успехов в исследовании города и новых находок.

Историк из Карачаево-Черкесии Рустам Бегеулов затронул проблематику, мало привлекающую внимание восточноевропейских медиевистов («Северокавказские тюрки во взаимоотношениях с Московским государством в XVI веке»). Исследователь сконцентрировался на контактах Русского государства с ногаями, кумыками и карачаево-балкарцами. Выясняется, что в эпоху Ивана IV русские проводили довольно активную политику на Северном Кавказе, поддерживая то одни, то другие тюркские народы. В то же время Москва не всегда поддерживала своих сторонников силовым методом, что и привело к поражению прорусских сил региона во второй половине XVI века. Средоточием антирусских

сил на Кавказе с конца XVI века, по мнению исследователя, была Малая Ногайская орда.

Историк из силезского Ратибора Норберт Мика затронул проблему, которая ранее не становилась предметом специальных исследований («Татарский вопрос в посольствах габсбургского двора на русские земли на рубеже XVI и XVII веков»). Мастер архивных поисков, Норберт Мика еще летом 2016 г. провел исследования в чешских архивах, где выявил неизвестные ранее реляции о татарских нападениях на силезские земли в 1599 и 1605 гг. Как выяснилось, во многом провал австрийских посольств Николая Варкоча и Эрика Лассоты в Москву привел к тому, что татарам удалось провести успешные походы на Венгрию, Моравию, Австрию и Силезию. Стоит отметить, что нападения 1599 и 1605 гг. ранее были практически неизвестны в исторической литературе.

Большой интерес вызвала секция постеров. Ведущие археологи из Польши и России – Анета Голембовска-Тобиаш, Радослав Ливох, Моника Каминская и Светлана Валиулина представили результаты своих исследований на картах и картинках, а белорусский историк Степан Темушев презентовал авторские исторические карты высокого качества, отображающие динамику половецких походов на Русь. Участники конференции имели возможность с чашкой кофе в руках ознакомиться с интересующими их постерами и задать авторам вопросы.

Третий рабочий день конференции завершился пивным пиром в лучшем пабе Пльзеня – «The Pub». Наиболее активные участники дегустации получили сертификаты «The Pub Master». Представители белорусской делегации научили профессора Федора Успенского пользоваться пивным аппаратом, за что исследователь поведал им некоторые тайны своей научной биографии.

День четвертый: 26 ноября

Основное время заключительного дня конференции было посвящено презентации новейших работ по средневековой Руси, которую модерировал доктор Виталий Нагирный. Здесь остановимся только на работах, представленных белорусскими историками. Степан Темушев презентовал авторские учебники по истории Беларуси для 6 и 7 классов, некоторые содержательные особенности которых вызвали живой интерес присутствовавших (особенности отображения становления Древнерусского государства, термина «Древняя Русь» и др.). Также Степан Темушев представил свою последнюю монографию по исто-

рии налоговой системы Руси – «Налоги и дань Древней Руси». Филипп Подберезкин представил новый номер издаваемого под общей редакцией Алексея Мартынюка (уже покинувшего к тому времени конференцию) научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы» – первого и пока единственного в Беларуси издания, целиком посвященного средневековью. Во время этой презентации акцент был сделан на концепции сборника – «Средневековье без границ». Данная концепция нацелена на то, чтобы «стереть» искусственные границы современных национальных историографий при изучении истории Восточной Европы в Средние века.

После окончания презентации Виталий Нагирный поздравил всех участников с окончанием конференции и торжественно вручил им дипломы участников.

Вместо заключения: структурные изменения и дальнейшие перспективы

В заключение попытаемся проанализировать персональную динамику *Colloquia Russica* 2016 г. в Пльзене. На конференции стало ощутимо больше археологов (Анета Голембовска-Тобиаш больше не в одиночестве): из 37 зачитанных докладов было 5 (13,5%) докладов археологов, среди которых были исследователи из Украины, Польши и России. Можно констатировать, что сложилось организационное ядро проекта *Colloquia Russica* из примерно 9–10 человек, в составе которого можно выделить условные группы «идеологов», «модераторов», «наставников» и «шармёров». «Идеологи» (Виталий Нагирный, Мирослав Волошук, Анета Голембовска-Тобиаш) задают тематику и тон конференции, однако главным организатором и идейным вдохновителем продолжает оставаться доктор Виталий Нагирный. Так сложилось, что наиболее популярными «модераторами» конференции являются Алексей Мартынюк, Леонтий Войтович, Игорь Данилевский и Иероним Граля (последнего не было в этот раз Пльзене): как правило, именно под их руководством проходят самые интересные дискуссии и дебаты. «Наставническими» качествами обладают все неформальные лидеры, однако первые места, бесспорно, занимают Дариуш Домбровский, Игорь Данилевский и Федор Успенский. Они же выступают во время культурных программ в роли «шармёров» – создавая благодаря своему тонкому и мягкому интеллектуальному юмору ту непередаваемую атмосферу, которой славится *Colloquia Russica*.

Таким образом, с каждым годом *Colloquia Russica* количественно расширяется, не изменяя при этом высокой планке качества, заданной с самого начала реализации проекта в 2010 г. На каждой конференции в большей или меньшей степени поддерживается и научно-воспитательная установка: забота и наставничество над молодыми учеными. Все эти объективные обстоятельства позволили провести в 2016 г. в Пльзене интересную и насыщенную конференцию по истории Древней Руси и мира кочевников, а также вплотную приблизиться к ответу на вопрос, «что общего у света со тьмою».

Подберезкин Ф. Д.

ГДЕ ТЫ, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ?

(из дневниковых записей участника Международной научной конференции *Colloquia Russica. Series II: «Средневековая Русь: проблемы терминологии»*, Ивано-Франковск – Галич, 25–27 мая 2017 г.)

«И отпели мы литургии за князей русских и за всех христиан»
Из «Жития и хождения» игумена Даниила в Святую Землю

23.05.2017. Минск – Львов

Очередная конференция из серии *Colloquia Russica* была посвящена проблемам терминологии при изучении истории Средневековой Руси. В качестве организаторов конференции выступили Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника в Ивано-Франковске (в лице доктора Мирослава Волощука), Институт истории Ягеллонского университета в Кракове (в лице доктора Виталия Нагирного) и Национальный заповедник «Древний Галич» (в лице кандидата исторических наук Андрея Стасюка). Непосредственная подготовка к конференции начиналась для меня с размышления над целым рядом вопросов. Сможет ли *Colloquia* продуктивно пройти в новом для себя формате теоретических дискуссий? Адекватен ли состав участников высоко заданной планке элитарной «Синей серии»? Сумеют ли историки из Украины, Беларуси и России избежать «приватизации» сюжетов древнерусского прошлого по национальным куриям? Каким может быть конечный результат конференции? Такой круг вопросов стал предметом моих размышлений и разговоров с коллегой Степаном Темушевым в одном из вагонов поезда Минск–Львов.

24.05.2017. Львов – Ивано-Франковск

Погуляв по весеннему Львову и осмотрев достопримечательности города, представители минской делегации сели в первый попавшийся автобус на Ивано-Франковск. Автобус украинских региональных линий оставляет пищу для отдельных насыщенных воспоминаний.

Ивано-Франковск встретил теплыми лучами заходящего солнца. Без проблем мы нашли и заселились в отель «Фонтуш» на улице Чорновола, 82. Отель был стилизован под австро-венгерские реалии:

шрифты надписей начала XX века, ресторан с портретами членов фамилии Франца-Иосифа, номера с названиями провинций империи Габсбургов. После заселения прибывшие участники конференции были тепло встречены главным организатором – доктором Мирославом Волощуком и его учениками – Андреем Носенко и Остапом Кардашем. Все вместе отправились в пивной бар «Десятка», где в дружной компании бывалых участников *Colloquia Russica* – Норберта Мики, Алексея Мартынюка, Бориса Черкаса и Дюры Гарди – звоном бокалов благословили открытие конференции. Торжество было несколько омрачено новостью об отсутствии некоторых известных специалистов – Йитки Комендовой, Игоря Данилевского, Адриана Юсуповича.

25.05.2017. Ивано-Франковск

Заседания первого дня конференции проходили в лекционной аудитории Прикарпатского национального университета имени Василя Стефаника, где в 2015 г был создан *Centrum Studiorum Mediaevalium*, возглавляемый Мирославом Волощуком. Факт существования этого Центра и возможность проведения в региональном университете конференции такого высокого уровня говорят о том, что для преобразования так называемой «провинциальной науки» в международную нужны три вещи: инициатива снизу, интерес руководства и, возможно, хороший грант. И здесь задаешься вопросом: а не надуманным ли является тезис о системном кризисе гуманитарной науки на постсоветском пространстве?

Первые секции, как правило, задают основной посыл конференции. Первые три доклада – Леонтия Войтовича из Львова («*Проблемы исторической терминологии средневековой Руси: дружинное государство, феодализм, княжество, волость, лен, кормление, вотчина*»), Степана Темушева из Минска («*Феодальная, удельная или политическая раздробленность Древней Руси: спор о терминологии*»), Александра Мусина из Санкт-Петербурга («*Погибель земли Русской: средневековый тезаурус и современные интерпретации*») – мыслились, очевидно, в качестве теоретического задела. Возникла перспектива серьезной дискуссии: Степан Темушев, отстаивавший термин «политическая раздробленность», не соглашался с любыми коннотациями «феодализма» в отношении Древней Руси (Леонтий Войтович). «Политическая раздробленность», согласно Степану Темушеву, происходит из борьбы за распределение дани; т. е., по сути, является результатом экономических причин. Однако потенциал для дискуссии не был реализован (ее попросту не было): возможно, участники конференции еще не были готовы к тео-

ретической схватке. Поэтому задать «рамку» предстояло следующему докладу Александра Мусина. Он запомнился не новыми трактовками информации «Повести о погибели», а весьма конкретным призывом к историкам-медиевистам отказаться от расширительного употребления терминов «Русская земля» и «Древняя Русь» в отношении просторов от Новгорода до Киева. Доклад вызвал неоднозначную реакцию у слушателей. На мой взгляд, привлечение источников иностранного происхождения (в которых широко используются наименования «Русь», «русские» и производные от них), не дает оснований для отказа от употребления терминов «Русская земля» и «Древняя Русь». Тем не менее, был поставлен основной вопрос конференции – об адекватности употребления названных терминов.

Тематика докладов следующей секции была разнородной: в то время, как Алексей Мартынюк из Минска в концептуальной речи предложил применить понятие «осевого времени» Карла Ясперса к истории Древней Руси («*“Осевое время” (древне)русской истории*»), Александр Головкич из Киева («*Город в жизни княжеской Руси: проблемы методологии*») и Василий Петрик из Львова («*“Arch” или “civitas”?* Определение терминов при историко-градостроительных исследованиях средневековой Руси») пытались разрешить более специфические вопросы. Дискуссионный потенциал доклада Алексея Мартынюка не был реализован; по нашему мнению, докладчику не удалось также провести разницу между «осями» и обычной периодизацией. Александр Головкич осветил основной круг вопросов в проблематике городской истории Руси. Доклад Василия Петрика был настолько узкоспециальным и насыщенным визуальным материалом, что трудно было высказать какие-то конструктивные замечания. В итоге, общетеоретический доклад Алексея Мартынюка остался единственным в своем роде.

Доклады третьей секции было поручено модерировать автору этих строк, что стало для меня первым опытом подобного рода. Мирослав Волощук озвучил доклад отсутствовавшего профессора Мартина Гомзы из Братиславы («*Русы-русь и венгры-Венгрия. Поиск параллелей*»), далее выступали Норберт Мика из польского Ратибора («*Русь и русины в силезских источниках*») и Дюра Гарди из сербского Нового Сада («*Термины “Галич” и “Галичина” в титулах венгерских королей XII–XIV вв.: происхождение, использование, эволюция*»). Заочный доклад профессора М. Гомзы по понятным причинам не встретил реакции. Норберт Мика провел увлекательную мини-лекцию о встречающихся в силезских источниках коннотациях терминов «Русь» и «русины»; нечто

подобное сделал на материалах титулатуры венгерских королей и Дюра Гарди. На дискуссию времени почти не осталось, и участники конференции решили перенести все обсуждения в ресторан «Фонтуш», где проходил обед.

Счет секций после обеда сбился, так как по различным причинам отсутствовали известные специалисты – Игорь Данилевский из Москвы, Марта Фонт из Печа (Венгрия), Игорь Скочиляс из Львова, Йитка Комендова из Оломоуца (Чехия). Однако организаторам удалось упорядочить дальнейший ход конференции и докладчики выступали согласно последовательности программы. Начали с доклада молодой львовской исследовательницы Ольги Козачок («*Титулы русских князей удельного периода в византийских нарративах: архонт, филарх, диэпон, гегемон*»), продемонстрировавшей великолепное знание византийской исторической литературы в оригинале, различные контексты употребления ромеями политической терминологии Руси. Бурные дискуссии вызвал доклад историка права из Киева Евгения Роминского («*Терминологические аспекты исследования правового наследия средневековой Руси: между юриспруденцией, историей и источником*»). С автором спорили и Леонтий Войтович, и Александр Головка, и Александр Мусин. Дело заключалось в том, что докладчик со свойственной правоведам модернизацией отрицает возможность применения термина «государственность» к восточнославянскому Средневековью. Однако даже убедительные аргументы, доказывающие историческую относительность самого термина «государство», не убедили упорного киевлянина – и дискуссия продолжилась во время кофе-паузы.

Приятной неожиданностью стало появление известного историка и завсегдатая конференций *Colloquia Russica* – Дариуша Домбровского из польской Быдгощи. Подобно странствующему рыцарю, он приехал прямо из Пруссии и сразу выступил с темой «*О конечном согласии в деле использования средневековых имен, патронимов и генеалогической терминологии (главным образом, на примере Рюриковичей)*». По выражению Алексея Мартынюка, профессор Д. Домбровский, подобно Тарасу Бульбе, «сначала породил, а теперь убил спорную фигуру первой жены-половчанки Романа Даниловича», которая появлялась в его более ранних трудах.

Затем доклад прочитал Андрей Блануца из Киева («*Старосты/наместники/державцы в Великом княжестве Литовском в XV – начале XVI веков: терминология, полновесность, статус*»). Вообще, нужно сказать слова благодарности организаторам *Colloquia* за политематич-

ность конференции: доклады, посвященные византийской, литовской, немецкой тематике позволяли расширить кругозор участников конференции, большая часть которых занимается проблемами галицко-волинской истории XIII века.

По окончании дня наследники Руси имели возможность пировать в ресторане «Фонтуш». Такое обилие яств в моей памяти может сравниться разве что с пиром *Colloquia* в монастыре города Могильно (Польша) осенью 2013 года. За нашей частью стола спонтанно сформировался кружок любителей военной истории, участники которого послушали увлекательные истории о галльских походах Юлия Цезаря в исполнении Бориса Черкаса. Как оказалось, Борис Черкас является не только одним из ведущих татароведов Восточной Европы, но и хорошо ориентируется в античной военной истории. Впрочем, не только античной – в конце вечера Борис Черкас и Евгений Роминский вступили в оживленную дискуссию о достоинствах и недостатках советских танков во время Второй мировой войны

26.05.2017. Галич

Достопамятный день. Участники конференции поехали в село Крылос, на место древнего Галича – подлинного Иерусалима для почитателей Даниила Романовича и древнерусской старины. Первым делом прогулялись по периметру некоторых «владений» Национального заповедника «Древний Галич», полюбовались чудесными видами на бывший посад великого города. По древнему преданию, в селе сохранился княжеский источник – пьющий из него молодеет на 25 лет. Участники конференции сфотографировавшись и дружно направились на заседание следующей секции – в конференц-зал местной греко-католической парфии.

Секция в парфии выдалась чрезвычайно продуктивной. С докладами выступали украинские коллеги – Виталий Нагирный, работающий в Ягеллонском университете («*Галицкое княжество*” или “*государства Ростиславовичей*”?»), Андрей Федорук из Черновцов («*Галицко-Волинское княжество*” или “*Королевство Руси*”: проблема дефиниции периода истории Галицкой и Волинской земель после коронации Даниила Романовича»), Мирослав Волощук («*Языком источников? Терминологические аспекты “историографического именованя государства” на примере Галицкой земли XI–XIV вв.*»), а также Андрей Стасюк («*Русь и Галичина в латинской церковной терминологии XIII–XIV вв.*») из Ивано-Франковска. Доклад Виталия Нагирного представлял

собой аналитический обзор именовании государства Ростиславовичей в научной литературе. В этом докладе, как и в докладе Мирослава Волощука, был поставлен вопрос о необходимости консенсуса в наименовании государственных образований исторических Галицкой и Волынской земель до XIV века. Оживленную дискуссию вызвал доклад Андрея Федорука. Аудитория разделилась на противников и сторонников «королевств» и «королей» в юго-западных землях Руси после коронации Даниила Романовича. А. Федорук, М. Волощук и Л. Войтович были активными «роялистами», сдержанную оппозицию им возглавил Норберт Мика. Дискуссия развивалась вокруг употребления в латиноязычных документальных источниках терминов «rex Russiae» и «regnum Russiae». Мирослав Волощук настаивал на исключительности этих терминов для владений Даниила Романовича, так как такие политонимы употребляются в документах, а не только латинских хрониках. Относительным этот тезис делают употребления титулов «rex Russiae» в некоторых документальных источниках – например, в известном послании папы Гонория III «к королям Руси» 1227 г. В целом же частые употребления королевских титулов для Руси в латинских документах усиливают позицию Мирослава Волощука и оправдывают постановку вопроса. Другой вопрос – почему бы не остаться при старом термине «князь»? Историк и сотрудник заповедника «Древний Галич» Андрей Стасюк в своем докладе попытался подсчитать частоту употребления терминов «Русь» и «Галичина» в латинских документах церковного происхождения. Выяснилось, что «Галичина» употребляется чаще в церковно-административном смысле, в то время как «Русь» – в географическом. Осталось, однако, неясным, в чем «изюминка» доклада: кажется очевидным, что в церковных документах основной фокус будет сделан на «Galicia», представлявшей собой административное подразделение, а «Русь» употребляется реже и для географического фона. В целом, сама идея считать термины и сопоставлять их в таблице контекста методологически интересная и необходимая.

После заседания Андреем Стасюком, научным сотрудником музея и одним из организаторов конференции, была проведена экскурсия по Княжеству Галичу. Участники конференции своими глазами увидели легендарные – и хорошо им знакомые по Галицко-Волынской летописи – места: Галичину могилу, фундамент Успенского собора, валы княжеского детинца и др. Организаторы обеспечили для участников конференции возможность дегустации блюд средневековой кухни и ознакомления с традициями кузнечного и гончарного ремесла. Что такое древнерусская

средневековая кухня? Это несоленые каши в огромном горшке, речная рыба, банка меда и медовуха. Особое удовольствие доставил костлявый, но нежный карп. И аспирант, и профессор расправлялись с ним руками, в очередной раз подчеркнув атмосферу равенства и братства на конференциях *Colloquia Russica*. Во время пира профессор Александр Головка вознамерился присоединить Подляшье и Брестчину к Галицкой земле. Эта идея не вызвала энтузиазма у белорусских историков. После трапезы участники конференции учились стрелять и попадать из древнерусского лука. Лучшими стрелками оказались Виталий Нагирный и Мирослав Волошук, а после долгой тренировки успехи начала показывать молодая исследовательница Ирина Тымар, занимающаяся половецко-польскими взаимоотношениями. Всем остальным стрельба из лука давалась с трудом. «Да, с этой ратью нам не отбить татар», – толковали между собой историки.

Большое впечатление произвело посещение церкви Святого Пантелеимона, построенной в XII веке. Церковь уникальна – это единственное уцелевшее сакральное сооружение древнего Галича. По мнению некоторых исследователей, недалеко от этой церкви находилась княжеская резиденция, где могли родиться Даниил и Василько Романовичи. Возможно, именно в этой церкви было захоронено тело их отца – князя Романа Мстиславича, погибшего в 1205 году (такую версию высказал профессор Александр Головка). Церковь изобилует разновременными граффити, содержание которых создает простор для научных дискуссий.

Программа продолжилась совместно с украинскими (львовскими и ивано-франковскими) клубами исторической реконструкции. На зеленой поляне близ фундаментов Успенского собора были разложены мечи, латы, щиты, шлемы. Реконструкторы рассказывали историкам об обращении с оружием древнерусских воинов. Неподдалеку был накрыт стол, где мирно лакомились более миролюбиво настроенные участники конференции. Профессора Дариуш Домбровский и доктор Виталий Нагирный вооружились и устроили поединок, практически воссоздав сцену рыцарского турнира под стенами Ярослава в 1245 году между ляхами и русинами!

Вечер провели в Ивано-Франковске, в баре «Десятка». Раньше других оставил это уютное заведение автор данных строк – необходимо было готовиться к завтрашнему выступлению.

27.05.2017. Ивано-Франковск

Последнее заседание прошло в «Доме ученых» Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника. Ощутимым было

отсутствие некоторых участников – польского историка Адриана Юсуповича из Варшавы и белорусского историка Александра Зимницкого из Минска. С докладами выступили киевский исследователь Вадим Аристов («*“Летописи” и “своды”*: критика терминологии летописеведения»), Филипп Подберезкин («*“Russia” и “Russi” согласно этногеографической концепции Альберта Кранца*»), Борис Черкас («*В поисках собственного имени: наименования раннего казачества XV – первой половины XVI в.*»). Вадим Аристов пригласил к дискуссии по поводу употребления терминов «летопись» и «свод» и предложил коллегам перейти к использованию термина «хроника» вместо устаревшего, на его взгляд, «летопись». Нам кажется, что эта дискуссия (как и любая дискуссия по поводу терминологии вообще) действительно назрела. Но разве можно опровергнуть феноменальность русского летописания как жанра? Пока эта феноменальность не станет относительной, термины «летопись» и «свод» будут оставаться актуальными. Автор данных строк обратился к работе «*Wandalia*» писателя из Гамбурга Альберта Кранца, попытавшись понять, что последний имеет в виду под терминами «*Russia*» и «*Russi*». Во время дискуссии прозвучал ряд интересных замечаний, в частности, от Норберта Мики, выдвинувшего предположение, что Кранц являлся русским шпионом. Последним прозвучал доклад Бориса Черкаса, который представил глубокий экскурс в одну из сложнейших проблем восточноевропейской истории, а именно о происхождении терминов «казак» и «козак», а также других вариантов названия «лихих людей» южнорусских рубежей раннего Нового времени.

Конференция приближалась к своему завершению, последовала дискуссия общего характера. Участники заговорили о необходимости создания терминологического словаря, в котором воплотился бы консенсус по поводу политонимов и этнонимов Древней Руси. С предложением создания такого словаря выступили Мирослав Волощук, Александр Мусин и Дариуш Домбровский. Другим участникам дискуссии подготовка такого рода издания показалась трудновыполнимой. В конце концов, наука – не казарма, в какой-то степени важно сосуществование разных традиций именования. Александр Мусин, невзирая на сдержанную реакцию участников конференции, в том числе и представителей украинского исторического сообщества, вновь подверг критике термин «Древняя Русь» в широком смысле. Аудитория молчала, пока Дариуш Домбровский не попросил высказаться Алексея Мартынюка. Встав из-за стола, Алексей Мартынюк решительностью своего выступления был подобен Тарасу Бульбе на варшавском рынке. Белорусский историк от-

метил, что сведения источников разного происхождения (как было отмечено и на самой конференции) не дают основания для отказа от термина «Древняя Русь» (от себя добавлю: правление единой династии Рюриковичей над Русью уже достаточный аргумент в его пользу). Отказ от древнерусского наследия, по мнению Алексея Мартынюка, делает для белорусов и россиян участие в подобных конференциях на украинской земле бессмысленным: «в таком случае каждому из нас следует собирать чемоданы и ехать домой изучать свою местную историю». По словам Штирлица, запоминаются первая и последняя фразы. И действительно, после конференции будут вспоминаться именно эти три выступления – Александра Мусина в начале и конце, Алексея Мартынюка – в конце конференции. Вопрос о «праве на жизнь» термина «Древняя Русь» стал, таким образом, главным моментом теоретической дискуссии, как и задумывалось организаторами.

На заключительном этапе конференции традиционно презентовали новейшую историческую литературу, вышедшую в Беларуси, Украине, России, Польше, Чехии и Сербии. Была высказана благодарность главному организатору конференции – доктору Мирославу Волощуку, – воплотившему в жизнь свой давний замысел. Слова благодарности были сказаны и «младшей дружине» доктора М. Волощука – девушкам и ребятам, студентам и аспирантам Прикарпатского национального университета имени Василя Стефаника, которые так заботливо опекали нас во все время конференции. При закрытии конференции душевные стихи о короле Данииле Романовиче прочитал поэт из Сербии Михал Рамач, русин по национальности. А ведь это чрезвычайно удачная идея – сотрудничество медиевистов и миннезингеров!

Заключение

Подводя итоги, следует отметить не только положительные стороны конференции, но и то, что не удалось реализовать. Трудно сказать что-либо отрицательное о конференции после того, как я имел возможность побывать во владениях короля Даниила, жить в отеле под знаками Франца-Иосифа, дискутировать, трапезничать и стрелять из лука с одними из лучших специалистов по восточнославянской медиевистике. Поэтому буду субъективным – в лучшем смысле этого слова – и попытаюсь ответить на вопросы, поставленные в начале данного обзора. Смогла ли *Colloquia Russica* пройти в исключительно теоретическом формате? На наш взгляд – нет, не смогла. Большинство докладов носили характер теоретизирования на материале собственных исследований. Само по

себе это нормально – однако остро не хватало нескольких программных докладов, посвященных общерусской проблематике, которые могли бы задать тон всей конференции. К сожалению, не смогли приехать как раз специалисты, заявившие такого рода доклады – например, Игорь Данилевский («Проблемы корректного описания реалий древней Руси: кто такие бояре?») и Йитка Комендова («Древняя Русь: терминология и современный политический дискурс»). Получилось так, что большинство обсуждаемых сюжетов носило региональный характер, хотя планировался более широкий охват теоретических проблем. Чувствовалась опасность «приватизации» сюжетов по национальным историографиям, а ведь сложившаяся в историографии традиция изучения истории и культуры Древней Руси предполагает широкий кругозор – от Новгорода до Киева, от Полоцка до Чернигова, от Галича до Суздаля! Однако практический результат конференции был ощутим: Мирослав Волощук убедил большую часть аудитории в необходимости и важности создания терминологического словаря Древней Руси. Выполнение этого проекта на практике – огромная работа теоретического и прикладного характера (вспомним многотомные труды немецкого историка Райнхарда Козеллека, посвященные сходной тематике). Сюда добавляются сложности идеологического характера. Будет ли воплощена эта идея? Автор этих строк искренне этого хочет и ждет успеха такого проекта. Все действительно стоящее проходит этап скепсиса.

Вместо эпилога (львовский вокзал)

В ожидании автобуса на Минск я читал «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю. Дошел до конца: «находясь во всех местах святых, я не забыл имен князей русских <...> (следуют имена князей из всех частей Руси, в их числе упомянут и Глеб Минский. – Ф. П.) и всех христиан никогда не забывая <...>. В первую очередь я кланялся за князей за всех, а потом о своих грехах молился». Итак, явленная нам в источнике христианская рецепция «Русской земли» всегда расширительна – киевлянин также принадлежит к богоспасаемому народу, как и новгородец или полочанин.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Введенский Антон Михайлович – научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси (Минск)

Гайдено Павел Иванович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань)

Гончаренко Сергей Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Гулевич Владислав Петрович – магистр истории, главный консультант Аппарата Верховной Рады Украины (Киев)

Довнар Александр Борисович – кандидат исторических наук, заведующий отделом источниковедения и археографии Института истории НАН Беларуси (Минск)

Евстратьев Олег Игоревич – магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Подберезкин Филипп Дмитриевич – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Попель Родион Игоревич – магистр исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-правовых дисциплин Международного гуманитарно-экономического института (Минск)

Рассадин Сергей Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (Минск)

Скурко Полина Дмитриевна – магистр исторических наук и исследования наследия, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета, младший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Колоса НАН Беларуси (Минск)

Темушев Степан Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Гайденко П. И. *Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования)* [30.05.2017]

История древнерусского церковного права еще не вполне описана и изучена. Между тем, право является важнейшим индикатором зрелости социальных и государственных институтов. В равной мере это касается и религиозной жизни. В рамках представленной статьи предпринята попытка рассмотреть основные закономерности организации церковных судов в домонгольской Руси. Предварительное изучение этой сложной проблемы позволяет говорить о том, что применение на Руси местных и византийских канонических норм было существенно ограничено. В целом церковный суд испытал на себе множество влияний и оценивался, как крайне жесткий и предвзятый.

Темушев С. Н. *Распространение дани из центра к периферии Древней Руси (на примере «уставления» Ярославом Мудрым Ростовской земли)* [27.02.2017]

В данной статье делается попытка реконструировать содержание мероприятий Ярослава Мудрого по «уставлению» земли, осуществленные киевским князем после серьезного социального конфликта в Ростовской (Суздальской) земле в 1024 г. Делается вывод, что важнейшей составляющей княжеского «уставления» являлось создание постоянных пунктов сбора дани (двух звеньев – погостов и городов), формирование администрации, выполняющей фискальные функции, с определением размера ее вознаграждения, к тому же точно определялся сам объем даннических обязательств подвластного населения. Возможно, в число этих мероприятий входило «окняжение» земель местного финно-угорского населения (мери) и утверждение временного компромисса между христианством и язычеством. Сама необходимость данных мероприятий была обусловлена как конкретной ситуацией 1020-х гг., так и общей тенденцией распространения даннических обязательств населения с центра на периферию.

Рассадин С. Е. *Деятельница нашего Средневековья, неизвестная в Беларуси* [10.12.2016]

Во всей белорусской историографии она упоминается лишь единожды. Между тем эта женщина в бурном XIII столетии некоторое

время фактически правила в средневековом Берестье (ныне белорусский Брест). К сожалению, даже ее собственное имя в точности неизвестно, поэтому в истории она осталась в качестве «великой княгини Романовой», как называет ее летопись. Будучи юной вдовой Романа Мстиславича, она осталась с двумя малолетними сыновьями на руках, но без княжества, вынужденная отправиться в изгнание. Однако она сумела вернуть сперва Берестье, а потом и все великое княжество Галицко-Волынское. Вернув ее для своего сына Даниила Галицкого и его брата Василька, «великая княгиня Романова» удалилась в монастырь, до глубокой старости сохранив свое политическое, в том числе международное, влияние.

Гулевич В. П. *Татары в кругу высокой европейской политики на церковном соборе в Констанце* [3.03.2017].

Статья посвящена выяснению обстоятельств присутствия татар на Церковном соборе в немецком городе Констанц (1414–1418 гг.). Установлено, что они были в составе не в одного, как считалось ранее, а двух разных представительств – посольства хана Золотой Орды и делегации Киевского митрополита Григория Цамблака, направленной на Собор польским и литовским правителями. Цели этих представительств не имели ничего общего. Ордынское посольство прибыло на встречу с венгерским королем и германским императором Сигизмундом Люксембургским для политических переговоров и не принимало участия в вопросах церковной тематики. В состав делегации Григория Цамблака, прибывшего на Собор для обсуждения вопроса унии между Православной и Католической церковью, татары были включены польским королем Ягайлом и великим князем литовским Витовтом с целью подчеркнуть ее представительность; никакой самостоятельной роли они в ней не играли.

Попель Р. И. *Киев и Киевская земля в произведениях четырех иностранных авторов XV в.* [5.05.2017]

В статье рассматривается информация о Киеве и Киевской земле в составе Великого Княжества Литовского в трудах иностранных авторов XV века. Четыре автора представляют три географических и культурных направления: «восточное» – персидские хронисты Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Язди, «южное» – византийский историк Лаоник Халкокондил, «западное» – венецианский дипломат Амброджо Контарини. Ценность этих сведений тем более велика, если учесть достаточно небольшое количество письменных источников по истории Киевской

земли в составе ВКЛ в XIV–XV вв. Также проводится сравнение основной информации о Киеве и Киевской земле в трудах иностранных авторов XV и XVI веков.

Воронин В. А. *Ульяна Подберезская: история жизни* [27.05.2017]

Представительница известного княжеского рода Ульяна Подберезская (1480-е – 1556 гг.) прожила очень непростую и драматичную жизнь. После того, как ее брак был признан незаконным, ей пришлось вести долгую борьбу за признание своих прав и прав своих детей. Чтобы добиться этого, Ульяна несколько раз выступала в королевском суде и вела переписку с константинопольским патриархом. В результате, эта борьба увенчалась успехом. На склоне лет княжна Подберезская постриглась в монахини и стала игуменьей знаменитого Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Судьба Ульяны являет собой прекрасное доказательство того, что женщины могли играть очень яркую роль в общественной жизни Великого княжества Литовского.

Гончаренко С. А. *Сенаторские роды Великого княжества Литовского в 1566–1605 гг.: состав и структура* [30.01.2017]

В статье рассматривается состав и структура сенаторских родов Великого княжества Литовского в 1566–1605 гг. Анализируется персональное представительство литвинов в Сенате Речи Посполитой, а также матримониальные стратегии сенаторов и их семей. Автор приходит к выводу о гомогенности состава сенаторских родов Великого Княжества Литовского, их относительной обособленности от средней и зажиточной шляхты.

Евстратьев О. И. *«Обещаем ехать в Норвегию»: сведения одного трудового контракта о территориальной мобильности «русаков» в XVII в.* [20.05.2017]

В статье проводится анализ трудового контракта курляндского герцога Якоба с группой «русаков», заключенного в 1666 г. Данный документ хранится в Латвийском государственном историческом архиве в Риге. Названный источник рассматривается в контексте истории колониальной политики Курляндского герцогства, особенно в Норвегии. В итоге делается ряд предположений, позволяющих расширить наши представления о территориальной мобильности белорусских крестьян в эпоху раннего Нового времени. Приводится оригинальный текст анализируемого контракта.

Довнар А. Б. *Реформа управления города и деревни конца XVIII в. в частных владениях (на примере имений Франциска Сапеги в Западной Беларуси)* [24.11.2016]

В статье рассмотрены три инструкции для белорусских владений князя Ф. Сапеги, датированные 1794–1795 гг.: об организации самоуправления в городе Высоком Брестского воеводства, об организации самоуправления кагала данного города и о создании сельских судов в имениях вышеуказанного землевладельца. Проведен анализ принципов функционирования, основных норм и правил деятельности вводимых институтов. Отмечено, что данные реформы были вызваны распространением на территории Беларуси идеологии Просвещения. Приведены оригинальные тексты вышеназванных документов.

SUMMARY

Gaydenko P. I. *Church courts and legal proceedings in premongolian Rus' (feature of the organization and functioning)*

History of Old Rus' ecclesiastical law isn't quite described and studied. Meanwhile, the right is the most important indicator of a maturity of social and state institutes. Equally it concerns also religious life. Within the submitted article an attempt to consider the main regularities of the organization of church courts in premongolian Rus' is made. Preliminary studying of this complex problem allows to say that use in Rus' of local and Byzantine initial norms has significantly been limited. In general the church court was influenced by a set of influences and was estimated as extremely rigid and prejudiced.

Tsemushau S. N. *Spread of tributes from the center to the periphery of ancient Rus' (for example of "ustavleniye" Yaroslav the Wise of the Rostov land)*

In this article an attempt is made reconstruct the contents of measures by Yaroslav the Wise for "ustavleniye" of the land, which have been implemented by the Kiev prince after the serious social conflict in the Rostov (Suzdal) land in 1024. A conclusion is made that the most important part of the prince's "ustavleniye" was to create a permanent tribute to the collection points (two units – pogosts and cities), the formation of the administration, which carried out the fiscal functions, with the definition of the size of its remuneration, in addition to accurately determine the sheer volume of tributary obligations of the subject population. Perhaps in the number of such events

was to “oknyazhenie” land of the local Finno-Ugric population (Merya) and approval of the temporary compromise between Christianity and paganism. The necessity of these measures has been caused by a specific situation in 1020-ies and the general trend of the spread of tributary obligations of the population from the center to the periphery.

Rassadin S. E. *An actress of our Middle Ages unknown in Belarus*

Throughout the Belarusian historiography she is mentioned only once. Meanwhile, in the stormy 13th century this woman for some time actually ruled in the medieval Berestie (now the Belarusian Brest). Unfortunately, even her own name is not known exactly, therefore she went down in history as a “Grand Duchess Romanova”, as chronicle calls her. After the death of her husband, Roman Mstislavich, she remained with two young sons in her arms, but without a principality she was forced to go into exile. However, she managed to return first Berestie, and then all the Principality of Galicia-Volhynia. Returning it for his son Daniel of Galicia and his brother Vasylko, “Grand Duchess Romanova” retired to the monastery, retaining her political, including international, influence to an old age.

Gulevykh V. P. *Tatars in the high European policy circle at the Council of Constance*

The article is devoted to the clarification of the Tatar presence in the church council in the German city of Constance (1414–1418). It was established that they were part of not one, as previously thought, but two different missions, the Golden Horde khan’s embassies and Kyiv Metropolitan Gregory Tsamblak delegation aimed at the Cathedral by the Polish and Lithuanian rulers. The objectives of these missions had nothing in common. The Horde embassy arrived for a meeting with the Hungarian king and German Emperor Sigismund of Luxembourg for political negotiations and did not participate in ecclesiastical subject matters. Gregory Tsamblak’s delegation, arrived at the Cathedral to discuss the union between the Orthodox and the Catholic Church, the Polish King Jagiello and Vytautas the Grand Duke of Lithuania, included the Tatars in order to emphasize delegation’s representativeness; they had no independent role in it.

Popiel R. I. *Kyiv and Kyiv land in the works of four foreign authors of the 15th century*

The article presents the consideration of information about Kiev and Kiev land as part of the Grand Duchy of Lithuania in the works of foreign authors

of the 15th century. Four authors represent three geographical and cultural directions: “eastern” – Persian chronicists Nizam ad-Din Shami and Sharaf ad-Din Yazdi, “southern” – Byzantine historian Laonikos Chalkokondyles, “western” – Venetian diplomat Ambrogio Contarini. The value of this information is all the greater, given the relatively small number of written sources on the history of the Kiev land in the Grand Duchy of Lithuania from the 14th to the 15th centuries. It also compares basic information about Kiev and Kiev land in the works of foreign authors of the 15th and 16th centuries.

Varonin V. A. *Ulyana Podberezskaya, a life story*

Ulyana Podberezskaya (1480-s – 1556) was born in a wellknown princely family. Her life was very difficult and dramatic. After divorce she had to struggle for her own rights and for her children’s rights for a long time. To achieve her purpose Ulyana for several times represented her position in the royal court and corresponded with the Patriarch of Constantinople. As a result, she achieved success. In his later years princess Podberezskaya took the veil and became a hegumeness of the famous Spaso-Efvrosinyevsky monastery in Polotsk. Ulyana’s destiny is a wonderful demonstration of those, that women could play a very impressive role in a social life of Grand Duchy of Lithuania.

Hancharenka S. A. *Senatorial families of the Grand Duchy of Lithuania in 1566–1605: the composition and structure*

The paper discusses the composition and structure of senatorial families of the Grand Duchy of Lithuania in 1566–1605. The personal representative of Lithuanians in the Senate of the Polish-Lithuanian Commonwealth, as well as the matrimonial strategies of senators and their families are analyzed. The author concludes that the composition of senatorial families of the Grand Duchy of Lithuania had homogeneous nature and they were relative isolated from the middle and wealthy nobility.

Yeustratsyeyu A. I. *“We promise to go to Norway”’: details contained in a labor contract on the territorial mobility of “Rusacy” in the 17th century*

The article analyzes the labor contract of the Courland Duke Jacob with the group of “Rusacy” concluded in 1666. This document is kept in the Latvian State Historical Archive in Riga. The source is considered in the context of the history of the colonial policy of the Duchy of Courland, especially in Norway. As a result, a number of assumptions that allow us to expand our understanding of the territorial mobility of Belarusian

peasants in the early modern period are made. The original text of the analyzed contract is also shared.

Dounar A. B. *The reform of the private city and village administration in the 18th century (using Francis Sapieha estates in Western Belarus as an example)*

The article deals with three instructions of F. Sapieha for Belarusian estates dated 1794–1795: about the organization of self-government in the town Vysokoe in the Brest Voivodeship (Province), about the organization of the Qahal self-government in this town and about the establishment of rural courts in above mentioned landowner estates. Have been analyzed the functioning principles, basic norms and rules of activities introduced governance institutions. It is noted that these reforms were caused by the spread of the territory of Belarus Enlightenment ideology. The original texts of the aforementioned documents were presented.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы» объявляет о подготовке к печати одиннадцатого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п.л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Представление статьи в редакцию означает согласие на ее последующее размещение в открытом доступе в сети Интернет. Заявки на участие в сборнике и тексты материалов принимаются до 1 мая 2018 года по e-mail: a.martyniounk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 319.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более

подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т.д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением редколлегия

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 10

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *А. А. Пархомчик*

На обложке: император Сигизмунд Люксембургский на Констанцском соборе.
Миниатюра из «Хроники Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя
(к статье В. П. Гулевича «Татары в кругу высокой европейской политики на
церковном соборе в Констанце»)

Подписано в печать 11.09.2017. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,22. Уч.-изд. л. 16,28. Тираж 100 экз. Заказ 72.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.

Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.

Тел.: +375(17) 219-06-68. E-mail: a.martyniuk@mail.ru.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.